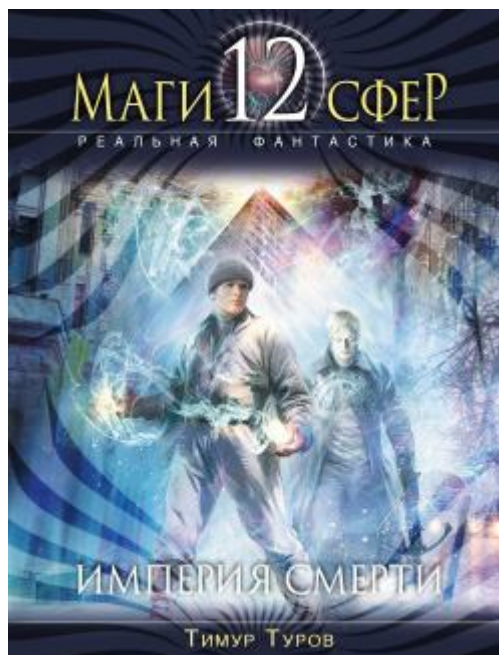

Тимур Туров Империя смерти

Маги 12 сфер – 4

Текст предоставлен издательством <http://www.litres.ru>
«Империя смерти»: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-42810-6

Аннотация

Олег Турнов, не так давно ставший адептом тайного общества «Золотая роза», становится свидетелем того, как на одном из городских кладбищ из могил поднимаются ожившие мертвецы.

«Золотую розу» обвиняют в некромантии, а также в расползающейся по Нижнему Новгороду эпидемии смертоносного «гриппа», и она оказывается под угрозой уничтожения. Бежавшему из «изоляции» Олегу предстоит действовать в одиночку, его ждет сражение с невидимым, хитрым врагом, решившим сделать из крупного российского города настоящую империю смерти...

Роман основан на реальных событиях.

Тимур Туров Империя смерти

Роман основан на реальных событиях. Имена героев и отдельные детали изменены. Любые совпадения имен и названий случайны.

Глава 1

Скорый поезд «Нижегородец» прибыл в Нижний Новгород точно по расписанию, в семь утра.

Состав с тяжким лязгом замер, открылись двери вагонов, и на платформу начали выбираться пассажиры. Зевая и пожевываясь, зашагали к выходам в город вернувшиеся из

командировок нижегородцы, приехавшие по служебным делам москвичи, а также немногочисленные граждане, выбравшие середину ноября для путешествий по личной надобности.

Поток схлынул, расхватили клиентов оборотистые таксисты, и в центральном зале Московского вокзала стало свободнее. И тут через двери, ведущие на первую платформу, прошли трое мужчин в длинных, до пола, черных плащах.

Сержанту Кадаеву, возглавлявшему наряд вокзальной милиции, показалось, что у него троится в глазах.

Трое мужчин напоминали друг друга не только одеждой и черными «дипломатами» с застёжками из светлого металла. Они были высоки, бледнокожи и настолько худы, что казались изможденными, и даже двигались одинаково – неспешно, плавно и в то же время неловко.

– Ну и гуси, – сказал сержант и покачал головой.

– Проверим? – вытянул тощую шею рядовой милиции Авдеев, пытавшийся, как обычно, избытком энтузиазма компенсировать недостаток разума.

– Ни в коем случае, – Кадаев вновь покачал головой и для убедительности предъявил здоровенный волосатый кулак. – Ты что, совсем ослеп? Эти гуси сами кого хочешь проверят, да и ошиплют.

Нюхом битого жизнью привокзального мента он уловил в троице с черными «дипломатами» нечто опасное, странное, до чего лучше не касаться, если не хочешь нажить проблем.

– Э, ну ладно, да... – Авдеев, узрев столь веский «аргумент», решил не настаивать.

Трое мужчин, провожаемые взглядами милиционеров, пересекли зал и вышли в город, на окутанную холодным туманом площадь Революции. Они проигнорировали стоянку такси, остановки наземного транспорта и спуск в метро и неспешно зашагали в сторону автостанции.

Но и там они не задержались, не сели ни в один из автобусов, идущих из Нижнего в область.

Вскоре обладатели темных плащей обнаружили на площади Ленина, рядом с памятником вождю мирового пролетариата, чуть позже – на Канавинском мосту. Что странно, мало кто из нижегородцев, ехавших в этот час через мост, обратил внимание на троих сильно похожих друг на друга мужчин, которые шагали в сторону «верхней» части города.

Нет, их замечали, но почему-то мгновенно забывали о странной компании.

Троица прошла мостом, Нижневолжской набережной и начала неспешный подъем к кремлю. За время, прошедшее с момента высадки из поезда, трое мужчин не обменялись ни единой фразой и вообще не произнесли ни одного звука.

В кремле они провели несколько часов. Серое холодное утро уже давно сменилось промозглым и тусклым днем, когда три высокие фигуры в темных плащах миновали ворота в Дмитровской башне и благополучно растворились в толпе, заполнявшей центральную площадь города.

Пешком они добрались до телевизионного центра на улице Белинского и непонятным образом проникли на его территорию. Никто из охранников или работников не заметил ничего странного, не подала голос сигнализация, а обладатели черных «дипломатов» двинулись по ведущей на телевышку лестнице.

Через пятнадцать минут они оказались немного ниже ее вершины, на небольшой круглой площадке, с которой виден весь Нижний.

Город окутывал серый туман, из низко ползущих туч то и дело начинал сеять мелкий дождь, а леденящий ветер напоминал, что до зимы осталось меньше двух недель. Но странную троицу такая погода ничуть не смущала.

Мужчины сняли плащи, и под ними обнаружили черные элегантные костюмы. Открыли «дипломаты» и принялись извлекать из них самые разные предметы: ножи,

багровые лезвия которых напоминали застывшие языки пламени, стеклянные сосуды хитрой формы, заполненные светящимся желтым песком, небольшую горелку, пачку сургуча, металлический диск диаметром более полуметра, а также нечто похожее на яйцо из хрустала.

Самый высокий из троих, с узкими глазами, повел рукой, и ветер, негромко свистевший над площадкой, стих. В неестественной тишине зазвучали слова, не принадлежавшие ни к одному из человеческих языков, шипящие и длинные, красивые и жуткие.

Второй, с шестью пальцами на левой руке, взял два красных ножа и принялся рисовать ими в воздухе. За кончиками лезвий потянулся след из темного мерцающего пламени, полетели фиолетовые искры.

Третий, узкоплечий и немного сутулый, принялся один за другим откупоривать сосуды с желтым песком. Соприкоснувшись с воздухом, тот засветился ярче, создавая впечатление, что стеклянные емкости заполнены расплавленным золотом.

Рисунок из темного огня повис в воздухе – вертикально стоящий круг, а внутри мешанина из пересекающихся линий и округлых символов, мало похожих на буквы. Вернувшийся на мгновение ветер заставил эту конструкцию колыхнуться, но не смог рассеять ее.

Ножы были отложены, трое встали в ряд, и каждый взял в руки сосуд со светящимся песком. Первый наклонил свой, и мерцающие частички заструились через изогнутое, перекрученное горлышко. Шафрановая струя устремилась в центр рисунка, и круг разорвали несколько синих вспышек.

Второй и третий сделали то же самое, и три струи слились в одну, толстую, как нога слона.

Проходя через рисунок, песок терял цвет и свечение, делался серым, поток его расширялся и уходил вверх, теряясь в тучах. А те потихоньку меняли окраску, становились все более мрачными, и волна затемнения ползла по небу от поднимающейся в центре Нижнего Новгорода телевышки.

Но изменение цвета туч было столь незначительным, что мало кто из горожан это заметил. Так же, как и сверкания на вершине вышки.

Сосуды из толстого стекла опустели, серый хвост песчаной струи растворился в облаках. Ненужные более емкости скрылись в «дипломате», в горелке запылало пламя, и потек расплавленный сургуч.

С помощью испещренного символами металлического диска громадная печать была поставлена прямо на висевший в воздухе рисунок. Она замерла, держась непонятно на чем, а затем с тихим звоном превратилась в белый пар, мгновенно истаявший в сыром воздухе.

После этого самый высокий из троих взял хрустальное «яйцо» и долго что-то шептал, касаясь его губами, точно рассказывал сказку птенцу, дремлющему в прозрачной глубине.

То же самое проделали второй и третий. Загоревшееся белым огнем «яйцо» скрылось в мешочке из темного бархата, а тот был спрятан в один из «дипломатов». Щелкнули замочки, и трое гостей Нижнего Новгорода принялись неспешно надевать плащи, не замечая дождя, что пошел к этому времени всерьез.

Когда они спустились с вышки и покинули территорию телецентра, дождь превратился в снег, причем снежинки, летевшие с низкого свинцового неба, были не белыми, а серыми, точно мышиная шкура.

Троица в темных плащах вернулась к кремлю и вновь провела там некоторое время. Повторив собственный маршрут в обратном направлении, очутилась в конце концов на Московском вокзале и покинула столицу Верхнего Поволжья на ближайшем транзитном поезде.

В этот раз трое мужчин в темных плащах не попались на глаза сержанту Кадаеву, и никто не обратил на них внимания.

Седьмое февраля, как и любой понедельник, выдался для Олега суматошным.

На работу приехал ровно в девять и как нырнул в пучину дел, так и не выныривал до

самого обеда. Неотложные звонки, бумаги, которые необходимо подписать, счета на коммуналку и отчеты по продажам за прошлую неделю, заказы поставщикам на март и новый договор аренды...

Три магазина, торгующих компьютерами и всем, что с ними связано – бизнес не особенно большой, но хлопотный.

Не успел даже кофе попить.

Только глянув на часы и обнаружив, что время подходит к двум, Олег сказал себе: «Стоп!» После чего закрыл все «окна» на рабочем столе компьютера и потянулся так, что захрустели суставы.

– Любочка! – позвал он.

В кабинет заглянула секретарша – голубоглазая и изящная, словно Барби, в сером брючном костюме:

– Да, Олег Андреевич?

– Я схожу пообедаю. – Олег поднялся из кресла. – Буду через полчаса.

– Хорошо, Олег Андреевич. – Любочка на мгновение замаялась: – Вам звонили из администрации Бугровского кладбища. Вы были заняты, и я соединять не стала...

– Ну и?

– Вчера же метель была... Они сказали, что несколько старых деревьев повалило. Повредило ограды и памятники у ряда захоронений, в том числе и у ваших...

На Бугровском кладбище были похоронены родители Олега.

Они сошли в могилу почти одновременно, с разницей в несколько месяцев, и случилось это четыре года назад, в девяносто шестом.

– Ерш твою меть... – сказал он. – Тогда обед подождет, сначала я на кладбище, и вернусь, соответственно, через час.

– Я поняла, Олег Андреевич, – и Любочка, представлявшая собой безупречный офисный механизм в облике красивой девушки, вышла из кабинета.

А Олег выругался повторно, на этот раз про себя, и открыл дверцу шкафа, на внутренней стороне которой висело зеркало. Из зеркала глянул темноглазый мужчина с правильными чертами лица, еле заметной проседью в русой шевелюре и вертикальной складкой между бровей.

Проведя пару раз расческой по волосам, Олег переобулся и накинул теплую кожаную куртку. Засунул сотовый телефон в барсетку и через приемную вышел на кругую и узкую лестницу.

Два марша вниз, и он на улице.

Офис фирмы «Комплайф», основателем и единоличным владельцем которой являлся Олег Андреевич Турнов, располагался в самом центре Нижнего Новгорода, на Черном пруду. Никакого пруда тут к настоящему моменту не было, его место занимали скверик со старыми деревьями, трамвайное кольцо и множество древних купеческих домов.

Вдохнув холодного воздуха с гниlostным сладковатым привкусом, Олег перебежал через трамвайные пути. Пиликнула сигнализация серебристой «Ауди-100», и он забрался в салон.

Через пять минут машина вывернула от обочины, а еще через двадцать Олег затормозил на улице Пушкина, рядом с главным входом на Бугровское кладбище.

Около ворот, заключенных в арку из красноватого камня, торговали букетиками и еще какой-то требухой всепогодные и морозостойкие бабушки. Над оградой торчали старые могучие липы и клены, и меж ветвей поднимались купола довольно большой церкви.

Олег купил два букета, прошел под аркой и с площадки перед церковью свернул налево, в паутину дорожек между захоронениями. Ощутил тот же гниlostный сладкий привкус в воздухе, что и на Черном пруду. Под подошвами хоть и теплых, но не особенно высоких ботинок захрустел снег.

– Вот ерунда, – пробормотал Олег, когда холодное крошево попало за голенище. – Надо было валенки захватить.

Вчера на Нижний обрушился настоящий буран, и справиться с его последствиями на кладбище еще не успели. Кое-какие дорожки поближе к главному входу расчистили, но до остальных у местных работников не дошли руки.

Но упавших деревьев или хотя бы сломанных ветвей пока видно не было...

Олег миновал могилу, украшенную настоящей глыбой черного камня, на котором золотом горело имя покойного. Свернул в узкий проход между захоронениями, чтобы срезать дорогу, и тут уловил донесшийся из-под земли раскатистый пронзительный скрип.

От него мороз пошел по коже, и неприятный холод возник в желудке.

Ветер не обрушился на кроны, ни единая снежинка не сдвинулась с места, но росшие на кладбище деревья закачались, затрясли ветвями, над могилами затанцевали, заходили туда-сюда темные вихри. У Олега закружилась голова, доносившийся из-за ограды городской шум отдалился, стал еле слышным, а сердце будто сжала ледяная лапа.

Рядом творили магию, причем магию сильную и недобрую.

Почти всю сознательную жизнь Олег прожил убежденным материалистом, в полной уверенности, что заклинания, летающие тарелки и прочая ересь – выдумки психически нездоровых людей. Но в прошлом июне он оказался в такой ситуации, что все эти убеждения разом рухнули, и Турнов вынужден был признать, что колдовство не только существует, а существует рядом с обычными людьми, на улицах современных мегаполисов.

Тогда он узнал, что мир населяют не только люди, но и представители еще одиннадцати рас, появившихся на Земле после катастрофы, которая двенадцать тысяч лет назад уничтожила их родные миры. Выяснил, что увидеть истинный облик чужаков людям мешает Пелена, научился смотреть сквозь нее и пользоваться собственными колдовскими способностями. Но при этом едва не погиб, чуть не сел в тюрьму по обвинению в двойном убийстве и потерял одного из лучших друзей.

Боль от потери не прошла до сих пор...

Тогда для самого Олега все закончилось благополучно. Враг, угрожавший не только ему, а целому городу, оказался повержен, синяки, ожоги и порезы поджили, а Турнов стал членом магического ордена «Золотая роза», одного из сильнейших в Нижнем Новгороде. Сделался частью того мира, что существует рядом с обыденным, но так же недоступен взглядам обычных людей, как дно океана.

– Что тут творится? – пробормотал Олег, включая магическое зрение.

Кладбище преобразилось.

Он увидел полупрозрачные, слабо мерцавшие коконы вокруг стволов – ауры погруженных в зимнюю спячку деревьев. Разглядел, что ближайший темный вихрь более похож на воронку, острием воткнутую в одну из могил, и что он пульсирует, то увеличиваясь, то уменьшаясь, и при этом постепенно наливается багрянцем.

Но понять, что это означает, Олег не успел.

Вихрь стал красным и большим, точно брюхо насытившегося комара, и стоявший на могиле крест с табличкой зашатался. Покосился набок, зашевелилось нечто под снегом, возникла ямка, и из нее высунулась рука – желтоватые, с темными лохмотьями гнилой плоти фаланги пальцев, длинные, черные от набившейся под них земли ногти.

Это настолько напоминало кадр из фильма ужасов, что Олегу на миг показалось, что он в кинозале. Страха он не испытал, лишь удивление и чувство того, что происходящее вокруг – нереально.

Вслед за первой рукой появилась вторая, крест вовсе упал, с лязгом ударившись об ограду, и из снега выдвинулся серый череп, облепленный клочьями седых волос. В залитых тьмой глазницах загорелись алые огни, а сточенные гнилые зубы громко клацнули.

Покойник неспешно, но уверенно вылезал из могилы.

Олег отступил на шаг, понял, что вспотел, несмотря на промозглый холод, а сердце бьется, как бешеное.

Да, он был магом, но развивал способности всего полгода и особым умением или опытом похвастаться не мог. Кроме того, некромантия относилась к самым сложным

областям магии, специалистами в ней считались вовсе не люди, а представители малочисленного и скрытного народа слаш.

В июне Олегу довелось быть свидетелем «подъема» мертвеца, но тогда «подъем» случился после долгого ритуала и соответствующей подготовки.

Сейчас все происходило иначе...

Покойник выбрался из могилы, стали видны грязные изодранные остатки одежды, в которой его похоронили. Темно-пурпурный вихрь перестал пульсировать, сжался вокруг мертвеца, а затем исчез, но зато вокруг ходячего трупа появилось тусклое багровое мерцание.

Подобие ауры, той оболочки, что есть у любого живого существа.

Олег отступил еще на шаг и огляделся.

Надгробия шатались везде, где над могилами виднелись пульсирующие темные вихри. Земля вспучивалась, выпуская из своего чрева тех, кто сошел туда, как казалось, навечно.

Царапающий душу скрип плыл над кладбищем.

– Вот повезло, а? – пробормотал Олег, раздумывая, что ему делать.

Самый простой и очевидный выход – послушаться голоса разума и удрать. Понятно, что его знаний и умений не хватит даже на то, чтобы разобраться, что происходит, не говоря о том, чтобы встать на пути непонятно кем или чем поднятых мертвецов.

Но вырванные из вечного сна покойники наверняка двинутся прочь от раскопанных могил. И если их быстро не остановить, то они создадут немалые проблемы как для обычных людей, населяющих окрестности кладбища, так и для магов, обитающих в Нижнем Новгороде и заинтересованных в том, чтобы их существование оставалось тайной для большинства.

И так уж вышло, что ликвидировать угрозу в зародыше может только он, Олег Турнов, так вовремя оказавшийся на кладбище.

– Ну, ладно, сейчас я тебе... – пробурчал он.

«Не отступать и не сдаваться» – этому принципу Олег следовал с детских лет и никогда об этом не жалел.

Букеты, предназначенные для могил родителей, он аккуратно положил на снег. Вскинул руки и прибег к одному из несложных боевых заклинаний – «огням Архангела Михаила». Теплая волна пробежала от плеч к кистям, с ладоней сорвалось несколько шариков белесого огня.

Два ударили поднявшийся ближайший труп в глаза, остальные вонзились ему в распахнутый рот.

Покойник шатнулся, внутри у него глухо зарокотало, меж зубов полыхнуло оранжевое пламя. Но в следующий момент оно погасло, мертвец сделал первый неуверенный шаг.

Все ясно, огня он не боится, боли не чувствует... И что с ним делать?

Разорвать связь между гнилой оболочкой и тем подобием тела Силы, что дает ему возможность двигаться? Да, это наверняка поможет, вот только непонятно, как это сделать и какое заклинание тут подойдет.

Мертвец шагнул еще раз и подошел вплотную к оградке.

Понимая, что времени на размышления нет, Олег собрался и просто ударил всей имевшейся у него силой, надеясь добиться успеха грубым напором. Навалилась слабость, в глазах потемнело, руки и ноги похолодели, в ушах зарокотало, а на краю зрения засверкали голубые и белые вспышки.

Покойника отбросило, темно-красная мерцающая оболочка вокруг него разлетелась на куски, словно чашка, по которой врезали молотком. Алые огоньки в черных глазницах погасли, но тут же вспыхнули заново, а вокруг мертвого тела опять засияла аура.

– Вот ничего себе... – сказал Олег, глядя, как его противник вновь идет к оградке, на этот раз куда быстрее, и начинает перелезать через нее.

Не успел даже обратиться к источнику, чтобы восстановить силы, как ходячий труп оказался рядом. Протянул ручищи-грабли, норовя схватить человека за шею. Олег легко

увернулся и от души врезал покойнику в челюсть.

Череп дернулся и загромыхал, но развалиться и не подумал, кляцнули шейные позвонки. Турнов зашипел от боли и затряс ушибленной конечностью, на ободренных костяшках выступила кровь.

Саданул покойнику по ребрам и едва не вывихнул запястье, точно угодил по бетонной стене. Вновь вывернулся из «нежных» объятий мертвеца, причем тот цапнул когтями за рукав куртки.

Затрещала прочная кожа, отлетела прочь оторванная пуговица.

Олег отступил на несколько шагов, труп заковылял за ним, скалясь и покачивая черепом. Со стороны церкви донесся грохот рухнувшего надгробия, неподалеку от ограды кладбища появилась медленно бредущая фигура в саване, с длинными, чуть ли не по пояс волосами.

Олег отбежал от преследователя подальше и полез в барсетку за сотовым.

Принципы – штука хорошая, но с этой ситуацией ему в одиночку никак не справиться, а значит – нужно обратиться к более знающим и сильным соратникам по «Золотой розе».

Аристарх Сергеевич, отставной капитан войск ПВО и маг второго ряда, отозвался мгновенно:

– Да. Слушаю тебя.

– День добрый, у меня тут некоторые проблемы. – Олег отступил еще, пользуясь тем, что преследователь уступает ему в скорости. – Я на Бугровском кладбище, и за мной гонится труп...

Что удивительно, Аристарх Сергеевич не стал ничего уточнять, переспрашивать, даже ни разу не произнес свое любимое «интересненько». Он словно ждал этого звонка и заговорил сухо, по-деловому:

– Попытайся выбраться с кладбища как можно быстрее. В схватку с поднятыми мертвецами не вступай. Мы подъедем к главному входу через пятнадцать-двадцать минут. Все ясно?

– Да, – Олег разорвал соединение.

Труп двигался следом, как привязанный, и хотя настичь не мог, останавливаться не собирался. Его собратья, а их было не меньше дюжины, бесцельно бродили около собственных могил, иные даже не выбирались за пределы оградок. Короткий зимний день неспешно угасал, набирали силу сумерки, и сладковатая вонь разложения становилась все мощнее.

Уголок кладбища, где происходило это безобразие, оставался безлюдным.

Олег убрал телефон в барсетку, повернулся и обнаружил, что путь к отступлению отрезан. Глыба черного камня с золотыми буквами, мимо которой он недавно проходил, рухнула, и из-под нее выбрался некто скрюченный, маленький, с непропорционально длинными руками.

Мгновение замешательства, и Олегу вновь пришлось выворачиваться из цепких лап первого мертвеца.

Турнов пнул его по коленке и, не обращая внимания на боль в ушибленных пальцах, перемахнул через оградку ближайшей могилы. Затем еще раз проделал то же самое с другой стороны и торопливо зашагал по дорожке к главной аллее, чтобы по ней выбраться к церкви и к выходу с кладбища.

Покойник двинулся следом, неловко полез через забор из металлических прутьев.

Магия вернула ему подобие жизни, но вернуть подвижность и гибкость суставов не смогла.

До главной аллеи Олег добрался без проблем и тут обнаружил, что ему навстречу шагают шестеро крепких мужчин. В первый момент удивился – неужели они не видят ходячих мертвецов? – но затем пригляделся и понял, что у чужаков имеются выдающиеся клыки и необычайно густые волосы, какие нечасто встретишь у человека.

На Бугровское кладбище явились хозяева.

Нижний Новгород, как и любой крупный город, поделен между кланами магов, людей и нелюдей. Поделены даже не дома и земля, а источники, называемые также колодцами – элементы энергетического тела Земли, позволяющие чародеям «подзаряжаться», восполнять потери растроченной на заклинания силы.

Два источника, расположенных в районе улиц Артельной и Тимирязева, принадлежали группе магов из народа маах'керу. Прилегающие территории также считались их доменом, и, начав колдовать на кладбище, Олег, честно говоря, повел себя некорректно по отношению к его хозяевам.

Вот только прибыли они как-то слишком быстро...

– Их еще не хватало, – сказал он, разглядывая маах'керу, за умение менять облик прозванных оборотнями.

– Эй, ты, человек! – рявкнул старший из них, с начавшими сесть черными волосами и красным, словно обожженным лицом. – Мы поймали тебя на месте преступления, и лучше не сопротивляйся!

– Какое преступление? – спросил Олег, начиная злиться. – Вы что, ослепли? Мертвяки по кладбищу шастают, их надо обратно загонять! Я тут случайно оказался!

– Не заговаривай нам зубы! – Старший оскалился, и его молодые спутники дружно зарычали, обнажив острые белые клыки. – Ты поднял их из могил, а теперь пытаешься выгородить себя? Взять его!

Трое молодых маах'керу мягким шагом двинулись вперед, еще двое остались рядом с предводителем.

– Вы рехнулись?! – воскликнул Олег, оглядываясь и прикидывая шансы.

Разбираться, похоже, явился сам Милинович, глава клана, и пятеро его учеников. Справиться с ними при помощи магии не в силах Олега, да и в обычной драке оборотни – сильные соперники. Убежать от них сможет разве что действующий мастер спорта по легкой атлетике, да и бежать некуда – за спиной ходячие покойники.

Что остается? Тянуть время, ждать, когда на кладбище появится Аристарх Сергеевич...

– Послушайте! Это недоразумение! – сказал Олег спокойно и твердо, выставя перед собой раскрытые ладони. – Вы должны были слышать обо мне! Я из «Золотой розы», и прозвище мое – Рыцарь!

Прозвище он получил от соратников-магов за абсолютное неумение лгать.

Проявилось это свойство характера с самого детства и стало причиной множества неприятностей, в том числе таких крупных, как развод с женой. Ложь – важный и нужный инструмент для человека, живущего среди других людей, и Олег немало страдал из-за того, что не может им пользоваться.

Где-то в возрасте десяти-двенадцати лет, осознав эту истину, он несколько раз пытался соврать и всякий раз немел, будучи не в силах произнести ни слова. Язык костенел, мысли путались, лицо заливало краской, а сердце начинало отчаянно колотиться.

Пришлось оставить эти попытки...

Еще Олег прекрасно чувствовал фальшь в чужих словах, в поведении и даже, как выяснилось прошлым летом, в заклинаниях.

– Рыцарь «Золотой розы»? – молодой оборотень, ближе других подошедший к человеку, остановился и оглянулся на старшего.

– Не верю я тебе! – помотал головой старший. – Да, я слышал о таком, но как докажешь, что ты – он?

– Я могу...

– Ничего ты не можешь! – прервал старший маах'керу. – Взять его!

Трое оборотней кинулись на человека, и тот, что спрашивал, оказался впереди всех. Олег качнулся в сторону, уходя с линии атаки, присел и толкнул его в бок, отбрасывая на соплеменников.

– Послушайте! – сказал он, изо всех сил борясь с желанием ринуться в драку, пустить в ход кулаки. – Повторяю, я здесь ни при чем! Чем тратить силы зря, лучше бы занялись

мертвяками!

Совсем недалеко, судя по звуку, шаркал по дорожке так и не бросивший погони покойник.

– Мы сами решаем, что нам делать! – Старший совершенно по-звериному клацнул зубами. – Мы...

– Вы очень тихо отойдете в сторону и позволите нам забрать этого молодого человека! – Новый голос, прозвучавший из-за спин маах'керу, Олег недавно слышал в телефонной трубке.

Аристарх Сергеевич был в темно-зеленом пуховике и сине-белой лыжной шапочке. Руки он прятал в карманах. Невысокий и не особенно широкоплечий, он не выглядел опасным, но зато двое стоявших рядом с ним молодых парней держали пистолеты.

– Вы что... – В рычании старшего удивление смешалось со злостью. – Это же война!

– Пока нет, – сказал Аристарх Сергеевич очень спокойно. – Этот молодой человек не причастен к тому, что творится в ваших владениях, это я заявляю как маг второго ряда «Золотой розы». К колдовству он прибег вынужденно, защищаясь, и другого выхода у него не было.

– Ну, если так... – неохотно пробурчал старший, осознавший, похоже, что баланс сил несколько изменился. – Хотя верится, конечно, с трудом... и мне кажется, что «Золотая роза» ведет себя недружественно.

Аристарх Сергеевич кивнул:

– Возможно. Так что, мы забираем его?

– Забирайте. Но мы этого так не оставим. – Старший оборотень махнул рукой, и его молодые соплеменники неохотно освободили дорогу.

Олег вздохнул, расправил плечи и, стараясь не глядеть по сторонам, зашагал к своим. Заметил несколько неприязненных взглядов, краем уха уловил негромкую команду и невольно напрягся, ожидая удара в спину или иной подлости. Позади сверкнуло, он увидел собственную тень на белом снегу и услышал сухой стук, какой издают упавшие на асфальт кости.

Маах'керу переключили внимание на ретивых покойников.

– Пошли, – сказал Аристарх Сергеевич. – Здешние хозяева нашли себе развлечение, но лучше не мозолить им глаза. Да, очень неудачно, что ты очутился здесь именно в этот момент.

Олег пожал ему руку, кивнул молодым людям с пистолетами, сотрудникам охранного агентства «Аргус», фактически принадлежавшего «Золотой розе». Они кивнули в ответ, пропустили Олега и Аристарха Сергеевича мимо и пошли следом.

Не все в «Аргусе» являлись магами, но бойцов туда отбирали тщательно и учили жестко. Отбирали тех, кто был способен нормально воспринять тот факт, что мир не таков, каким его видят обычные люди, что магия – реальность и что в крупных городах достаточно жителей, не принадлежащих к человеческой расе. Учили не бояться чужаков, не страшиться колдовства, натаскивали противостоять ему, пользоваться любым оружием, и людским, и нелюдским.

Сотрудники «Аргуса», не обладающие чародейскими способностями, носили амулеты, позволявшие видеть сквозь Пелену.

– В неприятную историю ты попал, – сказал отставной капитан. – Сейчас поедem ко мне.

– Но у меня работа...

Олег глянул на часы – половина того часа, на который он «отпросился» у Любочки, прошла.

– О ней придется забыть. Ситуация настолько серьезна, что ты и представить себе не можешь. – Аристарх Сергеевич зябко передернул плечами, словно февральский холод забрался к нему под пуховик.

Они прошли мимо церкви, миновали арку. Олег обнаружил, что рядом с его «Ауди»

пристроилась потрепанная синяя «шестерка», принадлежащая отставному капитану.

Аристарх Сергеевич повернулся к парням из «Аргуса»:

– Спасибо за помощь. Дальше мы сами. Ты, – он глянул на Олега и улыбнулся чуть насмешливо, – знаешь, куда ехать, так что постарайся не отстать.

Поездка заняла немного времени и окончилась около старинного кирпичного дома на Ошарской улице. Выбравшись из машин, двое магов поднялись на второй этаж и вошли в просторную прихожую.

– Иди на кухню, ставь чайник, – сказал Аристарх Сергеевич. – Я сейчас позвоню Ярославу, сообщу, чем все закончилось.

Ярослав, маг первого ряда, возглавлял «Золотую розу».

– Ладно.

Олег повесил куртку на вешалку, снял ботинки и прошлепал на крохотную кухоньку, где размещался стол со стульями, тумбочка с телевизором на ней и котел АГВ.

В квартире Аристарха Сергеевича он ориентировался хорошо с того самого дня, как прятался тут от магов тайной экстремистской организации «Черное солнце». Пока наливал воды в чайник, ставил его на плиту, разыскивал в навесном шкафчике гостевую кружку, черную, с серебристым барашком на боку, слышал, как в прихожей хозяин разговаривает по телефону.

Разговор оказался недолгим, и Аристарх Сергеевич прошел на кухню.

– Да, интересненько, – сказал он, усаживаясь. – Банка с кофе вон там, на верхней полке.

Чайник вскипел, на столе появилась ваза с конфетами «Белочка».

– Теперь перейдем к делу. – Аристарх Сергеевич задумчиво почесал в затылке. – После Нового года в городе начали твориться странные вещи. Во-первых, эпидемия гриппа...

Олег кивнул – про эту эпидемию ежедневно рассказывали по телевизору. Седобородые светила медицины с умным видом рассуждали о новой мутации вируса; чиновники рапортовали о закрытых школах и подвозе лекарств; шли слухи о том, что начнут бесплатно раздавать марлевые повязки. Число заболевших было очень велико.

В фирме самого Турнова несколько сотрудников находились на больничном, в том числе и главбух.

– На самом деле грипп имеет место, – Аристарх Сергеевич отхлебнул кофе, – но дело не только в нем. Большинство заболевших стали жертвами сильнейшего энергетического истощения. Вообще, это вещь обычная, время от времени может случиться с любым, особенно с магом. Странно то, что истощение одновременно постигло тысячи жителей Нижнего. Что могло вызвать такой эффект – совершенно непонятно.

Во-вторых, сегодняшний инцидент – не первый. Поднявшийся мертвец, правда, всего один, был обнаружен на кладбище «Марьяна Роца» восьмого января. Затем произошло еще семь подобных случаев, и самый масштабный – неделю назад на кладбище в Аэродромном поселке.

– Ничего себе... – об этих фактах Олег слышал впервые.

– И даже хуже, чем ничего себе. По всем признакам мы имеем дело с некромантией, причем с некромантией высокого класса, а значит, тут, скорее всего, не обошлось без черной сферы, без слаш.

Обитатели мира магов, скрытого от непосвященных с помощью окутывающей всю Землю Пелены, по происхождению делились на двенадцать сфер. Каждая из них имела свой цвет. Например, люди – «коричневые», оборотни – «фиолетовые», а слаш, костлявые и нелюдимые существа, – «черные».

– Сам знаешь, что общаться с ними исключительно тяжело, – продолжил Аристарх Сергеевич, – но несколько попыток выяснить, что же происходит, были предприняты. И ни одна, насколько мне известно, не закончилась успешно. Слаш не пожелаю разговаривать. Меж тем нам, «Золотой розе», вся эта ситуация может выйти боком, поскольку, в-третьих, – он сделал паузу, – сегодня наш маг не первый раз оказывается на кладбище в тот момент, когда там начался массовый «подъем» мертвецов.

Неделю назад Федор в Аэродромном поселке (Олег вспомнил усатого лысого мага второго ряда) оказался в такой же ситуации, как и ты сегодня. Тогда ему поверили на слово, что он ни при чем. Сегодня тебе, как ты сам видел – нет. Похоже, кто-то копает под нас...

– Так что, меня подставили?

Все встало на свои места: никаких деревьев вчерашняя метель не валила, и звонок из администрации кладбища был фальшивым; Олег приехал, чтобы посмотреть на могилы родителей; неведомый интриган спровоцировал «подъем» мертвецов и одновременно дал маах'керу знать, что творится в их владениях.

И те примчались, чтобы схватить виновника и разобраться с ним на месте.

– Да, именно так, – Аристарх Сергеевич улыбнулся, на этот раз – озабоченно. – Причем сделал это кто-то, обладающий немалыми возможностями в том, что касается поиска информации. Два случая за неделю, и в обоих замешана «Золотая роза». По городу поползут слухи, а ты сам знаешь, какое это страшное оружие. Если все остальные решат, что виновны в происходящем мы...

Перспектива вырисовывалась невеселая.

Бродящие по кладбищам мертвецы угрожали сохранению тайны мира «за Пеленой», а значит – всем, кто безбедно жил и процветал лишь благодаря этой тайне. Чтобы ликвидировать источник опасности, объединятся враждующие обычно кланы, и «Золотая роза» не выдержит противостояния со всеми сразу.

– Ерш твою меть, – сказал Олег. – Чего делать?

– Нужно как можно быстрее разобраться в ситуации, выяснить, что творится на самом деле, и донести эту информацию до всех. Членов «Золотой розы» вплоть до третьего ряда мы не посвящаем в то, что происходит, дабы не вызвать паники. Но тебе вот пришлось рассказать, – Аристарх Сергеевич развел руками. – Ты пей кофе, а то остынет...

– Надо на работу позвонить, – Олег потянулся к барсетке. – Сообщить, что задержался.

Любочка, услышав от шефа, что его еще некоторое время не будет, сказала: «Хорошо, Олег Андреевич», – но сделала это так, что стало ясно – она недовольна его отсутствием.

– Ярослав сейчас перезвонит, – сказал Аристарх Сергеевич, когда Турнов убрал трубку. – Скажет, что дальше делать.

Они успели прикончить по две кружки крепкого кофе, когда сотовый хозяина квартиры разразился громкой трелью.

– Да, я... – отставной капитан стал очень серьезным, и Олег понял, что на связь вышел глава «Золотой розы». – Вот как? Очень неудачно... Прямо сегодня? Ладно, мы попробуем. Диктуй адрес.

Он взял блокнот и ручку, что-то записал, после чего сказал: «Счастливо» – и убрал трубку от уха.

– Ну что? – спросил Олег.

– Клан Милиновича, которому ты отдал хвост, настроен очень враждебно, и в первую очередь по отношению к тебе. Они не упустят случая устроить какую-нибудь пакость, и лучше на какое-то время убрать тебя с глаз долой. Поэтому сейчас мы с тобой отправимся на вокзал – брать билеты в Москву.

– В Москву? – удивился Олег. – Но есть десятки более приятных мест, чем наша столица.

Покидать Нижний, оставлять без присмотра бизнес не хотелось, но он понимал, что если Ярослав отдал такой приказ, то для этого имеются серьезные причины. Глава «Золотой розы» не был паникером и ничего не делал просто так, под влиянием только эмоций.

– Несомненно, – Аристарх Сергеевич ехидно улыбнулся. – Но в Москве мы будем не только прятать тебя от мести разозленных оборотней, мы еще посетим одного человека. Зовут его Сергей Нежданов, и он считается лучшим специалистом по обитателям черной сферы и по их магии. По крайней мере, за исключением самих слаш.

– А, вот как... – Олег несколько раз сжал и разжал кулаки. – Паспорт у меня с собой, деньги есть... Можно ехать.

– Тогда не будем терять времени. – Аристарх Сергеевич поднялся.

Они вышли из дома в сиреневые зимние сумерки и начавшийся снегопад. Олег запустил мотор, через несколько минут включил обогреватель, чтобы изгнать из салона промозглый холод. Не успел положить руки на руль, как телефон в барсетке запиликал.

На экранчике извлеченного на свет божий аппарата высветилось имя «Лена».

– Привет, – сказал Олег, прижав трубку к уху.

– Привет, дружок, – отозвалась Лена, и по голосу стало ясно, что она не в духе.

Они познакомились все в том же богатом на события июне, и через месяц она переехала к Олегу. Но идиллия продлилась недолго, до начала осени. Выяснилось, что жить с мужчиной, который не только сам не способен обманывать, а еще и чует вранье лучше, чем собака – мясо, сложно даже для женщины, владеющей магией.

Нельзя сказать, что они часто ссорились или совсем не понимали друг друга. Просто с каждым месяцем из отношений уходили те легкость и открытость, что были в них летом.

Олег видел, что Лена переживает, нервничал сам, но что делать – не знал.

– Куда ты пропал? – спросила она. – Я звоню на работу, а мне говорят, что тебя нет.

– Тут такое случилось, по телефону не расскажешь, – проговорил Олег, покосившись на отставного капитана. – Мы с Аристархом Сергеевичем сейчас поедem на вокзал, а вечером я отбываю в Москву.

– В Москву? И меня не предупредил? – Слова в речи Лены начали сливаться, и это означало, что она по-настоящему рассержена.

О том, что заставило ее злиться, Олег мог только догадываться. Его подруга была сильным магом, была художником, причем вовсе не от слова «худо». А еще она являлась натурой эмоциональной, и время от времени ее переживания, связанные с работой, превращались в настоящие бури.

– Я сам не знал, что поеду туда, еще пятнадцать минут назад.

– Да? Так я тебе и поверила! Приедешь – поговорим! – И, даже не попрощавшись, Лена оборвала связь.

Олег убрал сотовый обратно в барсетку.

– А я как раз хотел спросить, как у вас с Еленой дела, – сказал Аристарх Сергеевич. – Но вижу, что делать этого не стоит.

– Да уж, не стоит. Особого смысла в этом нет, – Олег криво ухмыльнулся и надавил на педаль газа.

Глава 2

Универмаг «Центральный» действительно находится в центральной части Нижнего Новгорода, на площади Революции, напротив Московского вокзала. Но внутри двух связанных между собой корпусов на самом деле расположен не один магазин, а многие десятки небольших, независимых друг от друга торговых точек. Продают тут все подряд – одежду, люстры и ковры, спортивные товары и бытовую химию, косметику и мебель.

Народу здесь полно в любой день недели, а не только по выходным.

Поэтому на невысокого мужичка, вошедшего в универмаг через одну из боковых дверей, никто не обратил внимания. Охранник скользнул по нему взглядом, отметил неряшливую, но вовсе не бедную одежду посетителя, его худобу, глубоко посаженные темные глаза.

В следующий момент охраннику, здоровенному детине, прошедшему Чечню и не боявшемуся ничего на свете, кроме тещи, стало очень страшно. Руки затряслись, на лбу выступил холодный пот, навалилось желание как можно быстрее оказаться подальше от этого жуткого места...

Темноглазый мужичок прошел к лестнице на второй этаж, и паника исчезла, растворилась без следа. Охранник нервно затоптался на месте, озираясь и пытаясь понять, что это такое было.

Темноглазый миновал дверь, зашагал мимо торговых павильонов, и волна ужаса покатила за ним. Схватился за сердце благообразный старичок у прилавка с ремнями. Примерявшая туфли солидная дама издала полузадушенный стон, а стоявшая рядом с ней продавщица выронила картонную коробку.

Темноглазый ничего этого не замечал, он вообще не смотрел по сторонам, просто шел, глядя перед собой.

А потом остановился, точно уперся в невидимую преграду.

Через минуту на него наткнулись двое вывернувших из бокового прохода бритоголовых юнцов.

– Эй, дядя, ты чё тут встал? – прогнусавил один. – А ну, дорогу дай...

Голос его, сначала наглый и уверенный, под конец не таких длинных фраз превратился в сипение. Второй юнец, смачно, с чавканьем жевавший жвачку, побледнел, и парочка дружно, точно по команде, рванула обратно в проход.

Прозвучал и стих топот тяжелых ботинок.

Темноглазый мужичок покачнулся и пошел дальше, медленно, будто нехотя, с трудом переставляя негнувшиеся ноги. Сил у него хватило на то, чтобы дойти до широкого прохода, ведущего к главной лестнице. Тут он остановился повторно, издал булькающий горловой звук и упал.

С опаской наблюдавшая за странным мужчиной продавщица Клава из павильона женского белья немедленно взвизгнула.

– Ой, какой ужас! – застрекотала она. – Человеку плохо! Немедленно вызовите «Скорую»!

Клава считала себя женщиной жалостливой и заботливой, и в силу недостаточной глубины ума мало задумывалась над тем, что ее сострадание порой создавало больше проблем, чем холодное равнодушие.

Поднялся шум, начали выглядывать продавщицы из соседних павильонов. Прибежала администраторша, подтянулись любопытные покупатели, и вокруг упавшего собралась небольшая толпа.

– А что с ним такое-то? – спросила администраторша, дебелая женщина лет сорока с волосами цвета перекиси водорода. – Припадок какой? Чего «Скорой» говорить-то, чтобы они быстрее приехали?

Ее больше всего заботило, как бы не вышло каких неприятностей от начальства.

– Эпилепсия, – уверенно заявил потрепанный дядька из тех, которые всегда все знают и во всем разбираются.

Лежавший на полу мужчина вздрогнул, на мгновение открыл совершенно черные глаза, и толпу охватил страх. Все сделали шаг назад, продавщица Клава пискнула, а потрепанный дядька неожиданно громко икнул.

– Все... прочь... все... – прохрипел лежавший на полу, но тут глаза его закатились, изо рта и из носа полезла желтоватая пена.

– Чего это он бормочет-то? – спросила оправившаяся от ужаса администраторша.

– Бредит, – определил потрепанный дядька. – «Скорую» вызывайте, пусть увозят добра молодца.

Он опустился на корточки рядом с темноглазым, с любопытством заглянул ему в лицо.

Администраторша протолкалась сквозь толпу и утопала в сторону своего кабинета. Сама толпа начала понемногу редеть – продавцы, убедившись, что ничего особенно интересного не происходит, возвращались к прилавкам, покупатели вспоминали, что они явились сюда вовсе не за зрелищами.

Когда рядом с лежавшим на полу мужичком осталось несколько человек, он неожиданно ожил. Не открывая глаз, резко сел, ухватил потрепанного дядьку за руку, и тот почувствовал в длинных тонких пальцах мужичка неожиданную силу.

– Ой, встает! – воскликнула продавщица Клава.

– Ты чего? – спросил потрепанный.

Темноглазый и не подумал отвечать. Он наклонился, притянул потрепанного дядьку к себе и зубами вцепился ему в ладонь, прокусив кожу до крови. Пострадавший взвыл, постарался вырваться, но не смог. Только что лежавший пластом мужичок повис на нем, точно клещ на собаке.

– Сука... придурак долбаный... – захрипел потрепанный, с удивлением ощущая, как боль в ране стихает, и ей на смену приходит ощущение холодного мерзкого прикосновения. – Отпусти!

Темноглазый обмяк, будто у него закончились силы. Мешком свалился на пол и скорчился – неподвижный, бледный, с кровью на губах. Потрепанный дядька затряс рукой, на которой остались отпечатки зубов, а между ними – непонятно чем нанесенная ранка, глубокая и круглая, похожая на воронку.

На миг пострадавшему показалось, что в ней что-то шевелится – червячок цвета сырого мяса или даже лохматая гусеница размером с опарыша. Но в следующий момент ранка заполнилась кровью, и мелкая тварь, если она была на самом деле, пропала из виду.

– Ой, что с вами? Вам больно? – продавщица Клава обнаружила новый объект для проявления жалости.

– Ничего, и не такое терпели... – сказал потрепанный, чувствуя легкое головокружение. На самом деле боли почти не было, но какой мужчина упустит случай выставить себя героем? – Но надо же, каков молодец? Совсем с нарезки съехал, похоже. А все эта зима проклятая, я такой гнусной и не припомню. Тут и у здорового крыша поедет, не то что у больного.

Январь и февраль на самом деле выдались бессолнечными, не особо холодными, но сырыми. Небо над городом еще с ноября затянула пелена облаков, время от времени порождавшая мокрый снег, туман над Окой и Волгой висел постоянно, и даже небольшой мороз переносился с трудом.

– Да, погода ужасная! – подхватила Клава вечную тему. – Вчера – первый нормальный снегопад с декабря. У нас во дворе, вы знаете, сломало старое дерево. Я вот помню...

Грозивший стать бесконечным рассказ прервало возвращение администраторши.

– Сейчас будут, – сообщила она и заметила покусанную руку. – Что это с вами?

– Ерунда, – бодро ответил потрепанный дядька. – Он меня покусал. Врачам покажу на всякий случай.

«Скорая», что удивительно, и в самом деле приехала быстро. Не прошло и пяти минут, как на главной лестнице показался врач, полный, в очках и с бородкой, а за ним – медсестра, тощая брюнетка баскетбольного роста.

– Проходите, вот он... – затараторила администраторша. – Упал, потом пена изо рта у него шла, и еще мужчину укусил! Заберите его быстрее, пока он тут бациллами все не засыпал!

– Разберемся, – ответил врач и принялся за дело.

Лежавший без сознания темноглазый мужичок подвергся короткому осмотру, после чего доктор велел принести носилки. Пока ходили за ними и призывали на помощь двух охранников, врач обработал ранку на руке потрепанного дядьки и велел ему как можно быстрее привиться от бешенства.

«На всякий случай, – сказал он. – А то если заболеешь, поздно будет».

Носилки доставили, темноглазого осторожно уложили на них и понесли вниз по главной лестнице. Медсестра и врач утопали следом, и теперь уже все продавцы вернулись за прилавки.

Там, где только что царили гам и возбуждение, стало тихо и чуть ли не пусто.

Темноглазого мужичка без приключений донесли до белого микроавтобуса с красным крестом на боку. Загрузили внутрь, с клацаньем захлопнулась дверца. «Скорая» выехала на трассу и начала набирать скорость.

– Что с ним такое, Вадим Степанович? – спросила медсестра, глядя на укрытого простыней больного.

Он лежал неподвижно и, казалось, даже не дышал.

– Не совсем понятно, – отозвался врач. – Сердце бьется редко, температура низкая...

В этот момент больной сел, распахнул глаза.

– Вам нельзя двигаться, нельзя... нет... – врач осознал, что он не в силах говорить от дикого, непереносимого ужаса.

Медсестра прижалась к стенке машины, взгляд ее сделался безумным. Из кабины донеслась приглушенная брань водителя, «Скорая» завияла.

Темноглазый мужичок поднялся, сбросил с себя простыню, одним движением открыл дверцу и выскочил наружу. Врач увидел, как он упал, перекатился, взметнулся на ноги как ни в чем не бывало и побежал к обочине, не обращая внимания на раздраженные гудки.

Страх исчез, вернулась способность дышать и говорить.

– О, Вадим Степанович... это как? – пролепетала медсестра.

– Не знаю, что и сказать, – ответил врач, совершенно автоматически задвигая дверцу. – Двадцать пять лет на «Скорой», а такого не видел...

Когда Олег на такси приехал к Московскому вокзалу, время подходило к одиннадцати вечера. Он выбрался из машины, прихватил из багажника спортивную сумку и пошел к дверям вокзала, оскальзываясь на обледеневшем асфальте, покрытом выпавшим только сегодня снегом. В памяти всплыли строки песни группы «Кино»: «Белый снег, серый лед на растрескавшейся земле. Одеялом лоскутным на ней город в дорожной петле...»

Аристарх Сергеевич ждал, как они и договаривались, в главном зале, под громадной люстрой.

– Вот и ты, – сказал он. – Чего такой мрачный?

– Вы точно хотите это знать? – спросил Олег. – А то ведь я все расскажу.

С работы он приехал сегодня в семь, и два часа заняло объяснение с Леной. Она заявила, что устала от его «чертовой правдивости» и собирается немедленно вернуться к родителям. Олег уговорил ее подождать и подумать хотя бы то время, что он будет в Москве.

– Действительно, я и забыл, – Аристарх Сергеевич виновато улыбнулся. – Извини.

Когда объявили посадку, они взяли вещи и зашагали к выходу на платформу. Дошли до своего вагона, тут проводница, высокая и румяная, в синем форменном пальто, проверила билеты, заглянула в паспорта и сказала:

– Проходите.

В вагоне было тепло, пахло свежим бельем и горячим кофе. Олег повесил куртку на вешалку, убрал сумку под свою нижнюю полку и уселся напротив Аристарха Сергеевича.

– Похоже, будем только вдвоем, – сказал тот, когда поезд тронулся и вокзал начал медленно уползать назад, в сырую тьму.

– Наверно, – безучастно сказал Олег.

Ему, откровенно говоря, в этот момент было все равно, сколько вокруг народу. Он согласился бы не то что на плацкартный, а и на общий вагон.

– Нет, так не годится! – отставной капитан нахмурился. – Мне нужен адекватный, бодрый спутник, на которого в случае чего можно положиться, а не придавленный депрессией обломок человека. Нужно как-то тебя отвлечь. Например, ты знаешь, откуда взялось выражение «дать на лапу», то есть всучить взятку?

– Нет, не знаю.

– Тогда слушай! – провозгласил Аристарх Сергеевич.

И Олег узнал, что в середине девятнадцатого века в Нижнем Новгороде дважды был полицмейстером выходец из польских дворян Павел Лаппа-Старженецкий, любитель тушить пожары и бить морды, покровитель театра и невероятный взяточник. Он так запомнился нижегородцам, что угодил в пословицу.

Аристарх Сергеевич говорил настолько горячо, с таким увлечением, что Олег вопреки желанию заслушался. Мерзкое настроение, одолевшее его после разговора с Леной, начало потихоньку рассеиваться.

Пришла проводница, забрала билеты и оставила два пакета с бельем.

– Гляжу, ты повеселел. Теперь можно и спать, – проговорил отставной капитан с ехидной улыбкой.

Пока застилали постели, миновали Дзержинск, и вскоре после этого Олег почувствовал болезненный укол в сердце. На мгновение стало холодно, руки и ноги заledenели. Потом это прошло, но осталось неприятное чувство – словно в теле образовалась пустота.

– А, это у тебя в первый раз, – Аристарх Сергеевич, судя по довольной физиономии, понял, что происходит с его спутником. – Ничего страшного, никто еще от этого не умирал.

– А что случилось?

– Мы удаляемся от Нижнего, и ты теряешь контакт с нашими источниками.

Любой активно действующий маг должен быть «настроен» как минимум на один колодец, чтобы иметь возможность в любой момент компенсировать затраты энергии. Олег был привязан ко всем четырем источникам, принадлежащим «Золотой розе», и обычно использовал тот из них, что находился ближе.

Он закрыл глаза и попытался вызвать из памяти картинку-ключ, позволяющую взять силу из колодца на Звездинке. Это получилось, под опущенными веками возникли пять сплетенных причудливым образом разноцветных колец. Но появлявшегося при «подзарядке» ощущения бегущей по телу волны тепла не возникло.

Олег один за другим попробовал остальные источники, и вновь ничего не добился.

– Некомфортно, – сказал он, пытаясь описать собственные ощущения. – Сам не представлял, насколько к ним привык... Словно вдруг остался без машины... Да, жить вроде можно, но уже не помнишь как.

– Вздумаешь колдовать – будь осторожнее, – посоветовал Аристарх Сергеевич. – А то откачивай еще тебя.

Маг, потративший слишком много сил и не имеющий возможности оперативно их пополнить, мог лишиться сознания, а в случае крайне сильного энергетического истощения – даже жизни.

– Постараюсь, – сказал Олег.

Он сходил в туалет. Вернувшись в купе, закрыл дверь и улегся на мягкую узкую полку. Некоторое время пролежал, глядя на пробегающие по потолку тени, порожденные фонарями на придорожных столбах, затем опустил веки и заснул.

Но сон не принес успокоения.

Олег стоял, по щиколотки погружившись в серый мелкий песок, а над головой было такое же серое, истекающее жарой небо. На спине висел рюкзак, торс отягощал «лифчик», а на шее болтался «калаш».

Во все стороны, насколько хватало глаз, тянулись бесцветные мертвые холмы. На горизонте темнели горы, а впереди, в дюжине шагов, виднелся наполовину зарывшийся в песок остов вертолета: обугленная, с остатками пятнистой краски обшивка, переломанные лопасти, похожие на стрекозиные крылья, редуктор, провалившийся внутрь пустой, напоминавшей гроб кабины.

Олег знал, что там, в сбитой машине, не может быть никого, что пусты сиденья пилотов и кресло кормового пулеметчика. И все же ему чудился шорох, словно кто-то шевелился, пытался встать, хватаясь окровавленными пальцами, отталкиваясь от пола перерубленными ногами...

Олег попробовал оглядеться, понять, где он и как сюда попал, и тут картинка поплыла. Серое небо сморщилось, будто тряпка, уехали в сторону холмы, и на их месте обнаружился потолок купе. Шорох исчез, его сменил перестук вагонных колес и похрапывание Аристарха Сергеевича.

Олег лежал, весь в холодном поту, и сердце его билось куда чаще, чем обычно.

Афган, в котором провел два года, был в прошлом, но так и не отпустил рядового Турнова. От него остался не только шрам на правом боку, но и кошмары, являвшиеся с удивительной регулярностью.

Они мучили Олега не реже чем раз в два месяца, а иногда и чаще.

– Вот зараза, – прошептал он, понимая, что очень сильно хочет курить.

Трезвым Олег не испытывал тяги к сигаретам и дымил только выпивши. Поэтому с собой их не носил, а покупал в случае необходимости. Где добыть их сейчас, он просто не знал.

Поэтому закрыл глаза и постарался отвлечься... Вспомнил Андрюшку, сына, которому в конце лета будет десять лет... нужно придумать какой-то особенный подарок... бывшую жену, так и не вышедшую больше замуж... мысли перескочили на Лену, на сегодняшний разговор, он представил, что она и в самом деле уйдет, и ощутил в сердце настоящую боль.

С этой болью уснул вновь.

И увидел город в джунглях под голубым ясным небом, ряды домов с высокими коническими крышами из тростника, высящуюся над ними ступенчатую пирамиду с обелиском на вершине.

По широким улицам, вымощенным бревнами, ходили смуглые горбоносые люди с черными прямыми волосами. Те, кто победнее, носили только набедренные повязки, те, кто побогаче, имели накидки, украшенные птичьими перьями. На шеях у женщин сверкали нити разноцветных бус, прически они украшали свежими цветами, а маленьких детей таскали на перевязях.

Помимо людей, тут были и другие, кого Олег знал по Нижнему Новгороду: козлоногие сатра, дейвона с рожками и треугольными лицами, маленькие Часовщики с большими ушами и носами, и верог, красноглазые и надменные, зубастые и когтистые, словно кошки.

Они, судя по всему, являлись правителями города.

Верог, имеющих привычку пить человеческую кровь, носили в паланкинах, и они щеголяли в высоких роскошных головных уборах. Многие из «красных» имели при себе острые ножи из обсидиана – не оружие, а признак статуса.

На прочих чужаков люди смотрели без страха или подобострастия, общались с ними на равных. Носильщики таскали тюки и большие кувшины, бегали голопузые дети и собаки, торговцы расхваливали товары, над харчевнями поднимались столбы серого дыма.

Что странно – совсем не было лошадей и повозок, словно жители города не знали этих животных и не ведали колеса.

Олег только успел этому удивиться, как провалился во тьму безо всяких видений. А в следующее, как показалось, мгновение он открыл глаза и обнаружил, что поезд все так же мчится сквозь мрак, покачиваясь на рельсах, и требовательно пищит будильник в наручных часах.

– Что, уже утро? – сонно пробормотал со своего места Аристарх Сергеевич.

– Похоже на то, – Олег зевнул так, что едва не вывихнул челюсть, и сел на полке. – Пора вставать.

Через час поезд подкатил к Курскому вокзалу. Олег и Аристарх Сергеевич вышли на окутанный морозным туманом перрон и двинулись к ближайшему спуску в подземный переход.

– Нас должны встретить, – сказал Аристарх Сергеевич. – Ярослав звонил московским собратьям, они обещали прислать человека. Мы договорились в семь пятнадцать в большом зале рядом с эскалатором.

«Золотая роза», помимо Нижнего, имела отделения во Владимире, Москве и еще нескольких городах. Фактически все они действовали независимо, и объединяло их только название да обязательство приходить на помощь соратникам в случае крайней необходимости.

– Должны – значит, встретят. – Олег зевнул еще раз.

В подземном переходе влились в густую толпу, состоявшую не только из людей. Прошагал мимо высоченный элохим, пальто которого вздымалось уродливым горбом на спине. Пробежали двое Часовщиков, похожих, точно близнецы. Важно прокатил нагруженную чемоданами тележку сатра в одежде носильщика. Прошмыгнул то ли

Наблюдатель, то ли просто лысый человек с очень светлыми глазами.

Когда они выбрались на подземный этаж вокзала, взгляд Олега притянула высокая статная женщина с рыжими волосами до пояса. Когда обернулась, стало видно, что ее очень большие глаза ярко блестят и плавно меняют цвет – от алого к оранжевому и дальше к желтому.

– Не смотри на нее так, – Аристарх Сергеевич подергал Олега за рукав. – Это не совсем прилично.

– Да, конечно, – он спохватился и отвел взгляд. – Кто это?

– Джинна, оранжевая сфера. У нас в Нижнем их нет, а в Москве живут. Мне довелось иметь с ними дело пару раз. Вспыльчивые бестии и очень обидчивые, что не по ним – тут же в драку.

Прошли несколько забегаловок, где предлагали растворимый кофе, чай из пакетиков и подозрительного качества снедь. Между двумя из них обнаружился крохотный магазинчик. Его полки были уставлены разнообразными бутылками.

Под основной вывеской «Вино. Пиво. Крепкие напитки» была вторая, меньшего размера «Кровь. Снадобья на ее основе», а продавец мог похвастаться худобой и алыми глазами.

– Вот вампирье, совсем обнаглели, – буркнул Аристарх Сергеевич. – Раньше из-под полы торговали, а теперь в открытую. Скоро рядом с винными бутиками появятся кровавые... или кровные?

По эскалатору поднялись в большой зал вокзала. Не успели пройти нескольких шагов, как к ним подбежал молодой человек в алом шарфе, намотанном поверх воротника серого короткого пальто.

– Рад приветствовать в столице! – воскликнул он, протягивая руку. – Как доехали? Сейчас пойдем в «Шоколадницу», попьем кофе, а затем двинем на «Речной вокзал» к Нежданову.

Молодой человек, назвавшийся Юрием, был улыбчив, щеголеват и румян и, судя по ауре, как маг ничего особенного собой не представлял.

– А почему именно в «Шоколадницу»? – поинтересовался Олег.

– Нейтральная территория, – пояснил Юрий. – Самое спокойное и безопасное место.

Чтобы добраться до кофейни, пришлось выйти из вокзала, вновь спуститься под землю, а затем некоторое время идти вдоль Земляного зала. Пока шли, Юрий успел пересказать гостям все московские сплетни, касавшиеся мира «за Пеленой» – и про то, что Наблюдатели строят нечто странное на пересечении Кутузовского проспекта и Студенческой улицы, и про конфликт между оборотнями в Южном Бутове, и что кланы Ксенфов и Брегнов из зеленой сферы опять на грани войны, и что на западе столицы, в Крылатском, возник новый источник, и за него началась драка.

– Мы решили не лезть, – сказал он с таким видом, словно единолично принял это решение. – Чего зря силы расходовать? Пусть «красные» с «бесцветными» дерутся, а мы посмотрим.

Аристарх Сергеевич слушал с интересом, даже что-то уточнял, а вот на Олега болтовня проводника навевала скуку.

Беседа продолжилась в «Шоколаднице», когда они сделали заказ и Юрий попросил гостей рассказать, что творится в Нижнем Новгороде. Услышав про эпидемию энергетического истощения, удивленно покачал головой:

– У нас все в норме. Болеет народ, конечно, но не больше, чем обычно. Ага, а вот и наш заказ...

Олег без особого аппетита съел тарелку овсянки с кусочками фруктов, проглотил пару тостов с маслом и сыром. Порадовал его черный кофе, горячий, крепкий и ароматный.

– Ну что, пора ехать, – Юрий озабоченно посмотрел на часы. – Нежданов такой гусь – если к нему на пятнадцать минут опоздать, то все, может и не пустить. Очень много мнит о себе, говорят, что в Игроки метит. Только вряд ли у него чего получится, я вам скажу...

Всю дорогу между станциями метро «Курская» и «Речной вокзал» он болтал, не переставая. Но на то, слушают его или нет, особого внимания не обращал и участия в беседе не требовал, так что Олег успел даже немного подремать, сначала стоя, а затем, после «Аэропорта», и сидя.

– Так, – сказал Юрий, когда они выбрались на поверхность, и вытащил из кармана пальто карту Москвы. – Сам я у него ни разу не был, так что придется идти по компасу.

После недолгих поисков выяснилось, что специалист по черной сфере обитает в пятнадцатизэтажном доме, огромном, точно круизный лайнер. Юрий набрал на домофоне номер квартиры, динамик зашипел и породил красивый звучный баритон:

– Да?

– Это из «Золотой розы» пришли, – сказал проводник.

– Заходите, десятый этаж, – выдал баритон, после чего дверь с негромким гудением открылась.

– Мне там делать нечего, – проговорил Юрий, уставившись в землю. – Я тут вас подожду.

– Как знаешь, – Аристарх Сергеевич посмотрел на него с удивлением, и они вошли в подъезд вдвоем.

На неожиданно чистом, незагаженном лифте доехали до десятого этажа. На лестничной площадке их встретил Нежданов – необъятно толстый бородач, закутанный в бордовый халат.

– Прошу, коллеги, – сказал он со слащавой улыбкой.

Прихожая в квартире специалиста по слэш оказалась загроможденной досками темно-красного дерева, обитыми железом ящиками и холщовыми мешками. С трудом поворачиваясь среди этого хлама, гости сняли куртки и прошли в комнату, беспорядочно и нелепо обставленную.

Тут имелся диван таких размеров, что на нем поместился бы гиппопотам, пианино, втиснутое в угол так, что им нельзя было пользоваться, круглый стол, покрытый рыжей, в подпалинах скатертью. Полная окурков пепельница на нем распространяла запах никотина, пол был уставлен разной высоты стопками книг, а на стенах висели картины и гравюры.

На самой большой Олег увидел кладбище, разрытую могилу и гроб около нее, на следующей – платформу на ветвях дерева, на которой лежало завернутое в саван тело. На третьей обнаружил египетскую пирамиду и направляющуюся к ней погребальную процессию, после чего понял, что хозяин украсил жилище изображениями разных видов захоронения.

Похоже, он считал себя специалистом не только по слэш и черной сфере, а и по смерти вообще.

– Присаживайтесь, – сказал Нежданов и извлек откуда-то из-за стола два стула. Сам опустился в глубокое продавленное кресло, покрытое пыльной шкурой леопарда. – И рассказывайте. Ваш старший... э... Ярослав, кратко ввел меня в курс дела, но хотелось бы услышать подробности.

И он сверкнул плотоядной улыбкой из недр черной бороды.

– Началось все примерно с Нового года, – начал Аристарх Сергеевич, а Олег на мгновение включил магическое зрение, дабы определить, чего стоит специалист по слэш как колдун.

Хозяин квартиры не прятался, не закрывался от гостей. Аура, или иначе тело Силы Нежданова, была яркой, большой, но очень странной – как бы составленной из двух разновеликих частей: непомерно раздутой правой и жалкой, какой-то истощенной левой. Олег никогда ранее такого не видел и совершенно не представлял, что это означает.

Отставной капитан тем временем передал хозяину квартиры папку из черного пластика, и тот принялся перебирать спрятанные в ней фотографии и листы бумаги с записями.

– Чудесно, замечательно, – ворковал Нежданов с интонациями гурмана, дорвавшегося

до редкостного блюда.

Олег разглядел, что на одной из фотографий запечатлен рухнувший надгробный памятник, а рядом с ним обгорелый искореженный труп, и у него мороз пошел по коже – не столько от увиденного, сколько от этих самых интонаций.

Они имели дело с законченным, полным безумцем.

Хотя какой нормальный будет заниматься черной сферой и ее жуткими уроженцами?

– Ну, вот и все, что мы знаем о ситуации, – сказал Аристарх Сергеевич в завершение.

– Этого вполне достаточно! – Глаза Нежданова гордо сверкнули, он залез в карман халата, вытащил оттуда зажигалку и пачку сигарет. – Картина представляется мне довольно ясной, – щелчок, язычок огня, и струйка сигаретного дыма поползла к желтому потолку. – Ведь вы, коллеги, знаете, что существа из черной сферы живут по сравнению с нами очень долго.

– Знаем, как же, – буркнул Олег.

О слаш, пришедших на Землю двенадцать тысяч лет назад вместе с остальными, известно было удивительно мало. Достоверными являлись сведения о том, что они почти поголовно обладают способностями к магии, имеют предрасположенность к некромантии, что их очень трудно убить. Причиной скудости знаний могло быть то, что «черные» отличались крайней необщительностью и даже от сородичей предпочитали держаться подальше. А представители других сфер чувствовали себя рядом с ними, мягко говоря, неуютно.

– Очень хорошо, – иронии Нежданов не заметил или сделал вид, что не заметил. – Но они, как и все живые существа, смертны и, следовательно, должны как-то продолжать свой род, должны размножаться. Размножение происходит волнами внутри каждой замкнутой популяции, причем одна волна отстоит от другой не менее чем на пятьдесят-сто лет.

– Удобно, – заметил Аристарх Сергеевич. – Сто лет не думаешь об отпрысках, а потом – трах-бабах...

– Вот именно – трах-бабах. – Нежданов затыкнулся в последний раз и раздавил окурок в пепельнице. – Слэш – гермафродиты, поэтому сородичи им для размножения не нужны. Но непонятно зачем и почему они внутри популяции начинают производить потомство почти одновременно. В этот период «черные» теряют возможность контролировать себя и свои магические способности в том числе, иногда частично, иногда полностью. Другими словами, их охватывает безумие.

– Вот в чем дело... – прошептал Олег, думая, что многое встает на место.

– Но это еще не все. – Нежданов покачал головой и посмотрел на гостей покровительственно. – У слэш имеется несколько способов вынашивания потомства, и один из них связан с использованием живых и разумных носителей, представителей других сфер, в том числе – и людей.

В данном случае, по всем признакам, слэш вашего города принялись активно размножаться, причем как раз тем способом, что я описал. Отсюда и их безумие, и буйства на кладбищах, и эпидемия «гриппа», которая на самом деле к гриппу не имеет никакого отношения. Попавший в тело человека эмбрион начинает развиваться, одновременно истощая своего «хозяина» и физически, и энергетически. Через довольно непродолжительное время тот погибает, и на свет из трупа появляется молодой слэш. Рождение фактически происходит в могиле, в смраде и тьме, – хозяин квартиры смаковал подробности, обсасывая их, точно куриные косточки, – и новорожденному предстоит самостоятельно выбраться на поверхность, пробить себе дорогу через дерево и землю...

– Так что, все тысячи заболевших носят в себе зародыш «черного»? – недоверчиво спросил Олег. – Но этого не может быть. Не могли слэш за столь короткий срок, – его передернуло, – осеменить такую прорву народа. И что произойдет, когда они все родятся? «Черных» в Нижнем сейчас всего несколько десятков, а теперь станет в сто раз больше? И как они уживутся?

– Вопросы справедливые, – признал Нежданов. – На первый взгляд все выглядит

противоестественно, но только на первый. Слэш – как рыбы или лягушки, они должны рассеивать тысячи икринок, чтобы из них получились десятки отпрысков. Большая часть зародышей гибнет в теле носителей, отравляя их и часто убивая, но без всякого толка.

Кроме того, сами эмбрионы способны к размножению, а точнее – к делению, словно амебы. И передача их от человека к человеку может происходить, скажем, при поцелуе или ином тесном телесном контакте.

Олег представил, как может выглядеть этот процесс, и ему стало противно. Аристарх Сергеевич покачал головой и выразительно откашлялся.

– Но даже это не объясняет того, что происходит в Нижнем, – хозяин квартиры дернул себя за бороду. – Масштабы и длительность волны размножения в вашем городе превосходят разумные пределы, и чем это вызвано, я не знаю. Если бы вы смогли поймать и привести ко мне охваченного лихорадкой размножения «черного», – глаза его загорелись алчным блеском, – то я бы выяснил все.

Олег подумал, что где-нибудь в ящике стола или в шкафу у этого толстяка наверняка хранится набор скальпелей, пил и прочих штукоев, которыми пользуются вивисекторы и патологоанатомы, и что слэш, угодившему в руки Нежданова, не поможет вся их хваленая живучесть.

– Привезти... – протянул Аристарх Сергеевич. – Боюсь, что это крайне сложно.

– Ну, так и проблема перед вами стоит непростая, – развел руками Нежданов. – Или я не прав?

Тут он угодил в точку: или «Золотая роза» разберется в том, что творится в Нижнем, или вынуждена будет отвечать за бродящих по городу мертвецов.

– В общем, правы, – сказал Аристарх Сергеевич. – Мы постараемся сделать все возможное, но обещать я, сами понимаете, ничего не могу. Поймать слэш не просто, а довести до Москвы – еще сложнее. Хотелось бы узнать, нет ли каких способов прекратить волну размножения.

– Мне такие неизвестны, и сомневаюсь, что они вообще существуют. Как можно остановить идущего на нерест лосося или начавших вить гнезда птиц? Этот процесс закончится только сам собой, и никак иначе. Пока у меня нет конкретного объекта для изучения – разговаривать нам больше не о чем, – тут толстяк кивнул, умильно сложил губы трубочкой и протянул раскрытую ладонь.

Намек выглядел более чем понятно.

– Сколько? – спросил Аристарх Сергеевич.

– За простую консультацию ставка стандартная: тысяча. – Специалист по слэш недешево ценил свои услуги.

Отставной капитан кивнул и полез в карман брюк. Вытащил перетянутую резинкой пачку стодолларовых купюр, и принялся одну за другой отсчитывать бледно-зеленые бумажки.

– Держите, – сказал он. – Спасибо за помощь. Пошли, Олег.

Покинув комнату с картинами на стенах и пианино в углу, Олег испытал настоящее облегчение, а когда они вышли на лестничную площадку и лязгнула закрывшаяся дверь, не удержался – радостно вздохнул.

– Неприятный тип, – пробормотал он. – Не соврал ни разу, даже не попытался, но толку от него оказалось не так много.

– Почему? – Аристарх Сергеевич нажал кнопку вызова лифта. – Теперь мы знаем, что творится на наших кладбищах и кто в этом виноват. Осталось найти способ прекратить это безобразие и...

– ...и отыскать того, кто подставил меня, – перебил его Олег. – А до этого Федора, и тем самым – «Золотую розу». Ведь не свихнувшиеся «черные» это сделали. Им сейчас явно не до того.

– Да, верно, верно.

Они вошли в лифт и поехали вниз. У подъезда обнаружили слегка замерзшего, но все

такого же бодрого Юрия.

– А, вы живы, – сказал он. – Жуткий Нежданов вас не слопал?

– И даже не попытался, – ответил Аристарх Сергеевич. – Понял, что столь серьезные мужчины ему не по зубам. Я полагаю, что ты свой долг выполнил, и можешь быть свободен. Поезд у нас вечером, более чем через двенадцать часов, и мы как-нибудь найдем, чем себя занять.

– А, ну ладно... – на мгновение проводник растерялся. – Но до метро нам все равно по дороге.

Они прошагали длинным двором и вышли к Ленинградскому шоссе. Через прореху в облаках выглянуло солнце. Блики побежали по крышам несущихся автомобилей, заиграли на окнах домов, под яркими лучами заискрился даже серый городской снег.

Олег попытался вспомнить, когда последний раз видел светило вот так, а не как блеклое пятно за тучами. Вышло, что еще в прошлом году, в конце или даже в середине декабря, а то и осенью.

– Ты езжай, – сказал Аристарх Сергеевич, когда они миновали сквер и оказались у входа на станцию метро «Речной вокзал», – а мы задержимся ненадолго. Нужно один звоночек сделать.

– Хорошо, – Юрий, похоже, сообразил, что от него хотят избавиться. – До встречи.

И он исчез за стеклянной дверью.

– Я не хотел, чтобы он слышал наш разговор с Ярославом, – объяснил Аристарх Сергеевич, доставая сотовый телефон. – Ладно, старшие маги московского отделения «Золотой розы», от них таиться смысла нет. А уж этому юнцу точно незачем знать, что у нас творится.

С этим Олег был согласен.

Но попытка связаться с Ярославом закончилась безрезультатно – тот просто не взял трубку.

– Странно это, – пробормотал Аристарх Сергеевич, с подозрением разглядывая аппарат в своей руке. – Он должен ждать моего звонка. Но ничего, перезвонит. Что делать будем?

– Поступим, как все гости столицы, – сказал Олег. – Отправимся гулять по Москве.

Отставной капитан кивнул, и они зашагали к дверям метро.

Но Ярослав не перезвонил ни через час, когда они очутились на Красной площади, ни через три, когда зашли пообедать в чешскую пивную, расположенную неподалеку от станции метро «Тверская». Аристарх Сергеевич еще раз набрал номер мага первого ряда, но тот вновь не ответил. Отставной капитан ничего не сказал, но помрачнел, а Олег ощутил тревогу.

Глава 3

Улица Бекетова находится недалеко от центра Нижнего Новгорода, но современных домов на ней практически нет. Стоят рядами желтые коробки «народной стройки», высятся пятиэтажные «хрущевки», серые панельные или красно-бурые кирпичные.

Небольшой магазин «Все для джипов» располагался в одной из таких «хрущевок». Принадлежал он фирме «Аргус», одним из учредителей которой числился Ярослав Шишкин, глава нижегородского отделения «Золотой розы».

В магазине работали двое продавцов, администратор и охранник, и жизнь у них была не то чтобы интересная, но зато спокойная и размеренная. Во «Все для джипов» за покупками приезжали большей частью люди солидные, основательные, знающие себе цену. Откровенное «бычье», разбогатевшее в лихие времена начала девяностых, попадалось реже и реже. Популяция любителей золотых цепей и малиновых пиджаков уменьшалась, одни перекочевывали за решетку, другие – на кладбище.

Восьмого февраля, во вторник, магазин открылся в десять часов, а в десять тридцать охранник, сотрудник агентства «Аргус», вышел покурить. Помня о вчерашнем приказе

перейти на «режим усиленного несения службы», он сначала внимательно огляделся и только затем полез за сигаретами.

Но, сунув руку в карман, замер – осознал, что взгляд зацепился за приткнувшийся у обочины черный «БМВ» с тонированными стеклами.

– Что за черт? – буркнул охранник, являвшийся магом пятого ряда «Золотой розы». – А ну-ка...

Он пригляделся к машине внимательнее и с помощью несложного заклинания попытался определить, кто в ней находится. Тонировка стекол будто выцвела, и охранник увидел четверых крепких лохматых молодых людей с острыми волчьими ушами, если говорить точно – то не людей, а оборотней.

– Вот черт... – повторно помянув рогатую нечисть, он торопливо вернулся в магазин и без стука заглянул в крохотный закуток, считавшийся кабинетом администратора. – Тревога, Петрович, звони, вызывай подмогу. Боюсь прослыть параноиком, но, похоже, по нашу душу явились. Если стрельба начнется – немедленно уходите через служебный.

Петрович был мужчиной тертым и начинал торговать автозапчастями еще в те времена, когда слово «стрелка» входило в бизнес-лексикон наравне с «биржей» и «приватизацией». О том, кому на самом деле принадлежит магазин, он не знал, но был в курсе, что у хозяев имеются враги, склонные к тому, чтобы решать противоречия силовыми методами.

Поэтому администратор не стал задавать лишних вопросов, а просто потянулся к трубке телефона.

А охранник поспешил обратно, на улицу, чтобы не упустить «БМВ» из виду.

Машина обнаружилась на том же месте, но вот только дверцы ее были открыты, и маах'керу выбирались наружу.

– Выходит, я не ошибся, – проворчал охранник, чувствуя возбуждение и азарт. Он расстегнул кобуру и вытащил из нее «ПМ», торопливо навернул на ствол глушитель. – Ну, сейчас им врежем!

Оружия у оборотней он не заметил – маах'керу презирают любые технические устройства. Но зато глянул на них магическим зрением и определил, что двое из четверых – маги, и, судя по тому, что тел Силы увидеть не смог, не самые слабые.

Шансы задержать противника до прибытия подкрепления были, хотя и не очень большие...

Оборотни заметили охранника, и на их лицах появились одинаковые зубастые ухмылки. И не думая таить собственные намерения, двое магов зашагали к магазину, а двое оставшихся у «БМВ» принялись стаскивать с себя одежду. Маах'керу собрались перекидываться в людном месте посреди бела дня, и это означало, что дело пошло всерьез.

– Вот черт! – охранник поднял пистолет. – Эй, мохнатые, еще шаг, и я буду стрелять!

Ответом стали две презрительные ухмылки.

Охранник нажал на спусковой крючок, пистолет в его руках дернулся, но пуля пошла выше, пролетела над головой одного из оборотней-колдунов. Тот пригнулся, выставил перед собой руку. С когтистых пальцев устремился поток голубоватого свечения, замерцали в нем белые звездочки.

Охранник почувствовал холодное дуновение, поспешно отскочил в сторону. Поток миновал то место, где он только что стоял, разбился о дверь магазина, расплескался бирюзовыми искрами. Дверь, а также стена вокруг нее покрылись белесыми разводами инея.

«Заморозка» – заклинание простое, но эффективное, и защиты против него нет.

Единственный вариант – уйти из полосы его действия. Если не успеешь этого сделать, то в течение нескольких секунд очоленеешь, потеряешь способность двигаться, а затем и сознание.

– Суки... – охранник выстрелил еще и на этот раз попал в плечо второму колдуну.

Тот остановился, скосил глаза на появившееся на куртке багровое пятно, но затем пошел дальше как ни в чем не бывало.

Чтобы убить оборотня стальной пулей, надо попасть ему в сердце или в голову, и

желательно не один раз...

Двое оставшихся у машины разделись полностью, и тела их начали покрываться шерстью, у одного – черной, у другого – рыжей с серыми полосами. Черепа сплющились, коленки вывернулись назад, встопорщились усы, блеснули в пастях острые клыки, и два оскаленных леопарда, хлеща себя по бокам длинными хвостами, мягко побежали к человеку с пистолетом.

Глаза их горели жаждой крови.

Первый колдун атаковал повторно, используя обыкновенный «молот». Охранник легко отбил этот выпад и сам пустил в ход магию. Жест, пара слов, и с руки его сорвалось нечто похожее на призрачную летучую мышь. Спикировало на одного из леопардов, и тот покатился по асфальту, царапая морду, точно пытаясь соскрести с нее нечто невидимое.

«Муравьиный чих» – незаменимая вещь в том случае, если хочешь без особой затраты энергии вывести из строя противника.

Снять его легко, но только в том случае, если у тебя руки, а не лапы...

Но порадоваться успеху охранник не успел – колдуны-оборотни атаковали одновременно. Первое заклинание – нацеленный в голову «ветер перемен» – он отбил и испытал лишь легкое головокружение, а на второе отреагировать попросту не успел. «ПМ» вывернуло из руки, нечто тяжелое и горячее ударило в грудь, и его отбросило назад, прямо на кирпичную стену.

Преодолевая звон в башке и слабость, он сумел приподняться и увидел рядом оскаленную морду хищника. Черный леопард зарычал, прыгнул, раздался хруст и протяжное бульканье.

– Стоек оказался, – сказал тот из колдунов, что был ранен в плечо, и хищник ответил согласным рыком.

– Доблесть врага – не наша забота, – отрезал первый колдун. – У нас есть дело. Вперед.

Он толкнул дверь и вошел в магазин. За ним порог переступили второй колдун и черный маах'керу. Полосатый леопард перестал кататься по земле и последовал за сородичами.

Некоторое время изнутри раздавался лязг и грохот, затем потянуло дымом.

С Бекетова к магазину «Все для джипов» повернула серебристая «Витара», за ней показался зеленый микроавтобус «Фольксваген». Машины резко затормозили, захлопали дверцы, и наружу полезли люди.

Из «Витары» выскочил среднего роста крепыш с волосами ежиком и сутулый очкарик интеллигентного вида. Из «Фольксвагена», точно горошины из стручка, посыпались парни в камуфляже, тяжелых армейских ботинках, черных шапочках и бронежилетах.

– К штурму – готовься! – скомандовал подтянутый сероглазый мужчина лет сорока, вылезший из кабины микроавтобуса. – Служебный выход перекрыть, чтобы никто не ушел.

Но оборотни не стали ждать, когда их запрут в ловушке.

Лязгнула распахнувшаяся дверь, и черный леопард выскочил наружу. Прыгнул на ближайшего парня в камуфляже, повалил и начал трепать, словно тряпичную куклу. Раздался треск рвущейся ткани, кровь потекла на асфальт. Хлопнуло несколько пистолетных выстрелов, и зверь выгнулся в агонии, его отшвырнуло в сторону, задергались мощные лапы.

Но из магазина уже вылетел второй, а за ним – два мага.

Полыхнуло, грохнуло, раздалось длинное шипение, какое издает спущенный велосипедный баллон. Рассеялось облако дыма, и стало видно, что все маах'керу лежат на земле, тот, что был в обличье полосатого леопарда – еще жив, но покрыт десятками мелких ран, а вот лица двоих, что остались в человеческом облике, представляют собой кровавое месиво.

– Так-так, очень хорошо, – одобрительно сказал крепыш. – Отличная работа, Антон Григорьевич. Заклинание исполнено мастерски. Как говорится – одним махом троих побивахом.

Сутулый интеллигент поправил очки и криво улыбнулся.

– Артур, – обратился крепыш к подтянутому. – Внутри все осмотрите, пожарку вызывайте. Тела немедленно забрать, Николая отдельно, – он указал на мертвого охранника. – Раненого связать и одурманить. Он нам может пригодиться. И еще нужно немедленно...

Договорить крепыш, откликавшийся на имя Ярослав и возглавлявший нижегородское отделение «Золотой розы», не успел. Во внутреннем кармане его дорогого пиджака зазвонил мобильный.

Вытащив сотовый, Ярослав приложил его к уху и сказал: «Да?» Круглое лицо его стало мрачным, в голубых глазах появилась тревога, а левая рука непроизвольно сжалась в кулак. Разговор оказался недолгим, через несколько секунд глава «Золотой розы» убрал телефон на место.

– Что там? – спросил Антон Григорьевич.

– Атакован наш источник около ТюЗа, и среди нападавших были волки. А это значит, что войну нам объявил не только клан Милиновича, но и сам Симентьев. Нужно немедленно поднимать всех, в том числе вассалов.

Командовавший бойцами в камуфляже Артур недовольно хмыкнул, а Антон Григорьевич дернул шеей.

Ночь в поезде «Москва – Нижний Новгород» Олег проспал без задних ног и не увидел никаких снов. Даже не заметил того момента, как вернулся контакт с источниками и исчезло гадостное ощущение, что внутри тела образовалась холодная пустота.

Спал крепко, несмотря на состоявшийся вечером, когда они с Аристархом Сергеевичем были уже на вокзале, разговор с Ярославом. Глава нижегородской «Золотой розы» сообщил, что оборотни из клана Милиновича, раздраженные случаем на Бугровском кладбище, начали-таки боевые действия, и что пролилась кровь.

Куда хуже оказалась новость, что на стороне врага очутился Бранко Ратов Жестокий, известный среди людей как Андрей Симентьев, один из крупнейших бизнесменов Нижнего и фактический глава племени Белозубов, одного из сильнейших в городах по Верхней Волге.

Тысячелетиями у оборотней правили женщины, и только такая сильная личность, как Бранко Жестокий, смогла пойти против освященной традициями порядка. Формально он стал лишь мужем хранительницы закона племени, а на самом деле подчинил себе общины Белозубов от Ярославля до Казани. Для этого ему пришлось одолеть яростное противодействие, ликвидировать кое-кого из недовольных и уцелеть после доброй полудюжины покушений.

Но Симентьев выжил, утвердил свою власть и стал непререкаемым авторитетом для маах'керу не только своего племени. Неудивительно, что посчитавший себя оскорбленным клан Милиновича обратился к нему за помощью.

Так что конфликт обещал стать куда более масштабным, чем хотелось бы.

Поезд прибыл с небольшим опозданием. Когда вышли на платформу, Олегу показалось, что он вновь очутился на кладбище – густой сладкий запах разложения ударил в нос с такой силой, что на мгновение перехватило дыхание. Пришлось едва ли не силой запихивать в себя мерзкий на вкус воздух, и только через несколько вдохов Турнов более-менее притерпелся.

– Плохи наши дела, – сказал побледневший Аристарх Сергеевич. – Мы в этом смраде живем, им дышим и его не чувствуем. Надо было вырваться в столицу, чтобы это заметить.

– Но чем это пахнет? – спросил Олег.

– Смертью. Наш город стал ее владением, ее царством...

Они прошли через вокзал и выбрались на площадь Революции, к ожидающим пассажиров таксистам. Один из них, невысокий, глазастый и ушастый, точно Чебурашка, чуть ли не загородил дорогу:

– Куда надо ехать, мужики? Дешево отвезу.

– На Сормовское кладбище, – ответил Аристарх Сергеевич, и лицо таксиста,

представителя многочисленного народа Часовщиков, уроженцев желтой сферы, отразило изумление.

Нечасто люди прямо с вокзала отправляются на кладбище.

– Поехали, никаких проблем, – сказал Часовщик, наверняка разобравшийся, что перед ним не просто люди, а маги, способные видеть его скрытый за Пеленой истинный облик.

Пелена, воздействующая на каждого человека, искажала восприятие, мешала простым обывателям увидеть то, что рядом с ними обитают чужаки. И тем самым она позволяла уроженцам гостевых сфер жить более-менее спокойно, предупреждала ксенофобию среди «коричневого» большинства.

– Сколько возьмешь? – поинтересовался Олег, и Часовщик назвал цену, в самом деле оказавшуюся не очень высокой.

Они прошли к серой потрепанной «Волге», закинули вещи в багажник, а сами забрались в салон. Таксист включил радио «Шансон», доказав, что водители всех рас и национальностей одинаково чужды прекрасному; машина развернулась и покатила в объезд вокзала.

По дороге к Сормовскому кладбищу они дважды застревали в пробках – на виадук к Московскому шоссе и в центре Сормово. Выглядело это странно, в утренние часы проблема обычно состояла в том, чтобы доехать из «нижней» части города в «верхнюю», а не наоборот.

«Волга» прокатила через небольшой мостик, и показался силуэт церкви, вонзающейся крестами в серое отвислое брюхо неба. Олегу вспомнилась та летняя ночь, когда он приехал сюда, чтобы первый раз в жизни увидеть слэш, и пережитый тогда страх.

– Прибыли, – сказал таксист, останавливая машину перед воротами кладбища. – Время платить, мужики.

– Держи деньги, – Аристарх Сергеевич полез в карман за бумажником. – Но если подождешь нас здесь, то получишь столько же за ожидание и несколько больше за обратную дорогу.

На Сормовское кладбище они поехали по приказу Ярослава, надеявшегося, что обитающий здесь «черный» пойдет на контакт.

– Хорошо, подожду, – Часовщик заулыбался. – Только вы не очень долго.

– Постараемся, – сказал Олег, и они выбрались из машины.

Поселившийся около Сормовского кладбища слэш работал церковным сторожем и обитал в небольшой пристройке за храмом Всех Святых.

В прошлый визит Олег испытал тревогу еще до того, как увидел само жилище «черного». В этот – не ощутил ничего, кроме легкого беспокойства, вплоть до того момента, как они добрались до деревянной, выкрашенной в коричневый цвет двери и постучали в нее.

Ответом была тишина.

– Похоже, хозяина нет дома, – с разочарованием заметил Аристарх Сергеевич. – Или спит?

Олег постучал еще раз, громче, но вновь никто не откликнулся.

– Попробуем поискать. – Отставной капитан глубоко вздохнул, аура вокруг его тела засветилась ярче, по ней побежали волны. Несколько жестов, пара слов, и излишек энергии, имеющийся у любого мага, принялся трансформироваться, пошло в ход то, что по традиции именуют заклинанием. – Самый простой вариант – зацепимся за его следы, их тут должно быть много.

Аристарха Сергеевича окутала зеленоватая дымка, сгустилась в светящийся шар размером с кулак, и тот устремился к двери. Через замочную скважину просочился в жилище слэш, но почти тут же вернулся, припал к земле и раскатился в мерцающую узкую дорожку.

Та вела мимо ворот кладбища и тянулась на юг по утоптанной тропке, идущей вдоль забора.

– Интересненько, – Аристарх Сергеевич потер подбородок. – Похоже, наш приятель бродит среди могил. Пойдем, Рыцарь.

Они шли по светящейся «дорожке», и та гасла под ногами, а оставшаяся часть становилась все более тусклой. Под подошвами поскрипывал снег, по сторонам от тропы возвышались настоящие сугробы.

Километра через полтора тропка свернула к ограде, и выяснилось, что там имеется на редкость аккуратный «пролом». Словно кусок металлического забора шириной метр вырезали автогеном и положили наземь. Тут мерцающая «дорожка»-указатель погасла окончательно, исчезла в снегу, и Аристарху Сергеевичу пришлось повторить заклинание.

Когда вступили на кладбище, по коже Олега пробежал мороз, и он почувствовал, что ему в спину кто-то смотрит, враждебно и пристально.

– Вот и слэш дает о себе знать, – сказал Аристарх Сергеевич, – значит, в правильном направлении идем.

Натопанная тропа пропетляла немного среди кустов и вывела их на прямую аллею, по одну сторону которой находились захоронения, а по другую простиралась нетронутая пока территория. Вспорхнувшая с дерева ворона заставила Олега вздрогнуть. Посыпался с ветки снег, гнусавое карканье покатилося над кладбищем, и словно в ответ прозвучал донесшийся из-под земли скрип.

– Вот рыба ерш... – сказал Олег. – Я такое слышал, и совсем недавно.

Темные вихри поднялись из-под снега, точно выросшие с невероятной скоростью грибы, и оказалось их куда больше, чем позавчера. Выгибаясь и раскачиваясь, словно пьяные танцоры, они заплясали между деревьев, забегали туда-сюда, наливаясь злым ярким багрянцем.

– Быстрее! – Аристарх Сергеевич ускорил шаг. – Надо попробовать остановить его!

Они побежали, а кладбище забурило, будто оказавшийся на огне котелок с густым варевом. Закачались надгробия, зашелестел потревоженный снег, хруст и чавканье возвестили, что ожившие мертвецы начали раздирать утробу земли, чтобы выбраться на поверхность.

Заходило ходуном надгробие из гранита и раскололось на куски. Расшвыривая их в стороны, выбрался на поверхность труп – недавний, еще не истлевший до конца: черное, гнилое мясо обрывками свисает с костей, во тьме за ребрами что-то шевелится, и с осмысленной злобой глядят заполненные алым огнем зенки.

Увидев живых, труп распахнул пасть, полную острых зубов, и попер к ним через глубокий сугроб.

– Этого еще не хватало! – Аристарх Сергеевич вскинул руку, и Олег мог только позавидовать, как быстро и ловко его более старший и опытный соратник бросил заклинание.

Покойник зашатался, его охватило блескучее сиреневое пламя, пряди обвились вокруг ног, залезли внутрь черепа, взвихрились над заросшей сивыми волосами макушкой. Еще несколько мгновений труп двигался, а затем осыпался наземь грудой бурого праха.

Одним ударом Аристарх Сергеевич разорвал связь между мертвым телом и тем, что давало ему подобие жизни, заставляло двигаться. Сделал то, на что сам Олег оказался неспособен позавчера. Но и далось это ему нелегко: отставной капитан побледнел, споткнулся на бегу и вынужден был остановиться, чтобы отдышаться и прийти в себя.

Олег тоже остановился и использовал этот момент, чтобы оглядеться.

Уже пять трупов, выбравшихся из-под земли, бродили между могил, и движения их были куда более уверенными, чем у мертвецов, поднявшихся на Бугровском кладбище. Двое оказавшихся поближе целеустремленно шагали к магам «Золотой розы», и им оставалось пройти не более полусотни метров.

Над снегом волнами плыл тяжелый запах тления, разрытой земли, сырых, заброшенных катакомб.

– Замучаемся всех укладывать, – сказал Олег. – Может быть, отвести им глаза?

– Это можно. Только помни, они не люди и видят по-иному... – Аристарх Сергеевич покачал головой. – Я не знаю, подействует ли на них обычный морок. Но попробуй, чего мы

теряем?

Олег закрыл глаза, сосредоточился, заставил себя забыть о том, где он находится и что за опасность ему грозит. Приложил ладони ко рту и выдохнул в них, представляя, что изо рта струится опаловая дымка. Пальцы защекотало, и он раскинул руки, растягивая дымку подобно куску ткани. Несколько раз обернулся вокруг себя, словно закутываясь в покрывало, и поднял веки.

Два трупа так же шагали к людям, но теперь их взгляды были сосредоточены на Аристархе Сергеевиче.

– Надо же, сработало... – проговорил отставной капитан. – Теперь моя очередь.

Он повторил действия Олега, и тот увидел, как соратника с головы до пят окутала полупрозрачная кисея. Мертвецы, находившиеся в дюжине шагов, остановились и завертели головами. Один, закутанный в саван, разочарованно щелкнул челюстями и зашагал обратно. Второй, такой голый костяк, словно его обклевали вороны, развернулся и побрел в сторону ограды.

– Так куда лучше, – сказал Аристарх Сергеевич, и они пошли дальше.

Выбрались на пересечение двух аллей и увидели сцепившихся в драке мертвяков. Прошли мимо еще одного, маленького и скрюченного, баюкавшего на руках собственный череп, и от этого зрелища Олега передернуло.

Свернули на узкую дорожку, тянувшуюся в сумрак под кронами деревьев, и увидели впереди живых.

Двое людей стояли, крепко обнявшись. Один, повыше и помощнее, был в синем драповом пальто, валенках и малахае, руки его безвольно висели вдоль боков, а тело судорожно вздрагивало. Второй щеголял в джинсах и черной рубаше, и лишенная волос голова его мокро блестела.

Выглядело это так, словно парочка гомосексуалистов, неведомо как забредших на кладбище, застыла в страстном поцелуе.

– Вот и он... – Аристарх Сергеевич ускорил шаг, и Олег сообразил, что в черной рубаше – вовсе не человек, а слаш. Добавил ходу, чтобы не отстать. – Но что он делает, паразит?

Страх нахлынул холодной волной, отдался дрожью в руках и ногах, сделал льдом кровь в жилах. У Олега возникло стойкое ощущение, что он мчится навстречу неизбежной гибели, появилось желание развернуться и со всех ног рвануть обратно, подальше от этого жуткого места.

Отогнать его стоило больших усилий.

– Врешь, не возьмешь... – прошипел Олег, сжал кулаки и яростно скрипнул зубами.

Слаш оторвался от лица человека, которое он то ли лизал, то ли грыз, и глянул на магов «Золотой розы». Стали видны глубоко посаженные глаза цвета антрацита, полные ярости и безумия, и багровые потеки, покрывающие темную кожу подбородка, щек и скул.

– Остановись! Останови их! – прокричал Аристарх Сергеевич. – Ты можешь, я верю!

Слаш издал хриплый смех, больше похожий на курлыканье, и отшвырнул человека в сторону. Тот рухнул на четвереньки и замотал головой, на белый снег упало несколько капель крови.

А «черный» раскинул руки и, запрокинув голову к серому холодному небу, завыл.

Земля отозвалась на этот вой глухим гулом, закачали кронами деревья, зашумел ветер, стряхивая с ветвей снег. Слонявшиеся по кладбищу покойники остановились и дружно уставились на того, кто вырвал их из лап смерти. Олегу показалось, что сотни голосов зашептали ему прямо в уши, сотни злобных, шелестящих и неразборчивых голосов.

Перед глазами все закружилось, и он едва не упал. Ощутил, как рассеялось маскирующее заклинание.

– Остановись! – повторил Аристарх Сергеевич, но голос его прозвучал слабо и неуверенно.

Отставной капитан поднял руку, и в ладони его засиял, плюясь искрами, шар багрово-рыжего огня. Безумный слаш перестал выть, опустил взгляд на магов и отступил на шаг.

Шепчущие голоса затихли, пропали, мир вокруг прекратил плясать бешеную тарантеллу.

Всем известно, что «черные» не любят двух вещей – яркого света и открытого пламени.

Аристарх Сергеевич бросил шар, точно снежок. «Черный» дернулся, хотя сфера из огня пролетела от него в нескольких шагах и с шипением разбилась о ствол березы, оставив на нем черную подпалину. А отставной капитан поспешно сотворил новый метательный снаряд.

– Прекрати! – сказал он. – Ты узнаешь меня? Ты помнишь, кто я?

Олег торопливо последовал примеру соратника, и в его ладони тоже запылал огонь.

– Помню ли я? – спросил слаш, и лицо его на мгновение стало почти нормальным. Но тут же исказилось, как маска из сырой еще глины, попавшая в сильные и неловкие руки. Из рта «черного» полезла желтая пена, глаза закатились, и он с невероятной быстротой рванул прочь от дорожки, понесся через сугробы, погружаясь в них по середину бедра, а то и глубже.

Через мгновение слаш пропал среди могил и древесных стволов.

– Ушел... – Олег вздохнул с облегчением, и шар огня в его руке с шипением исчез. – Что, погонимся за ним?

– Боюсь, что без лыж погоня невозможна, – с тревогой сказал Аристарх Сергеевич. – Еще надо заняться этим бедолагой. Похоже, он только что стал носителем эмбриона слаша.

Облаченный в синее пальто и драный малахай человек силился встать, полные ужаса глаза блуждали из стороны в сторону. Похоже, он не понимал, где находится, и не видел ничего вокруг.

На небритой щеке его темнела небольшая, но глубокая ранка, и из нее продолжала сочиться кровь.

– И что мы с ним сделаем? – спросил Олег.

– Для начала успокоим и снабдим ложными воспоминаниями. Затем отвезем туда, где его можно будет хорошенько изучить и выяснить, получится ли удалить эмбрион из тела, не убив при этом носителя.

Аристарх Сергеевич деловито потер руки и направился к человеку в синем пальто, по виду – типичному представителю породы собирателей пустых бутылок.

– Так, братец, а ну-ка, посмотрим, что с тобой. Не бойся, я не сделаю тебе больно.

Отставной капитан разговаривал мягко, ласково, словно с испуганным животным.

Услышав голос, жертва слаша вздрогнула и попыталась вскочить, но едва не упала. Заскулила жалобно, как побитая собачонка, и из опухших красных глаз покатались крупные слезы.

– Не надо меня... я больше не буду... – голос у обладателя синего пальто оказался тонкий и противный, – грех у мертвых забирать... больше не буду... вот Христом-богом клянусь, отпустите меня только... ой, как страшно... не надо...

– Только бы не обделался. – Аристарх Сергеевич положил объятые розовым пламенем руки на макушку жертве слаша, и та замерла, бессмысленно глядя перед собой и редко-редко моргая.

Олег обратил внимание на то, что бродившие по кладбищу мертвецы после бегства «черного» куда-то сгнули. Заинтересовавшись, пошел по дорожке обратно, к ближайшей разоренной могиле. Подобравшись к оградке, увидел яму в снегу, черную землю на ее дне, а рядом с покосившимся крестом – труп, неподвижный и безгласный, как ему и положено.

Земная жизнь ушла из тела, оставив гниющую плоть.

Олег покачал головой и вернулся туда, где Аристарх Сергеевич накачивал башку жертвы слаша ложными воспоминаниями.

– Ну что? – не отрываясь от дела, спросил отставной капитан.

– Лежат, не шевелятся. Ладно хоть с этим разбираться не придется.

Аристарх Сергеевич кивнул и убрал руки. Дядька в синем пальто растерянно моргнул, и взгляд его стал живым, осмысленным, в нем появились чувства – страх, тревога, смущение.

– Вы уж простите, Христа ради... больно уж деньги нужны. Цветочки мертвым все

равно без надобности... – забормотал он, поднимаясь с колен. Поднял руку, потрогал ранку на щеке и с удивлением уставился на кровь на собственных пальцах. – Крепко вы меня ударили, но за дело, понимаю.

Перед магами «Золотой розы» был кладбищенский вор, убогий и жалкий.

– Вину сможешь искупить, если пойдешь с нами и отработаешь, – жестко сказал Аристарх Сергеевич. – Как тебя зовут?

– Василием кличут.

– Вот и хорошо, Вася, двигай за нами. Не бойся, не обидим.

Жертва слаш склонила голову в драном малахае, вздохнула тяжело-претяжко, но возражать не посмела. Они выбрались на большую аллею и зашагали в ту сторону, где начиналась тропка, ведущая к проходу в заборе: двое магов по бокам и понурый Василий в центре.

До пересечения двух аллей осталось меньше десятка шагов, и тут Олега слегка замутило. Засосало под ложечкой, запершило в горле, закололо в сердце. Возник тот дискомфорт, что появлялся, когда Турнов имел дело с ложью, и позволял безошибочно отличить ее от правды.

– Стой! – воскликнул Олег, сам не до конца понимая, что вызвало это ощущение. – Тут что-то не так!

Под березой с раздвоенным стволом, что росла у самого перекрестка, задрожал воздух. Словно заколыхалась невидимая паутина, отошла в сторону, и из-за нее шагнули двое невысоких, похожих друг на друга мужчин в лыжных шапках, пуховиках и «дутых» сапогах.

Тот, что повыше, держал жезл, похожий на витой рог, горевший желтым огнем. Второй, поплотнее, с кривой ухмылкой, мог похвастаться чуть ли не дюжиной разноцветных перстней на пухлых пальцах. А еще у них была сероватая кожа и отсутствовал зрачок в глазу.

Перед магами «Золотой розы» стояли двое Наблюдателей, существ бесцветной сферы. И наверняка они принадлежали к ордену Белых Вихрей, в чьих владениях лежало Сорновское кладбище.

Что привело Наблюдателей сюда – можно было не спрашивать.

– Какая замечательная встреча, – сказал Наблюдатель с жезлом. – А мы-то гадали, кто поднимал такую бучу. И надо же – слухи подтвердились, «Золотая роза» балуется некромантией. А это кто с вами? Тот, кого вы хотели зарезать, принести в жертву, но не успели?

Василий вытаращил глаза и распахнул рот.

– Дело обстоит не совсем так... – Аристарх Сергеевич говорил осторожно, тщательно подбирая слова. – Не мы подняли мертвецов из могил. Виной всему слаш, точнее – охватившее их безумие, и мы готовы предоставить сему доказательства. Одним из них может стать этот бедолага. Он...

– Лапшу будете вешать на уши сородичам! Нас не обманешь! – прервал отставного капитана Наблюдатель с перстнями. – Вы застигнуты на месте преступления и должны проследовать за нами! Вас ждет дознание и суд ордена. Я уверен, он будет справедливым.

«Бесцветные» не обманывали, они в самом деле считали, что некромантией только что занимались маги «Золотой розы».

– А если мы откажемся пойти с вами? – спросил Олег, чувствуя нарастающее раздражение.

Усталость от поездки, горечь, оставшаяся после разговора с Леной, несправедливое обвинение, второе за три дня – все это смешалось в душе и породило обыкновенную злость.

– Мы поведем вас силой, – более высокий Наблюдатель улыбнулся, и жезл в его руках засиял ярче.

– Стоп-стоп! – поспешно вмешался Аристарх Сергеевич. – Перед лицом общей опасности мы должны объединиться. Вражда приведет лишь к тому, что мы ослабеем, и тогда не сможем...

Наблюдатель с перстнями, похоже, решил, что ему опять вешают лапшу на уши. Он начал поднимать руку, и тут Олег не удержался. Он шагнул вперед и ударил, без помощи магии – просто кулаком. Попал удачно, прямо в подбородок, запястье дернуло болью, «бесцветный» отлетел на несколько шагов, запнулся и шлепнулся задницей в сугроб.

– Подонки! – второй Наблюдатель повел жезлом, янтарное свечение стало ослепляющим.

– Нет! Не надо! – В голосе Аристарха Сергеевича прорезалось отчаяние.

Заорал перепуганный Василий.

Олег прикрыл глаза ладонью, прищурился, чтобы увидеть в желтом огне силуэт второго врага и врезать ему как следует. Щекой ощутил холодное дуновение, услышал мягкий шорох.

Свет погас, стал виден Наблюдатель, пытавшийся стряхнуть с жезла ком липкой серовато-черной «грязи», и Аристарх Сергеевич со вскинутой рукой. Это он, судя по всему, вывел из строя боевой амулет противника.

– Бегом! – рявкнул отставной капитан, как рычал в свое время на солдат, и Олег стартовал так, как не стартовал в те времена, когда занимался легкой атлетикой. Тут же притормозил, понимая, что такими темпами оставит соратника далеко позади. Мимо, размахивая руками и задирая колени, пронесся Василий, за ним, тяжело дыша, протопал Аристарх Сергеевич.

Шестьдесят лет – не лучший возраст для пробежек...

Сбитый наземь Наблюдатель привстал, махнул рукой. В воздухе развернулась сеть из серебристых нитей, мерцающая, живая – «кокон Артемиды», самонаводящееся ловчее заклинание. Если его не остановить, оно наберет скорость, настигнет беглецов и лишит их возможности двигаться.

Олег встретил сеть потоком воздуха, разорвавшим ее на куски. Пошатнулся от слабости, но своего добился – «кокон Артемиды» потерял силу и начал понемногу рассеиваться.

Но тут жезл в руках другого Наблюдателя засиял вновь, породил желтый луч.

– Получи! – в этом крике «бесцветного» прозвучало торжество.

Единственное, что Олег успел сделать, – это отклонить удар, отвести его немного в сторону. Из-за спины раздался полный боли крик, и Турнов обернулся, похолодев – неужели задело Аристарха Сергеевича?

Но отставной капитан был цел, стоял рядом с одной из разоренных могил. А вот Василий, незадачливый кладбищенский вор, столкнувшийся со slash, а затем с магами «Золотой розы», медленно падал в снег, и на спине его в синем пальто темнела дыра размером с кулак.

Понимая, что второй раз он такую атаку не отобьет, Олег побежал, петляя на ходу. Нагнал Аристарха Сергеевича, и они свернули с аллеи на вьющуюся среди захоронений дорожку.

Выпущенный из жезла луч прошел мимо, поразил одно из деревьев, и оно с треском сломалось. Донеслись и затихли за спиной полные разочарования вопли Наблюдателей.

– Вот садят... – проговорил Аристарх Сергеевич. – А я совсем истощился.

Олег тоже потратил много сил, остался лишь тот резерв, использование которого грозит магу неприятными последствиями. Ноги и руки начали неметь, холод проник под теплую куртку, а в мышцах возникла ломота.

Попытался на бегу установить контакт с одним из источников «Золотой розы», и это получилось. Теплая волна пошла по телу, но медленно и неохотно, точно вылил на себя ведро разогретого подсолнечного масла.

Чем дальше маг находится от колодца, тем больше времени требует «подзарядка». В нескольких шагах от него она займет мгновения, на дистанции десятков километров – не меньше часа.

– Одного боюсь – как бы наш таксист не удрал, – сказал Олег, когда они выбрались к

проходу в ограде. – А то мы такую иллюминацию устроили, что ее и от церкви было видно.

Аристарх Сергеевич ничего не сказал, только слабо улыбнулся.

Но когда они вышли на площадку перед воротами кладбища, серая «Волга» оказалась на месте, и Часовщик обнаружился на водительском сиденье.

– Где вы пропадали, мужики? – нервно заговорил он, едва пассажиры оказались в салоне. – И что там такое было? Я не маг, но всякие неприятности нюхом чую. А тут от них просто смердит...

Олег прервал монолог таксиста, сунув ему под нос пятисотенную купюру.

– Гони! – велел он.

– Куда? – спросил Наблюдатель, схватив деньги.

– Куда угодно, лишь бы подальше отсюда!

Олег оглянулся, за воротами кладбища увидел бегущих со всех ног Наблюдателей. Но серая «Волга» рыкнула мотором, рванула с места так, что мокрый снег полетел из-под колес, и яростно махавшие руками «бесцветные» начали удаляться. Осталась позади церковь, таксист вписался в поворот, и они помчались вдоль покрытого льдом длинного пруда.

– Кажется, вырвались, – еле слышно сказал Аристарх Сергеевич, откидываясь на спинку сиденья.

– Ой, чую, будут у меня неприятности, – вновь занял таксист.

– Ты всегда можешь сказать, что мы тебя заставили, – сказал Олег.

– Могу. – Часовщик уныло вздохнул. – Да только кто этому поверит?

Серая «Волга» свернула на мост, миновала АЗС, притормозила перед поворотом, и тут на лобовом стекле точно расцвел огненный цветок. Олег услышал тонкий крик водителя, бешеный скрип тормозов, уловил глухой удар, а затем все звуки исчезли, оставив бархатную, плотную тишину.

Глава 4

Сергей Жарков, репортер газеты «Нижегородский городской», был не просто «акулой пера», а настоящим «кархародоном ноутбука» и «касаткой диктофона». Он извлекал факты, скрытые под толстым одеялом тайны, мастерски раздувал слона из дистрофичной мухи, писал хлестко, быстро и остро и никогда не имел проблем с такой вещью, как совесть.

Ввиду отсутствия совести.

Сам Сергей считал себя честным журналистом, что доносит до людей правду и тем самым выполняет свой долг. А то, что фигуранты его статей после появления этих самых статей оказывались по уши в неприятностях, было малозначительной подробностью, не стоящей упоминания.

Ну и, само собой, его интересовали гонорары, желательно – с большим числом нулей после первой цифры.

Жаркова знали в коридорах власти и среди бомжей, ошивающихся рядом с Московским вокзалом, его одинаково ненавидели в милиции и городском Департаменте здравоохранения. Он имел осведомителей везде, где только можно, и даже там, где вроде бы нельзя.

Было предпринято несколько попыток вразумить Сергея, набить ему морду, подать в суд. Но все они закончились одинаково – из каждой он сделал новый «материал» и заработал на ней деньги.

К тридцати двум годам он обзавелся репутацией, большой и вонючей, точно издохший неделю назад Кинг-Конг, неплохой квартирой в центре города и объемистым счетом в банке.

Новый, двухтысячный, год начался для Жаркова не очень удачно. Он сумел сделать репортаж с грандиозной попойки на даче одного из вице-губернаторов, но читатели, измученные праздниками и прилагающимися к ним похмельем, отреагировали на публикацию вяло.

А кое-кто даже и погордился: вице-губернатор-то, оказывается, мужик, ага...

Попытался раздуть сенсацию из охватившей Нижний Новгород эпидемии гриппа, но не сумел. А вдобавок первую неделю последнего зимнего месяца провел дома, отчаянно сражаясь с простудой.

К восьмому февраля болезнь была побеждена, и, встав утром, Сергей ощутил только легкий зуд в носу. Все прочие «радости», такие как боль в горле, слабость, кашель, – сгинули без следа.

А еще через пятнадцать минут, когда Жаркову позвонил один из информаторов в милиции, репортер «Нижегородского городского» забыл о простуде. Услышав, что около магазина «Все для джипов», что на Бекетова, случилась перестрелка, Сергей поспешно оделся, схватил «рабочую» сумку и выскочил из квартиры.

Вскоре его белый «Фиат Пунто» вырливал со двора.

По дороге просочился через стальные переплетения двух автомобильных пробок – на Канавинском мосту и на площади Лядова. Остановившись у обочины напротив магазина, выскочил из салона и облегченно вздохнул.

Около двери, над которой висела сине-желтая вывеска «Все для джипов», стояла красная пожарная машина, чуть в стороне виднелся милицейский «уазик» и серебристая «Судзуки Витара».

– Ну что, работаем? – сказал Жарков сам себе, ощущая в глубине души приятный, будоражащий зуд.

Не прошел и пяти шагов, как дорогу преградил выступивший из-за «уазика» сержант милиции, низкорослый и плечистый, с брезгливым выражением на бледном лице.

– Закрывается, – бросил он. – Или не видишь?

– Пресса, газета «Нижегородский городской». – Сергей вытащил журналистское удостоверение и, не давая стражу закона опомниться, превратил его из противника в собеседника. – Ведь вы согласны, что жители нашего города имеют право знать правду о том, что тут произошло?

Бледное лицо сержанта отразило колебание, но он был вынужден согласиться:

– Да.

– Тогда дайте мне делать мою работу, – Жарков лучезарно улыбнулся, – а я пообещаю, что не буду мешать вам делать свою.

Но тут из «уазика» выбрался человек в штатском, назвавшийся капитаном Угловым, и переговоры пришлось вести уже с ним. Сергей быстро добился разрешения побывать в магазине и сделать фотографии, но когда перешел к сути дела, то произошло нечто странное.

Капитан, только что спокойный и уверенный в себе, начал сбиваться, путаться, бормотать нечто невразумительное, вроде: «Ничего тут не было на самом деле. Ложная тревога».

– Но ведь вы зачем-то приехали сюда? – Жарков в отчаянии воззвал к чувству долга стража закона.

– Да, но это ложный вызов, ничего не произошло... – забормотал капитан, точно автомат, и видно было, что он не обманывает, что сам верит в то, что говорит, но верит словно не до конца.

– А кто это такой, на «Витаре»? – поинтересовался Сергей, глядя на севшего в серебристую «Судзуки» крепкого дядьку лет сорока, по виду – типичного «братка». – Хозяин магазина?

– Да, вроде он. Как же его фамилия?... – Капитан озадаченно почесал лоб. – Вот надо же, забыл.

– Спасибо за помощь, очень вам благодарен.

Жарков выключил диктофон и двинулся к «Витаре», но та резво взяла с места, так что журналист увидел только промелькнувший за стеклом профиль.

– Вот шустрый какой... Ладно, порасспросим пожарных, может, они что скажут.

Но и тут Сергея ждало разочарование. Доблестные рыцари шланга и приставных лестниц бормотали одно и то же – мелочь, неприятности с проводкой, потушили в один

момент без труда. Но копоть на их костюмах, касках и рукавицах говорила об обратном, а вид у собеседников Жаркова был усталый.

Он успел опросить двоих до того, как пожарные загрузились в машину и уехали.

Вздохнув, Сергей убрал диктофон в сумку и вытащил дорогой цифровой фотоаппарат. Сфотографировал вход в магазин и удивленно нахмурился, обнаружив на двери и на стене около нее разводы инея.

Откуда они могли взяться?

Подойдя к стене вплотную, он заметил на кирпичах еще кое-что интересное – брызги некоей жидкости, подозрительно похожей на кровь. Ковырнул одну пальцем, и бурая чешуйка легко отслоилась. В этот момент под ногой что-то хрустнуло, и нагнувшийся Жарков подобрал гильзу от патрона калибром девять миллиметров.

Так, выходит, что перестрелка все же была, и Углов врал...

Или самому капитану капитально промыли мозги...

– Что вам тут нужно? – сердитый окрик прозвучал в тот момент, когда Сергей, присев на корточки, разглядывал темные пятна на асфальте.

Жарков поднял голову и обнаружил, что на него смотрит вышедший из магазина усатый и лысый мужик с глазами навывкате.

– Пресса, – сказал Сергей. – Вы работаете во «Все для джипов»? Не желаете дать комментарий?

– Не желаю. Уходите. Вам тут нечего делать...

Усач замахал руками, а Сергей про себя усмехнулся.

Он «раскалывал» и не таких, заставлял говорить людей, считающих всех на свете журналюг подлыми тварями, добывал сведения у того, кто ненавидел лично его самого. Он знал, как общаться с теми, кто настроен враждебно, и по капле, по щепоточке вытягивать из них нужную информацию.

Через пять минут беседы лысый усач, так и не назвавший своего имени, готов был «писать кипятком», зато Жарков по фразам собеседника смог узнать довольно много: что во «Все для джипов» произошло в самом деле что-то чрезвычайное, что жертвы были, причем не одна, и что владельцы магазина сумели скрыть это от милиции.

– Ну, раз вы не пускаете меня внутрь, то я ухожу, – сказал Сергей. – Всего вам наилучшего.

Оставив усача пыхать гневом, он пошел к машине.

Сев в водительское кресло, достал сотовый и набрал номер одного из коллег, знающего все о нижегородском бизнесе. Разговор с ним, в отличие от предыдущих, оказался информативным. Жарков узнал, что магазином «Все для джипов» владеет фирма «Аргос», а на серебристой «Витаре» ездит один из ее учредителей, Ярослав Шишкин, прошлым летом едва не погибший в автомобильной катастрофе.

– Все понял, спасибо, – сказал Сергей и разорвал соединение. – Ну что, господин Шишкин, придется выяснить, кто вы есть и чем занимаетесь.

Он всеми фибрами души журналиста, творца сенсаций чуял, что здесь скрыта не просто тайна, а нечто, способное превратиться в серию публикаций и большой, серьезный гонорар.

Город в джунглях под теплыми лучами южного солнца был таким же, каким Олег увидел его впервые.

Так же гордо высилась ступенчатая пирамида с обелиском на вершине, ходили по улицам люди и нелюди, звенели украшения женщин, надрывали глотки торговцы. Но на лицах, что в прошлый раз отражали лишь покой и довольство, можно было заметить тревогу и страх.

От дома к дому ходили выбритые наголо мужчины. На боку у каждого висела объемистая сумка из сушеной травы, на лбу выделялась отметка – треугольник из черных точек, а на правой руке виднелся медный браслет, украшенный бледно-зеленым камушком.

Когда двое обладателей блестящих лысин вынесли на улицу старую женщину, уложили

на носилки и принялись окуривать дымом от горевших пучков какой-то травы, Олег сообразил, что это лекари и что в город с пирамидой пришел мор. И затронул он не только людей – вот завывали сатра, оплакивая собрата, вот двинулась по улицам похоронная процессия, и впереди, на носилках, закрытый тканью цвета крови, лежал бледный и тощий верог.

Стало ясно, почему у горожан такие мрачные лица и почему вершину пирамиды окутывает серый дым.

Наверняка там приносят жертвы, вымаливая у богов прекращения жуткой напасти.

Олег ощутил резкий запах дыма так, словно горело рядом, в нескольких шагах. Попытался оглянуться, вздрогнул и, точно птенец из гнезда, вывалился из видения в реальность.

Дыма хватало и тут, густого, темного, с тем едким привкусом, что дает понять – обугливается нечто покрытое краской. Зверски болело все тело, но в особенности затылок и колени, и еще полоса от правого плеча до левого бока, где ощущалось несильное нажатие.

Мысли в одурманенной башке задвигались с трудом, и в первый момент Олег решил, что он в Афгане, внутри подбитого БМП, и что нужно вылезать из «десанта», пока все не рвануло к чертям или не прилетел еще один подарочек от проклятых «духов». Зашарил вокруг себя, понял, что полоса от плеча к бедру – ремень безопасности, и сообразил, что в десантном отделении не бывает мягких кресел.

Дым душил, заползал в горло, в голове мутилось все сильнее.

Дрожащими руками сумел расстегнуть ремень, нащупал справа дверцу и вывалился из салона «Волги» на сырой асфальт. Холодный, пахнувший бензином ветер ударил в лицо, прояснил мысли.

– Выбрался? – прозвучавший сверху голос принадлежал Аристарху Сергеевичу, и это означало, что отставной капитан жив, не получил серьезных травм и сумел покинуть подбитую машину.

– Выбрался. – Олег оттолкнулся от шершавого асфальта, поднимая тяжелое, налитое болью тело и одновременно пытаюсь привести в порядок мысли. – Кто это нас?.. И чем?

– Наблюдатели. Успели в последний момент привязку наложить и по ней навели какую-то пакость... – Аристарх Сергеевич сплюнул на снег, и слюна его оказалась розовой.

На лбу у него виднелась ссадина, темно-зеленый пуховик на плече был разорван, из разрыва торчали белые и серые перышки.

– Машина... бензобак взорвется, – Олег оглянулся на такси.

– Если до сих пор не рванула, то и дальше ничего с ней не будет.

Серая «Волга» выглядела так, словно на нее рухнул метеорит. Закопченное лобовое стекло покрывали трещины, а там, где раньше располагался мотор, темнела заполненная дымом яма. В ее глубине искрило, потрескивало, но взрываться вроде бы не собиралось. Дыму был полон и салон, в сером мареве угадывались очертания уткнувшегося лбом в руль Часовщика.

Какое заклинание применили «бесцветные», Олег не знал, но понимал, что им сильно повезло. Угоди оно в салон, от магов «Золотой розы» остались бы куски окровавленного мяса.

– Таксист наш готов, я проверял, – сказал Аристарх Сергеевич. – Надо взять из вещей все ценное и уходить. Наблюдатели скоро будут здесь, и весь вопрос в том – насколько скоро.

– Да. – Чувствуя себя роботом с давно заржавевшими сочленениями, Олег проковылял к багажнику и поднял крышку. Выволок чемоданчик отставного капитана, вытащил свою сумку. – Паспорт надо забрать, без остального можно обойтись.

Они зашагали прочь от окутанной дымом машины, по обочине, мимо гаражей, туда, где возвышались жилые дома. Ветер донес от АЗС чей-то крик, но ни Олег, ни Аристарх Сергеевич не стали оборачиваться, чтобы проверить, кто кричал и чего хотел.

Свернули за гаражи, разбитая «Волга» пропала из виду, и отставной капитан вытащил

из кармана сотовый.

– Надо вызвать машину и сообщить нашим, что происходит, – сказал он, прикладывая аппарат к уху. – Да, я... У нас тут форс-мажор. Нужна срочная эвакуация... Откуда? Район улицы Гаугеля или ближе к центру Сормово. Кто поедет – пусть звонит, сориентируем. Что? Наблюдатели, из Белых Вихрей. Так что нам не помешает и прикрытие. Ладно, понял...

– Что сказали? – спросил Олег.

– Машину обещали, а вот прикрытия не будет. Ждут атаки на источники, даже вассалов подняли.

Маги-вассалы, или, иначе, арендаторы имелись у любого крупного объединения чародеев. Формально они не считались членами «Золотой розы», но за определенную плату пользовались энергией из ее источников, а в случае серьезной опасности выступали под ее «знаменами».

На ходу Олегу стало легче, боль ослабела, а голова прояснилась.

С улицы они свернули в проход между домами, миновали детский сад, и тут Аристарх Сергеевич остановился.

– Ух, погоди, не могу больше, задохнулся, – проговорил он. – Дай мне пару минут.

– «Бесцветные» наверняка зацепились за наши следы. – Олег оглянулся, но не заметил никого, кроме женщины с синей коляской.

– Я знаю, да...

Визг тормозов ударил по ушам, и во двор с улицы вывернул черный джип. Распахнулись дверцы, и из них полезли сосредоточенные деловитые мужчины с пылающими белым и синим огнем жезлами в руках.

– Вот и они, – сказал Олег, с дрожью осозная, что энергии у него сейчас хватит лишь на то, чтобы сотворить простенький морок или один раз ударить «огнями Архангела Михаила».

А против пяти вооруженных боевыми амулетами магов этого маловато.

«Бесцветные» видели, в каком состоянии находятся беглецы, и поэтому не торопились. Они шагали к людям неспешно, выстроившись цепочкой, и жезлы мерцали, словно елочные лампочки.

Женщина с коляской исчезла, точно провалилась сквозь землю.

Олег ждал, когда враги подойдут поближе, чтобы атаковать с максимально короткой дистанции, а затем пустить в ход кулаки, проверить, насколько хозяева Сормовского кладбища хороши в рукопашной. Краем глаза видел, что сгорбившийся, тяжело дышащий Аристарх Сергеевич глядит в землю, но губы его шевелятся, готовясь произнести заклинание.

– Недалеко вы ушли, – сказал тот, что шел в середине, высокий, с брюшком, заметным даже под теплым длинным плащом. – Был ли смысл так суетиться? Проще было сдаться сразу, тогда вы могли надеяться на снисхождение.

– Снисхождение и «бесцветные»? – усмехнулся Олег. – Эти вещи очень плохо сочетаются.

Заметил кивок Аристарха Сергеевича и резко выбросил руку. С ладони сорвались четыре шарика из прозрачного огня. Три угодили в поднятый для защиты жезл, один врезался в землю и разлетелся на искры. Два луча прошли через место, где только что стоял Олег, но поразили лишь воздух.

А он сам с наслаждением врезал брюхастому Наблюдателю в челюсть.

Тот пискнул, больше от удивления, чем от боли, и упал назад. Олег пнул следующего «бесцветного» в пах, так что тот согнулся и завыл. Прыгнул к третьему, легко ушел от неумелого тычка и ударил сам – раз, второй, жестоко, во всю силу, чтобы вывести противника из строя.

Схватил выпавший из руки врага жезл и едва не заорал от боли – тот оказался горячим, словно головешка. Развернулся к оставшимся на ногах Наблюдателям и обнаружил, что один стоит, как статуя, и даже не моргает, а второй силится двинуться, кривит лицо, напрягает

мускулы, но не может, словно его по рукам и ногам сковали невидимые путы.

Аристарх Сергеевич тоже времени даром не терял.

Несколько шагов, два удара, и на асфальте оказалось пять лишившихся сознания Наблюдателей.

– Брось эту штуковину, – сказал отставной капитан, безглаголиво сморщившийся при виде трофейного жезла. – Вряд ли она станет подчиняться тебе, да и фонит так, что за километр видно.

Олег разжал ладонь, и амулет брякнулся оземь.

– Идем дальше? – спросил он.

– Идем, – кивнул Аристарх Сергеевич. – Минут десять у нас есть, а там, глядишь, и машина за нами придет...

Но они успели одолеть метров двести, не больше. Почти до конца прошли длинную, выстроенную уступом «хрущевку», когда Олег услышал полный злобы и торжества крик: «Вот они!» Оглянувшись, увидел, что из-за угла дома вывернули те двое Наблюдателей, что были на кладбище: повыше – с жезлом и пониже – с перстнями на пальцах.

– Догнали, проклятые, – сказал Аристарх Сергеевич, – и теперь я не знаю, что делать. Убежать сил нет, сражаться – тоже. В тот раз нам повезло – застали врасплох, да и драться кулаками «бесцветные» не привыкли, все на магию полагаются. Сейчас обездвигат издалека, и только затем подойдут.

– Все равно будем сопротивляться, ерш твою меть! – прорычал Олег, сжимая кулаки.

Сам чувствовал себя слабым, точно после болезни, болели костяшки пальцев, сбитые о морды Наблюдателей. Внутри царила холодная пустота, признак того, что магической силы не осталось вовсе. Но при одной мысли о том, чтобы безропотно сдаться, выкинуть белый флаг, его передергивало, охватывало чувство протеста, сильнейшее отвращение к самому себе.

Вслед за двумя «бесцветными» показались те пятеро, что приехали на черном джипе. Олег ухмыльнулся, заметив, что двое из них ковыляют, один трясет головой, будто пытаясь избавиться от поселившегося в ней гула, а предводитель «светит» фонарем на физиономии.

– Ну что... – Аристарх Сергеевич осекся, когда в спины магам «Золотой розы» ударила волна теплого воздуха. Оранжевые блики упали на снег, крошечные огоньки вспыхнули в глазах разом остановившихся Наблюдателей.

Лицо их предводителя перекосилось от злости.

– И что это у нас тут творится? – сказал кто-то голосом скрипучим, точно старая дверь, а потом раздался звук, похожий одновременно на рычание и на карканье. Заметалось между домов эхо.

Высокий мужчина в сером ватнике и валенках вышел из-за спины Олега и остановился. Здоровенный черный попугай на его плече захлопал крыльями, и по ним побежали белые огоньки.

– Зачем тебе это надо? – спросил предводитель Наблюдателей. – Они виновны и достойны наказания!

Хозяин попугая покачал головой, рыжей, как пламя костра, и небрежно махнул рукой. Каждого из «бесцветных» окутало облако серого тумана, прошитого зелеными, красными и белыми нитями, и все семеро застыли, бессмысленно глядя перед собой и редко-редко моргая.

«Яйцо Брахмы» было наложено мастерски и с немыслимой скоростью. Ближайший час, а то и больше, Наблюдатели проведут в плену сильнейшей иллюзии, наслаждаясь победой над врагами и исполнением прочих желаний.

Рыжий поцокал языком и повернулся к магам «Золотой розы». Стало видно его лицо, блестящее, точно лакированное, острая борода, безумные глаза и широкая редкозубая улыбка. Птица на плече вновь замахала крыльями и вздыбила хохолок из прозрачных перьев.

– Граф... – сказал Аристарх Сергеевич. – Действительно, зачем тебе это надо?

Граф был Игроком, представителем многочисленной категории магов, умеющих

обходиться без колодцев. Источником силы для каждого из них служил «помощник», или «союзник» – существо, вызванное из другого измерения, совершенно чуждое всем двенадцати сферам. Выглядеть оно могло как угодно и в данном случае имело облик «попугая».

Один глаз у «птицы» был черным, будто его вымазали тушью, второй напоминал изумруд и бешено вертелся в глазнице.

Невероятно могущественные, не скованные никакими ограничениями, Игроки были непредсказуемы, точно стихийное бедствие, и порой причиняли такие же разрушения. Их мало интересовала власть, вообще земные дела, и они крайне редко вмешивались в дела обычных магов.

– Зачем-зачем... – проворчал Граф, и улыбка его погасла. – Нет бы «спасибо» сказать.

– Спасибо! – поспешно среагировал Олег.

Как и во время предыдущих встреч с Игроком, его одолело чувство, что представшая им картинка – обман, фальшь. Рыжий безумец с птицей на плече – обертка, в которой спрятано нечто чужеродное, слишком жуткое, чтобы показывать его человеческим глазам.

– Вот так куда лучше. – Граф захихикал, сотрясаясь всем телом, а «попугай» выплюнул язык белого пламени. – На вопросы отвечать не буду. Одно скажу: Девять Неизвестных были бы очень недовольны. Ладно, недосуг мне с вами язык чесать. Пользуйтесь, пока эти хлопцы мультики смотрят, – он махнул рукой в сторону Наблюдателей и исчез в облаке разноцветных искр.

Прозвучало и стихло раскатистое «каррр».

И тут же, точно дождавшись нужного момента, затрезвонил телефон в кармане Аристарха Сергеевича. Отставной капитан выхватил трубку, будто шашку из ножен, приложил к уху:

– Да. На проспекте Кораблестроителей? Отлично. Жди, сейчас будем. Как дойдем, я позвоню. – Он повернулся к Олегу: – Пошли, за нами приехали.

Они оставили семерку застывших столбами Наблюдателей позади, миновали двор, где произошла схватка. Через десять минут выбрались на широкий проспект, а еще через пять у обочины притормозила зеленая «копейка».

– Забирайтесь! – бросил распахнувший дверцу крепкий парень с носом картошкой и длинными светлыми волосами.

Бухнувшись на заднее сиденье, Олег вздохнул с облегчением. Понятно, что враг достанет их и здесь, что поразить заклинанием «копейку» так же несложно, как и «Волгу». Но для этого нужно ее сначала отыскать, а сделать это будет непросто.

Водитель вдавил педаль газа в пол, и они помчались на север, в сторону невидимой отсюда Волги.

– Степан, – сказал светловолосый, глядя в зеркальце заднего вида. – Вы как, целы?

Олег назвалсся, а в ответ на вопрос лишь махнул рукой – все и так было ясно.

– Ты лучше скажи, что за дела там творятся, – вмешался севший рядом с водителем Аристарх Сергеевич. – Мы из Нижнего позавчера уехали, вернулись сегодня утром, и поэтому ничего не знаем. Что, и правда война?

– Похоже на то, – отозвался Степан, один из бойцов охранного агентства «Аргус» и маг того же пятого ряда, что и Олег. – Наших всех «в ружье» подняли, готовность номер один объявили. Вчера магазин на Бекетова разгромили и подожгли, счастье, что вовремя пожарных вызвали. У нас два трупа, Колька и Серега, и у оборотней – четыре. Но вы об этом знаете.

– Не с такими подробностями, – сказал Олег. – Да, кстати, Лене надо позвонить...

Вчера он, согласно договоренности, не набирал ее номер, хотя и хотел. Терпел, сдерживался. В глубине души ждал, что она позвонит сама, скажет, что это была глупая вспышка эмоций, что она соскучилась.

Не дождался.

Но дозвониться до Лены не получилось – бесстрастный голос сообщил, что абонент

находится вне зоны действия сети. Не успел Олег как-то прокомментировать это, как подал голос сотовый Аристарха Сергеевича.

– Ярослав, – сообщил отставной капитан. – Да? Все в порядке, ушли... Граф помог...

Потом Аристарх Сергеевич замолчал, некоторое время слушал и напоследок несколько раз повторил: «Все ясно». Убрав трубку, прокашлялся, повернулся к Олегу и с иронической улыбкой сказал:

– Сегодня нас ждет еще одна встреча с Наблюдателями. Только на этот раз с орденом Желтого Ока.

Никто не знал, что на самом деле представляют собой ордена «бесцветных» – разные народы одной расы, просто конкурирующие объединения магов или же организации, составленные из последователей отличающихся друг от друга религий. Ясно было только одно – иногда ордена действуют вместе, но регулярно занимаются тем, что суют друг другу палки в колеса, а порой и воюют между собой.

Если ты стал врагом одного из орденов, это не означает, что в другом тебе откажут в помощи.

– Я вне себя от счастья, – буркнул Олег.

– Сейчас мы поедem в «Зеркальную пирамиду».

Это имя носила главная резиденция ордена Желтого Ока в Нижнем Новгороде. Целиком спрятанная за Пеленой, она располагалась на огороженном забором пустыре рядом с площадью Свободы.

– И что мы будем там делать?

– Ярослав купил у Желтого Ока информацию обо всех нижегородских слаш, – ответил Аристарх Сергеевич. – Полное досье. Где живут, чем занимаются, параметры ауры, магические умения. Деньги переведены, но само досье нужно забрать. Обладая этими данными, мы легко отыщем любого «черного», ну а там – как получится. Либо поговорим, если он окажется в здравом рассудке, либо попытаемся взять его в плен.

– А что, этим заняться больше некому? – После схваток сегодняшнего утра Олег чувствовал себя как выжатый лимон. Меньше всего хотелось еще раз вступить в противоборство с кем-нибудь из слаш, а пределом мечтаний являлись горячая ванна и кровать со свежим бельем.

– Судя по словам Ярослава – некому. Остальные – на боевом посту. Именно поэтому нас прямо с поезда отправили на кладбище. – Аристарх Сергеевич развел руками. – Что поделать, война. Степан, вези нас на площадь Свободы. Дорогу знаешь?

– Шутите? – отозвался светловолосый.

– Да, кстати... – Олег потер лоб, вспоминая, что зацепило его в словах Графа. – Что Игрок имел в виду, упоминая Девятерых Неизвестных? Кто это такие?

– Легенда эта известна и среди обычных людей, – голос отставного капитана звучал так, словно ему не хотелось говорить, – и упоминаются в ней девять магов, что странствуют по свету, притворяясь простыми смертными, но на самом деле хранят тайные знания. У каждого из них есть книга заклинаний и магическое кольцо, дающее власть над легионами духов. Один из девяти умеет возводить и разрушать города, другому ведомы все болезни, третий знает тайны кладов и рудных жил, ну и так далее. Когда один из них устает от жизни, он находит достойного, обучает его, посвящает, после чего умирает.

Нечасто, раз в столетие, собираются они вместе, чтобы поговорить о судьбах мира и решить, каким ему быть дальше. Девятеро определяют судьбы стран и народов, могут спровоцировать войну или мор, если считают, что это пойдет во благо всему человечеству.

Ну, а на самом деле...

Дальше Олег и настороживший ухо Степан узнали, что среди тех, кто живет «за Пеленой», ходит свой вариант легенды. Услышали о том, что якобы в глубокой древности, более пяти тысяч лет назад, девять Игроков сошлись вместе и образовали тайный орден, само название которого неизвестно.

Никто не ведает, для чего они сделали это, какие цели поставили перед собой. Ясно

только, что порой Девятеро, прикрываясь личинами, действуя через посредников и помощников, вольных или невольных, вмешиваются в дела магов двенадцати сфер. Рушат то, что кажется им лишним и ненужным, и, наоборот, оберегают вещи, кажущиеся им полезными.

Но чаще всего они действуют незаметно, так, чтобы никто о них и не вспомнил.

– Чтобы девять Игроков договорились между собой? – сказал Олег, когда Аристарх Сергеевич замолчал. – Я видел только одного, но кажется мне, и два между собой общего языка не найдут...

– Как лебедь, рак и щука, – Степан помотал головой. – Но сказка занятная.

– Вот именно, что сказка, – Аристарх Сергеевич зевнул и прикрыл рот ладонью. – А в сказке и заяц запоет. Хотя есть сильные маги, считающие, что Девять Неизвестных существуют на самом деле.

Олег глянул в окно и обнаружил, что они уже неподалеку от центра Сормово. Закрыв глаза, откинулся на сиденье и расслабился, давая телу отдохнуть, а энергии из источника, расположенного на Звездинке – потихоньку затекать в истощенную ауру.

Установленное еще на кладбище «подключение» работало исправно.

К моменту, когда «копейка» выбралась на площадь Ленина и справа открылась Ока, а за ней – панорама откоса, Олег почувствовал себя свежим и бодрым. Проснулся голод, организм напомнил о том, что последний раз его кормили вчера вечером, еще в столице.

Олег повторно набрал номер Лены, но результат оказался тот же – «абонент находится вне зоны действия сети».

Переехали реку, оставили позади Речной вокзал, и по Зеленскому съезду мимо кремля поднялись в «верхнюю» часть города. Через пять минут оказались на площади Свободы, и Степан притормозил на остановке.

– Вы идите, – сказал он. – Я припаркуюсь где-нибудь рядом. Как понадобится – звоните.

Двое магов выбрались из машины, и «копейка», выпустив из выхлопной трубы клуб сизого дыма, покатила дальше.

– Вот оно, логово «бесцветных», – сказал Аристарх Сергеевич, разглядывая пирамиду из тонированного стекла и металла, чья вершина, увенчанная золотым шаром, находилась на высоте метров пятнадцати.

– А вот тот ларек, что мне сейчас так нужен, – взгляд Олега притянул коммерческий киоск, называемый обычно «комком», где торговали пивом и всякой снедью. – Умру с голода, если не съем чего-нибудь.

Купил большую упаковку чипсов и подозрительного вида хот-дог, торчавшая из коего сосиска напоминала высунутый язык. И хрустящие хлопья, при изготовлении которых не пострадала ни одна картофелина, и «горячую собаку» проглотил в один момент, пока маги «Золотой розы» переходили улицу и шагали к калитке в сером металлическом заборе.

Глазам тех, кто не умеет видеть через Пелену, доступен только этот забор да огороженный им пустырь: засыпанные снегом бугры, торчащие из сугробов черные плети полыни.

Аристарх Сергеевич постучал в калитку, и та распахнулась.

– Вас ждут, следуйте за мной, – сказал молодой Наблюдатель, и темные глаза без зрачков блеснули.

Он развернулся, открылся лишенный волос затылок и татуировка на нем – гневно моргающий желтый глаз. Двигаясь за провожатым, маги «Золотой розы» поднялись на крыльцо, под массивный козырек на двух столбах из серого камня, и прошли через широкие двери из тонированного стекла.

Вестибюль, куда они попали, мог принадлежать крупному банку или иной богатой конторе: отполированный пол, мягкий, приглушенный свет; дюжина деревьев в кадках, образующая настоящий садик; и маленький водопадик, с журчанием рушащийся с метровой скалы.

Сдержанная, не бьющая в глаза роскошь.

Двери лифта разошлись бесшумно, открылись его зеркальные внутренности. Тяжесть ускорения навалилась на плечи, цифра «один» в крохотном окошечке превратилась в «два», а затем в «три», и гостей вывели в очень широкий светлый коридор.

Контраст с тем, что они видели внизу, оказался разительным, и Олег невольно хмыкнул.

Бледно-желтые стены коридора покрывала резьба — сплетающиеся стволы, ветви, листья. На зеркальном полу через равные промежутки стояли массивные тумбы из черного камня, и над каждой пылал лепесток синего огня. Запах цветов был столь силен, что наводил на мысли о том, что поблизости спрятана клумба.

— Прошу сюда, — сказал проводник, останавливаясь у участка стены, на первый взгляд ничем не отличавшегося от прочих.

Узкая бледная ладонь легла на развилку искусно вырезанного клена, и на желтой поверхности обозначилась черная щель. Превратилась в очертания двери, и та с шорохом провалилась внутрь.

Молодой Наблюдатель отступил в сторону и сделал приглашающий жест.

— Благодарю, — Аристарх Сергеевич первым шагнул в открывшуюся дверь, Олег двинулся следом.

Кабинет, куда они попали, был невелик и после коридора выглядел даже скучно — голые стены, жалюзи на единственном окне, стол в виде буквы «Т». В кресле позади ее верхней перекладины сидел Наблюдатель в темно-синем костюме, двое его сородичей, одетых в серое, расположились на стульях по бокам от нее.

Людам, похоже, предназначались еще два стула по разные стороны от ножки.

— Проходите, садитесь. Рад видеть, что вы... прибыли вовремя, — медленно проговорил «бесцветный» в синем, морща лоб, и Олег мгновенно ощутил в его словах ложь.

Что угодно испытывал этот тип, но никак не радость.

— И мы рады видеть, что нас встречают столь достойные персоны, — отозвался Аристарх Сергеевич и отодвинул один из стульев.

Судя по гостеприимно открытым аурам, все трое Наблюдателей и в самом деле являлись очень сильными магами. Притягивал взгляд тот, что в синем костюме — широкоплечий, с выступающими надбровными дугами над темными глазами и шишками на голом сером черепе.

Садясь, Олег обратил внимание на его лежащие на столе руки — тяжелые, мощные кисти с короткими толстыми пальцами.

— Недостойных нет... в нашем ордене, — опять же с легкой заминкой сказал обладатель синего костюма, и стало ясно, что это просто особенность речи. — Меня зовут Борис, и я взял на себя ответственность за... эту сделку и за то, что информация, переданная вам, достоверна на девяносто процентов.

Вот тут обладатель синего костюма не соврал — и насчет имени, и относительно собственного статуса.

— Почему на девяносто? — спросил Аристарх Сергеевич.

— С момента внесения последних... правок прошел год, — сказал Борис. — Поэтому вероятны не отмеченные нами... изменения. Их может и не быть, но мы... должны учитывать такую возможность.

— Хорошо, — кивнул отставной капитан. — И где же информация?

— Сейчас ее доставят. — Борис поднял руку и щелкнул пальцами.

Дверь в коридор открылась, и вошел молодой Наблюдатель с черной пластиковой папкой в руке. Отвесил поклон сородичам, затем гостям, положил папку на стол и удалился.

— Забирайте... — Борис протянул руку, осторожно погладил наклеенное на папке изображение желтого глаза. — Здесь все «черные», живущие в Нижнем и в области.

— Спасибо, — Аристарх Сергеевич взял папку, поднялся. — Да, кстати, а не догадываются ли уважаемые собеседники, что именно творится сейчас со славаш нашего города? Или, может

быть, знают точно? И имеют сведения, как это остановить?

Наблюдатели в сером переглянулись, их бесстрастные лица дрогнули, в глазах появилось беспокойство. Борис кашлянул, выдержал паузу, а затем равнодушно проговорил:

– Нет.

И в этом единственном слове оказалось столько лжи, что ее хватило бы на целую речь кандидата в депутаты. Олег вздрогнул, стало мерзко, словно обнаружил кучу мусора в собственной квартире. Захотелось поскорее выбраться из пирамиды с ее цветочными ароматами и «бесцветными» хозяевами.

– Хорошо, мы будем иметь это в виду, – Аристарх Сергеевич улыбнулся, вежливо и холодно. – Всего хорошего.

Олег нашел силы только кивнуть.

– До встречи, – процедил в спины людям Борис, и это прозвучало как угроза.

В коридоре их встретил тот же молодой Наблюдатель, проводил до лифта, а затем вниз, через вестибюль к выходу и по дорожке до забора. Когда за спиной Олега с клацаньем закрылась калитка, он не сдержался, выругался, помянув ершову бабушку.

– Что такое? – спросил Аристарх Сергеевич.

– Они нам ввали. Тот рукастый – точно... Насчет того, что не знают о слаш. Что-то тут нечисто.

– До сих пор ты ни разу не ошибался, – отставной капитан задумчиво почесал подбородок. – Твой дар чувствовать ложь работает, как швейцарские часы. Я склонен полагать, что и тут ты прав... Но в любом случае, мы не можем ничего проверить и ничего сделать. Ведь то, что Борис говорил насчет достоверности переданной нам информации, – он встряхнул папкой, – правда?

– Да, скорее всего.

– А большего нам на данный момент и не нужно. Давай выясним, где Степан, – и Аристарх Сергеевич полез за сотовым.

«Копейку» и ее блондинистого водителя они нашли в переулке рядом с фабрикой одежды «Весна». Увидев соратников, Степан выкинул в окно недокуренную сигарету и спросил:

– Ну, куда дальше?

– Сейчас разберемся, – ответил Аристарх Сергеевич, забираясь в машину. – Поглядим, что у нас и где.

Внутри папки обнаружились обычные листы писчей бумаги, на каждом сверху – герб ордена Желтого Ока и печатный штамп «Информация для внешнего пользования», снабженный заливчатой подписью. Под «шапкой» располагались сведения о жителях Нижнего Новгорода и области, принадлежащих к черной сфере.

Всего о сорока семи гражданах.

Вроде бы немного – капля в море, но если представить, что все дружно сойдут с ума и начнут разбрасываться заклинаниями из арсенала некромантов, то мурашки побегут не только по коже, но и по внутренностям.

– Вот и наш приятель из Сормово, – проговорил Аристарх Сергеевич, взяв верхний листок. – Почти пятьсот лет, надо же... хотя данные недостоверны... но зато его магическую силу они оценили верно. Мы сегодня в этом убедились, – он улыбнулся, и улыбка вышла невеселой, – и едва остались живы.

Олег протянул руку и цапнул второй лист, пробежал глазами: Торсверн, отпрыск Храстена, дата рождения – конец восемнадцатого века; параметры тела Силы... объем, любимые заклинания; знаменательные события, в которых участвовал; ага, адрес... улица Шекспира... это где-то в нижней части, а где точно, и не вспомнить сразу, но в любом случае – далеко.

Не годится. Следующий.

По просьбе Аристарха Сергеевича Степан достал из бардачка карту города, разложил ее на коленях. Вскоре стало ясно, что слаш предпочитают селиться на окраинах, где

поменьше людей и представителей других сфер, да еще и в частном секторе, чтобы пореже видеть соседей.

– Нижнепрудный переулок, – прочитал Олег на пятом по счету листке. – Где-то я это видел, и кажется, недалеко.

Пришлось обращаться к легенде карты, и вскоре стало ясно, что ехать до означенного переулочка не больше десяти минут, поскольку располагается он в районе оврага, через который улица Ванеева перебирается с помощью моста.

– Двинулись, – скомандовал Аристарх Сергеевич, убирая листки в папку.

Глава 5

«Макдоналдс», что на площади Горького, помнил еще те времена, когда гамбургеры и кока-кола в бумажных стаканчиках выглядели экзотикой и к его дверям стояли длинные очереди. Сейчас дела у заведения под красно-желтой вывеской тоже шли неплохо, и народу в бывшем книжном магазине всегда было навалом, особенно по выходным.

Но девятого февраля посетителей в «Макдоналдсе» почти не было – будний день, середина зимы. И поэтому мало кто видел, как на стоянке перед кафе одновременно остановились две машины – «Форд Таурус» черного цвета и бежевый «Порше Кайенн».

Из первого вылез широкоплечий бородач в длинном черном плаще. Умеющий видеть через Пелену житель Нижнего узнал бы в нем сатра Аристеаса, старейшину клана Фоон.

За ним последовали двое крепких парней.

Из второй машины выбрался высокий и мощный мужчина в кожаном пиджаке, блеснули его хищные глаза, сверкнули острые клыки. Андрей Симентьев, фактический глава племени Белозубов, тоже прихватил с собой двоих телохранителей, могучих, как цирковые борцы.

Они встретились у входа в «Макдоналдс» – сатра и маах'керу, «зеленый» и «фиолетовый».

– Вы вовремя, уважаемый, – заметил Аристеас.

– Точность – вежливость тех, кто обладает властью, – Симентьев улыбнулся уголком рта.

Только знающий о давней взаимной неприязни оборотней и сатра мог оценить проявленную обоими сдержанность.

В кафе вошли одновременно, воспользовавшись наличием двух дверей, и двинулись к лестнице на второй этаж. Два телохранителя – по одному от каждой стороны – взбежали по ней первыми, и сверху донеслись возмущенные голоса.

Но стихли они очень быстро, и когда Аристеас с Симентьевым прошли в один из малых залов, тот оказался пуст, а два стола – сдвинуты вместе и очищены от подносов и прочего мусора.

– Э... господа, чем могу вам помочь? – сунулся было к гостям явившийся на шум администратор.

– Тем, что быстро исчезнешь и не будешь мешать, – сказал Симентьев и бросил одному из своих: – Дай ему долларов двести, что ли, и пусть проследит за тем, чтобы нас никто не побеспокоил.

Побледневшего администратора увели, а сатра и маах'керу уселись напротив и некоторое время сверлили друг друга взглядами.

– Как причудливо течет жизнь, – первым нарушил молчание старейшина клана Фоон. – Чуть более полугода назад наши парни громили твою «Азию», а сейчас мы сидим за одним столом и собираемся заключить союз.

– Ты бы еще вспомнил, как десять лет назад мы грохнули твоего предшественника, – лицо оборотня пересекла кривая усмешка. – Как говорят у нас – кто старое помянет, тому зуб вон.

– Вам легко такое говорить, – сатра покачал головой. – У вас выбитые зубы отрастают

заново. Но я согласен – не время ворошить старые обиды. Пора наносить новые. Тем, кто мешает нам обоим. Итак, «Золотая роза», непомерно усилившаяся в последнее время. Что ты предлагаешь?

Симентьев положил на столешницу тяжелые, поросшие пегими волосками кулаки, и начал рассказывать.

– Союз, вот как? – Аристеас хмыкнул, потер двумя пальцами переносицу. – Вы вступили с ними в войну и хотите, чтобы мы вас поддержали. А бесчинства на кладбищах – их рук дело?

– Похоже на то, – глаза Симентьева горели, и казалось, он готов ринуться через стол, вцепиться собеседнику в горло. – Эти уроды с желтеньким цветком на гербе возгордились после того, что сделали летом, а сейчас, похоже, собираются захватить весь город, используя для этого некромантию. Готовят новое оружие, и на кого они обрушат его в первую очередь, как ты думаешь?

В июне в Нижнем обнаружили и уничтожили ячейку давно, казалось бы, разгромленного тайного ордена «Черное солнце». И сделано это было в первую очередь силами «Золотой розы».

– Да, наш домен зажат между их владениями, – признал Аристеас. – Но ты правильно сказал: они сильны. Даже если мы объединимся и нападём вместе, то это не гарантирует успеха.

Симентьев заворчал, точно большой и недовольный хищник.

– Верно, – процедил он. – Но у нас будет еще один союзник. Сегодня утром в районе Сормовского кладбища маги «Золотой розы» имели конфликт с орденом Белых Вихрей. Орден, насколько я понимаю, готов начать боевые действия и будет рад присоединиться к нам.

– Верные ли это сведения? – было видно, что сатра колеблется, что ему очень хочется поверить в слова маах'керу, но природная осторожность не дает сделать это так легко.

– Я никогда не говорю того, в чем сам не уверен, – Симентьев вскинул подбородок. – Или ты не доверяешь моему слову?

Оборотни-телохранители одновременно издали короткое ворчание, их коллеги-сатра напряглись. В малом зале на втором этаже «Макдоналдса» возникла та тишина, что широко открывает двери буре.

– Почему? Доверяю, – ответил Аристеас спокойно, даже равнодушно. – Но даже тебя можно ввести в заблуждение. Или ты обладаешь даром отличать правду от вымысла?

Симентьев выдохнул, и четверо телохранителей разом расслабились.

– Нет, не обладаю, – проворчал фактический глава племени Белозубов. – Но это не имеет отношения к нашему разговору. Я описал тебе наше положение и предложил союз. Ты должен ответить «да» или «нет», причем сделать это прямо сейчас. Нет времени на то, чтобы ждать и обдумывать.

Аристеас вновь потер переносицу двумя пальцами, дернул себя за бороду, темную, с обильной проседью.

– Ладно, я согласен, – эти три слова он выдал из себя. – Вы уже сражались с ними, знаете пределы их сил, поэтому я готов выслушать то, что ты предложишь. Нужно связаться с Белыми Вихрями, а затем атаковать, это ясно. Но как и куда? Что конкретно мы будем делать?

– Это решим, – в оскале Симентьева полыхнуло торжество, он деловито потер руки. – Слушай...

Они разговаривали еще пятнадцать минут, а затем встали из-за стола и пожали друг другу руки. Вокруг бородатого сатра и могучего оборотня заплясал, закружился многоцветный вихрь, доступный только глазам мага – знак того, что заключенный союз освящен силой двух источников.

Ударился в потолок, расплескался зелеными, синими и желтыми искрами, после чего исчез.

Ни Симентьев, ни Аристеас чародеями не были, но маги «зеленых» и «фиолетовых» следили за переговорами. Они откликнулись на призыв без задержки, скрепили сделку «подписью».

– Начало положено, – сказал маах'керу. – Осталось сделать дело.

И они пошли обратно к лестнице и по ней вниз, где угодливый администратор поспешно снял с перил цепочку с табличкой «Закрыто на корпоративное обслуживание». Когда выбрались на улицу, под серое холодное небо, Симентьев поежился, пробормотал негромко:

– Надоела эта хмарь... Хоть бы солнце вылезло, – и, повернувшись к Аристеасу, добавил: – Ну что, удачи, союзник.

– И тебе, уважаемый, – отозвался тот, и они зашагали каждый к своей машине.

Отыскать жилище slash оказалось непросто.

Зеленая «копейка» свернула с Ванеева, едва переехав мост, и принялась петлять по узким грязным улочкам частного сектора, похожим друг на друга, точно щенята из одного помета. Переваливаясь на неровностях, спустились в овраг, посреди которого бежал ручеек, кое-где прикрытый серыми льдинами, и тут Олег углядел на одном из домов табличку с надписью «пер. Нижнепрудный, 6».

– Нам нужен двенадцатый, – сказал Аристарх Сергеевич, сверяясь с картой. – Это туда, похоже.

– Нет, вы как хотите, а я в ту сторону не поеду, – заявил Степан. – Там если когда и был асфальт, то давно под землю провалился. Застряну – что будем делать? Трактор вызывать? Попробуйте пешком...

Выше по склону начиналась нормальная застройка, и там добротные частные дома стояли тесно, забор к забору. Виднелись металлические и черепичные крыши, торчали ветки плодовых деревьев. Здесь же, на дне оврага, под линией электропередачи, чья опора поднималась на обочине, строений было немного, и каждое стояло само по себе, отдельно от прочих.

Нижнепрудный переулок представлял собой колею, неровную линию, соединяющую дюжину старых домишек. Подслеповато блестели крохотные оконца, гнилыми казались черные стены, из сугробов выглядывали остатки покосившихся заборов.

– Мы попробуем, – сказал Аристарх Сергеевич. – А ты гляди по сторонам. Пошли.

Выбравшись из машины, Олег почувствовал сильный запах сырой земли, напомнивший о кладбище. Невольно поежился, подумав, что и тут из-под снега могут ползть мертвецы.

– И ты ощутил? – отставной капитан покачал головой. – Это отголоски сумасшествия того, кого мы ищем. Представляешь, что будет, если припадок безумия постигнет всех slash одновременно? Тогда поднимутся не только те кладбища, на которых хоронят сейчас, а и старые, давно забытые. Вскроются могилы под гостиницей «Москва», встанут те, кто спит вечным сном под тем торговым центром, что строят сейчас на Белинке. Как его? «Этажи», кажется... И тогда в Нижнем Новгороде будет не царство, а настоящая империя смерти.

– Умеее вы успокоить, – сказал Олег.

Они пошли по обочине, захлюпал под ногами сырой, перемешанный с грязью снег. Заорали, увидев людей, вороны, рассеявшиеся на старой вербе, несколько черных птиц поднялись в воздух.

Двое магов миновали дом восемь, затем десятый и увидели двенадцатый, более похожий на сарай.

Осевший, завалившийся набок, он казался покинутым, и только протоптанная к крыльцу тропинка говорила о том, что здесь кто-то живет. Калитка в дощатом заборе, что выглядел новым и добротным, была закрыта, а за ней стояла конура, достаточно вместительная, чтобы внутри убрался волкодав.

В ней что-то возилось и глухо взрыкивало, позвякивая цепью.

– Звуковой морок, – Аристарх Сергеевич понимающе улыбнулся. – Шумит, пугает, да

только не кусает, но зато кормить не надо. Но вот что странно, я не чувствую страха, и это плохо – хозяина нет дома?

– Может, привыкли? – Олег тоже не испытывал ничего похожего на то, что пережил на Сормовском кладбище. – Сколько мы этого страха натерпелись за сегодня? Хватит, пожалуй. – Посмотрим.

Отставной капитан толкнул калитку, затем просунул палец в щель и поддел щеколду. Та крутнулась на гвоздике, калитка со скрипом открылась, и в конуре завозилось сильнее, зарычало и загавкало.

Иллюзия того, что на непрошенных гостей сейчас бросится огромный злой пес, была полной.

Проходя мимо конуры, Олег нагнулся и заглянул внутрь, но не увидел ничего, кроме темноты, будто собачье обиталище было до самой крыши забито углем. Аристарх Сергеевич тем временем поднялся на крыльцо и принялся стучать в неожиданно мощную металлическую дверь с глазком.

На стук никто не отозвался, только громче закаркали вороны.

– Никого? – спросил Олег. – Может быть, заклинанием пощупать?

– Не стоит. Это невежливо.

Аристарх Сергеевич потянул за ручку – и дверь неожиданно легко распахнулась.

Открылась темная прихожая, огромный платяной шкаф, грязный половик на дощатом полу. Зеркало на стене напротив входа отразило отставного капитана, и за его плечом Олег увидел самого себя – мрачного, растерянного и такого усталого, словно не спал несколько ночей подряд.

Собственное отражение ему не понравилось.

Аристарх Сергеевич принялся.

– Мне кажется или пахнет горелым?

Честно говоря, он выразился очень дипломатично. Из дома просто разило паленым, причем не гарью и не сажей, не дымом из очага, а чем-то вроде обуглившейся изоляции или жженого волоса.

– Эй, хозяин! Есть кто тут? – отставной капитан немного поколебался. – Ладно, заглянем.

И он переступил через порог.

Олег шагал следом за соратником, морщился от мерзкого запаха и был готов к тому, что придется метнуть заклинание на звук, на движение. До боли в пальцах хотелось ощутить в них тяжесть «калаша», услышать за спиной дыхание товарищей, готовых прикрыть, подставить плечо.

Эх, все это осталось в афганском прошлом...

Они прошли сени, Аристарх Сергеевич толкнул дверь сбоку от зеркала, на этот раз обычную, деревянную, и замер.

– Вот и он, – сказал отставной капитан, и голос его прозвучал странно.

На полу сразу за дверью лежал труп. Раскинутые в стороны руки казались тонкими, словно ветви ивы, уродливыми буграми вспухали суставы. Смотрели в потолок выпученные глаза, и матово поблескивала кожа, черная, словно крышка рояля.

Обитатель дома номер двенадцать по Нижнепрудному переулку был мертв, и тело его покрывала короста ожогов.

– Вот откуда разит, – сказал Олег, стараясь дышать ртом.

– И вот почему не было страшно. Некому пугать. – Аристарх Сергеевич сделал два шага вперед и присел на корточки. – Интересненько. Посмотрим, что случилось с этим «черным».

Лишенный одежды слаш куда меньше походил на человека. Торс его был гладким, без выступающих мускулов, и более всего напоминал слегка приплюсненную трубу, обтянутую кожей. На ногах не имелось пальцев, отчего ступни смахивали на ласты, а в паху торчал пучок то ли толстых волос, то ли тонких щупалец.

Аристарх Сергеевич поводил рукой над трупом, затем прошептал что-то, и по коже мертвого слэш побежали зеленые искры.

– Попробуем выяснить, отчего он умер, – проговорил отставной капитан, щурясь так, будто смотрел на яркий свет. – Есть подозрение, что этот красавец прикончил сам себя. Но, с другой стороны, возможно, не одни мы такие умные, и кто-то понял, в чем причина безобразий на кладбищах. И решил устранить ее самым прямым способом – перебить «черных».

– Но кто? – спросил Олег. – Справиться даже с одним слэш непросто.

– Если бы я знал. Так, погоди...

Искры перестали бегать и воспарили над телом. Образовали шар сантиметров тридцати в диаметре, похожий на рой светляков. В нем замерцали смутные образы, появилось лицо, слишком размытое, чтобы можно было разглядеть детали. Затем шар мигнул и погас.

– Неудачно получилось, – в голосе Аристарха Сергеевича послышалось разочарование. – Поисковое заклинание не показало ничего. Ну что же, можно попробовать еще раз, только в другой тональности. Надо решить, понизить или повысить...

С улицы донесся требовательный автомобильный гудок.

– Степан сигналит? – Олег вышел в прихожую, приоткрыл дверь и выглянул наружу.

Зеленая «копейка» была на месте, а дрожание вокруг машины давало понять, что на нее наложен простейший отвод глаз, действующий только на тех, кто лишен магических способностей. Но зато неподалеку от автомобиля Степана стоял бело-синий «уазик», и от него к дому номер двенадцать брели трое мужчин в серых форменных куртках, штанах и фуражках.

– Аристарх Сергеевич, – негромко позвал Олег, прикрыв дверь. – Милиция явилась... Впору подумать, что нас опять подставили.

– Не может быть, – отставной капитан вышел в прихожую. – Как не вовремя. Придется уходить огородами.

Он поднял руки над головой, шумно выдохнул и опустил их через стороны к бедрам. От ладоней потекло лиловое свечение, полетели вниз, к полу, фиолетово-белые искорки, образовали сверкающий «пузырь». Тот раздулся, захватывая в себя и Олега, потом замерцал, поблек и рассеялся.

У Турнова на мгновение зачесались глаза.

– Теперь надо встать в сторонку, чтобы нас случайно не задела, – сказал Аристарх Сергеевич. – А когда эти типы пройдут мимо, мы спокойно выберемся наружу.

Они прижались к стене рядом с огромным платяным шкафом. Донесся скрип калитки, ворчание и лай звукового морока. Долетели тяжелые, уверенные шаги, закричали ступеньки крыльца.

– Есть кто дома? – спросили могучим басом. – Открывай, хозяева!

От мощных ударов содрогнулось все хлипкое строение. Затем входная дверь распахнулась, и в прихожую вошел громадный мужик в милицмейской форме. Зыркнул туда-сюда налитыми кровью глазками, раздулись широкие ноздри, ручищи сжались в кулаки.

– Ну и вонь, – пророкотал он.

– Иди давай, Симоненко, – сказали из-за спины великана нормальным голосом. – Дорогу не загораживай.

Симоненко, физиономией и комплекцией напоминавший гориллу, прошел мимо застывших магов, и Олег почувствовал мощный запах пота. За первым милиционером последовали еще двое, обычного сложения, оба – с брезгливо сморщенными лицами. Дверь осталась распахнутой.

– Вот и труп! – гроыхнуло из глубины квартиры. – Только чего он голый-то?

– Пошли, – шепнул Аристарх Сергеевич, толкнув Олега в бок.

Они скользнули к выходу, через мгновение очутились на ведущей к калитке тропинке. Только успели закрыть ее за собой, как один из стражей закона выбрался на крыльцо и принялся что-то торопливо говорить в мобильник.

Прошагали мимо «уазика», за рулем которого дремал толстячок в малахее, и забрались в машину Степана.

– Вы извините меня, – сказал тот. – Я их поздно заметил. Отвлёкся.

– Вывернулись, и ладно. Поехали отсюда. – Аристарх Сергеевич устало потянулся. – Двинемся на улицу Краснозвездную. Там живет еще один слаш, как ни странно, целиком и полностью лишенный магических способностей. Такое у «черных» – редкость.

– Эй, подождите, – вмешался Олег. – К чему такая спешка? Информацию мы добыли, задание Ярослава выполнили. Может быть, отвезти это досье ему и успокоиться?

– Мы на пороге войны, – сказал Аристарх Сергеевич очень серьезно. – И избежать ее можно, только доказав непричастность «Золотой розы» к тому, что творится на кладбищах. А сделать это можно одним-единственным способом – предъявить нашим врагам слаш, который и расскажет им все, и сам послужит живым доказательством нашей правоты.

– Спорить трудно, – согласился Олег.

Мотор «копейки» заворчал, и толстячок за рулем милицейского «уазика» обернулся, пытаясь увидеть, что вызвало этот звук. Лицо его удивленно вытянулось, а глаза стали большими, как у хамелеона.

Поднялись в гору, сине-белая машина с мигалкой на крыше скрылась из виду, и только после этого Степан снял наложенный на «копейку» морок. Выехать на оживленную трассу под пологом невидимости – самый верный и короткий путь к самоубийству.

Выбрались на Кузнечихинскую улицу, остановились, чтобы пропустить трамвай, и Олег обратил внимание на нескольких сатра, стоявших на тротуаре. Один из них взмахнул рукой, и боковое стекло «копейки» лопнуло, словно в него угодил камень.

Закрыться Олег успел просто чудом, несколько осколков воткнулись ему в предплечье, один оцарапал ладонь.

– Твою мать! – крикнул Степан, и мотор «копейки» заглох, наверняка тоже приглушенный каким-нибудь заклинанием.

Олег упал на сиденье, открыл ту дверцу, окошко которой осталось целым, и вывалился на асфальт, оставив между собой и сатра машину. Гадать, почему на них напали, следовало потом, сейчас главное – отбить атаку, причем так, чтобы «зеленые» побыстрее отступили.

Еще один удар – пока сатра пользовались обыкновенным «молотом» – «копейка» качнулась.

– Получите, суки, – прошептал Олег, приподнялся над капотом и пустил в ход «заморозку».

Увидел, как «зеленые» прыгнули в стороны, и сам поспешно присел, рванул дверцу водителя. Оттуда выбрался Степан, одним рывком вытащил за собой Аристарха Сергеевича с прижатыми к лицу руками.

Из-под ладоней отставного капитана текла кровь.

– Что с ним? – накатила ярость, захотелось выскочить из-за машины и броситься на сатра.

– Оцарапали, паразиты... – вместо Степана ответил Аристарх Сергеевич.

Он убрал руки от лица, и стало видно, что кровь течет из трех параллельных разрезов на правой щеке и еще из одного, побольше, у правого уха.

– Сейчас и мы их оцарапаем, – Степан засунул руку за отворот куртки и вытащил пистолет незнакомой Олегу марки, серовато-серебристый, массивный, с черными накладками на рукояти.

Звякнуло, грохнуло, повеяло холодом, и «копейку» рывком подняло на метр. Олег едва успел выставить щит, самый обычный заслон из собственной энергии, как об него разбились сразу три огненные стрелы.

Поскольку щит был лишен «заземления», Олег ощутил строченный удар. Нечто похожее на тяжелый горячий кулак садануло в грудь с такой силой, что та захрустела. Дыхание с хрипом вылетело из груди, рот наполнился кровью, перед глазами все померкло.

Из тьмы раздались глухие отрывистые хлопки, и он сообразил, что Степан пустил

оружие в ход. Тяжелый удар и лязг возвестили, что воспарившая в воздух машина рухнула на асфальт.

Олег моргнул и понял, что может дышать и видеть.

– Ты как, жив? – к нему склонился Аристарх Сергеевич. Раны на его лице выглядели уже так, словно были получены вчера или даже ранее: полосы коричневой корочки.

– Жив... а эти где? – Олег поднялся на дрожащие ноги.

Степан стоял рядом, держа в опущенной руке пистолет, и мрачно разглядывал то, что осталось от его машины. А трое молодых сатра со всех ног удирали в сторону заправочной станции.

– Смылись, скоты, – Степан убрал оружие на место. – И нам пора, клянусь всеми двенадцатью сферами. Иначе тут скоро соберется толпа зевак, а потом заявятся и те парни, что сейчас дохлого слаш щупают. Автомобиль придется оставить, а нам – мороком прикрыться.

На то, чтобы спрятаться от любопытных взглядов, потребовалось несколько мгновений. Аристарх Сергеевич забрал черную папку с досье на слаш, и трое магов «Золотой розы» двинулись прочь от искореженной «копейки». Прошли мимо озабоченной бабульки, вытянувшей шею, что твой гусь, расступились, давая дорогу подвыпившему мужичку, и свернули в переулок, ведущий в сторону улицы Ванеева.

Тут морок сняли, Степан вытащил сотовый и принялся названивать знакомым в автосервис, чтобы вызвать эвакуатор.

– И все же я не пойму, чем мы сатра насолили? – проговорил Олег. – Да, этот район принадлежит, насколько я помню, клану Фоон. Но ведь мы ничего такого не делали, даже не колдовали.

Аристарх Сергеевич пожал плечами:

– Не знаю, и сам теряюсь в догадках. Надо будет доложить Ярославу, но только после того, как мы доберемся до Краснозвездной и посмотрим, как поживает тамошний «черный».

– Тогда проще будет заехать ко мне, привести себя в порядок и взять машину, – предложил Олег.

Честно говоря, он хотел не столько переодеться или сесть за руль собственной «Ауди», а еще и посмотреть, как дела дома, на месте ли вещи Лены, выполнила ли она угрозу уйти к родителям.

Возражений не последовало, и они зашагали к остановке. Подошла маршрутка – замызганный «пазик», и на троих расхристанных мужиков уставилась женщина-кондуктор. Заметила царапины на лице Аристарха Сергеевича, разорванный на плече пуховик, грязь на штанах и куртке Олега, и в глазах ее возникло подозрение.

– Вы не пьяные?

– Трезвые, аки стеклышко, – отозвался Степан и полез в карман джинсов за мелочью.

Благополучно доехали до поворота на Печеры, и тут зазвонил телефон Аристарха Сергеевича.

– О, опять Ярослав, – сказал отставной капитан. – Да? Э... прямо сейчас? Хорошо, – и, убрав аппарат от уха, добавил: – Вылезает, парни, и едем в «Снежинку». Старший зовет, причем немедленно.

И по лицу его было видно – приказ отдан таким тоном, что места для сомнений или возражений нет.

Запищал сигнал на выход, почти проехавшая остановку маршрутка резко затормозила. Троице пассажиров достался еще один взгляд кондуктора, на этот раз – негодующий. С хрипом и грохотом открылась дверца, и Олег первым спрыгнул на мокрый асфальт.

Осталось перейти улицу и дожидаться маршрутного такси в обратную сторону.

Небольшое кафе под безобидным названием «Снежинка» располагалось неподалеку от площади Горького. Простые жители Нижнего Новгорода считали его грязной неудобной забегаловкой, где пить будут только опустившиеся алкаши, а есть – любители желудочно-кишечного экстрима.

На поддержание такого имиджа тратилось немало сил и средств.

В «Снежинке» имелся второй, дальний зал, доступный только для тех, кто в состоянии видеть сквозь Пелену, и там частенько собирались маги «Золотой розы». Понятно, что у ордена была положенная по статусу резиденция – в офисе на Алексеевской улице, но все серьезные встречи и тайные совещания проводились именно в крохотной кафешке под синеголубой вывеской.

Звонок Ярослава выбил Аристарха Сергеевича из равновесия, обычная улыбка исчезла с его лица.

– Что-то не то происходит... – пробормотал он в ответ на вопрос Олега «что случилось?». – Давно я не слышал у Ярослава такого голоса, с прошлого июня, когда мы с тобой и познакомились.

На дальнейшие вопросы Аристарх Сергеевич отвечать отказался.

До «Снежинки» добрались быстро, за каких-то полчаса. Когда вылезли из автобуса, обнаружилось, что на обочине около кафе припаркована серебристая «Витара» Ярослава, а прямо за ней – ядовито-зеленый немецкий микроавтобус, на котором обычно возили ударную группу бойцов «Аргуса».

– Ха, Артур тут? – с недоумением пробормотал Степан.

– И не он один, – сказал Олег, рассматривая двоих крепких парней, скучавших около грязной и обшарпанной двери «Снежинки».

Под взглядом Аристарха Сергеевича они вытянулись, Степану дружески кивнули, а на Олега не обратили внимания – понятно, что свой. Взвизгнули петли, которые не то что не смазывали, а еще и нарочно натирали грязью, и открылся первый зал «Снежинки», ее фальшивое «лицо».

Штопаные серые скатерти на столах, разнокалиберные пепельницы и стойка, из-за которой мрачно глядит тетка, живая иллюстрация того, что «совок» как стиль обслуживания клиентов живет и здравствует.

– Добрый день, Анна, – поздоровался с ней Аристарх Сергеевич. – Добрый день всем.

Шагнувший через порог Олег увидел, что в пустом, как правило, зале необычно много народу: Артур во всегдашней безрукавке поверх рубашки-ковбойки, несколько его подчиненных – обманчиво расслабленных, спокойных, точно сытые коты, и в углу – нахохлившаяся Лена.

Разглядев, кто вошел, она отвернулась, и Олега будто резанули бритвой по сердцу.

– А, вас как раз и ждут! Остальные уже там! – воскликнул Артур, порывисто шагнув навстречу Аристарху Сергеевичу.

Под «остальными», вероятнее всего, понимались Ярослав и маги второго ряда, общим числом пять, если считать отставного капитана. Те, кто принимает решения, исполнять которые приходится рядовым членам «Золотой розы».

– Я иду. – Отставной капитан повернулся и сунул черную папку в руки Олегу. – Держи пока.

Он зашагал к двери в дальнем конце помещения, около стойки. Степан направился к соратникам по «Аргусу», начались хлопки ладонью о ладонь, удары по плечам и приветственный гогот. А Олег обменялся рукопожатием с Артуром и двинулся к Лене.

– Привет, – сказал он.

– Привет, дружок, – она тряхнула рыжими волосами. – Если ты думаешь, что я рада тебя видеть – ты ошибаешься. Если ты думаешь, что я буду с тобой разговаривать – ты ошибаешься. Если ты...

– Ну и ладно, – Олег бросил папку на один из свободных столов и направился к стойке: есть хотелось по-прежнему, чипсы и хот-дог, поглощенные на площади Свободы, лишь приглушили голод.

Лена посмотрела ему вслед с некоторым удивлением.

К столику Олег вернулся с добычей: принес тарелку с бутербродами и бокал со «сто пятьдесят» коньяку. Спиртное выпил одним махом, не обращая внимания на сердитый

взгляд Лены, и принялся за еду. Внутри потеплело, из конечностей начал уходить холод.

Когда зазвонил сотовый, машинально потянулся к собственному карману и только потом сообразил, что орет совсем не его телефон.

– Да? – Артур приложил мобильник к уху. – Что, напали? Отбились? Двое раненых. Все понял, хорошо, – и, убрав аппарат на место, глава «Аргуса» громогласно объявил: – Только что была атака на наш источник на Бекетова. По всем признакам – «Союз Семи».

– А на нас сегодня сатра наехали, – сказал Олег. – Машину Степана угробили.

– Так клан Фоон к выкорышам Симентьева присоединился, – хмыкнул Артур. – Эти твари сейчас тоже – наши враги. Как и орден Белых Вихрей. Но ничего, мы еще им всем навалаем.

Понятно теперь, зачем Ярослав собрал магов второго ряда. Это не простая драчка, пограничный конфликт, что закончится примирением через несколько дней, а масштабная война, каких в Нижнем Новгороде не случалось с самого начала девяностых.

Вообще настоящего, стопроцентного мира среди тех, кто жил «за Пеленой», не бывало никогда. Всегда находился какой-нибудь клан или орден, состоящий во вражде с другим кланом или орденом, отыскивались желание и повод, чтобы сунуть врагу в бок шпильку или подложить свинью.

А поскольку никакого намека на центральную власть не имелось, то и одернуть драчунов было некому. Крайне редко возникала такая ситуация, чтобы одно сообщество магов могло диктовать волю другим, а если и возникала, то быстро разрешалась тем, что против усилившегося конкурента объединялись все остальные. Его чаще всего уничтожали, но порой просто ставили на место, ослабляли до приемлемого уровня. Ну а отпраздновав победу, вчерашние триумфаторы начинали грызться друг с другом.

Вечная вялотекущая война с перерывами на активные боевые действия.

Топлива в костер добавляли источники, имевшие обыкновение время от времени угасать. Отживший свое колодец в один не самый прекрасный день пропадал, а орден, владевший им, – оставался с носом.

И точно так же на нейтральной территории мог внезапно вырасти новый источник. За него немедленно начиналась драка, ведь чем больше у тебя колодцев, тем ты сильнее, тем больше у тебя власти.

Поэтому союзы между кланами и орденами не отличались прочностью и распадались с такой же легкостью, с какой рвется гнилая веревка. Территории и источники переходили из рук в руки, а сила объединений кланов колебалась в широких пределах.

Сегодня твой орден владеет половиной города, а завтра он – ничто...

Так обстояли дела в Нижнем Новгороде, и так же, насколько знал Олег, и в других городах.

Он доел бутерброды, отнес тарелку и бокал к стойке. А когда повернулся, чтобы возвратиться на место, дверь, ведущая во второй зал, открылась. Оттуда вышел Ярослав, за ним показались маги второго ряда – сутулый, похожий на учителя Антон Григорьевич, усатый Федор, Аристарх Сергеевич и две женщины, которых Олег знал только по именам: Мария Аркадьевна – постарше, и Ольга – помоложе, высокая блондинка с хищным взглядом.

Сейчас в этом взгляде таилось нечто похожее на страх, да и вообще верхушка «Золотой розы» выглядела пришибленной.

– Привет, Рыцарь, – Ярослав протянул руку. – Очень хорошо, что ты здесь, – пожатие у бывшего самбиста было крепким, по-настоящему мужским. – Так-так, я полагаю, смысла скрывать правду нет, – он обвел собравшихся взглядом, – и вы должны все знать. Мне больно произносить такое, но мы капитулируем...

– Что? – Лена вскочила со стула, глаза ее сверкнули. – Этого не может быть!

Олег почувствовал, что его ударили под дых ледяным бревном: капитуляция, безропотная сдача?

Но Ярослав не врал, в его словах не было и следа лжи.

– Но, босс... зачем? – На лице Артура отразилась растерянность. – Мы отбили две

атаки и сможем отбить еще сотню.

– Только не в том случае, если они навалятся все разом, – покачал головой Ярослав. – Против такой силы мы не выстоим: оборотни, клан Фоон, «бесцветные» из Белых Вихрей и «Союз Семи». Если начать сопротивляться, то прольется море крови, причем большей частью – с нашей стороны.

Аристарх Сергеевич подошел к Олегу, потрепал его по плечу и, перегнувшись через стойку, попросил сто граммов водки. Взял стопку и одним махом вылил ее содержимое в рот.

Аристарх Сергеевич, спиртного не терпевший!

– Иного пути нет, – сказал Ярослав, и Олег готов был поклясться: глава «Золотой розы» не лукавит, он сам верит в то, что говорит. – Мы должны пройти через капитуляцию, чтобы выжить. Как иначе мы докажем собственную невиновность, непричастность к тому, что творится сейчас на кладбищах? Слэш, к сожалению, найти не удалось...

Олег поморщился, краем глаза увидел, как скривился Аристарх Сергеевич.

– Но они... оборотни и прочие, заберут все, захватят источники, – подал голос один из бойцов «Аргуса», рыжий здоровяк, сидевший рядом со Степаном. – И как мы после этого выживем?

– Не заберут, – Ярослав встряхнулся всем телом, точно перед выходом на борцовский ковер. – Поскольку капитулируем мы по собственной воле, то и условия будут не очень жесткими. По крайней мере, я сделаю для этого все, и не только я один. Ведь так?

– Конечно, так, – сказал Аристарх Сергеевич. – Наш шанс еще в том, что победители передерутся между собой. Союз их не может быть долговечным, он просто обречен на распад. Поэтому нужно перетерпеть, пережить это унижение, дождаться того момента, когда станет ясно, что не «Золотая роза» балуется некромантией. Чтобы потом отомстить.

Они все говорили правильно, и Ярослав, и отставной капитан, но у Олега душа выворачивалась наизнанку при одной мысли о том, что придется сдаться. С детства он плохо умел проигрывать и всегда злился, когда не первым был на соревнованиях, и в Афгане бесила необходимость порой отступить перед «духами». Сейчас же его не просто просили проиграть, а заставляли отправиться на последнее место, добровольно признать себя слабейшим.

– Решение принято, и те, кто с ним не согласен, могут покинуть орден, – тон Ярослава изменился, стало понятно, что более никаких возражений глава «Золотой розы» не потерпит. – А мы отправляемся в резиденцию, куда через час прибудут для переговоров наши недруги.

Олег вздохнул и покорно склонил голову.

Глава 6

«Зеркальная пирамида», главная резиденция ордена Желтого Ока в Нижнем Новгороде, изнутри куда больше, чем можно подумать, глядя на нее снаружи. Она включает в себе четыре обычных этажа, которые в принципе может посетить уроженец любой из двенадцати сфер, два подвальных, о коих знают лишь Наблюдатели, и еще два, скрытых пеленой глубокой тайны даже от многих «бесцветных».

Нижний из этих двух, укрытый глубоко в недрах земли, невелик и состоит всего лишь из дюжины помещений. Тут хранится архив ордена, не тот, что доступен всем его членам, а тайный, истинный – биологические досье на всех Наблюдателей с желтым глазом на затылке. Здесь же прячут тайны, принесенные «бесцветными» с их сгинувшей родины.

И еще тут иногда встречаются иерархи Желтого Ока, чтобы обсудить то, что не предназначено для чужих ушей.

«Зеркальная пирамида» и сама по себе защищена от прослушивания, и с помощью техники, и заклинаниями. А уж в ее подземелья не проникнет даже пытливая крыса, не говоря уже о менее ловких, наделенных разумом существах.

Сегодня в одной из совещательных комнат на нижнем уровне оказались пятеро Наблюдателей.

– Рад видеть, что... все откликнулись на мой зов, – с легкой заминкой проговорил один. – Можно садиться.

Комната была невелика – три метра на три, пол, потолок и стены обшиты деревянными панелями, на которых алой краской нарисован А-рххан, символ абсолютного ничто, алчущей пустоты. Он превращает помещение в невидимку, делает его недоступным даже для самых изощренных поисковых заклинаний, в том числе и из арсенала хозяев пирамиды.

В центре комнаты – круглый стол, рядом с ним – стулья, в одном из углов – шкаф, в ящиках которого можно найти стаканы и полотенца, бумагу и карандаши, в другом – раковина с единственным краном.

Ничего лишнего, все для того, чтобы тут можно было спокойно работать.

Тот из «бесцветных», что выступил в роли хозяина, положил на столешницу тяжелые руки с короткими толстыми пальцами.

– Ситуация вышла из рамок, установленных планом, – сказал он. – Докладывай, Петр.

– Пятнадцать минут назад, – заговорил очень высокий Наблюдатель с острым носом, – «Золотая роза» обратилась ко всем своим врагам с извещением о том, что она сдается. Предложение о капитуляции было принято, и сейчас победители лихорадочно решают, как его использовать.

Лица его слушателей отразили удивление, остался спокоен лишь обладатель тяжелых рук, широкоплечий, с мощными надбровными дугами над темными глазами и шишками на голом сером черепе.

Для него сказанное не было новостью.

– Это очень странно, – буркнул Наблюдатель в темном костюме и с золотым зажимом на галстуке, – такого развития событий мы не предполагали. «Золотой розе» надлежало вступить в безнадежную войну, погибнуть самой и ослабить собственных врагов. Неужели мы неправильно оценили ее боевой потенциал, а также характеры ее лидеров? Кто этим занимался?

– Я! – вскинулся сидевший напротив «бесцветный», чьи глаза были ярко-голубыми, а руки украшали браслеты из меди. – И я готов повторить все выкладки! Но вы же знаете, что люди такие непредсказуемые!

– На их непредсказуемость можно свалить все, что угодно, – огрызнулся Наблюдатель с золотым зажимом. – В том числе и собственные ошибки, и собственную глупость...

– Тише, сородичи, – прервал его «бесцветный» с шишками на черепе. – Не хватало нам... перессориться. То, что произошло, нельзя изменить, и мы должны думать... над тем, как повернуть ситуацию к нашей пользе, а не браниться, подобно торговкам на рынке.

– Не надо было продавать им информацию, – буркнул молчавший доселе Наблюдатель, маленький, толстенький, в синем халате, какие обычно носят техники. – Я с самого начала говорил, что это ошибка.

– Я так... не думаю, – покачал головой обладатель шишек на черепе. – Информация «Золотой розе» ничем не поможет, а мы... отвели от себя подозрения. Никто теперь не скажет, что мы знаем... что-либо о напасти, терзающей городские кладбища, и что не спешим с ней бороться.

– Это верно, но сейчас речь не о том, – сказал голубоглазый. – Кто входит в коалицию, сокрушившую «Золотую розу»? Петр, ты должен следить за перипетиями этой войны.

Высокий Наблюдатель кивнул и выложил на стол нечто похожее на хоккейную шайбу, только не из резины, а из металла, покрытую тонкой резьбой. Сделал несколько пазов, и «шайба» засветилась, над ней поднялся столб розового сияния.

Развернулся в шар, и в нем появилось изображение – внутренности «Макдоналдса» и двое сидящих за столом мужчин: высокий мощный Симентьев и приземистый бородатый Аристеас Фоон.

– Я описал тебе наше положение и предложил союз, – проворчал оборотень. – Ты

должен ответить «да» или «нет», причем сделать это прямо сейчас. Нет времени на то, чтобы ждать и обдумывать.

Аристеас потер переносицу двумя пальцами, дернул себя за бороду, темную, с обильной проседью, и сказал:

— Ладно, я согласен.

Картинка мигнула, ей на смену появилась другая: светлая комната с большими окнами, и в ее центре, прижав к уху мобильник-раскладушку, замер черноволосый верог с морщинами на лбу: Иван, один из старейших вампиров Нижнего, лидер межсферного ордена «Союз семи».

Короткий разговор, верог кладет трубку, и картинка вновь меняется...

— Вот такие дела, — подвел итог Наблюдатель с шишками на черепе, когда свечение над «шайбой» погасло. — Наши сородичи... из Белых Вихрей, Симентьев с его шавками, клан Фоон, и Иван... во главе своего разношерстного сброда, — в голосе его звучало ничем не прикрытое презрение.

— Белые Вихри даже не имеют домена в верхней части города, — заметил голубоглазый. — Если победители начнут делить источники «Золотой розы», то им мало чего светит...

«Бесцветный» в синем халате кивнул:

— Да, пасть у Симентьева что надо. Вцепится — не оторвешь. Да и сатра жадны до чужого, особенно этот клан, за последние пять лет заметно потерявший силу. Что до «Союза Семи»... — он задумчиво поскреб подбородок.

— Они... сильны, — сказал Наблюдатель с шишками на черепе. — Но, как и все остальные, одержимы... властью и силой. И мы должны эту одержимость использовать. Сделать так, чтобы победители... вцепились друг другу в глотку, и чем быстрее, тем лучше. Пока не закончилась... эпидемия размножения среди слаш. Кстати, — он вопросительно глянул на сородича с золотым зажимом, — как там дела? Сколько... у нас еще времени?

— Частота приступов не падает, интенсивность остается на прежнем уровне. Количество носителей растет, эмбрионы не теряют способности к делению, а это означает, что они не развиваются. Картина странная, но для нас благоприятная. По всем признакам фактор, инициировавший запуск процесса, продолжает действовать, и сила его влияния не уменьшается. Я бы поручился как минимум еще за две недели, а то и за месяц.

— Это хорошо, — Наблюдатель с шишками на черепе свел ладони вместе. — Ну что, надо подумать, как стравить Белые Вихри, Симентьева, «Союз Семи» и клан Фоон. На разработку плана — двенадцать часов. Теперь распределим обязанности. Петр, от тебя потребуется информация об условиях капитуляции «Золотой розы». — Высокий «бесцветный» кивнул. — Ты, Юрий, начнешь игру с нашими сородичами. Не мне тебя учить, что и как делать...

Голубоглазый улыбнулся, показав ровные белые зубы.

Они проговорили еще двадцать минут, обсуждая детали и уточняя подробности. Затем одновременно поднялись, открылась дверь, и комната со знаком А-рххан на потолке, полу и стенах опустела.

Ровно на двенадцать часов, до следующей встречи пятерых.

В главной резиденции «Золотой розы», что на улице Алексеевской, Олег бывал не раз, и всегда ему тут не нравилось. Колола глаз показная роскошь отреставрированного пять лет назад купеческого дома, лишними казались мраморные колонны, портьеры из тяжелого алого бархата и прочие излишества, лет сто назад считавшиеся верхом хорошего тона.

Он предпочел бы что-нибудь менее помпезное.

Помимо избыточной пышности, резиденция не имела недостатков. Она находилась в престижном районе, к ней удобно было добираться, а само здание — оборонять в случае нападения. Неподалеку располагался один из источников, а большой зал на первом этаже вмещал всех магов «Золотой розы».

Олег осознавал это, и все же место вызывало у него антипатию.

Сегодня при виде белого крыльца на фоне светло-красных стен он, помимо привычной неприязни, испытывал еще и горечь. Мысль, что дому, видевшему столько триумфов «Золотой розы», предстояло стать свидетелем ее глубочайшего унижения, заставила руки сжаться в кулаки.

Фасад резиденции закрывало пульсирующее свечение стационарного магического щита, способного остановить не только заклинание, но и камень, и пулю. Окна и на первом, и на втором этаже были занавешены, но Олег не сомневался, что подходы к ней просматриваются и охрана не выпускает из рук оружия.

Когда Ярослав вылез из машины, щит мигнул и погас.

Олег первым выбрался из микроавтобуса, пассажиров в котором было, точно сельдей в бочке. Протянул руку Лене, но она словно ее не заметила, и он ощутил очередной болезненный укол в сердце.

Уловил сочувственный взгляд Аристарха Сергеевича, и от этого стало еще гаже.

Отвернулся, вслед за магом первого ряда поднялся по ступенькам. Открылась высокая дверь из темного дерева, Олег перешагнул через порог и прищурился, когда яркий свет попал в глаза.

Вестибюль резиденции годился для устройства балов. Под потолком сверкали три огромные люстры, похожие на облака из огня. Блестел натертый пол, выложенный плиткой цвета морской волны, блики бегали по позолоте колонн и потолков, искры скакали по оправам громадных зеркал.

Прямо напротив входа начиналась лестница, ведущая на второй этаж, где располагалась принадлежащая «Золотой розе» фирма «Аргус». Широкая двустворчатая дверь в правой стене открывалась в большой зал, две обычные в левой – в служебные помещения.

– Так, Антон Григорьевич и остальные – за мной, – сказал Ярослав. – Артур, ты распорядись насчет того, чтобы гостей встретили как полагается. Да, еще нужно собрать всех наших.

– Задачу понял, – отозвался глава «Аргуса», и шестеро магов зашагали по обтянутым ковром ступеням.

– Я могу обзвонить всех, – предложила Лена. – Дайте мне телефон и базу данных...

– Сейчас все будет, – сказал Артур и развил бурную деятельность.

Бойцы «Аргуса» были отправлены в помещение для охраны, в вестибюле остались двое – Степан и рыжий здоровяк. Олегу Артур велел находиться здесь же, в «ближайшем резерве», как он выразился, после чего подхватил Лену за локоть, и они тоже ушли вверх по лестнице.

– Вот рыба ерш... – пробормотал Олег, глядя им вслед. – И что я тут забыл?

Накатило ощущение собственной ненужности, полной бесполезности, незнакомое и, может быть, поэтому очень болезненное. Привык быть в центре событий, на первых ролях и, очутившись на периферии, почувствовал себя мерзко и очень неудобно.

Отойдя в угол вестибюля, Олег вытащил сотовый и позвонил на работу.

Поговорил с Любочкой, узнал, что в «Комплайфе» все более-менее в порядке, что имеется некоторое количество бумаг на подпись, а телефон раскалился. Пообещал, что кровь из носу появится сегодня же вечером, и, положив трубку, понял, что настроение немного улучшилось.

Все же есть место, где он нужен, где без него не обойтись...

Повернувшись, Олег обнаружил, что дверь на улицу открыта и через нее проходит могучий высокий мужчина с хищной ухмылкой на широкой физиономии и острыми волчьими ушами.

Андрей Симентьев, он же Бранко Ратов Жестокий, маах'керу, некоронованный король оборотней Нижнего.

При виде двоих его телохранителей, здоровенных, точно быки, Степан и его напарник посерьезнели.

– Прошу сюда, – с лестницы сбежал Артур. – Охрану можете взять с собой, а можете оставить тут.

Симентьев поглядел по сторонам, ухмыльнулся, показав белые клыки, а затем сказал голосом резким, неожиданно тонким:

– Они пойдут со мной.

– Как угодно, – Артур не повел и бровью. – Вас ожидают.

Олег проводил Симентьева взглядом и подумал, что перед ним редкий пример того, что в мире «за Пеленой» власть не всегда принадлежит тем, кто обладает магическими способностями.

– Так и хотелось пистолет вытащить... – негромко сказал Степан, когда оборотни поднялись на второй этаж. – Не люблю я этих мохнатых. Звери – они и есть звери, даже если выучились разговаривать и на задних лапах ходят. Перестрелял бы всех...

– А по мне – пусть живут, – буркнул его напарник. – Только в намордниках.

Дверь открылась вновь, и в цитадель «Золотой розы» вошел ее давний недоброжелатель – сатра Аристеас, старейшина клана Фоон. Блеснули глаза без белка, сверкнули зубы в густой бороде, мрачно огляделись двое охранников, не таких показательно могучих, как у Симентьева, но тоже весьма впечатляющих.

– Прошу сюда, прошу сюда, – на лестнице вновь объявился Артур, призывно замахал рукой.

На этот раз глава «Аргуса» не задал вопроса насчет охраны. И так ясно: если Аристеас притащил с собой двоих бойцов из своего клана, то вряд ли он захочет остаться без их поддержки.

Трое сатра прошли мимо, негромко постукивая копытами.

Через пять минут явился представитель ордена Белых Вихрей – крохотный, едва полтора метра ростом, в пальто до пола и толстенном шарфе, обмотанном вокруг шеи. Но зато один, и, глянув на его раскрытую всем взглядам ауру, Олег понял, почему – магу такой силы охрана если и нужна, то только почетная.

Маленький Наблюдатель вышел бы один на один с Ярославом и, скорее всего, победил бы.

Едва его увели, дверь открылась вновь, и в вестибюль шагнул худощавый высокий мужчина с непокрытой головой. Постучал ботинками друг о друга, стряхивая с них снег, и посмотрел на Олега.

Красными, точно свежая кровь, глазами.

– Здравствуй, Рыцарь, – сказал верог Иван, глава «Союза Семи», могущественного межсферного ордена, контролирующего большую часть Приокского района. – Рад, очень рад тебя видеть. Вон как судьба повернулась – недавно мы сражались вместе, а теперь находимся по разные стороны баррикад.

Олег только улыбнулся и пожал плечами – разговаривать с бывшим союзником не хотелось.

– Ладно, не буду тебя смущать, – Иван, судя по всему, почувствовал настроение собеседника. – Но учти, «Золотой розе», скорее всего, конец. Если что – приходи ко мне. Не пожалеешь.

– Спасибо, но вряд ли, – ответил Олег. – Я думаю, мы еще побарахтаемся.

Верог улыбнулся, покачал головой и зашагал к лестнице, на которой его ждал Артур. Они поднялись на второй этаж, но глава «Аргуса» быстро вернулся.

– Все слетелись... стервятники! – с чувством сказал он, отдуваясь. – Теперь надо наших встречать. Степан, отправляйте их в большой зал. Олег, пойдём посмотрим, что там да как.

Широкие двери распахнулись с тихим шорохом, Артур нащупал на стене выключатель. Загоревшиеся лампы вырвали из тьмы ряды кресел, обтянутых синим плюшем, небольшую сцену у противоположной стены, портьеры, закрывавшие громадные окна.

Здесь проводились общие собрания «Золотой розы», праздничные и рабочие. Тут исполнялись обряды, для которых необходимо было присутствие нескольких десятков магов.

Тогда кресла отставлялись к стенам, а темный паркет использовали для того, чтобы рисовать на нем магические фигуры.

В этот момент Олег понял, что Иван прав, что всего этого никогда не будет. Особняк достанется кому-то из победителей, и в этом зале будут сходиться сатра или маах'керу...

От злости он заскрипел зубами.

– Все вроде в порядке, – сказал Артур, и его голос помог Олегу отвлечься от мрачных мыслей. – Места хватит с избытком, сцена никуда не делась. Осталось только встречать наших.

Маги «Золотой розы», встревоженные и удивленные, начали прибывать вскоре, поодиночке, по двое и целыми группами. Зазвучали голоса, замелькали лица, мужские и женские, молодые и старые.

Олег, чтобы не потеряться в людском водовороте, отошел к окну, отодвинул портьеру и принялся смотреть на улицу, в тяжелый свинцовый сумрак, на начавшие падать снежинки. Несколько раз пришлось повернуться, ответить на приветствия знакомых, а потом он вновь прикинул лбом к холодному стеклу и глядел, как медленно кружатся белые хлопья.

– Тихо, друзья! Тихо! Слушайте меня! – прорезал беспорядочный гомон голос Артура, привыкшего командовать бойцами. – Рассаживайтесь!

Олег выждал, когда уляжется суета, отклеился от окна и побрел к местам, отведенным для магов пятого ряда. Едва успел опуститься на кресло рядом с проходом, как в зал вошел Антон Григорьевич, невозмутимый, как всегда, но с алыми пятнами на белом лице.

– Готовы? – спросил он у Артура, нервно дернув головой.

– Да, – ответил тот.

Антон Григорьевич махнул кому-то, оставшемуся в вестибюле, а сам, ссутулившись, пошел к своему месту, расположенному около сцены. Донесли тяжелые уверенные шаги, поцокивание копыт, и в зал вступили победители: безмятежный Наблюдатель, так и не размотавший шарфа, Симентьев с застывшим на лице оскалом, криво улыбающийся Аристеас и Иван, выглядевший несколько озадаченным.

За ними шагал Ярослав, бледный, точно конь под четвертым всадником Апокалипсиса.

– Прошу на сцену, – сказал он. – Мы объявим условия капитуляции вместе.

«Охрану они оставили в вестибюле, – подумал Олег. – Нас почти полторы сотни. Если ударить разом, то от всей четверки не останется даже молекулы! Такой шанс... Неужели Ярослав этого не понимает? Все наши противники лишатся лидеров».

Но зато обзаведутся жаждой мести, а «Золотая роза» – репутацией сборища подлецов. И тогда, чтобы уничтожить ее, объединятся все кланы и ордена Нижнего Новгорода.

Нет, нападать нельзя, нужно стиснуть зубы и терпеть.

Четверо чужаков поднялись на сцену, оказавшись в перекрестье десятков недружелюбных взглядов. Симентьев поежился, точно ощутил их шкурой оборотня, Наблюдатель словно стал еще меньше, старейшина клана Фоон уставился в пол, а Иван заулыбался так, как это может только вампир.

Ну не выглядели они торжествующими триумфаторами, хоть убей...

Последним на возвышение забрался Ярослав, затрепетал зажатый в его руках лист бумаги.

– Так-так, братья и сестры, соратники, – сказал он, и в зале стало тихо. – Двадцать минут назад я от лица «Золотой розы» подписал соглашение о временном протекторате...

Вот как? Протекторат, а не капитуляция? И что это такое?

Ярославу понадобилось десять минут, чтобы изложить и прокомментировать пункты подписанного соглашения.

«Золотая роза» сохраняет независимость и контроль над источниками, но каждый из них берется союзниками под наблюдение. Обращаться к колодцам членам ордена запрещено, любая попытка сделать это будет расценена как враждебный акт и вызовет соответствующую реакцию. Все маги «Золотой розы» вплоть до третьего ряда изолируются союзниками.

И, самое главное, продолжаться это безобразие будет не менее семи дней.

– Нужно потерпеть всего неделю, – сказал в завершение Ярослав. – Если за этот срок мы не нарушим условий соглашения и станет ясно, что мы непричастны к печальным событиям на кладбищах, то протекторат будет снят, и инцидент – исчерпан.

Олег вздохнул, провел ладонью по лицу – откровенно говоря, он ожидал много худшего.

– А что помешает им за эту неделю захватить наши источники? – спросил кто-то от окна. – Попросту взять их силой, пока все старшие маги будут «изолированы»? Разделить «Золотую розу», уничтожить?

Ярослав улыбнулся, и не жалобно или заискивающе, как положено побежденному, а свирепо, даже яростно.

– Союзники подписали соглашение, – сказал он, – а в нем оговорен запрет на агрессивные действия. Кроме того, «Аргус» будет защищать наши источники так же, как и ранее.

«Смять охрану, учитывая отсутствие сильнейших магов, – задача не самая простая, но выполнимая. Соглашение – всего лишь бумажка, и переступить через него – раз плюнуть, – подумал Олег. – Но только в том случае, если союзники договорятся, поделят колодцы и все остальное. А вот на это им недели может не хватить. Понятно, что мы идем на риск, но другого пути и в самом деле нет».

– Решение принято, настала пора воплощать его в жизнь, – продолжил Ярослав. – Сейчас я назову тех, кто проведет следующие семь дней, до... – он глянул на наручные часы, – четырнадцати сорока пяти шестнадцатого февраля под присмотром ордена Белых Вихрей.

Крохотный Наблюдатель удовлетворенно кивнул.

Глава «Золотой розы» одно за другим произнес шесть имен, и Олег вздрогнул, услышав: «Елена Соболенко».

Хотя чему удивляться – всех, вплоть до третьего ряда... А у Лены как раз третий.

В число тех, кого выпало «изолировать» Симентьеву и его оборотням, угодил Аристарх Сергеевич. Всего пятеро магов достались клану Фоон, а когда дело дошло до «Союза Семи», неожиданно поднял руку Иван.

– Что такое? – спросил Ярослав.

– У меня маленькая просьба. Я хотел бы включить в список тех, кто окажется под наблюдением, еще одного человека, – сказал верог с хищной улыбкой, и алые глаза его загорелись.

– И кого?

– Олега Турнова.

Сердце Олега екнуло, в первое мгновение показалось, что ослышался. Но затем обнаружил, что Иван смотрит на него – с нехорошим прищуром, и Ярослав тоже – удивленно, и понял, что с ушами все в порядке.

– Так-так-так... – глава «Золотой розы» почесал в затылке. – Но почему? Турнов принадлежит всего лишь к пятому ряду.

– Тот, кого не зря прозвали Рыцарем, хорошо мне знаком, – проговорил Иван. – И я прекрасно понимаю, что он собой представляет. Триста лет живу на этом свете, а столь опасного типа ни разу не встречал...

Олег понял, что в словах лидера «Союза Семи» нет ни слова лжи, что тот не покривил душой. Испытал нечто вроде гордости, на смену которой пришла досада – просидеть неделю в заключении, под надзором?

А как же работа, да и все остальное?

– Э... хм... – Ярослав замялся. – Формально я могу отклонить эту просьбу, поскольку соглашение подписано и в нем упомянуты маги только первых трех рядов. Но, Олег, будет очень хорошо, если ты согласишься на изоляцию добровольно... Это ведь во благо «Золотой розы», ради всех нас.

Что самое поганое – это тоже было правдой.

– Хорошо, я согласен, – буркнул Олег, чувствуя себя последним идиотом.

Слишком многим он обязан «Золотой розе», да и самому Ярославу, чтобы отказать сейчас. Да и не согласись он, последует срыв переговоров и презрение соратников к тому, кто не смог пожертвовать собой ради всех.

Придется звонить Любочке, а потом еще и заместителю, брать отпуск до шестнадцатого числа.

– Мы присмотрим за этим молодцем, – проворчал Аристеас и потер переносицу двумя пальцами.

Олег ударил себя кулаком по ладони и тут почувствовал, что на него кто-то смотрит. Резко повернув голову, поймал взгляд Лены, полный настоящей тревоги. Девушка отвела глаза, но притвориться равнодушной не успела, и по щекам ее пополз румянец досады.

– Я забираю своих, – заговорил тем временем Наблюдатель на сцене, и голос у него оказался под стать внешности – тихий, шелестящий. – Транспорт прибыл, и мы отправляемся.

– Я тоже, – сказал Симентьев. – Надеюсь, охрана у источника предупреждена?

– Конечно, – кивнул Ярослав. – Артур, на эту неделю дела ордена переходят в твое ведение. Я сам отправляюсь с Иваном. Если что – его телефон ты знаешь. Звони, не стесняйся.

Представитель ордена Белых Вихрей прошел к двери, и следом двинулись маги «Золотой розы», угодившие в его список. Олег проводил Лену взглядом, пропустил мимо Симентьева, и, поднявшись из кресла, пошел навстречу сошедшему со сцены Аристеасу.

Уж если дал слово, то остается только его держать.

Иначе Олег не умел, даже представить не мог, что можно поступить по-другому.

– Все? – спросил Антон Григорьевич, оказавшийся среди тех, кто достался на «изоляцию» сатра.

– Судя по количеству – все, – сказал старейшина клана Фоон. – Один маг второго ряда, четверо – третьего, и один – пятого, но такой опасный, что его боится сам глава «Союза Семи».

Из магов третьего ряда, попавших в одну с ним группу, Олег близко не знал никого. Трех ранее видел, а лицо четвертого, приземистого и носатого брюнета, и вовсе показалось незнакомым.

– Слушайте меня, уважаемые, – говорил Аристеас мягко, без нажима, но чувствовалось, что он не просит, а приказывает. – Если вам необходимо позвонить, то делайте это сейчас. Позже вы будете лишены средств связи с внешним миром. У вас есть пять минут до того, как придет машина.

Олег отошел в сторонку и вытащил из кармана сотовый. Любочка восприняла новость о том, что шефа не будет неделю, со сдержанным удивлением. А вот коммерческий директор «Комплайфа», узнавший о том, что все дела ложатся на его плечи, дал волю эмоциям.

Когда Олег убрал телефон в карман, ухо слегка побаливало.

– Пошли, – скомандовал Аристеас, и пятеро людей покорно зашагали за ним.

Позади остался зал, наполненный возмущенными и растерянными магами четвертого и пятого рядов, донесся голос наводившего порядок Артура. У дверей Олегу подмигнул Степан, его могучий напарник показал кулак – держись, мол, дружище – и они оказались на улице.

Рядом с «Витарой» Ярослава стояла белая пассажирская «Газель», забрызганная грязью до самой крыши. Около нее переминались с ноги на ногу трое сатра – двое охранников старейшины и еще один, маленький, но чудовищно широкоплечий, и без бороды.

– Телефоны отдайте мне, – велел Аристеас. – Меланф, Стирос, общите их.

Олег отдал сотовый, поднял руки, давая одному из здоровяков-охранников ощупать себя.

– Чисто, – доложил тот, и эхом отозвался второй: – Чисто.

– Отлично. Поехали.

Маленький сатра дернул за ручку, и дверца, ведущая в салон «Газели», с грохотом отъехала в сторону. Открылся пол, немногим более чистый, чем бока машины, помятые и даже кое-где порезанные сиденья.

Олег уселся на одно из них, расположенное позади места водителя. Рядом оказался Антон Григорьевич, первый охранник расположился около двери, второй забрался в кабину. Аристеас зашагал к стоявшему на другой стороне улицы черному «Форду Таурус».

Забрался в него, и они поехали – мимо Звездинки, через Горького, к Театру юного зрителя, а точнее – к расположенному около него колодцу, одному из четырех, находящихся во владении «Золотой розы». Обе машины свернули на площадку перед театром и остановились рядом с фонтаном, мертвым из-за зимнего времени.

Источник был виден во всей красе – столб желтого свечения, выходящий из земли, поднимался на десятиметровую высоту.

Около него ждал пожилой «зеленый» с непокрытой головой и в длинном пальто, скрывавшем козлиные ноги.

– Вылезай, – скомандовал сатра-охранник из кабины, и второй, находившийся в салоне, помог Антону Григорьевичу выбраться наружу.

Все по соглашению о протекторате – клан Фоон берет под наблюдение один из источников «Золотой розы». А маг второго ряда помогает накладывать сигнальное заклинание и следит за тем, чтобы сатра не позволили себе лишнего.

Когда Антон Григорьевич и Аристеас подошли к столбу желтого света, вокруг того возникла сфера белесого сияния. На ее поверхности выступило изображение золотистого бутона розы. Дало знать о себе сторожевое заклинание, снабженное гербом хозяев источника.

Человек и сатра обменялись несколькими словами, после чего Антон Григорьевич повел рукой. Золотая роза вспыхнула и исчезла в облаке искр, а вслед за ней растаяла и сфера. Если бы клан Фоон попытался пробить защиту или снять ее самостоятельно, он бы потратил кучу сил и не один час времени.

– Глядеть противно... – прошептала сидевшая напротив Олега женщина – маг третьего ряда.

– Так никто же не заставляет, – заухмылялся один из охранников.

Аристеас удовлетворенно кивнул и поманил к себе «зеленого» в длинном пальто. Тот подошел и вытащил из-под одежды веточку березы. Олег удивленно хмыкнул, увидев, что на веточке есть листья, причем свежие, зеленые, и что они светятся, слабо, еле заметно.

Старый сатра несколько раз взмахнул веткой и принялся ходить вокруг источника, что-то бормоча себе под нос. Там, где он стоял, на мгновение проявились очертания дерева, словно нарисованного фосфорной краской – прямой ствол, заостренная верхушка, сотни узких листьев трепещут, точно под сильным ветром, корни стелятся над асфальтом.

Призрак сгинул через мгновение, но из воздуха сгустился новый – там, где только что прошел колдун-«зеленый». Разделил судьбу предшественника, развеялся без следа, но на смену ему появился третий...

Олег слышал, что сатра, уроженцы зеленой сферы, очень искусны во всем, что касается магии растений. Но никогда не имел дела с их чародейством, не пытался разобраться в нем, и поэтому сейчас у него не было даже догадок насчет того, что именно делает чародей из клана Фоон.

Наверняка творит нечто такое, что не снять магам четвертого и пятого рядов, оставшимся на свободе.

– Надо же... как красиво... – женщина, сидевшая напротив Олега, покачала головой, в глазах ее блеснуло восхищение.

Она явно видела больше, чем он, и неудивительно – третий ряд есть третий ряд.

Старый сатра обошел источник, поднял ветку перед собой, взяв ее двумя руками, и сломал одним резким движением. Олегу на миг померещилось, что над колодцем встал

настоящий гигант древесного царства, плеснула в стороны зеленая крона, закрывая серое небо, поглотил желтое свечение бурый ствол.

Видение исчезло прежде, чем Турнов успел хотя бы моргнуть.

Сатра в длинном пальто улыбнулся, сказал несколько слов и пошел прочь. Аристеас повернулся к Антону Григорьевичу, кивнул ему, и тот зашагал обратно к «Газели».

– Дело сделано, – сказал забывшийся на заднее сиденье толстяк с усиками – еще один из магов третьего ряда. – Теперь любая попытка взять отсюда энергию будет ими замечена, а снять это заклинание без шума...

– Ты не сможешь, и я не смогу, – вмешалась женщина напротив Олега. – Разве что он.

И она мотнула головой в сторону забиравшегося в салон Антона Григорьевича.

Мотор «Газели» заработал, и колонна из двух машин двинулась к Белинке и лежащему за ним домену клана Фоон. Исчез из виду ТЮЗ, колеса прогрохотали на трамвайных рельсах. Пару раз свернув, две машины оказались в крохотном, заросшем деревьями дворике между тремя старыми деревянными домами.

– Так... хе-хе... – охранник-сатра наморщил лоб, поскреб толстым пальцем лохматую макушку. – Вот ты, – тот же палец указал на толстяка с усиками. – Выходи, да поживее.

– Нас что, будут держать по отдельности? – спросил Олег.

– А ты думал – всех вместе? На курорте? – тут сатра рассмеялся, и его поддержали сородичи.

Толстяк вышел из машины, и охранник отвел его в один из домов. Вернулся, и они поехали дальше – по узким и кривым улочкам, на которых Олег, проживший всю жизнь в Нижнем, никогда не бывал. Антона Григорьевича выгрузили у новостройки на Тимирязева, женщину оставили в одном из домов частного сектора неподалеку от Бугровского кладбища.

Один за другим покинули «Газель» еще двое магов третьего ряда, и Олег остался в салоне один на один с охранником.

– Тебя наш старейшина к себе забирает, – сообщил тот. – Большая честь.

Олег никак на эту новость не отреагировал – ему было все равно, где он в конечном итоге окажется. Пока ездили по городу, вернулась забытая вроде усталость, напомнила о том, что он третий день на ногах и две ночи нормально не спал.

Немного оживился, когда стало ясно, что они едут по Ванеева, но бодрость ушла, едва «Газель» свернула в очередной безымянный переулок, зажатый между двумя рядами домов. Проехала несколько развалюх вроде той, в которой нашел смерть slash из Нижнепрудного переулочка, и остановилась у ворот в высоком, за два метра каменном заборе, увенчанном колючей проволокой.

Над забором поднималась крыша дома, блестела темно-красная черепица.

Ворота открылись, и «Форд», а за ним и «Газель», въехали на просторный двор. Олег увидел несколько остекленных теплиц с торчащими над ними трубами, стоящую отдельно баньку, поленницу под навесом и сам дом – большой, в три этажа, с пристроенным к нему гаражом.

– Вылезай, – охранник-сатра потянул человека за рукав.

Олег выбрался из машины, и его повели в обход дома. По узкой и крутой лестнице спустился на цокольный этаж. Не успел толком оглядеться, как очутился в крохотной, лишенной окон комнатке, а за спиной захлопнулась дверь и проскрежетал закрывшийся засов.

«Да, тут, конечно, удобнее, чем у мастера Джамиха», – подумал Олег, вспомнив, как побывал в плену у главы «Черного солнца».

Несмотря на отсутствие окон и запор снаружи, помещение было приспособлено для жилья. На полу лежал ковер, у одной из стен стояла кровать, застеленная цветастым покрывалом. У ее изголовья располагалась тумбочка с настольной лампой, а на стене у входа висела вешалка.

Едва Олег успел оглядеться, как дверь открылась и в комнату вошел Аристеас.

– Здесь тебе предстоит провести эти семь дней, – сказал он. – Не гостиничный номер,

конечно, но и не тюремная камера. В туалет тебя будут выводить по первой просьбе, достаточно постучать, на прогулки – два раза в сутки, утром и вечером. Так, еще... – он задумчиво нахмурился. – Чтобы ты не умер со скуки, я прикажу доставить тебе книг. Если все будет спокойно, то через пару дней получишь телевизор.

– Что бы вы ни говорили, это все же тюремная камера, – Олег усмехнулся.

Побывать в заключении ему не довелось, если не считать краткого пребывания в плену у «Черного солнца» и отсидки на гауптвахте в армейские времена. В плен в Афгане, к счастью, ни разу не попадал и никогда не нарушал закон так основательно, чтобы угодить за решетку.

Поэтому, что такое семь дней в неволе, Олег мог только догадываться.

– Уж изолировать, так по-настоящему, – старейшина клана Фоон двумя пальцами потер переносицу. – Скажи... ты знал что-нибудь о том, что ваши старшие балуются с некромантией?

– Они не баловались. «Золотая роза» тут совершенно ни при чем.

– Да ну, брось врать.

– Я никогда не вру, – Олег почувствовал, как поперх горечи наслаивается свежее раздражение.

– Ладно-ладно, как скажешь, – Аристеас примирительно улыбнулся. – Если что захочешь – стучи.

И он вышел из комнаты.

Олег снял куртку, повесил ее на вешалку. Через некоторое время сообразил, что в помещении довольно жарко. Разулся, стащил свитер и в джинсах и майке завалился на кровать.

Но подремать ему не дали – дверь открылась, и через порог переступил один из давешних охранников.

– Ужин! – объявил он, поднимая накрытый большой салфеткой поднос. – Или обед?

– Тогда води меня мыть руки, – сказал Олег. – А поднос вон на тумбочку ставь.

Санузел обнаружился по соседству, за поворотом короткого коридорчика. Олег сделал свои дела, вернулся в комнату и сдернул салфетку. Выяснилось, что кормить его собрались консервами – маленькая коробка персикового сока, банка горошка, банка скумбрии, несколько кусков хлеба на тарелке и крохотный брусочек масла в упаковке вроде тех, что дают в самолетах.

Через десять минут от снеди остались только воспоминания, и Олег вновь прилег на кровать. Некоторое время боролся с дремотой, потом сдался и провалился в вязкий, горячий сон.

Ничуть не удивился, увидев ясное тропическое небо и ступенчатую пирамиду цвета речного песка.

Олег вновь был в том городе, что дважды являлся ему во снах, вот только сам город стал другим. Там и сям прямо посреди улиц пылали костры, и стоявшие вокруг них люди молча смотрели, как алые и оранжевые языки лижут трупы, как обугливается мертвая плоть. Черный смрадный дым поднимался к небесам громадными лисьими хвостами.

На окраине, там, где на отвоеванном у джунглей участке располагалось кладбище, царил беспорядок. Служившие надгробиями обтесанные столбики были повалены, приношения – цветы, кукурузные зерна в чашках, глиняные ярко раскрашенные фигурки – разбросаны, а в земле чернели дыры.

При виде этой картины сердце Олега заledenело.

Он хорошо представлял, что здесь произошло. Оказался рядом безумный, не контролирующий себя слэш, охваченный пароксизмом размножения. Поднялись из могил мертвые, обрели жуткое подобие жизни, а вместе с ним и желания – убивать и разрушать.

Может быть, их и жгли жители города, стремясь избавиться от напасти?

Или они уничтожали самих «черных»?

На краю кладбища, около поваленной ограды, зашевелилась земля, вспучилась горбом.

Что-то ткнулось в него изнутри, пробивая слой почвы точно так же, как птенец – стенку яйца, и наружу высунулась рука, очень похожая на человеческую, пятипалая, безволосая.

Вслед за ней показалась вторая, отверстие стало больше, и из него выдвинулась голова, блеснули глубоко посаженные темные глаза.

Перед Олегом был слэш, только что выбравшийся из могилы, появившийся на свет тем жутким способом, что описал Нежданов. Крохотный, но точно такой же, как взрослые сородичи – худой и костлявый, без волос на теле, с темной, словно обожженной кожей, и очень, очень сильный.

«Черный» заморгал, глянув на стоявшее в зените солнце, выбрался на поверхность и уковылял в джунгли.

А Олега понесло прочь, к центру города, к площади перед пирамидой, где горел самый большой костер. Около него обнаружилась настоящая груда тел, человеческих и не только.

Рядом лежали сатра и дейвона, Часовщики и даже верог.

И все трупы имели черные пятна на коже.

Закутанные в плотную ткань с головы до ног живые брали мертвых за руки и за ноги и швыряли в ревущее пламя. Другие подтаскивали дрова, бросали в огонь куски бурой смолы. Ее запах, горький, освежающий, безуспешно сражался с вонью паленой плоти.

И все-все следили друг за другом, каждый таращился на соседа со страхом и ненавистью.

И вскоре Олег понял почему.

Вот высокий, мощный мужчина наклонился, чтобы взять очередное тело за ноги, и тут плечи его сотряслись от кашля. Напарник его подпрыгнул на месте, завопил что-то, указывая пальцем.

Подбежали еще трое, сверкнули мечи, короткие и широкие, с лезвиями из обсидиана. Высокий сорвал с головы колпак, обнажилось бородатое лицо сатра, густые, слипшиеся от пота волосы и отчаяние в темных, без белка, глазах. Взмахнул рукой, отбросив одного, но второй воткнул ему меч в живот, а третий с размаха резанул по шее.

Кашлянувший сатра упал сначала на колени, потом рухнул на бок.

Его деловито добили, а затем потащили к костру, швырнули в пламя.

Жители города в джунглях боролись с порожденной слэш эпидемией, сражались с ней так, как могли. Пытаясь остановить мор, они убивали тех, кто стал носителем заразы, предавали огню тела, а судя по свежим пепелищам вдоль улиц, еще и уничтожали ставшие нечистыми дома.

И город, недавно еще мирный и спокойный, сделался вотчиной кровавого безумия, владением смерти.

В пламя бросали детей и стариков, родичи и друзья, сжимая оружие, следили друг за другом – вдруг у кого проявятся признаки болезни? Озверевшие толпы ходили по улицам, врываются в дома, отыскивая спрятавшихся «черных», виновников постигшего город бедствия.

Олег увидел, как дрогнуло одно из тел на самом верху груды. Девушка-верог, голая, если не считать набедренной повязки и венца из перьев на голове, зашевелилась, точно к ней вернулась жизнь. Между маленькими грудями появилось вздутие и с хрустом лопнуло.

Из него выбрался новорожденный слэш, похожий на безволосую обезьянку.

Его увидел один из носильщиков, пронзительно заорал, лапнул висевший на поясе меч. Вопль услышали другие, добрая дюжина клинков оказалась обнажена, и глаза обитателей города в джунглях загорелись ненавистью и жаждой крови.

Вот он, один из тех, кто во всем виноват!

«Черный» повернул голову туда-сюда, оскалился, и ужас хлестнул по озверевшей толпе, словно великанская плеть. Люди и нелюди остановились, и слэш использовал их заминку – рванул прочь с такой скоростью, что взвихрилась темная пыль.

Кто-то побежал следом, но Олег знал – не догонят...

Картинка перед глазами поблекла, рассеялась, и все потонуло в глубокой тьме.

Глава 7

«Фиат Пунто» Сергея Жаркова, репортера газеты «Нижегородский городской», стоял у обочины на улице Алексеевской. Хозяин машины находился внутри и ощущал давно потерянное где-то на крутых виражах журналистской карьеры чувство – удивление.

Сергей долгое время считал, что видел все и вся в этом мире и поразить его чем-либо невозможно.

Как выяснилось, он ошибся.

Сутки Жарков потратил на то, чтобы собрать информацию о фирме «Аргус» и ее учредителе Ярославе Шишкине. Облазил весь Рунет, обзвонил почти дюжину информаторов и чуть ли не впервые в жизни понял, что не наскреб сведений даже на крохотную заметку.

На Шишкина и его контору ничего не имелось ни в ФСБ, ни в милиции, ни в налоговой. Матерые уголовники при одном упоминании «Аргуса» торопились закончить разговор или сменить тему.

Это выглядело странно, это был настоящий, серьезный вызов профессионализму Сергея...

И он его принял.

Сегодня решил съездить, посмотреть на офис «Аргуса», а возможно – и заглянуть внутрь. Само здание ничем его не удивило – ну дом и дом, и не такие видали, а вот изобилие машин перед входом заставило насторожиться: тут и знакомая серебристая «Витара», и «Порше Кайенн», и нечто спортивное, двухместное, похожее на разжиревшую торпеду на колесах, а рядом с ними – потрепанная пассажирская «Газель» и «пазик», словно только что снятый с линии.

Жарков выбрался из автомобиля и сделал несколько снимков, стараясь не попасть в поле зрения развешенных на здании «Аргуса» камер.

– Вот так номер... – пробормотал он, когда дверь особняка распахнулась и статичная доселе картинка обрела динамику.

Сергей поспешно юркнул в «Фиат» и принялся наблюдать оттуда.

Первым из офиса «Аргуса» вышел низкорослый мужчина в длинном пальто и толстом шарфе. Повинуясь его жестам, шестеро людей забрались в «пазик», и тот, выбросив облако лилового дыма, укатил.

Низкорослый уселся за руль темно-синей «десятки» и уехал следом.

А вот когда на крыльце особняка появился сам Андрей Симентьев, хозяин чуть ли не трети Нижнего Новгорода, Жарков понял, что удивлен. Мысли рванули в разные стороны, будто играющие карапузы во дворе детского садика, но Сергей отодвинул их в сторону и принялся щелкать фотоаппаратом.

Сейчас главное – зафиксировать факты, а обдумывать их он будет потом.

Симентьев шустренько нырнул в тот самый «Порше», а двое его мордovorотовохранников повели прочь еще шестерых понурых людей – троих мужчин и троих женщин.

– Вот так номер, – повторил Сергей. – Они что, в этом «Аргусе», рабами торгуют?

Из собранных им данных следовало, что фирма, более чем наполовину принадлежавшая Ярославу Шишкину, занималась вполне обычным бизнесом: купи-продай, аренда помещений, три разных производства, все в области, еще всякая ерунда вроде своего охранного агентства и кафе «Снежинка».

Но Жарков нюхом опытного журналиста чуял – все это прикрытие, маска.

И, похоже, сегодня ему повезло – он сумел заглянуть под эту маску.

Еще шестерых «рабов» под охраной двоих могучих бородачей увезла «Газель», и затем из собственной «крепости» вышел Ярослав Шишкин в компании стройного брюнета средних лет. Сергей пригляделся к нему, показалось, что где-то видел это узкое лицо с морщинами на лбу, но вспомнить, кто это и откуда его физиономия кажется знакомой, не смог.

К удивлению Жаркова, парочка направилась не к «Витаре», а зашагала к спортивному

чуду неопознанной модели.

– Кажется, мне придется за ними погоняться, – пробормотал Сергей, убирая фотоаппарат в чехол.

Понятно, что на трассе его «Пунто» мало на что годится, но зато в городе с его пробками и узкими переулками он куда практичнее любого джипа. Позволяет залезть во всякую щелку, проскользнуть там, где владельцу более крупной машины только и останется, что изрыгать проклятия.

Но в этот раз все вышло не так, как планировал Жарков.

Мотор спортивной машины взревел мощно, словно его разрабатывали для самолета. Красно-желтая «торпеда» выкатилась на середину улицы и рванула в сторону Звездинки с такой скоростью, что исчезла из виду еще до того, как Сергей успел нажать на педаль газа.

«Вот и погонялся, – подумал он с досадой. – И что это за автомобиль такой?»

Пришлось на ходу менять планы.

Жарков заснял погрузку очередной партии «рабов» сразу в два такси, а когда те уехали, вновь вылез из «Фиата».

– Если гора не идет к Магомету, то и слава Аллаху, – пробурчал он и решительно зашагал к особняку.

Пока Шишкин уехал, почему бы не заглянуть в «Аргус» на законных основаниях?

За дверью Сергея встретили двое крепких молодых людей с военной выправкой: один блондинистый, с длинными волосами, другой – рыжий, со шрамом на скуле и плечами мастера спорта по тяжелой атлетике.

– Вы к кому? – спросил блондинистый без улыбки.

– Пресса, газета «Нижегородский городской», – Жарков предъявил удостоверение. – Мне хотелось бы встретиться с господином Шишкиным. Или попасть в пресс-службу «Аргуса».

– Господин Шишкин будет через семь дней, – сказал блондинистый, на скуле у которого виднелась свежая царапина, а костяшки пальцев на левой руке были ободраны, словно он дрался сегодня. – И глава пресс-службы – тоже. Всего хорошего. До свидания.

– Но имидж современной компании включает в себя и свободный доступ СМИ к информации... – начал Сергей приготовленную заранее «песню», но его просто не стали слушать.

– До свидания, – с нажимом повторил блондинистый, а рыжий взял Жаркова за плечи и развернул лицом к двери. Прodelал он это очень аккуратно, с такой легкостью, будто имел дело с поролоновой куклой.

Сергей намек понял и искушать судьбу не стал.

– Ладно, я вам еще покажу, – буркнул он, оказавшись на улице. – Так, где там мой телефончик...

Номер Ярослава Шишкина он добыл через знакомого в компании сотовой связи, и там же разжился номерком его жены.

Набрав первый, услышал автоматическое сообщение: «Абонент временно недоступен». Позвонив по второму, оказался вознагражден – пошли длинные гудки, а затем женский голос сказал:

– Да?

– Добрый день. Я беседую с Ниной Шишкиной? – Жарков подобрался, как учуявшая дичь охотничья собака.

– Да. А вы кто?

– Вас беспокоят из газеты «Нижегородский городской». Мы делаем серию репортажей об успешных предпринимателях нашего города, а точнее – об их женах, верных помощницах в жестоком мире современного бизнеса. Хотелось бы встретиться с вами, взять интервью...

Обычно этот прием срабатывал – всякому лестно, когда у него берут интервью, а уж женщине, привыкшей находиться в тени супруга – вдвойне. Но в этот раз Сергея ждало жестокое разочарование.

Жена хозяина «Аргуса» наотрез отказалась беседовать – до тех пор, пока не вернется муж. А вернется он не раньше чем через семь дней, и связаться с ним до этого срока никак нельзя.

В какой-то момент Жаркову показалось, что он разговаривает с автоответчиком.

– Спасибо, извините за беспокойство, – он разорвал соединение.

Оставался еще один вариант – съездить к дому на улице Ульянова, где обитал Ярослав Шишкин, попытаться расспросить соседей или проникнуть в квартиру. Но Сергей чувствовал, что и там его встретит такая же глухая стена, умело продуманная информационная блокада.

Интересно, что прячется за ней?

Да, он не ошибся – тут точно скрыта какая-то тайна.

– Ладно, я вам еще покажу, – повторил Жарков, чувствуя, как свербит уязвленная гордость вынужденного отступить профессионала.

Как именно покажет – он еще не знал, но верил в то, что придумает.

Иначе какой же он профессионал?

Из сна Олег вывалился резко, толчком.

Открыл глаза и понял, что в крохотной комнатухе, куда его поместили сатра, есть кто-то еще.

– И что вам надо? – он поднял голову и... подумал, что все еще спит.

У изножья кровати стоял коренастый мужчина лет тридцати, одетый как ниндзя из гонконговских фильмов – сплошь в черное. Открытым оставалось только лицо, неестественно белое, без бровей, ресниц и намека на щетину. Огромные светло-голубые глаза без зрачков блестели, как два зеркальца.

Дверь за спиной незваного гостя была приоткрыта.

– Ты проснулся, – без всякого выражения сказал коренастый. – Одевайся, пойдем.

– Куда? – Олег потряс головой, но чужак и не подумал исчезать.

Оставалось лишь поверить в то, что Наблюдатель, забравшийся в дом старейшины клана Фоон – реальность.

– Подальше отсюда, хе-хе, – угол рта дернулся, обозначая улыбку. – На свободе ты можешь сделать гораздо больше, чем если будешь неделю гнить в этом вонючем подвале.

– А что я должен делать? – Олег сел на кровати.

– Не должен. Можешь захотеть. Есть ли у тебя желание отомстить тем, кто подставил «Золотую розу»?

Наблюдатель, если судить по ауре, не мог похвастаться особой магической силой. Но знал он при этом удивительно много – и об условиях соглашения, и о самом Олеге, и даже о том, где в доме Аристеаса могут держать ценного пленника.

Хотя «бесцветные» – мастера маскировки, и оценивать любого из них по одному взгляду – глупо...

– Есть, – сказал Олег. – Но, сбежав отсюда, я сам подставлю ее по самое не могу.

– Не подставишь, хе-хе.

На этот раз Наблюдатель улыбнулся более явственно, почти по-человечески. А потом неожиданно замер, уставившись в стенку и стиснув зубы. Через несколько секунд он глубоко вздохнул и ожил, только в голосе появилась хрипотца.

– Нет... не подставишь. Тебя нет в том соглашении, что подписала «Золотая роза» с союзниками. Все маги до третьего ряда указаны там поименно, а ты – нет. И бегством ты ничего не нарушишь, и клан Фоон не будет иметь формального повода для предъявления претензий. Кроме того, ты не давал «зеленым» обещания не убегать отсюда, а значит – сбежав, не нарушишь собственного слова.

Этот «бесцветный» и вправду много знал.

А еще Олег чувствовал, что его собеседник не сказал ни единого слова неправды, причем и в тот момент, когда говорил о мести.

– Ерш твою меть... – пробормотал он, ударив себя кулаком по ладони.

Что делать? Что? Остаться здесь, не дав сатра предложения для агрессии? Недельку просидеть в бездействии, не зная, что творится снаружи – существует еще «Золотая роза» или союзники, наплевав на соглашение, уничтожили ее остатки? Или бежать вместе с правдивым Наблюдателем? Рвануть в неизвестность, надеясь отыскать в ней тропинку, что ведет к мести и к победе?

На второе мог отважиться только безумец.

– Хорошо, я согласен, – Олег встал с кровати и принялся одеваться.

– Я рад, – сказал Наблюдатель, и это тоже было правдой.

Олег глянул на часы и покачал головой, обнаружив, что время перевалило за полночь и девятое февраля успело смениться десятым. Натянул свитер, накинул куртку, всунул ноги в ботинки, и они вышли в коридор. Охранник валялся на полу и храпел так, что слегка подрагивали стены.

Наблюдатель надел черную шапочку-маску с отверстиями для глаз и превратился во взырдашнего ниндзя.

– Следуй за мной, – прошептал он. – Шаг в шаг.

Бесшумно открылась входная дверь, и они выбрались в залитый тьмой двор. Постояли несколько мгновений, давая привыкнуть глазам. Из мрака выплыли очертания бани, блеснули за ней стенки одной из теплиц, нарисовался силуэт забора.

– Вперед, – велел Наблюдатель, и они зашагали мимо бани, куда-то за теплицы, прочь от дома.

Олегу до зуда в затылке хотелось обернуться, глянуть, не горят ли окна в особняке Аристеаса. Но он сдерживался и старался не отстать от «бесцветного», скользившего во мраке словно тень.

Уткнулись в забор напротив места, где в колючей проволоке на его верху виднелся просвет. Наблюдатель развернулся, чуточку присел и подставил сцепленные в замок ладони:

– Лезь.

Еще с армейских времен Олег усвоил одно простое правило – в нестандартной ситуации беспрекословно слушай того, кто знает и умеет больше тебя. Поэтому он не стал ничего спрашивать, а уперся руками в забор и наступил правой ногой прямо на ладони «бесцветного».

Почувствовал рывок, взлетел к гребню стены, перекинул ногу и уселся на нее.

– Эй, что там такое? – недовольный басистый голос донесся со стороны бани. – А ну-ка...

Болезненно яркий луч фонаря ударил в лицо Олегу, заставил его на мгновение ослепнуть. Что-то щелкнуло, послышался звон и недовольное восклицание. А в следующий миг черная тень выросла рядом с Турновым, хлопнула его по плечу – не тормози, приятель! – и спрыгнула на другую сторону забора.

– Тревога! Человек убегает! – заорали во дворе так, что слышно было, наверное, на площади Минина.

Олег соскочил на землю, поморщился от боли в лодыжке.

– Туда. – Наблюдатель махнул рукой с зажатым в ней крохотным, в ладонь, арбалетом, и они побежали. Насколько Олег успел сориентироваться – прочь от улицы Ванеева, в глубь частного сектора.

За спиной громыхнул засов калитки. Донесся топот, луч фонаря, дальнотойного, мощного, уперся в спины беглецам, на землю перед ними упали две черные длинные тени. Смутно знакомый, исполненный злости голос рявкнул:

– Держи! Вон они!

– Не ожидал от них такой прыти... – пробормотал Наблюдатель. – А ну-ка...

Что он сделал, какое заклинание пустил в ход, Олег не понял. Только шевельнулись волосы на затылке, зимняя ночь стала пахнуть фиалками, а луч фонаря потускнел, замигал, словно между ним и беглецами возникло нечто клубящееся, полупрозрачное, как облако

дыма.

– Ходу! Ходу! – рывкнул «бесцветный», и Олег поднажал.

В молодые годы он занимался бегом и дозанимался до первого разряда на восьмистах и на полутора тысячах. Позже, конечно, спорт забросил, форму потерял, но кое-что все же осталось. После первых ста метров не задохнулся, а только вработался, и мышцы начали разогреваться.

Они бежали по узкой дороге между двумя рядами спрятавшихся за заборами домов. Скользили по льду и оступались, когда под ноги попадали выбоины и кочки. Раздраженно хрустел снег, лениво брехала вдали собака, орали за спиной отставшие преследователи.

Наблюдатель мчался впереди.

Время от времени он оглядывался, и тогда становилось видно его лицо – черная ткань шапочки-маски и блестящие голубые глаза в прорезях. Казалось, что они светятся в темноте.

«Бесцветный», несмотря на погоню, не потерял присутствие духа. Похоже, он продумал все, предусмотрел даже возможность того, что им не удастся уйти из дома Аристеаса незаметно.

Дорога пошла под уклон, слева открылась темная низина с серыми силуэтами деревьев, а на другой ее стороне очертания многоэтажных домов.

– Сюда! – Наблюдатель свернул на узкую тропку, идущую вдоль забора, и Олег последовал за ним.

Тропка закончилась через пять метров, уперлась в сугроб высотой чуть ли не по пояс, но «бесцветного» это ничуть не смутило. Он пропустил человека мимо себя, а сам присел на корточки.

Олег встал, пытаясь отдышаться и сообразить, что хлюпает в ботинках – пот или растаявший снег?

Наблюдатель пропел несколько слов, и в его руках появилось нечто похожее на павлиний хвост: веер полупрозрачных лепестков длиной с метр, и на кончике каждого «глаз» – цветное переливающееся пятно. Взмах-другой, и из темного неба посыпался мелкий колючий снежок, причем повалил он только над тропкой, где находились беглецы.

Над домом, у забора которого они прятались, снегопада не было.

– Теперь замри, – негромко сказал «бесцветный» и сам застыл, превратился в статую, в черный силуэт на фоне белого снега.

Олег попытался сдержать шумное дыхание, сжал кулаки.

Топот приблизился, в поле зрения появился могучий сатра с фонарем, в расстегнутом пуховике и яростью на бородатом лице. Заелозил лучом туда-сюда, повел им по тропинке. Свет хлестнул Олега по глазам, вырвал из тьмы фигуру Наблюдателя, заиграли искорками тысячи висевших в воздухе снежинок, но «зеленый» ничего этого словно не заметил.

– Тут их нет! – рывкнул он. – Дальше побежали! Вперед, братва! Догоним засранцев!

Сатра протопал мимо, за ним помчались другие, тяжело бухая копытами. Пахнуло запахом мокрой шерсти, ароматом крепкого пота, и орава преследователей исчезла из виду.

– А теперь уходим, – вставая с корточек, «бесцветный» покачнулся, словно его одолела внезапная слабость, но тут же выправился. Когда исчез «павлиний хвост» в его руках, Олег не заметил. – И быстро, быстро...

Они пересекли дорогу и побежали назад, к первому повороту налево, в сторону улицы Сусловой. Затеряться, как можно быстрее скрыться в лабиринте между домами, где бойцы клана Фоон не найдут их никогда.

Если, конечно, не догадаются прибегнуть к магии.

– А они не зацепятся за наш след? – спросил Олег, вспоминая то, что проделал Аристарх Сергеевич возле кладбища.

– Не смогут, – отозвался Наблюдатель. – «Веер исхода» глушит поисковую магию.

Остались позади домики частного сектора, беглецы выбрались к серой девятиэтажке, от которой начинались «хрущобы» – квартал, сплошь застроенный «хрущевками». Перешли с бега на быстрый шаг, а затем и вовсе на обычный.

– Вот моя машина, – сказал «бесцветный», когда они подошли к стоящему у крайнего подъезда красному «Запорожцу». После чего стащил с головы шапочку-маску и вытер мокрое от пота лицо. – Садись.

– А куда ты собираешься ехать?

– К себе, хе-хе. В твоей квартире тебя будут искать, у соратников по «Золотой розе» – тоже. Расскажу все, что знаю, о безумии slash и о том, кто попытался его использовать. А потом мы вместе решим, что делать дальше.

И вновь Олег не почувствовал лжи в словах Наблюдателя.

– Ладно, поехали, – сказал он.

В салоне «Запорожца» оказалось холодно, точно в морозильнике, и мотор заработал не сразу, а некоторое время покапризничал. Но вот запыхтел, и автомобильчик сдвинулся с места. Перебрался через трамвайные пути, вывернул на Сулова и рванул в направлении Верхних Печер. Остался в стороне дом Олега, где он не был с отъезда в Москву, легло под колеса Казанское шоссе, совершенно пустынное в этот поздний час.

Через пять минут новый поворот, на этот раз – на Фруктовую улицу, и они остановились у первого же дома по правой стороне.

– Вылезай, – сказал Наблюдатель.

Прошли в пахнущий кошками подъезд, на громыхающем лифте вознеслись на девятый этаж. Открылась дверь, обтянутая черным дерматином, и Олег вступил в самую обыкновенную прихожую: вешалка, на ней – кожаная куртка, сверху на полке свалены грудой шапки и шарфы; прямо – проход на кухню, в полутьме видны очертания стола; в стене налево две двери – туалет и ванная; направо уходит коридор, видно зеркало на стене.

Мало похоже на обиталище одного из «бесцветных», представителя самой загадочной сферы, если не считать синей, чьи уроженцы то ли вымерли, то ли ушли куда-то.

– Тапочки тут, под вешалкой. – Наблюдатель на всякий случай показал. – Раздевайся, проходи на кухню. Для начала я угощу тебя, хе-хе... чаем, а потом мы поговорим.

Олег стащил куртку, мокрые ботинки поставил под вешалку.

Бухнулся на плиту наполненный водой чайник, и хозяин квартиры достал из навесного шкафа жестяную коробку вроде тех, в которые фасуют хороший индийский чай, с красным трилистником на черном боку. А когда открыл, по кухне поплыл горький незнакомый аромат.

– Что это такое? – спросил Олег.

– Давай назовем это чаем, – ответил Наблюдатель. – И мне проще, и тебе спокойнее. Поверь, эта штукавина возвращает силы телу и ясность рассудку. А и то, и другое нам понадобятся.

Дальше Олег молча смотрел, как хозяин заваривает щепотку серого, похожего на табак «чая» в крохотном чайнике. Прихлебывал сладковатый, чудно пахнувший напиток, а голова и правда прояснялась, уходила из мускулов вялость, и сердце начинало биться мощно и ровно.

– Теперь ты готов меня слушать, – сказал «бесцветный», когда зеленая чашка с игривым зайчишкой на боку опустела. – Меня зовут Дмитрий, и ныне я – младшая рука языка «действующих» в ордене Желтого Ока.

Что ему озвучили – ранг или должность, и чем язык «действующих» отличается от иных, Олег совершенно не представлял. Вообще, о внутренних делах бесцветной сферы за ее пределами было известно на удивление мало. О том, есть ли у Наблюдателей женщины, и если есть, то почему никто их никогда не видел, ходили самые дикие слухи и нелепые басни.

Прожив рука об руку с людьми, сатра, Часовщиками и прочими двенадцать тысячелетий, Наблюдатели сумели сохранить все свои тайны.

– Я обещал тебе месть... – хозяин квартиры на мгновение запнулся, но продолжил твердо и уверенно: – Так вот, в том, что «Золотая роза» попала в такую ситуацию, виноват мой орден.

– А, вот как... – честно говоря, Олег не особенно удивился.

С того самого момента, когда они с Аристархом Сергеевичем оказались внутри «Зеркальной пирамиды», он заподозрил, что Желтое Око ведет свою игру, что оно знает гораздо больше, чем хочет показать. И назвавшийся Дмитрием Наблюдатель эти подозрения только подтвердил.

– Да, именно так, – кивнул «бесцветный».

– Так что, и эпидемию размножения среди слэш вызвали тоже вы?

– Нет, такое нам не под силу, – сказав это, Дмитрий не соврал. – Наши старшие просто попытались использовать ее в своих интересах. Посеять хаос, вызвать войну, чтобы упрочить собственные позиции, ослабить конкурентов и половить рыбку в мутной воде.

– И жертвой была выбрана «Золотая роза»? – уточнил Олег.

– Да, совершенно верно. В последнее время вы стали слишком сильны, хе-хе. Именно поэтому наши старшие решили начать с вас. Взять «черных» под наблюдение, спрогнозировать их выбросы силы, заманить нескольких магов вашего ордена на кладбище в нужные моменты, а затем «стукнуть» их хозяевам – что может быть проще? – Дмитрий пожал плечами. – Обычная интрига. И вот все вокруг уверены, что «Золотая роза» балуется с некромантией, чтобы позже захватить весь город, а враги у нее множатся, как комары в теплом и сыром июне.

– Но почему ты говоришь об этом мне? Что вынудило тебя пойти против воли ваших старших?

Наблюдатель улыбнулся, мягко, как-то отстраненно.

– Причина сидит во мне, – сказал он. – И вместо того чтобы рассказывать, я покажу.

Он встал, через голову стащил черную облегающую водолазку, снял серую майку с надписью «Рибок» на груди. Открылся мускулистый безволосый торс, блики побежали по белой, как мрамор, коже.

Дмитрий напрягся, судорога пробежала по его телу, вздулись жилы на предплечьях, на шее. Белая кожа стала прозрачной, открывая студенистую, слизистую плоть...

И Олег увидел.

Там, где у людей расположена верхушка правого легкого, пульсировал черный комок размером с наперсток. Темные нити бежали от него в стороны, истончаясь и растворяясь, а в его недрах угадывалась раскоряченная фигурка, похожая на измазанного смолой человечка со змеиными хвостами вместо ног. Скалился крохотный рот, глаза были закрыты, и тельце дрожало, то ли от боли, то ли в экстазе.

– Что это?.. Это... – отвращение накатило и отхлынуло, сменилось страхом. – Ты заражен?

– Да, и давно. Я с декабря ношу в себе зародыш слэш. – Наблюдатель расслабился, и кожа его потеряла прозрачность, вернула себе цвет молока. – И он причиняет мне жесточайшую боль.

Стало ясно, почему Дмитрий бледен, словно полотно, и отчего время от времени замирает, безучастный ко всему, что происходит вокруг.

– С декабря? – Олег нахмурился, вспоминая то, что слышал в прокуренной московской квартире. – Но это невозможно. Инкубационный период у «черных» от двадцати до тридцати дней. Ты должен был давно умереть, а эта дрянь – выбраться наружу.

– Да, я знаю, хе-хе, – обычный смешок у Наблюдателя на этот раз получился грустным. – Но, как видишь, жив еще. И я не желаю никому такой судьбы, как у меня, таких мук, даже тем, кто не принадлежит к моему народу, даже его врагам. Наши старшие пытаются использовать скачущую по городу смерть, стараются оседлать ее, я же готов отдать остаток своей жизни, чтобы ликвидировать эпидемию.

– А это возможно?

– Думаю, да. – Дмитрий задумчиво потеребил кончик носа. – Интригу против «Золотой розы» начали готовить еще в конце ноября, когда об эпидемии речи не шло, а «черные» вели себя спокойно. Кроме того, наши старшие могут прогнозировать поведение слэш, заранее узнавать, когда на любого из них накатит приступ безумия. Отсюда я делаю вывод, что у нас

в ордене есть информация, с чего все началось, и нужно только ее добыть. Вот для этого, – он посмотрел на Олега, – мне и нужен ты. «Коричневый», не «бесцветный».

– Это еще почему?

– Система безопасности внутри «Зеркальной пирамиды» настроена в первую очередь против своих, против возможных агентов других орденов. Считается, и, в общем-то, обоснованно, что существа из других сфер не в состоянии проникнуть в пределы здания без ведома хозяев. Если ты мне поможешь, то вдвоем мы добудем информацию. Сделав ее общедоступной, докажем, что «Золотая роза» тут ни при чем, а заодно узнаем, как остановить эпидемию. Кроме того, ты и твои старшие получите возможность отомстить тем, кто вас подставил. Они...

Наблюдатель замер, взгляд его стал тусклым, глаза – незрячими.

Дернулся засевший в плоти эмбрион, зародыш слащ, и его носителя захлестнула волна боли. Через мгновение прошла, отступила, и Дмитрий смог улыбнуться:

– Что-то он расшевелился сегодня... Хотя я и сам немало шевелился, когда тебя вытаскивал. Ну что, ты со мной? Заставить, сам понимаешь, не могу, поэтому просто прошу.

Олег покачал головой, задумчиво хмыкнул – отправиться в «Зеркальную пирамиду», логово ордена Желтого Ока? Довериться ренегату из этого самого ордена, находящемуся на грани смерти, тому, кто, возможно, от боли сам слегка тронулся рассудком?

Рискованно, очень рискованно...

Но отказаться от возможности оправдать «Золотую розу? Отбросить шанс узнать, как можно остановить эпидемию размножения среди «черных»?

Глупо, а после того, что он сделал, решившись на бегство – вдвойне глупо.

Уж идти, так идти до конца, и, кроме того, Дмитрий за весь разговор ни разу не солгал. То чувство, что предупреждало Олега о малейшей фальши, на этот раз промолчало.

– С тобой, – сказал Турнов. – Только скажи, ты сам-то не заразный?

– Не беспокойся. Наши старшие употребили все свое мастерство, чтобы я не был опасен для сородичей. На то, чтобы извлечь из меня эту мерзость, их искусства не хватило.

И это тоже оказалось правдой.

– Тогда все в порядке. Когда отправимся?

– Прямо сейчас. Времени у меня немного, и никто не знает, когда оно закончится. Подожди минутку.

Наблюдатель поднялся, вышел из кухни. А когда вернулся, принес стопку одежды черного цвета.

– Надень это.

Водолазка, такая же, что и на хозяине квартиры, мешковатые штаны, куртка, тонкая, но очень плотная. Перчатки, шапочка-маска с прорезями для глаз – снаряжение ниндзя, о котором мечтает любой мальчишка, пересмотревшийся глупых американских боевиков с Майклом Дудикоффом.

Не хватает разве что сюрикенов – метательных звездочек, и меча, чтобы повесить за спину.

Пока одевался, Дмитрий притащил черные ботинки – легкие, почти невесомые, и туго затягивающиеся у голени. А когда выложил на кухонный стол деревянную трубочку длиной сантиметров тридцать и комплект оперенных игл, Олег не выдержал – улыбнулся.

– Что, будем играть в ниндзя? – спросил он.

– Нет. Будем играть в бойцов особого подразделения языка «действующих», – очень серьезно ответил Наблюдатель.

Для трубочки и игл оказался приспособлен особый карман внутри куртки. Рядом с ним обнаружилось множество других, маленьких, почти незаметных, разной формы, но Олег не стал спрашивать, для чего они предназначены.

И так понятно, что всего снаряжения «действующих» ему не продемонстрируют.

– Я покажу тебе, как этим пользоваться, – сказал Наблюдатель. – Иглы отравлены, яд усыпляющий, мгновенного действия. Достаточно царапины, чтобы в течение секунды

вырубить живое существо весом до девяноста килограммов. Ну а существа весом больше девяноста килограммов нам в «Зеркальной пирамиде» не встретятся.

Взяв трубочку и заправив в нее иглу, Олег вспомнил то оружие, что держал в руках за время службы в Афгане: пистолет Макарова, «калаш», СВД – снайперскую винтовку, АГС, РПГ...

По сравнению с ними духовая трубка с отравленными иглами казалась смешной игрушкой. Но недаром подобные штуковины, придуманные тысячи лет назад, используют все спецслужбы мира.

Поэтому Олег стал внимательно слушать объяснения Дмитрия.

Все оказалось просто – вставляешь, подносишь ко рту, резко выдыхаешь. Главное – не оцарапаться самому и попасть в цель с первого «выстрела», на второй времени может не оказаться.

– Нормально, годится, – одобрительно сказал Наблюдатель, когда Олег вогнал иглу в дверку навесного шкафа.

– Кстати, ведь я, если чего, не смогу колдовать, – напомнил Олег, убрав трубку в карман.

– Сможешь. Сейчас ты на максимуме. А когда «разрядишься» – я тебе помогу.

– Ну, если только так...

Перед тем как выйти из квартиры, Олег глянул на часы – два пятнадцать, самое темное, глухое время, время для того, чтобы творить тайные дела. Стоило признать, что смертельно больной Наблюдатель-ренегат рассчитал все с ювелирной, невозможной точностью.

Спускались почему-то не на лифте, а пешком, а когда выбрались на улицу, угодили в снегопад.

Громадные хлопья падали с темного неба, кружились в свете фонарей, мягко опускались в сугробы, на асфальт. Силуэты домов едва-едва проступали через плотный белый полог.

– Очень хорошо, хе-хе, – сказал Дмитрий. – Чем хуже погода, тем нам лучше.

Красный «Запорожец» на этот раз не стал капризничать, и они покатали через белесую мглу. К удивлению Олега, не стали выезжать на улицу Родионова – двинулись улочками, переулками, дворами, чтобы объехать Сенную площадь и пост ГАИ на ней.

Из метели выплыл забор завода Петровского, некоторое время ехали вдоль него. Затем выбрались в идущий под уклон переулок, стала видна расположенная внизу автозаправка, и Дмитрий остановил машину.

– Все, стоп, – сказал он. – Дальше пойдем пешком.

– Пешком так пешком.

Олег выбрался из автомобиля, несколько раз присел, разминая ноги.

Заправку они обошли стороной, перебежали через Белинку и свернули на Горького в том месте, где эти две улицы сходятся под острым углом. Олег только успел заметить, что впереди, у обочины, в тени стоит автомобиль, как Наблюдатель торопливо прошептал ему в ухо:

– Морок на себя. Быстро.

Олег выполнил приказ, не успев задуматься или испугаться. По телу пробежала щекочущая волна, и в следующий момент фары машины вспыхнули. Два наспигованных снежными хлопьями конуса света прошли через то место, где замерли двое мужчин в черном.

– Милиция, – сказал Дмитрий. – Но мы успели, нас не заметили.

Фары погасли, они прошли мимо милицейской «Волги», внутри которой Олег разглядел двоих патрульных. Под неумолчный шелест снегопада зашагали дальше, вдоль погруженных во тьму спящих домов.

Олег подумал о том, насколько он за последние семь месяцев привык, что за его спиной находится «Золотая роза». Сжился с тем, что ему всегда помогут, поддержат, подскажут и выручат в сложной ситуации, встанут плечом к плечу, вытащат из неприятностей.

А теперь «Золотая роза» превратилась в фикцию, в бессильный призрак, и он остался один.

В данный момент Олег Турнов мог рассчитывать только на себя, ну и еще на «бесцветного» союзника, с которым познакомился несколько часов назад. Все умелые, знающие маги находились в изоляции, под наблюдением чужаков, а источники ордена были так же недоступны, как недра солнца.

Нет, обратиться к любому из них ничего не мешает, только если сделать это, «Золотая роза» точно будет уничтожена союзниками.

– Вот и пирамида, – сказал Наблюдатель, и Олег обнаружил, что они пришли.

Резиденция ордена Желтого Ока высилась за забором, блестели стеклянные стены, и на вершине сверкал золотой шар. Темное пятнышко в нем то уменьшалось, сжималось в точку, то расплзалось, оставляя золотистый ободок.

– Прежде чем мы туда пойдем, я тебя подзаряжу. Кто знает, что произойдет внутри? – Дмитрий встряхнул кистями, точно после умывания. – Я вижу, ты немного нервничаешь?

– Ну, да... – Олег вздрогнул, когда холодные пальцы легли на его предплечье. – Впервые за долгое время я остался один, без поддержки ордена... Это непривычно и пугает.

– Да, недавно я пережил нечто похожее, – «бесцветный» сочувственно кивнул. – Только вы, люди, можете существовать в одиночку, а для нас... Наблюдателей, объединение – единственный способ выжить. Терпи, сейчас будет очень больно.

Олег глубоко вдохнул, а в следующий момент осознал, что выдохнуть не может – воздух застрял в легких, как толстый кот в печной трубе. Судорога свела все до единой мышцы, боль возникла сразу по всему телу, словно с него содрали кожу, кровоточащее мясо порубили на куски и бросили их в кипящий соляной раствор.

И при этом сохранили у обрубков плоти возможность чувствовать.

На несколько минут Олег потерял ощущение собственного «я», провалился в заполненную страданием тьму. Из последних сил сжал зубы, думая: «Только бы не закричать, только бы...»

А потом все закончилось.

Олег обнаружил, что стоит, что по телу гуляют отзвуки только что пережитой боли, ощутил холодные и мокрые прикосновения снежинок к лицу. Осторожно вздохнул раз-другой.

– Мы из разных сфер, и поэтому подзарядка была столь болезненной, – сказал Дмитрий.

– Даэ, я оцениэл... – Язык слушался с трудом, и слова от этого получались невнятными. – Аэ что ты сказал насчет того, что... объединение – единственный способ выжить? А как же... ну, ведь вы можете становиться как люди... или нет?

Олег слышал, что Наблюдатели могут очеловечиваться, обзаводиться зрачком в глазу, волосами на теле и жить обычной жизнью. Но правда это или нет, он не знал, как не знали и те, кто рассказывал подобные вещи.

Дмитрий усмехнулся.

– Пойдем, время дорого, – сказал он, натягивая шапочку-маску на лицо.

Глава 8

В том, что вечеринка удалась, Андрей окончательно уверился к часу ночи.

Ди-джей ночного клуба «Пятый элемент» работал на совесть, так, что дрожали стены, а сердце билось в неистовом ритме. Рядом скакали одnogруппники, кровь кипела от музыки и выпитой водки, и все зазывнее поглядывала на Андрея танцующая неподалеку девушка.

Миниатюрная, рыженькая, смугленькая – в общем, самое то...

Так что когда музыка стихла и МС затеял очередной дурацкий конкурс, Андрей развел плечи пошире, нацепил на лицо самую обаятельную из улыбок и отправился к рыженькой – знакомиться. На вертевшегося рядом с девушкой плюгавенького, коротко стриженного

субъекта в джинсовой куртке не обратил внимания – мало ли уродов можно встретить на дискотеке?

– Привет, – сказал Андрей. – Тебя как зовут?

Рыженькая заулыбалась, опустила взгляд, за спиной Андрея одобрительно загоготали одноклассники. А он собрался уже пустить в ход второй из трех не раз опробованных способов съема, как сбоку вывернул плюгавый в джинсовой куртке и заявил:

– Отвали, длинный. Девушка занята.

Во-первых, это само по себе прозвучало грубо, во-вторых, Андрей не привык отступать, особенно на глазах у одноклассников.

– Не тобой ли, козлина лысая? – сказал он, глядя в светлые, точно оловянные глаза плюгавого.

– Что... – опешил тот. – Как ты меня назвал? Пойдем выйдем!

– Пойдем, – согласился Андрей и подмигнул рыженькой: погоди немного, я вернусь.

Понятное дело, у плюгавого обнаружилась «группа поддержки», да и одноклассники Андрея не остались в стороне. Так что на лестницу высыпала ватага из дюжины разгоряченных, пьяных парней.

Точнее – две обменивающихся злобными взглядами ватаги.

Охранники у входа проштемпелевали каждому руку, равнодушно поглядели вслед – пусть себе дерутся, лишь бы не в клубе. Выйдя на крыльцо, Андрей с наслаждением глотнул свежего, пахнущего зимой воздуха и шагнул под снегопад.

– Пойдем в парк, нечего тут светиться, – предложил плюгавый, которого трясло то ли от холода, то ли от страха.

– Пойдем, – вновь согласился Андрей.

Ему было все равно, где драться.

Они обошли клуб слева и оказались в парке Пушкина, на темной, засыпанной снегом аллее.

– Ну, ты! Как ты меня назвал?! Повтори! – теперь стало ясно, что плюгавого колотило от злости.

Есть такие маленькие собачки, что свирепеют от собственного лая. Гавкнув раз, а дальше заводят сами себя, исходят пеной и яростью, доказывая всему миру, что они большие и страшные. Похоже, обладатель джинсовой куртки принадлежал как раз к этой породе.

– Козлом я тебя назвал! – отдельно повторил Андрей, глядя прямо в оловянные глаза. – Понял, урод?

Плюгавый замахнулся. Андрей пригнулся, вскинул руку, готовясь блокировать удар в лицо. Но тут субъект в джинсовой куртке замер, глаза его выпучились, а багровое лицо начало белеть.

Если он играл, норовя поймать противника на детскую уловку, то делал это очень умело.

– Э... это что? – подал голос Леха, Андреев одноклассник, а «группа поддержки» плюгавого дружно уставилась в глубь парка, словно там и вправду появилось нечто интересное.

Андрей на всякий случай отступил на шаг и только затем обернулся.

По аллее, мимо лавочек, под потушенными фонарями, через снегопад плыло нечто белое, похожее на разорванную простыню. Двигалось оно плавно, словно идущий по воде корабль, и при этом колыхалось, хотя ветра не было.

Вспомнился мультик про Карлсона, то, как он пугал воров на чердаке, притворяясь «самым страшным в мире привидением». Но воспоминание ушло, на смену ему явился страх.

– Что это такое? – спросил плюгавый.

– Он-но не од-дно, – дрожащим голосом сообщил кто-то из «группы поддержки».

Тут Андрей заметил, что справа и слева от аллеи, между стволами старых лип скользят точно такие же белые силуэты – беззвучно, стремительно, подходя все ближе и ближе.

Накатило желание немедленно рвануть прочь, оказаться там, где горят огни и грохочет музыка, где не место для всяких страхов. Но отступить, показать свою трусость? Никогда!

И он лишь сжал кулаки.

А «простыня» оказалась рядом, сквозь нее проступили очертания человеческой фигуры – тонкие руки, ноги, голова с черными провалами на месте рта и глаз...

– Ой... – пискнул Леха, и Андрей краем глаза заметил, как его одноклассники дружно отступили на шаг.

Увидел призрачное белое лицо прямо перед собой, в полуметре. Ощутил на себе взгляд, полный злости и тоски, и словно окаменел, будучи не в силах двинуться с места.

Мог лишь наблюдать, как подходят ближе другие призрачные силуэты, как несет их по кругу, точно группа парней оказалась в центре незримого вихря. Ощущал прикосновения – скользкие, холодные, липкие, и чувствовал, что каждое забирает из тела немного тепла.

Заледенели руки, морозец побежал по спине, зашевелились на затылке волосы.

Маячившее перед глазами призрачное лицо распахнуло рот в беззвучном вопле и исчезло. Андрей вздрогнул и осознал, что протрезвел, замерз, устал, но при этом вновь может двигаться.

– Мне д-дед рассказывал, что тут раньше кладбище было... – проговорил очкастый Вовка по прозвищу «Ботан», – Петропавловское.

– А про призраков он тебе ничего не рассказывал? – спросил плюгавый, но как-то вымученно, без прежнего гонора.

Да и сам Андрей чувствовал, что бойцовский пыл угас.

– Чего про них рассказывать? Вот они, сами явились, – Вовка клацнул зубами и добавил: – Пошли выпьем?

Предложение встретило одобрение и среди одноклассников Андрея, и в «группе поддержки». Похоже было, что недавние враги, объединенные пережитым страхом, напьются до одури.

На одной из лавочек на аллее что-то шевельнулось, и Андрей вновь сжал кулаки – неужели опять началось? Темная фигура поднялась и, пошатываясь, двинулась в сторону замерших студентов. Когда подошла ближе, из дюжины ртов разом вырвался облегченный вздох.

Обычный бомж, худой, лысый, разве что очень легко одетый – драные джинсы, штормовка в темных пятнах, на ногах – старые кеды, перевязанные веревками, чтобы не отвалились подошвы.

И безумие в черных глазах.

– Пойдем, – сказал Андрей, чувствуя, что пьяный бродяга, похоже, и не заметивший буйства белых призраков, отчего-то внушает ему страх. – И выпьем. И не один раз выпьем.

С облегченным гомоном ватага... да, теперь уже точно одна ватага повалила обратно к ночному клубу. Резанул по глазам свет фонарей над входом, открылась стеклянная дверь, и парни очутились в вестибюле, перед охранниками в темных костюмах.

Андрей машинально посмотрел в зеркало, висевшее слева, на стене, и уставился в блестящую гладь, не веря собственным глазам: в темных волосах на виске выделялась белая, совершенно седая прядь.

К ограде резиденции ордена Желтого Ока они подошли с противоположной от площади Свободы стороны. Дмитрий походил туда-сюда, затем остановился рядом с наклеенным на забор рекламным плакатом, от непогоды совершенно вылинявшим, и положил на этот плакат руку.

Негромко клацнуло, и в ограде возникла калитка.

Наблюдатель бесшумно открыл ее, за ним последовал Олег. Они оказались на узкой тропинке, протоптанной среди сугробов и ведущей туда, где высилась во всей красе и мощи «Зеркальная пирамида». Тайная дверь закрылась с пронзительным щелчком.

Олег поежился, когда «зрачок» в золотом шаре на вершине обратился в их сторону,

вспомнилось око Саурана из романа «Властелин колец». Накатило ощущение собственной незащитности, возникла уверенность, что их обнаружили, видят, что нет смысла таиться, нужно оставаться на месте и покорно ждать, пока явится охрана, и тогда все будет хорошо.

– Не поддавайся, – шепнул обернувшийся Дмитрий. – Это первая линия магического прикрытия.

– Я понял... – Олег встряхнул головой, отгоняя наваждение, и двинулся следом за Наблюдателем.

Через полсотни шагов они уперлись в подножие пирамиды. Тут обнаружился задний вход, выглядевший как в самом обычном здании – небольшой навес, а под ним – дверь.

Дмитрий вытащил из-за пазухи ключ, длинный, с причудливо изогнутой бородкой, вставил в скважину. Повернул два раза по часовой стрелке, затем вдвинул глубже и сделал три поворота против. В руке Наблюдателя возникла духовая трубка, и он шагнул в открывшийся проем.

Олег увидел небольшой, тускло освещенный вестибюль, стол с маленьким телевизором на нем и охранника в черной униформе – пожилого, толстого, круглолицего, с удивленно выпученными глазами.

Трубка, приложенная ко рту Дмитрия, сказала «пфф». Охранник взмахнул руками и осел. Голова его склонилась к плечу, из приоткрывшегося рта донесся размеренный храп.

– У нас есть чуть меньше часа, – сказал Наблюдатель-ренегат, подходя к сородичу и выдергивая у него из шеи оперенную стрелку. – В три сорок пять старший смены проводит перекличку.

– Камеры? – спросил Олег.

– Их нет, хе-хе, – судя по тону, Дмитрий улыбался под шапочкой-маской. – Наши старшие привыкли полагаться на магию. Они... они... – он замолчал, и Олег понял, что его соратника одолел очередной приступ боли. – Пошли. Времени у нас очень мало.

Из вестибюля вело две двери, и Наблюдатель выбрал ту, что располагалась напротив стола охранника. За ней обнаружилась идущая наверх лестница, и они взбежали на второй этаж.

Через еще одну дверь незваные посетители вошли в коридор, очень похожий на тот, в котором Олег побывал вчера.

Только покрытые резьбой стены тут были не светло-желтыми, а темно-багровыми, а огонь, пылающий над тумбами из черного камня – не синим, а белым. От запаха арахиса чесалось в носу, и каждый шаг по гладкому, матово-зеркальному полу порождал шелестящее эхо.

Глянув вниз, Олег обнаружил, что его сопровождает отражение – искаженное, перекрученное, похожее на темное косматое облако с зеленоватыми лучами-протуберанцами. Не сразу сообразил, что в черной матовой поверхности отражается не только тело, но и аура. Невольно залюбовался, замедлил шаг и едва не налетел на очередную тумбу.

– Не смотри, – толчок в плечо оказался достаточно жестким, чтобы Олега встряхнуло.

Несколько мгновений непонимающе глядел на черную личину перед глазами, пытаясь сообразить, кто это.

– Не смотри вниз, – настойчиво повторил Дмитрий. – Иначе попадешь в плен самого себя. Застынешь тут каменным истуканом, и найдут тебя только утром, холодного и почти мертвого. – Он оглянулся, точно услышал какой-то звук. – А сейчас будет помещение, где ты пойдешь первым. И там придется молчать – и тебе, и мне. Убереги тебя все боги от того, чтобы произнести хоть слово. Тогда мы оба погибнем. Ты понял меня?

– Да, – ответил Олег.

– И приготовь трубку. Дальше могут быть охранники, о которых я не знаю.

Вытащив оружие, Олег почувствовал себя увереннее – будто в иллюзии нащупал нечто прочное, вещественное. Осторожно поместил на место иглу, и они двинулись дальше – мимо покрытых резьбой багровых стен, мимо черных тумб с огнем над ними, под аккомпанемент

шелеста под ногами.

Очередную дверь Наблюдатель открыл так же, как калитку в заборе – приложив руку к стене. Обернулся, поднес указательный палец к губам, напоминая о том, что нужно молчать, и шагнул в сторону.

Олег глубоко вздохнул, переступил порог, окунувшись в густую, как кофейная гуща, тьму. Сделал пару шагов и остановился, отогнал желание выставить перед собой руку.

Слабый свет зародился где-то вверху, белый... желтый... оранжевый... багровый. Следом пришла мелодия – тихая, почти неслышная, но отдававшаяся трепетом в теле, заставившая вздрогнуть мышцы и замереть сердце. Показалось, что слышал ее раньше, захотелось запеть во весь голос.

Олег открыл рот и... вспомнил, что нужно молчать. Дернулся, осознавая, что чуть не провалил все.

Мелодия продолжала звучать, переливаться внутри головы, словно нащупывая там рычаги, за которые можно дернуть. Свет мерцал, вспышки следовали одна за другой, вырывая из тьмы большую загроможденную комнату: стремянка у стены, только вместо ступенек – мечи; громадным удавом кажется пожарный рукав, а вместо обычного раструба на нем красуется драконья голова из позеленевшей меди; сундук, большой, окованный полосками железа, крышка чуть приоткрыта, как ожидающая пасть, и языком свешивается лента алой ткани.

Тяжелая ладонь хлопнула Олега по плечу, он обернулся, и Дмитрий красноречиво махнул рукой вперед – иди, мол.

Между предметами оставался узкий, сантиметров тридцать, проход, извилистый, точно след уходящего от погони зайца. Он вел в дальний угол комнаты, где под источником света, который никак не удавалось разглядеть, располагалась круглая, больше похожая на люк дверь с ручкой посередине.

Олег кивнул и двинулся вперед. Неловко повернул, задел боком пожарный шланг и понял, что тот не просто теплый, а горячий, словно печка. Показалось, что драконья башка дрогнула, затрепетали медные веки.

Показалось или нет?

Прошел мимо сундука, отвел взгляд от собственных отражений в мечех-ступеньках. Обогнул упирающийся в потолок шкаф, черный, громоздкий, весь в багровых потеках и глубоких царапинах. Заглянул в щель между дверцами и вздрогнул – померещилось, что шкаф забит человеческими костями, белыми, отполированными.

Мелодия звучала, свет вспыхивал, неприятный, режущий глаз, а Олег шел. Дмитрий шагал следом, вплотную, чтобы ауры, тела Силы человека и Наблюдателя перекрывались. Несколько раз по ушам бил резкий звук – точно лопалась туго натянутая веревка, а самому Олегу чудилось, что он прорывается через паутину из тонких, но прочных нитей.

Хотя в этой комнате ему много чего чудилось...

Оказавшись у круглой двери с ручкой посередине, разглядел, что свет испускает повешенная над ней стеклянная бабочка размером в ладонь. Присмотревшись, обнаружил, что свисающие из-под прозрачного брюха лапки снабжены острыми когтями, а вместо усиков торчат паучьи жвала.

Новый хлопок по плечу, и Олег взялся за рукоять, потянул на себя.

Мерцающий свет над головой погас, захламленная комната погрузилась во тьму. Круглая дверь мягко открылась, за ней обнаружилась крохотная, метр на метр, лестничная площадка и тусклая лампочка на стене.

Олег выбрался на площадку, затем через круглое отверстие просочился Дмитрий и закрыл дверь за собой.

– Прошли... – облегченно вздохнул он. – Прошли Комнату Стражей!

– Что за стражи?

– Вещи, которые ненавидят нас, – туманно отозвался Наблюдатель. – Напитанные, оживленные нашей магией, но при этом безумные, злобные и невероятно сильные. Ты

человек, на тебя они не обратили внимания. Но стоит им почуять «бесцветного» или услышать голос разумного создания... Ни один из моих сородичей без крайней необходимости и без подготовки не войдет в эту комнату. На подвальные этажи ведет еще один путь, но его охраняют, и с охраной нам не справиться. А теперь пошли – время дорого.

По узкой винтовой лестнице двинулись вниз. Мимо поплыли стены, бугристые и серые, точно из необработанного камня. Одолели два марша, прошли три круглые двери, и тут снизу донеслось негромкое позвякивание – словно кто-то размешивал ложечкой чай в стакане.

И звук этот приближался.

– Замри! – шепнул Дмитрий и вытащил из-за пазухи короткий жезл с деревянной ручкой.

Взмахнул им крест-накрест, и с заостренной верхушки посыпались золотые искры. У прижавшегося к стене Олега зачесались глаза, а тело онемело от макушки до пят.

Звон приблизился, на стену упали белые и красные отблески, и из-за поворота лестницы медленно выплыла гирлянда разноцветных шаров размером с кулак. Заметались на поверхности переднего, мутно-голубого, черные пятна, и Олег почувствовал на себе взгляд, пристальный, изучающий.

Наблюдатель поднял жезл, тот вспыхнул желтым огнем. Тварь из шаров подлетела выше, позвякивание стало громче. Мгновение помедлила, извиваясь, будто плывущая минога, а затем неспешно двинулась дальше. Потянулся за ней след из белого, быстро тающего тумана.

Онемение прошло, и Олег вновь смог двигаться.

– Чистильщик, – сообщил Дмитрий, не дожидаясь вопросов. – Чистит пирамиду от... хм, разного живого мусора. Меня бы он не тронул, а вот тебя мог принять, хе-хе, за...

– Грудю мусора. Вот рыба ерш, очень вдохновляюще.

– А ты чего ждал? – Наблюдатель совсем по-человечески пожал плечами. – Идем.

Они одолели еще один марш и через круглую дверь попали в короткий и совершенно темный коридор. Дмитрий помахал жезлом, и тот разгорелся, словно факел.

Тут не было ни тумб, ни зеркального пола, ни резьбы на стенах. Зато черный бугристый потолок нависал над самой головой, из него там и сям торчали белые «шипы» длиной полметра, и на кончике каждого висела, не падая, капля густой прозрачной жидкости.

Что это такое и для чего предназначено – Олег спрашивать не стал.

И так ясно, что не для красоты.

Поворот, и они в круглой комнате, сверху – уходящий в темноту купол, в стенах – узкие проемы, и каждый затянут похожей на фольгу пленкой.

– Мы в хранилище информации, – с благоговейной дрожью в голосе прошептал Дмитрий, и пленки в проходах дрогнули, откликаясь на его голос. – Не в том, что доступно всем членам ордена, а в скрытом, факт существования которого является тайной.

– Да уж, вы, Наблюдатели, без секретов не можете, – проворчал Олег.

– Думаешь, от хорошей жизни? – Дмитрий резко обернулся, голубые глаза в прорезях шапочки-маски блеснули гневом. – Мы слишком отличаемся от вас, маах'керу, сатра или тех же slash, чтобы выжить без тайны. Вы должны верить, что мы похожи на вас, думаем, как вы. Малейшая оплошность, оброненная не там крупница секрета – и мы погибнем, будем уничтожены, несмотря на наше умение прятаться и сражаться.

– Э, ну да... – спасовал Олег перед неожиданной вспышкой собеседника. – Давай, не трать время зря.

– Да, конечно. Жди меня тут.

Наблюдатель глубоко вздохнул и направился к ближайшему проему. Прикоснулся к блестящей поверхности, и та заколыхалась, на ней появились розовые и бледно-желтые пятна. Закружились, как снежинки во время метели, и исчезли вместе с «фольгой».

Открылась просторная, хорошо освещенная комната, низкий стол в центре и стеллажи у стен.

Дмитрий проскользнул в нее, свернул направо и исчез из виду. Олег услышал какой-то приглушенный шум, потом стук – будто крайне осторожный дятел начал долбить твердое дерево. Наблюдатель прошел мимо дверного проема и выложил на стол с дюжину черных кругляшей, похожих на хоккейные шайбы. Схватил один, сжал в кулаке, и тот окутался бледно-сиреневым сиянием.

Кругляш был отложен в сторону, и Дмитрий взял следующий.

Только на пятом он воскликнул «Есть!», после чего достал из-за отворота куртки еще одну «шайбу». Отодвинул в сторону ненужные, положил свою на ту, что отобрал, и прикоснулся к ней железом.

Над поверхностью стола бесшумно вырос гейзер кипящего бело-золотого пламени. Облизал потолок, на мгновение застыл, а затем медленно, покачиваясь из стороны в сторону, начал опускаться обратно.

Дмитрий несколько раз вздрогнул, но простоял неподвижно до того момента, пока «гейзер» не исчез. Потом сунул свой кругляш обратно в карман, остальные положил на место и выскочил из хранилища. Проем за его спиной мгновенно затянула блестящая «фольга».

– Все, мы сделали это, – сказал Наблюдатель. – Осталось только выбраться.

– Ерундовое дело, – хмыкнул Олег.

Как ни странно, в этот момент он не почувствовал ни радости, ни облегчения. Может быть, слишком устал, утомился от изобилия чудес, которыми «Зеркальная пирамида» была наштагивана, словно медвежья шкура – паразитами. Или просто не поверил, что они добились цели.

Ведь предстоял еще обратный путь.

Из темного коридора вышли на лестницу, рванули по ней вверх. Дмитрий остановился у входа в Комнату Стражей, приложил палец к губам, напоминая о том, что нужно молчать.

Олег кивнул и пролез в круглый люк.

Вновь замерцала стеклянная бабочка, запрыгали по стенам тени от брошенных в беспорядке предметов... от Стражей, полных ненависти к тем, кто их создал. В этот раз пройти их обиталище оказалось проще, то ли потому, что они возвращались, то ли из-за того, что Олег знал, с чем имеет дело.

Зазывная мелодия лишь щекотала уши, не трогая душу, и страх, висевший пудовыми гирями на ногах, превратился в помогающую идти опаску.

– Осталось десять минут, – сказал Дмитрий, когда они оказались в коридоре с тумбами и резьбой на стенах. – Поспешим.

До лестницы добрались без помех, а вот тут Наблюдателя настиг очередной приступ боли. Дмитрий споткнулся, привалился к стене и начал сползать по ней. Олег успел подхватить соратника под мышки и обнаружил, что тот холоден, словно труп, а мускулы расслаблены.

– Эй? Ты чего? – воскликнул он, уложил Наблюдателя на ступени и заглянул ему в лицо.

Голубые глаза без зрачков были открыты, но в них царил слепой туман.

Прежде чем Олег успел как следует занервничать, Дмитрий моргнул, взгляд его стал осмысленным.

– Что?.. Опять? – прохрипел «бесцветный»-ренегат, и мышцы его напряглись. – Идем.

Он оперся о стену, поднялся и, шатаясь, двинулся вниз по лестнице. К тому моменту, как они спустились в вестибюль, походка Дмитрия стала ровной, а движения – уверенными.

Охранник все так же дрых, откинувшись к стене. Ниточка слюны тянулась из уголка приоткрытого рта, вздрагивала в такт могучему храпу. Бубнил на столе забытый телевизор.

– Успели, – сказал Дмитрий, глянув на часы.

Выйдя на улицу, они нырнули в снегопад, точно рыбы в воду, погрузились в его белые мутные струи, через которые видно было не дальше, чем на десяток метров. Когда добрались до забора, Олег оглянулся – силуэт «Зеркальной пирамиды» угадывался за пологом метели,

тускло горел в вышине золотой шар.

Два раза клянула калитка, и только тут он осознал, что они в самом деле совершили это – забрались в логово ордена Желтого Ока и вернулись оттуда, причем не с пустыми руками. И никто не заметил появления незваных гостей, не поднял тревоги, не бросился в погоню.

– Все, – Дмитрий закатал шапочку-маску на лоб, обнажив бледное лицо, – теперь совсем все.

Прошли сотню шагов по пустынной улице Горького, а когда свернули направо, в сторону Белинки, Наблюдатель использовал «веер исхода», заклинание, примененное им во время бегства от сатра. Засияли во тьме призрачные «павлиньи перья», развернулись полукругом, на площади в десяток квадратных метров снегопад на мгновение прекратился, будто снежинки замерли на месте.

И следы беглецов стали недоступными для поисковой магии.

Неспешным шагом они добрались до оставленной рядом с заправкой машины, Дмитрий сел за руль. Десять минут езды по темным переулкам, подъем на лифте на девятый этаж, и человек с Наблюдателем вошли в знакомую квартиру.

– Можно выпить еще чаю, – сказал Дмитрий. – Если есть желание, то залезай под душ.

– И то, и другое – позже, – покачал головой Олег. – Сначала хочется взглянуть на то, что мы принесли.

Наблюдатель понимающе кивнул.

Когда прошли на кухню, он выложил на стол черный металлический кругляш, покрытый искусной резьбой. Помахал руками, и «шайба» засветилась, по ее бокам забегали бледно-красные огоньки. Слились в один, кольцо огня поднялось, вытягиваясь в столб, тот превратился в шар.

Дмитрий сомкнул руки вокруг кругляша, уставился внутрь шара, точно программист на экран компьютера. Олег почувствовал, как одно за другим были брошены несколько заклинаний – не особенно емких энергетически, совершенно не зрелищных, но при этом очень сложных.

– Вот, смотри, – проговорил Наблюдатель, и в шаре появилась картинка.

Трое мужчин, худых, бледных, в черных, безупречно выглаженных костюмах. На заднем плане – невысокая, по пояс, ограда. Дальше – панорама города под серым небом... нет, не просто города, а Нижнего Новгорода... вон Стрелка, где сливаются Ока и Волга, вон кремль...

Один из мужчин, с узкими, змеиными глазами, что-то говорил. Слов не было слышно, но губы двигались странно, будто выплевывая звуки. Второй размахивал двумя ножами, лезвия которых алели, точно их покрывала свежая кровь. За остриями тянулся след из темно-фиолетового пламени. Третий держал стеклянный сосуд, под горлышко заполненный желтым песком, и тот светился, переливался огоньками, как золото в свете прожекторов.

Трое людей... хотя людей ли?... творили сложное, многоступенчатое заклинание.

– Это где они? – спросил Олег.

– На телевышке, – Дмитрий потерял кончик носа. – Странно, я не могу понять, к какой сфере принадлежат эти парни.

Трое в черных костюмах бледностью и худобой напоминали верог, но глаза их не были красными. Не могли они быть элохим, Часовщиками, альвами или сатра, мало походили на слаш, джинна или дейвона. По всем признакам – люди, но что-то нечеловеческое имелось в неподвижных лицах, в неспешных, плавных, и в то же время неловких движениях.

Наблюдатели? Но Дмитрий узнал бы своих...

– Да, непонятно, – сказал Олег. – И что это такое желтое?

Багровые ножи тем временем опустились, и рисунок из темного огня повис в воздухе – вертикально стоящий круг, а внутри множество линий и округлых символов, мало похожих на буквы.

Трое встали в ряд, и каждый взял в руки сосуд со светящимся песком. Узкоглазый

наклонил свою посудину, и пылающие желтым огнем частички заструились через изогнутое, перекрученное горлышко. Второй и третий сделали то же самое, и три струи слились в одну, толстую, как пожарный рукав.

И та устремилась в центр магического круга.

– Это зафиксировано с помощью... записи по площадям, – сказал Дмитрий, поморщившись. – Никто специально не нацеливался на телевышку. Поэтому изображение не очень четкое и звука нет.

Проходя через рисунок, поток песка становился серым, расширялся и устремлялся вверх, где терялся в тучах. А те потихоньку темнели, словно наливались дурной, черной кровью.

Когда сосуды опустели, их убрали, и зажегся огонь в небольшой горелке. Один из бледной троицы расплавил пачку сургуча, в руках второго появилась металлическая печать диаметром более чем полметра.

– Ого! – только и сказал Олег, Наблюдатель же матерно выругался.

Сургучный оттиск в нарушение всех законов физики был поставлен на колыхавшийся в воздухе круг. Повисел некоторое время, вовсе и не думая падать, а потом растаял белым паром.

Узкоглазый поднес к лицу предмет, более всего похожий на хрустальное яйцо, и принялся шептать, касаясь его губами. Олег прищурился, когда в прозрачной глубине запульсировал фиолетовый, режущий глаз огонек, от него отпочковался второй, третий, четвертый...

Вскоре целая дюжина их кружилась внутри яйца.

После того как над яйцом пошептали соратники узкоглазого, фиолетовые огоньки слились в один, большой и белый. Выточенная из хрусталя безделушка, превратившаяся в крошечный маяк, была спрятана в мешочек из черного бархата, а его один из троих убрал в «дипломат».

Длинный и сложный ритуал закончился, и Олег вынужден был признать, что мало чего в нем понял. Одно выглядело очевидным – именно это заклинание стало причиной того, что слаш Нижнего Новгорода охватила эпидемия размножения.

Трое мужчин с бледными лицами накинули черные плащи и покинули площадку на телевышке. А из тусклого мрачного неба повалил снег, но почему-то не белый, а серый.

– Вот и все, – сказал Дмитрий. – Они сделали что-то... рассеяли над городом нечто, некий катализатор, заставивший слаш начать размножаться. А поскольку этот катализатор продолжает действовать, можно сделать вывод, что заклинание на телевышке до сих пор работает.

– Нужно уничтожить, его развеять... – Олег зевнул, потер занывшие виски. – А когда все это происходило?

– Восемнадцатого ноября.

Общеизвестная истина – любое заклинание рассеется, если его не подпитывать энергией. Ни одно без внешней «подкормки» не проработает два с половиной... почти три месяца.

А значит, трое бледных оставили ниточку и по ней вливают силу в свое творение. Струну, которую нужно оборвать, чтобы облизывающаяся на Нижний смерть наконец захлопнула алчную пасть. След, по которому можно выйти на тех, кто заставил посыпаться с неба серый снег.

– Нужно лезть на телевышку, – сказал Олег.

– Нужно, – кивнул Наблюдатель. – Но сначала – несколько часов отдохнуть. Сейчас мы оба мало на что годимся.

И это было правдой. Ноющая боль во всем теле и туман в тяжелой, как свинцовая болванка, голове напоминали, что слишком много всего произошло за последние двадцать четыре часа: два бегства, капитуляция «Золотой розы», несколько схваток, визит в «Зеркальную пирамиду»...

– Тут есть еще кое-что. Я сейчас...

Дмитрий вышел и вернулся с ноутбуком и странного вида переходником: с одной стороны обычный USB, а с другой – тонкая длинная игла.

Игла вошла в незаметное отверстие на боку металлической «шайбы», экран ноутбука осветился. Замелькали таблицы, сверстанные явно не в Excel, поплыли разноцветные графики, похожие на пучки молний, сложные диаграммы – круговые и лепестковые.

– Что это? – спросил Олег, борясь с нежеланием напрягать усталый мозг.

– Данные о поведении slash Нижнего, начиная с ноября: частота и время приступов безумия, пространственные перемещения каждого «черного», количество переданных эмбрионов... Количество смертей среди носителей... Так, это интересно... – Дмитрий уставился на экран, подперев рукой подбородок. – Не может быть... Хотя как не может? Я ведь сам... – Он повернулся к Олегу, голубые глаза блеснули гневом. – Помнишь, ты удивился, почему зародыш у меня внутри развивается так долго?

– Конечно.

– Теперь ясно, почему так и почему эпидемия приняла такие масштабы. – Наблюдатель ткнул рукой в экран. – За все это время в Нижнем не родилось ни одного slash. Заклинание, сотворенное на телевизшке, не только заставляет «черных» размножаться, оно еще задерживает формирование эмбрионов!

– Вот оно как... – Олег вздрогнул от пробежавшего по спине холодка, на мгновение отступила сонливость.

Вспомнился толстяк в бордовом халате, обитатель захламленной квартиры в Москве. Всплыли из памяти его слова: «Эмбрионы slash способны к делению, словно амебы. И передача их от человека к человеку может происходить, скажем, при поцелуе или ином тесном телесном контакте».

Стало ясно, почему эпидемия приняла такие масштабы.

Каждый зародыш, запертый в теле носителя, не имеющий возможности развиваться и родиться – потенциальный источник заразы. А уж тесных телесных контактов в городе, где полтора миллиона населения – пруд пруди.

Олег поспешил поделиться своей догадкой.

– Похоже, так оно и есть... – согласился Дмитрий. – Надо как можно быстрее убрать заклинание. Но несколько часов оно подождет, а я – потерплю... – и губы его искривила бледная мечтательная улыбка.

Олег получил спальный мешок и надувной матрас, после чего хозяин отвел его в большую комнату. Тут обнаружили телевизор на тумбочке, лишенные обоев стены, большой шкаф в углу, а также старый, грязный и поцарапанный линолеум на полу.

На окне сиротливо болталась серая от пыли занавеска.

– И ты здесь живешь? – спросил Олег, оглядевшись.

– Кто тебе это сказал? – Наблюдатель пожал плечами и удалился.

Олег быстренько надул матрас и положил его рядом со шкафом. Забрался в мешок, блаженно вытянул ноги. Успел подумать, что да, «бесцветные» обитают только в домах собственной постройки...

Мгновение тьмы, и он обнаружил, что смотрит на город среди джунглей.

Так же, как и ранее, ярко светило солнце, шелестели под ветром листья на деревьях. Вдоль вымощенных бревнами улиц тянулись ряды домов с высокими коническими крышами из тростника. Поднималась над ними ступенчатая пирамида с белым обелиском на вершине.

Но не горели костры, не слышалось рева пламени, и дым не щекотал ноздри...

Пусты были улицы, исчезли с них смуглые горбоносые люди с черными прямыми волосами, пропали женщины в бусах, набедренных повязках и накидках, украшенных птичьими перьями. Сгнули дейвона, сатра, Часовщики и верог, обитатели города под синим небом. Остались серые пятна кострищ и трупы.

Много, очень много трупов.

Тела лежали всюду, куда проникал глаз – в домах, на улицах, на площадях, у входов в

лавки, и даже на вершине пирамиды скорчились двое мертвых вампиров в высоких головных уборах. Вонь гниющего мяса мешалась с запахом гари, и облако смрада висело над городом.

В небе, ниже лениво ползущих облаков, чертили круги грифы.

Перед Олегом была империя смерти, ее владение, в котором не осталось живых. Городу предстояло разрушиться, зарости деревьями, скрыться под пологом джунглей, чтобы тысячи лет спустя археологи раскопали его и принялись гадать – что так стремительно погубило цветущее поселение?

Какая эпидемия уничтожила его жителей с такой быстротой?

Олег хотел закричать, но воздуха не хватило, и он смог издать лишь жалкое отрывистое бульканье. Попытался взмахнуть руками, чтобы вырваться из жуткого видения...

И обнаружил, что его трясут за плечо.

– Пора вставать, – сказал Дмитрий. – Ты стонал. Приснился дурной сон?

– Да, приснился... – Олег заморгал, остатки кошмара пузырились внутри, щекотали ребра запоздалым ознобом.

За окном было по-прежнему темно, но отдаленный шум давал понять, что город понемногу просыпается. С улицы Родионова доносился рык автомобильных моторов. В квартире этажом ниже вопил ребенок и слышался сердитый женский голос.

– Это бывает, – Наблюдатель вздохнул. – Поднимайся. Выпьем чаю и отправимся.

Олег поднялся, зевая и поеживаясь от мерзкого болезненного ощущения, что всегда появляется в голове, если недоспишь. Пройдя на кухню, обнаружил, что на плите исходит паром чайник, а на столе красуется натюрморт из батона вареной колбасы, куска сыра и буханки хлеба.

– Завтрак туриста, – сказал Дмитрий. – Или, хе-хе, в нашем случае – диверсанта.

«Чай» они пили тот же самый, сладко пахнущий, непривычный на вкус. Олег жевал бутерброд с колбасой и никак не мог избавиться от чувства, что ночное видение никуда не делось, что мертвый город под синим небом по-прежнему внутри него, нужно только заглянуть поглубже.

– Я – все. – Дмитрий встал, поставил чашку в раковину. – Ты тоже не задерживайся.

– Погоди, – сказал Олег. – Ты, мне кажется, забыл об одном – меня ищут. В первую очередь – сатра из клана Фоон. А во вторую, наверняка их союзники – оборотни Симентьева, маги из «Союза Семи», твои сородичи из ордена Белых Вихрей. Стоит моей физиономии появиться на улице... А сейчас утро, в шапочке-маске не особенно побегаешь.

– Да, верно. – Наблюдатель задумался, глаза его потемнели. – Ничего, я тебе помогу.

Он покинул кухню и вскоре вернулся с чемоданчиком вроде тех, что носят доктора «Скорой». Положил его на стол и открыл, обнажив выложенное темной тканью нутро, заполненное десятками разных пузырьков, тюбиков, причудливо изогнутых кусочков пластика.

– Грим? – спросил Олег.

– Кое-что получше... – Дмитрий замер, пережидая приступ боли. – С помощью этих... приспособлений я изменю не только твое лицо, но и внешний слой тела Силы. Хватит маскировки ненадолго, часов на пять, но больше нам, я думаю, и не надо.

Олег с опаской покосился на пульверизатор в руках Наблюдателя: белый, а на боку – три черных треугольника вершинами вместе, и все похоже на знак радиационной опасности. Подчинился просьбе закрыть глаза, услышал шипение, и лица коснулось холодное дуновение.

Кожа зачесалась, но лишь на мгновение, а затем неприятное ощущение прошло.

– Можешь открыть глаза, – проговорил Дмитрий, и Олег разрешением немедленно воспользовался.

Наблюдатель с помощью пушистой кисточки нанес ему на скулы и на лоб нечто вроде золотистой пыли. Запахло сладким, но запах быстро растворился, а Наблюдатель отложил кисточку и принялся вытаскивать из саквояжа кусочки пластика – маленькие, тонкие, розового цвета.

– А это зачем? – поинтересовался Олег.

– Фиксаторы заклинания. Сейчас я их закреплю, наложу форму энергетического искажения, и ты перестанешь их чувствовать.

О чем говорит Дмитрий, Олег, в общем, понимал, но что конкретно он делает, как добывается нужного результата – даже представить не мог. Это была магия Наблюдателей, искусство немыслимо тонкой маскировки, так же превосходящей грубый морок, как современный истребитель отличается от «этажерки» братьев Райт. Принцип тот же, а вот технологии и исполнение...

Первый кусочек пластика занял место посередине лба, точно над переносицей. Второй и третий расположились у наружных уголков глаз, а четвертый приткнулся на подбородке.

Когда Дмитрий прилепил его, Олег почувствовал болезненный укол – словно в лицо одновременно вонзили десяток игл.

– Немножко больно, да, – спокойно сказал Наблюдатель. – Но это ненадолго.

И он занялся тем, что ранее назвал «наложением формы энергетического искажения».

Напоминало это, честно говоря, камлание работающего на публику шамана-актера из бурятской деревушки. Было и бормотание себе под нос, и хождения вокруг да около, и драматические выкрики, и размахивание руками.

Не хватало только бубна и одеяния с ленточками и колокольчиками.

Олег чувствовал легкие прикосновения, волны дрожи пробегали по телу, ощущалось, как меняется аура под воздействием чужих заклинаний. Ее словно мяти сильные и умелые пальцы, и тело Силы поддавалось, трансформировало привычные очертания.

Дмитрий вскрикнул последний раз, остановился и вытер пот со лба.

– Вот и все, – проговорил он. – Кто может, пусть сделает лучше.

Олег поднял руку, осторожно потрогал те места, где остались кусочки пластика. Обнаружил, что они все там же, но при этом совершенно не ощущаются, словно приросли к коже, сделались частью тела.

Поднявшись, вышел в коридор и с некоторой опаской заглянул в зеркало.

Оттуда на него посмотрел незнакомый мужчина – с чуть более темными, чем у Олега, волосами, такими же карими глазами, но с совершенно другим лицом. Кожа приобрела желтоватый оттенок, лоб сузился, надбровные дуги выпучились. Больше стал нос, оттопырились уши, а подбородок потяжелел и выдвинулся вперед.

Заподозрить Олега Турнова в этом похожем на выбритого неандертальца типе смог бы только параноик.

– Глянь на свою ауру, – сказал Наблюдатель, возникая за спиной.

Олег на миг напрягся, включая магическое зрение, и его фигуру в зеркале окутало зеленоватое мерцание, словно сотканное из тысяч колышущихся спиралей. Изменения обнаружились и здесь – тело Силы стало немного меньше, как бы сплюснулось по высоте и обзавелось протуберанцами: признаками того, что его хозяин эмоционально несдержан.

– Э, хм... ну... – слова куда-то исчезли, осталось только удивление: как такое возможно в принципе? И всего за пятнадцать минут работы! – Это здорово... Меня так никто не узнает...

«В том числе и Лена, и Андрюшка», – мелькнула мысль.

При воспоминании о подруге и сыне почувствовал стыд – с момента бегства из резиденции Аристеаса ни разу о них не вспомнил. Хотя с Андрюшкой все должно быть в порядке – он у матери и звонка папы ждет не раньше, чем в субботу, послезавтра. А вот Лена в руках ордена Белых Вихрей, и хотя «бесцветные» никогда не славились особой жестокостью...

Все же плен есть плен, и вряд ли ей там хорошо.

– Да, я готов. – Олег отвернулся от зеркала. – Кстати, ты не скажешь, что за тип есть у вас в «Зеркальной пирамиде»? Борис зовут, здоровый такой, с шишками на черепе.

– Борис Зорин, старший командор языка «чувствующих», – отозвался Дмитрий, продолжая обуваться. – Очень сильный, опытный маг и большой властолюбец. Фактически

он стоит за попыткой использовать эпидемию размножения среди slash на благо Желтого Ока. Он предложил этот план, а магистр только согласился.

– Вот как? – Олег вспомнил темные, мрачные глаза, речь с заминками, тяжелые, мощные руки. Ощутил прилив сильной, подсердечной ненависти. – Ничего, этот командор у нас побеждает.

Он поспешно надел ботинки, накинул куртку и вслед за Наблюдателем вышел из квартиры.

Глава 9

Ночь над Нижним Новгородом доживала последние часы.

Для заполненных машинами улиц и площадей уже наступило утро, а дома украсили себя созвездиями из осветившихся окон. Но в сердце «Щелоковского хутора» – большого лесопарка в пределах города – тьма и не подумала уходить, она даже сгустилась, стала плотнее.

И в этот самый час посреди лесопарка, далеко от лыжных трасс, на окруженной густыми зарослями поляне сошлись тринадцать существ, на первый взгляд – плоть от плоти ночного мрака.

Тощие, смуглые, с глубоко посаженными глазами, они походили друг на друга, точно братья... или сестры? И в каком-то смысле они все являлись родственниками, хотя питали друг к другу одно лишь отвращение.

Такая вещь, как чувство единства, slash неведома.

– Так мало? – пронзительным тонким голосом сказал один из «черных», одетый в темный свитер и джинсы.

– Все, кто смогли пойти наперекор безумию, – прохрипел другой, в котором Олег Турнов узнал бы сторожа храма Всех Святых, что при Сормовском кладбище. – И то хорошо. Не будем терять времени.

– Не будем, – согласился slash в джинсах. – Кто станет «личинкой»?

– Он и станет, – пробасил сутулый «черный» с длинными руками и морщинистым лицом, по виду – старейший из всех, и указал на сторожа. – Если кто и имеет шансы ликвидировать угрозу, то только Эрвинг, отпрыск Скавена. Его магическое искусство известно всем, и...

Сутулый осекся и содрогнулся всем телом. Рот его открылся, и из него потекла желтая пена, а между вскинутыми руками затанцевал лепесток фиолетового пламени.

– Выброс! – воскликнул стоявший рядом slash в старом ватнике и валенках. – Глушим!

Двенадцать «черных» сделали одно и то же – поднесли правую руку к лицу и выдохнули, точно сдувая с нее нечто маленькое. Двенадцать крохотных облачков темного пара поплыли к быющему в конвульсиях сутулому, окутали его с головы до ног, заглушили нечленораздельный вой.

А когда через несколько минут растаяли, стало ясно, что сутулый slash стоит на четвереньках и тяжело дышит, но приступ сгинул без следа.

– Спасибо... – это слово сутулый из себя просто выпихнул, и лицо его перекошилось. – Да, вернемся к делу... Кто-нибудь возражает, что «личинкой» станет Эрвинг, отпрыск Скавена?

– Нет, – сказал «черный» в ватнике и валенках, и словно эхо полетело по поляне: «Нет... нет... нет...»

Отрицание прозвучало одиннадцать раз.

Промолчал только сторож из храма Всех Святых.

– Тогда приступим, – сказал сутулый, поднимаясь на ноги. – Все осознают, что нам предстоит совершить? На что мы пойдем ради того, чтобы остановить то, что убьет не только нас, но и весь город?

Ответом стало двенадцать «да».

Забился в конвульсиях еще один слаш, малорослый, в спортивном костюме и лыжных ботинках. Его успокоили тем же способом, что и сутулого, и Эрвинг, отпрыск Скавена, вышел в центр поляны. Неторопливо стащил с себя всю одежду, лег на снег, разбросав руки и ноги.

— За дело, — сказал сутулый, и первым сжал кулаки.

Его примеру последовали остальные, и двенадцать слаш замерли, как нелепые, обряженные в дурацкую одежду манекены. Тьма сгустилась еще больше, в ней заходили волны, пронизанные серебристыми бликами, покатались от края поляны к ее центру, туда, где лежал обнаженный «черный».

Когда первая волна коснулась его тела, он вздрогнул и оскалился, точно увидел перед собой врага.

Смуглое, почти черное тело начало покрываться белым налетом, похожим на иней. Пятнышки его возникли на боках, тонкие полоски потянулись по рукам, охватили шею, пересекаясь друг с другом, срастаясь, становясь толще.

Вскоре Эрвинг, отпрыск Скавена, исчез внутри кокона из белоснежного «мха».

— Готово... — не сказал даже, а прошипел сутулый. — Теперь бьем его... без жалости бьем...

Волны тьмы исчезли, пронзительно взвыл ветер, из снега поднялись серые тонкие вихри, один — с синими искорками внутри, другой — с алыми, третий — с золотистыми. Сутулый слаш схватил тот вихрь, что вырос рядом с ним, поднял, будто копье, и швырнул в белый кокон.

Серое пронзило белое насквозь, и поляну огласил надрывный стон.

За первым «копьем» в полет отправилось второе, третье, и из кокона хлынула черная жидкость, похожая на кровь. Стоны слились в гул, будто на муку жаловалась сама земля.

— Хватит? — спросил «черный» в спортивном костюме, бросивший свой вихрь последним.

— Нет, мало, — после паузы ответил сутулый. — Отрава еще сидит в нем. Давай!

Вновь заревел ветер, заколыхались нависшие над поляной ветви, сбрасывая с себя снег. Выросли, закачались «копья» из серого тумана, более короткие и тонкие, чем в первый раз.

Процедуру пришлось повторить трижды, и после этого стон перешел в визг, а хлещущая из кокона жидкость посветлела, стала прозрачной.

— Достаточно, — сказал сутулый слаш. — Теперь нужно снять покров. Только очень осторожно.

Двенадцать «черных», тяжело ступая, подошли к потерявшему белизну, посеревшему кокону. Один протянул руку, ковырнул бугристую, шершавую поверхность. Отвалилась чешуйка, похожая на высохший лист, за ней другая, и по оболочке, заключившей в себя Эрвинга, отпрыска Скавена, с негромким хрустом побежали тонкие трещины.

— Это еще что? — слаш в ватнике и валенках удивленно отпрянул. — Перестарались?

— Если так, то он умер, — мрачно буркнул сутулый. — Не стоим, очищаем.

«Черные» принялись рвать трескающийся покров. Открылось лицо, застывший на нем оскал, и медленно, очень медленно поднялись веки. Эрвинг, отпрыск Скавена пошлепал губами и произнес:

— Ссскорее... Он пьет из меня силы...

Серые чешуйки, испачканные изнутри черным, посыпались на снег. Обнажилось тело Эрвинга, отпрыска Скавена, лоснящееся, точно покрытое потом, и он смог вдохнуть полной грудью. Напряглись мускулы под темной кожей, и тот, кто согласился стать «личинкой», сел.

— Ну что, как? Удалось? — спросил сутулый, и его бас сорвался на писк. — Ты как чувствуешь?

— Не знаю. Сейчас проверим...

Но тут желтая пена полезла изо рта у того из слаш, что заговорил первым, в джинсах и свитере, и пришлось потратить время на то, чтобы привести его в норму. И только потом Эрвинг, отпрыск Скавена, поднялся на ноги, помедлил мгновение, а затем впился зубами в

собственное запястье.

Двенадцать сородичей следили за ним, затаив дыхание.

– Чисто, – сказал Эрвинг, отпрыск Скавена, и сплюнул на снег собственной кровью – бледно-розовой, будто разбавленное водой вино. – Я свободен... Осталось закрепить эффект.

– Да, – кивнул сутулый. – Я начну.

Он подошел к Эрвингу, отпрыску Скавена, вплотную, и положил ему на плечи ладони. Двое слаш постояли некоторое время, глядя глаза в глаза и дыша в такт, а потом одновременно содрогнулись, точно от боли или наслаждения, а их тела окутал вихрь лилово-желтого огня.

Вспыхнул, подобно пламени свечи, и сгинул.

То же самое повторилось одиннадцать раз, и Эрвинг, отпрыск Скавена, принялся одеваться. А его сородичи, разом потеряв интерес друг к другу, начали расходиться в разные стороны.

Захрустели потревоженные сугробы, закачались ветки.

– Удачи тебе, – сказал «черный» в ватнике и валенках. – Надеюсь, что все...

Не договорив, он упал на колени, затем уткнулся лицом в снег и забился в корчах.

Эрвинг, отпрыск Скавена, бросил в сторону судорожно дергавшегося сородича лишь мимолетный взгляд. Он молча закончил одеваться и побрел прочь, а мрак на поляне начал понемногу редеть.

Утро пришло и сюда.

До телецентра на улице Белинского Олег и Дмитрий добрались без проблем.

Промчались через продолжавшийся, хоть и ослабевший немного снегопад до того, как на Сенной площади возникла обычная утренняя пробка. Припарковали красный «Запорожец» рядом со Средним рынком и выбрались из машины.

Телевышка возвышалась на другой стороне улицы, за оградой, и ее верхушка терялась в белесом мареве.

– Что делать будем? – спросил Олег. – Через проходную пойдем?

– Нет. Вряд ли там будут рады, – откликнулся Наблюдатель, вешая на плечо небольшую сумку, которую захватил из дома. – Полезем через ограду, как обычные хулиганы.

Они перешли улицу и свернули налево, в сторону парка Пушкина, вплотную подходившего к территории телецентра. Вступили на безлюдную аллею между двумя рядами деревьев, увидели далеко впереди, среди деревьев, здание бывшего ресторана «Охотник».

Чтобы подойти к забору, пришлось одолеть довольно глубокий сугроб. Олег стал до пояса белым, слегка замерз, но под одежду снег не проник и в ботинки забраться тоже не сумел.

Они прикрылись мороком, Дмитрий открыл сумку и вытащил оттуда обыкновенную веревку с двумя крюками на конце. Раскрутил крюки и швырнул их вверх. Раздался металлический лязг, и веревка осталась висеть, точно приклеенная.

– Я полез, – сообщил Наблюдатель. – Ты – следом.

Олег мрачно кивнул. Понятно, что в армии на полосе препятствий не раз приходилось карабкаться по канатам, но когда это было? Больше, чем пятнадцать лет назад.

Но и тогда он не получал особого удовольствия от этого занятия.

Дмитрий, быстро-быстро перебирая руками, забрался на ограду и спрыгнул на другую сторону. Олег вздохнул, взялся за веревку, обхватил ее ногами и потащил себя вверх. Перчатки уберегли от того, чтобы ободрать руки, но сразу же заболела какая-то мышца в боку.

Не обращая внимания на боль, добрался до верха, смотал веревку с крюками и соскочил вниз.

– Очень хорошо, хе-хе, – сказал Наблюдатель. – Осталось немного.

Вторую ограду, вокруг самой вышки, преодолели тем же образом и потащились вверх

по открытой всем ветрам лестнице. Поползли вниз дома телецентра, деревья парка Пушкина. Едва поднялись на пару десятков метров, налетел холодный ветер, несущий сотни колючих мелких снежинок.

Пришлось натянуть шапочку-маску на лицо.

Первый пролет, второй, третий, и вскоре стало ясно, что сооружение, громадной иглой вонзающееся в небо над Нижним, слегка покачивается. Олег испытал мгновение острого страха, но заставил себя забыть о нем, сосредоточившись лишь на том, что нужно перейти на следующую ступеньку, а затем еще на одну, и еще, и еще...

Он осмотрелся, только когда добрался до площадки, где трое бледных чужаков сотворили странный ритуал.

Родной город лежал внизу, простирался во все стороны, сколько хватало взгляда – плоские и треугольные крыши, силуэты высоток, забитые машинами улицы. Заречная часть пряталась за белым пологом, ее не было видно, словно Автозавод, Сормово и Канавино погребло под слоем снега.

– Ну что, приступим? – сказал Дмитрий, когда они отдышались.

– Давай, – кивнул Олег и активировал магическое зрение.

Сначала не увидел ничего, лишь прищурившись, обнаружил висящие в воздухе контуры из белого тумана – круг с множеством линий внутри, проходящая через него изогнутая трубка, и второй круг, поменьше и поплотнее – там, где была поставлена печать. Сотворенное тут три месяца назад заклинание оставило следы, и за прошедшее время они почти рассеялись.

Еще пара недель – и здесь не будет даже туманных контуров.

– Очень бледно, – покачал головой Дмитрий. – Надо все это уплотнить, чтобы было с чем работать.

И он вновь полез в сумку.

Вытащил большой перстень из черного металла с алым камушком и четыре прозрачных кристалла. Кольцо нацепил на указательный палец левой руки, а кристаллы расставил ромбом так, чтобы в него попала зона, где висели следы заклинания.

– Помощь не нужна? – спросил Олег.

– Не нужна. – Наблюдатель глянул на соратника сочувственно. – Человеку, дабы изучить этот вид колдовства, требуются многие годы. Поэтому придется тебе немного поскучать.

Он поднял левую руку и начал водить ею по линиям из белого тумана. Вспыхнул камушек в перстне, и следом пурпурные огоньки появились в расставленных ромбом кристаллах. Некогда нарисованный с помощью багровых ножей круг начал понемножку уплотняться, обретать плоть.

И в этот момент в спину Олегу, подобно острому шилу, ударило чувство, что за ними наблюдают.

– Вот зараза... – пробормотал он, резко поворачиваясь.

На площадке, помимо них двоих, никого не было и не могло быть. Наверху, в ажурном переплетении полос металла, имела возможность спрятаться разве что птица, но откуда ей взяться в такую погоду? Уходящая вниз лестница оставалась пустой, а земля пряталась за завесой метели.

И все же Олег ощущал чужой взгляд, пристальный и внимательный, и это его беспокоило.

– Готово, – сказал Дмитрий. – Ты чего вертишься?

– Показалось, что на нас кто-то смотрит.

– Да? – Наблюдатель на миг замер, вокруг его фигуры возникло облако из радужных струй, каплями брызнуло в стороны и исчезло. – Похоже... но я не могу уловить источник. Странно. Ладно, пока опасности не видно, будем заниматься делом. А там поглядим.

Магический круг висел в воздухе, не туманный, а сотканный из темного огня, как в момент сотворения. Выделялись округлые символы, не очень похожие на буквы, и черное

пятно в центре рисунка.

– Выглядит мертвым, – сказал Олег, чувствуя себя обманутым. – Неужели мы ошиблись?

– Только выглядит. Это... – Дмитрий застыл на мгновение, переживая волну боли. – Это маскировка на случай появления здесь особо любопытных магов. Увидят след, и ладно... Смотри!

Он махнул рукой с перстнем, по магическому кругу пробежала судорога, и он начал вращаться. Медленно закрутился, точно громадное колесо, а по его «спицам» побежали крохотные искорки.

Из центра, из черного оттиска выросла тоненькая трубочка и потянулась к небу.

– А это – канал, по которому происходит подпитка, – глухим от напряжения голосом сказал Наблюдатель. – Пока я это держу... Ты попробуй проследить, куда он уходит.

Олег закрыл глаза, встряхнулся, вспомнил формулу поискового заклинания. Произнес его и покачнулся, пытаясь сохранить равновесие. Показалось, что упал вперед, рухнул в пропасть, хотя на самом деле отправил свое внимание в странствие вдоль «трубочки».

Успел увидеть несколько ее витков, а затем в лицо ударило нечто тяжелое и холодное.

Олег взмахнул руками, ощутил на губах соленое и понял, что из носа идет кровь. Пошатнулся еще раз, и только опустившаяся на плечо крепкая рука помогла сохранить равновесие. Открыв глаза, обнаружил, что он там же, на телевышке, а рисунок из темного пламени вновь стал мертвой схемой.

– Не вышло, – сказал Дмитрий, отпуская плечо соратника. – Закрывается, причем наглухо. Хотя стоило ли ожидать иного?

Олег облизал губы, шмыгнул носом, из которого продолжала сочиться кровь.

– Может быть, попробуем наоборот? – предложил он. – Я буду держать, а ты проследишь, куда уходит канал.

– И так не получится. Я мельком увидел защиту, когда ты врезался в нее со всего размаха. Это что-то странное, необычное, построенное не по тем принципам, к которым мы привыкли. Ты приходи в себя, а я зафиксирую то, что мы здесь обнаружили, чтобы потом было с чем работать.

Наблюдатель вытащил черный кругляш, покрытый тонкой резьбой, и положил его прямо под магическим кругом. Отступил в сторону, и из металлической «шайбы» поднялся столб света, но на этот раз не светло-красный, а густо-желтый, точно медовый сироп.

Развернулся в конус и замерцал.

К тому моменту, когда свет погас, Олег слегка опомнился, голова перестала болеть, а кровь – сочиться из носа.

– Теперь попробуем разорвать канал, – сказал Дмитрий, убрав «шайбу» обратно в сумку. – Если не выйдет, ударим по самому заклинанию. Хотя это и след, призрак, я думаю, вред ему можно причинить.

– Погоди, я попробую иначе... – Олег глубоко вздохнул и уставился на висящее в воздухе «колесо».

Настал момент обратиться к обратной стороне неумения лгать, к способности ощущать фальшь, в чем бы она ни проявлялась. Ранее Турнову несколько раз удалось уловить слабые места в заклинаниях, не разбираясь в их сути.

Вдруг получится и сейчас?

Олег расслабился, пытаясь услышать внутренний голос, всегда дававший понять, что является правдой, а что – нет. И через несколько минут с удивлением обнаружил, что тот молчит.

Неведомые создатели заклинания на телевышке построили его без единого слабого места.

– Что, не выходит? – спросил Дмитрий. – Неудивительно. Это делали мастера. Давай попробуем силой.

Он выставил перед собой руки, ладони набрякли чернотой, и из нее начали

выдавливаться отдельные «капли». Обзаводясь чем-то вроде крылышек, с негромким жужжанием устремились вперед, к «колесу» заклинания, облепили его, словно мухи – кусок тухлого мяса.

«Осиный рой» – эффективный способ разрушения чужих заклинаний.

Сотни черных «ос», выпущенных Наблюдателем, вцепились в магический круг, принялись грызть символы и линии внутри него. Кое-где в темном пламени возникли проплешины, но тут же затянулись, а истощившиеся частицы «осинового роя» обратились в серый дым.

– Давай же, давай... – прошептал Дмитрий, и глаза его блеснули удивлением.

Олег сжал правую руку в кулак, выдавил из него «призрачный клинок», уплотнил его так, что от слабости зазвенело в ушах. А потом с размаху рубанул по черной трубочке канала.

Занемело предплечье, боль стегнула до локтя, сердце на мгновение сбилось с ритма. «Призрачный клинок» рассыпался на осколки, и отдача сотрясла все тело до самых пят. Навалилось головокружение, Олега развернуло. Чтобы не упасть, он вцепился в ограждение площадки и привалился к нему.

Перед глазами потемнело, показалось, что смотрит не на Нижний Новгород, а на город из сна.

Внизу – пустые улицы, дома, в которых нет никого, кроме трупов. Ветер несет не снег и запах свежести, а вонь разложения. Кружат в небе грифы, и высится вдалеке силуэт громадной пирамиды.

Олег увидел родной город таким, каким он станет в том случае, если не предотвратить эпидемию.

– Эй, ты как? – слабый голос прозвучал из-за спины, и наваждение пропало.

Но осталось тревожное чувство, что порой сохраняется после ночных кошмаров, и четкое понимание того, что они должны разрушить заклинание на телевышке. Если этого не сделать, то Нижний станет громадным кладбищем, империей смерти, где места не будет даже слэш.

– Ничего. – Олег попытался оттолкнуться от ограждения, и это удалось не сразу. В единственный удар он вложил почти все силы и опасно истощил собственную ауру. – А ты?

– Бывало и лучше.

Когда повернулся, обнаружил, что Наблюдатель снял шапку и лицо его перекошено от боли. На висках и на лбу Дмитрия надулись кровеносные сосуды, макушку покрыли бисеринки пота, а бледное и до того лицо стало одного цвета с падавшими на него снежинками.

«Колесо» заклинания висело на том же месте, уходила от него «трубочка», и ни на том, ни на другом не осталось никаких следов. словно не бушевал только что тут «осиный рой», не был пущен в ход «призрачный клинок».

– Эту ерунду... – дышал Наблюдатель тяжело, с присвистом. – Ее нам... не одолеть... помнишь... то хрустальное яйцо?... Канал, похоже... тянется к нему... Пока оно цело... это не убрать...

Глаза Дмитрия закатились, и он медленно осел на пол. Скрючился громадным младенцем, извлеченным из материнского лона, и шапочка-маска выпала из разжавшейся руки. Очередной приступ боли оказался слишком силен, и носитель эмбриона слэш потерял сознание.

Но пришел он в себя почти тут же.

– Ничего, сейчас... – Рука Наблюдателя потянулась в сумке, вытащила из нее флакон с ярко-красной жидкостью. Вылетела пробка, и содержимое сосуда было выпито одним глотком. – Напугал я тебя, хе-хе?

– Не успел, – ответил Олег. – Да и отвык я пугаться. Эту штуку, – он указал на медленно бледнеющий рисунок, – нужно уничтожить во что бы то ни стало. Иначе наступит такое, перед чем все наши нынешние страхи – ерунда.

И он рассказал про сны, связанные с городом в джунглях.

– Я не знаю, что ты такое видел, – сказал Дмитрий, подняв с пола шапку, – но все это похоже на правду. Сейчас я приду в норму, подзаряжу тебя, и мы будем думать, что делать дальше.

Наблюдатель вытащил второй флакон, на этот раз с чем-то прозрачным, и опустошил его. После этого надувшиеся вены на висках и лбу опали, а дыхание стало ровным.

Подзарядка на этот раз оказалась еще более неприятной, чем ночью. Олега, если судить по ощущениям, размазали в тонкий блин на раскаленной сковородке, потом разорвали на молекулы, и каждую поместили в камеру к опытному, умелому и неумолимому палачу.

Вновь растворился во тьме, на несколько секунд лишился сознания и пришел в себя лишь от ударов по щекам.

– В порядке... – пробормотал он. – Все нормально...

Аура бурлила от силы, но чувствовал он себя при этом препоганно. Ныл позвоночник от затылка до копчика, словно его растянули, как эспандер, а потом отпустили, и позвонки с силой ударились друг о друга. Болела внутренняя поверхность черепа, будто в голову вместо мозга втиснули шар из расплавленного металла и он оставил немало ожогов.

– Нормально? – недоверчиво спросил Дмитрий. – Тогда надо решать, куда дальше. Можно отправиться обратно ко мне и сделать общедоступной информацию о том, что творится в городе. Тогда все претензии к «Золотой розе» будут сняты, и твоих соратников отпустят.

– Нет, это подождет, – перед глазами все еще стояло видение мертвого города, только не в джунглях, а у впадения Оки в Волгу. – Нам нужно отыскать то хрустальное яйцо.

«Золотая роза» еще какое-то время продержится, и с «изолированными» магами ничего не случится. А вот чудовищное заклинание, опутавшее весь Нижний, принесшее страдания тысячам его жителей, нужно ликвидировать как можно быстрее.

– Да.

– Чтобы найти нечто сокрытое, есть смысл обратиться к провидцу, а именно – к Глазастому.

Сказав это, Олег почувствовал, как чужой взгляд, все это время сверливший спину, исчез, отдернулся, словно его обладатель ожидал, когда человек на телевышке произнесет эту фразу.

– Да, логично... – Дмитрий задумчиво постучал себя по кончику носа. – Не будем терять времени.

И они двинулись вниз, зашагали по мокрым и скользким ступеням. С вышки спустились без приключений, обновили морок и под его прикрытием выбрались с территории телецентра. Когда оказались на аллее парка Пушкина, отряхнули налипший на штаны и ботинки снег.

– Только тебе придется показывать дорогу, – сказал Дмитрий. – Я о Глазастом слышал, но никогда у него не был.

– Ладно. А то я уж думал, ты все на свете знаешь.

Наблюдатель только усмехнулся.

Альв-провидец по прозвищу «Глазастый» обитал на самой окраине Автозавода, в поселке Гнилицы. Олег был у него один раз, прошлым летом, после того, как узнал о том, что магия – не выдумка экзальтированных психов, и что по улицам Нижнего преспокойно разгуливают нелюди.

События той ночи намертво врезались в память, и путь к дому на Третьяковской улице он не забыл.

Перешли дорогу и забрались в красный «Запорожец». Зафырчал мотор, и крохотная машина покатила в сторону площади Лядова, затем вниз, по Окскому съезду, к мосту в нижнюю часть города. Мелькнула затянута льдом река. К моменту, когда добрались до Автозавода, снег превратился в дождь, а тучи, как казалось, опустились ниже, прижались к самой земле.

На Южном шоссе автомобилей почти не было, и вскоре показались Гнилицы, больше похожие на деревню, чем на городскую окраину. Тут выяснилось, что Олег не так хорошо, как ему думалось, запомнил путь к дому Глазастого, и минут пятнадцать они проплутали.

Пришлось останавливаться и спрашивать дорогу у аборигенки.

— А вот туда вам, сынки, — махнула рукой сморщенная бабуля в коричневом пальто, сером платке и валенках. — Вон в тот поворот повернете и за поворотом увидите. Домина такой большой.

— Ясно, спасибо, — поблагодарил Дмитрий и захлопнул дверцу автомобиля.

«Домина» и в самом деле оказался велик, да еще и окружен многочисленными пристройками. В прошлый визит Олег не разглядел его как следует, да и не мог этого сделать из-за ночной тьмы. Только сейчас оценил крытую зеленой черепицей крышу, высокий и глухой забор.

У калитки рядом с большими воротами курили двое мужичков в ватниках и черных малахаях.

Стоило машине остановиться, как они дружно повернулись, и стало ясно, что один из них — сатра, заросший бородой по самый лоб, а второй — дейвона, с треугольным лицом и желтыми, как у совы, глазами. На вылезших из «Запорожца» чужаков они поглядели без дружелюбия, и «зеленый» гнусавым, хриплым голосом горького пьяницы осведомился:

— Че надо?

— К Глазастому, — сказал Олег.

Следовало бы добавить, что «от Магнита», использовать прозвище информатора-дейвона, благодаря которому их летом пустили в этот дом. Но Олег знал, что соврать не сможет, и не стал и пытаться.

— О как... — протянул «серый», вытаскивая изо рта сигарету. — Ладно, идите.

Калитка, выкрашенная в синий цвет, открылась легко, и гости оказались на ведущей к крыльцу асфальтовой дорожке. Поднялись по скрипучим ступенькам, и не успели постучать, как дверь дома распахнулась сама, и наружу выглянул очень старый сатра.

— Ха, это еще что? — осведомился он дребезжащим тенором. — Не рано явились вы, любители дремы, искатели видений?

— Мы к Глазастому, — пояснил Олег.

Сатра, чьи темные глаза насмешливо мерцали под седовато-черными зарослями бровей, зашелся дурашливым хохотом и переступил с места на место, породив негромкий стук. Потом отступил и приглашающе махнул рукой.

В крохотной прихожей все было так же, как прошлым летом: почти пустая вешалка, высокий шкаф, и рядом с ним — необычайно мутное зеркало, где двигались не отражения, а расплывчатые пятна.

— Разувайтесь, разувайтесь, ха! — задребезжал, запел старик. — Заходите, проходите, наполните пустые головы светом мудрости.

Он подождал, пока гости разоблачатся, и повел их в глубь дома, через длинный темный коридор и большой зал, лишенный мебели. Тут сиротливо лежали на полу матрасы, торчали пенечки потушенных свечей, и сладкий аромат щекотал нос.

Сатра остановился у двери, обитой черной кожей, и повернулся к гостям.

— Вот и пришли мы, — сообщил он тоном сказителя, приведшего басню к финальной морали. — Ха, заходите, гости, смотрите в ясные очи того, кто видит все. Только не жалуйтесь потом.

За дверью тоже было темно, но тут хотя бы имелась горящая свеча, установленная на столе из черного дерева. Позади него виднелось большое кресло, а в нем — хрупкая, почти детская фигура.

— Явились, клянусь лунной радугой, — сказала она тонким голосом. — А, Рыцарь «Золотой розы»... давно я тебя не видел. Но на этот раз ты не с соратниками, а с мертвецом из Желтого Ока.

Олег ничуть не удивился, что Глазастый узнал его, несмотря на маску, и назвал по

прозвищу – на то он и провидец. А вот поименованный «мертвецом» Дмитрий дернулся и пробормотал себе под нос нечто сердитое.

Обитатель темной комнаты наклонился, в круг света попало узкое лицо, окаймленное сверху белесой порослью, крохотный нос и маленький рот. Сверкнули, отразили пламя свечи и загорелись своим огнем громадные круглые глаза пронзительно-синего цвета.

– Так задавайте вопросы, если пришли, – альв-провидец криво улыбнулся, блеснули мелкие острые зубы. – Или вы ждете, что я сам себя спрошу и сам себе отвечу? Если так, то зря.

– Мы хотим отыскать одну вещь, – медленно проговорил Наблюдатель и вытащил из сумки металлическую «шайбу». Положил ее на стол, коснулся бока, и над черным кругляшом замерцал конус розового света, а в нем появился один из бледных творцов ритуала с хрустальным яйцом в руках. – Вот эту. Если не найти ее, очень много разумных существ расстанется с жизнью.

Глазастый замер, светлые волосы шевельнулись, очертания сидящей в кресле фигуры расплылись у Олега перед глазами. Комната заполнилась туманом, плотным, белым, закутанная в его пряди свеча обзавелась роскошным оранжево-желтым ореолом и затрещала.

– Вот эту? – пискнул альв. – Я даже не должен вопрошать, нужна ли вашей судьбе эта штука! Моя собственная судьба просто орет, что это опасно! – он говорил все громче, даже не говорил, а кричал. – Я должен был догадаться, увидев черную тварь в твоей груди! – тонкая белая рука ткнула в сторону Дмитрия. – Или тебя, несущий неприятности Рыцарь!

Синие глаза пылали сквозь кокон из тумана, такой плотный, что альв растворился в нем.

– Не вопи, – очень спокойно сказал Наблюдатель. – Да, это опасно, но ты должен...

– Ничего я вам не должен! – взвизгнул Глазастый. – Вы безумцы, если связались с этим! От этой штуковины и от того, кто ее держит, пахнет опасностью, древней и жуткой!

– Но ведь и вправду погибли многие тысячи, – вмешался Олег. – Надо ее найти!

– А мне плевать, клянусь лунной радугой!

– Не хочешь помогать – мы тебя заставим. – Дмитрий засунул руку за отворот крутки и стремительным движением приставил ко рту духовую трубку. – Там игла с ядом.

Того, что яд усыпляющий, Наблюдатель говорить не стал, избавив себя от необходимости лгать. Обман провидец наверняка уловил бы, а так он испуганно вздрогнул.

Олег почувствовал холодное липкое прикосновение тумана к коже, ощутил, как та начинает неметь. Чувство опасности взвыло раненым волком, он открыл рот, но язык не послушался, застыл во рту тяжелым комком.

Краем глаза увидел, как шатнулся Дмитрий, как рука с трубкой начала опускаться, услышал за дверью топот. Из всех сил попытался рвануться, но не смог, тело не отреагировало на команду мозга. Дверь распахнулась, качнулось пламя свечи, и внутрь ворвались сатра и дейвона, что курили у калитки.

«Зеленый» без лишних раздумий врезал Наблюдателю по руке с оружием. Деревянная трубка с треском ударилась о стену и, похоже, сломалась. «Серый» ударил Олега в солнечное сплетение.

От резкой боли все онемение сгнуло, но зато помутилось перед глазами. Смог отшатнуться, и второй удар пришелся не в ухо, а в плечо. Кое-как проморгался, продышался, и третий заблокировал.

– Стойте! – мощный голос грянул сверху, точно гром, и Олег не сразу сообразил, что принадлежит он Глазастому.

Замерли все – оскаленный сатра, бледный Дмитрий, сосредоточенно-деловитый дейвона и сам Турнов.

– Драки не нужно, – продолжил провидец обычным голосом. – И мести не нужно. Эти двое совершенно безумны. Пусть заберут то, что принесли, – он брезгливо подтолкнул металлическую «шайбу» к краю стола, – и убираются.

– Будет исполнено, – хмуро пообещал сатра, опуская кулачище размером с пивную

кружку. – Пошли, безумцы. Но если будете буяннить – мы вас мигом в бараний рог скрутим.

Через приоткрытую дверь Олег видел, что в пустом ранее зале появились еще двое крепких парней – второй «зеленый» и Часовщик.

– Мы уходим, – сказал Дмитрий. – Но ты, альв, еще пожалеешь о своем отказе.

Он нагнулся, забрал металлический кругляш со стола и положил его в сумку. Дейвона посторонился, давая гостям дорогу, и Олег первым вышел в зал. Поймал взгляды второго сатра и Часовщика – не враждебные, но настороженные, как у заклинателя змей при виде еще не выдрессированной кобры.

В сопровождении конвоя – двое спереди, двое сзади – прошли через зал и коридор. В прихожей задержались, чтобы одеться и обуться, и тут Олег почувствовал беспокойство – в животе что-то сжалось, по спине пополз холодок.

Завертел головой, обнаружил, что дейвона хмурится, а Часовщик изумленно озирается.

– Быстрее, – рыкнул первый сатра, которому все было нипочем. – Долго копаетесь.

Скрипнула дверь, они вышли на крыльцо, шагавший в авангарде «зеленый» ступил на дорожку. В этот момент калитка с треском распахнулась, в проеме возникла темная фигура. Беспокойство превратилось в страх, и тот мгновенно стал такой силы, что у Олега подогнулись колени.

– Твою мать! – рявкнул кто-то из охранников.

– Ложись! – шепнул Дмитрий на ухо Олегу и дернул его за плечо.

Шлепнулся на холодный и мокрый асфальт. Гулкие хлопки возвестили, что охрана Глазастого пустила в ход оружие. Темная фигура на миг поплыла. Потеряла четкость очертаний, а потом внезапно оказалась рядом, в нескольких шагах.

Удар, хруст, и первый сатра летит в сугроб, плюясь кровью. Второй выпускает пистолет и орет, хватаясь за переломанную у кисти руку. Часовщик падает на колени, а затем лицом вперед. Дейвона яростно тычет перед собой ножом, кричит что-то воинственное. Но в следующий момент обнаруживает, что лишился оружия, и начинает отступать.

– Хватит, – сказала темная фигура голосом хриплым и знакомым. – Я никого не хочу убивать.

Страх, сжимавший сердце подобно стальным когтям, немного ослабил хватку, и Олег смог глянуть вверх. С удивлением обнаружил, что с охраной разобрался слэш – сторож церкви при Сормовском кладбище.

Он был наряжен в те же джинсы и черную рубаху, но ни следа кровавых потеков не осталось на лице. Оно выглядело спокойным, а темные, глубоко посаженные глаза не полнило безумие.

– Ты... ты нормален? – ошеломленно проговорил Дмитрий. – Не может быть!

– Может. Меня излечили от напасти сегодня утром. Для этого мне самому и моим сородичам пришлось немало потрудиться, – лицо «черного» исказилось, точно он вспомнил нечто неприятное. – А вы, парни, здорово поработали. Сначала избавили меня от необходимости тратить силы на телевышке. Потом подсказали, что нужно отправиться к этому альву. Сам я вряд ли бы додумался. И дорогу показали.

«Вот кто следил за нами тогда. И он не лжет», – подумал Олег.

– Меня зовут Эрвинг, отпрыск Скавена, – продолжил слэш. – Вставайте. Пойдем, спросим «голубого» еще раз.

– Но... но... – заблеял дейвона. – Не... не...

– Возражения? – «Черный» оскалился, выразительно глянул туда, где копошился в снегу первый сатра, перевел взгляд на лежавшего неподвижно Часовщика. – Пистолеты больше стрелять не будут. Меряться со мной магической силой не советую. И драться тоже.

– Не... не... – одолеваемый заиканием дейвона отступил в сторону.

Олег поднялся, мгновением позже встал Дмитрий, задержавшийся из-за очередного приступа боли.

– А... один из нас в тебе, – сказал Эрвинг, отпрыск Скавена. – Я, конечно, могу попробовать помочь, но операция займет некоторое время и почти гарантированно выведет

тебя из строя на несколько дней. А может и убить. Слишком долго ты таскаешь его внутри.

– Пока обойдусь, – Наблюдатель изобразил слабую улыбку. – Как-нибудь, хе-хе.

Они вновь прошли в дом, на этот раз втроем, и попавшийся навстречу старик-сатра при виде слэш испуганно шарахнулся в сторону. Когда вошли в комнату Глазастого, позади стола обнаружилось облако белого тумана, в котором не было видно ничего, ни синих глаз, ни кресла.

– Хватит прятаться! – рыкнул Эрвинг. – Я знаю, что ты тут!

– Это инстинктивно, от страха, клянусь лунной радугой, как пот у людей, и я ничего не могу с этим поделать! – произнес тонкий голос из тумана. – Ты-то зачем явился, кладбищенский выродец?

– Задать тебе тот же вопрос, что и эти молодые... – «Черный» хотел сказать «люди», но вовремя глянул на Дмитрия: – ...существа. И тебе придется на него ответить.

– Вы не понимаете, во что влезаете! – Туман чуть поредел, из него выступило узкое лицо, на столешницу легли белые и гладкие, словно бескостные, руки. Стало ясно, что хозяина темной комнаты бьет дрожь. – Какую силу вы можете потревожить. Я лишь почувствовал ее холодное дыхание, и мне уже стало плохо!

– Тебе станет еще хуже, если ты откажешься сотрудничать, – пообещал Эрвинг.

– Э... ну ладно, ладно, – Глазастый немного справился с собой. – Давайте изображение этой... этих, ну то, что ты показывал!

Дмитрий вновь выложил на стол «шайбу», появилась картинка – бледный мужчина в темном костюме держит заполненное белым огнем хрустальное яйцо. Альв глубоко вздохнул, перестал трястись, глаза его затуманились, в них замерцали тусклые огоньки.

Олегу показалось, что перед ним два окошка, а за ними – метель из светящихся хлопьев.

– Нет... нет... – Руки провидца конвульсивно сжались. – Слишком сильно и глухо... не могу... – На лбу его появилась черная точка, укрупнилась, и стало ясно, что это капля крови, выдавившаяся прямо через кожу. За первой появилась вторая, третья, четвертая, словно Глазастый вспотел кровью. – Тяжело и непонятно... вот он, вижу... теперь дальше, дальше...

Голос затих, зато синие глаза вспыхнули, точно внутри головы провидца загорелась невероятно яркая лампа. Кровь на лбу с немыслимой скоростью свернулась, капли превратились в черные лепешки, а те начали отваливаться и с шорохом падать на столешницу.

В комнате повеяло холодом, Олег невольно поежился.

– Все... – Альв шумно выдохнул, обмяк в кресле, на мгновение снова исчез за пологом тумана. Голос его сделался слабым, дрожащим. – Еще немного, и мозги полезли бы у меня через уши. Я...

– Жаловаться потом будешь, – перебил его Эрвинг. – Расскажи, что увидел!

– Сейчас, клянусь лунной радугой... – Лицо Глазастого выступило из белого марева. – Я попытался провидеть этого типа, – он ткнул в изображение бледного мужчины, – и не смог. Меня чуть не затянуло в бездну... в синюю бездну... Да! – альв встрепенулся. – Но зато когда я попробовал найти эту штуковину, то увидел кремль. Наш кремль – зубцы, башни, стены... А еще я почувствовал, что нужная вам вещь укрыта под землей, спрятана под ее поверхностью.

– Подземелья кремля велики, их можно осматривать долго, – проговорил Дмитрий.

– Точнее не можешь сказать? – спросил слэш.

Глазастый помотал головой.

– Тогда поедешь с нами, будешь помогать в поисках.

– Что? – Альв подскочил, глаза его стали в два раза больше. – Я покидаю дом только ночью! Нет, никогда, клянусь лунной радугой!

– У тебя есть выбор, – голос Эрвинга остался бесстрастным, но на лице появилась улыбка. – Либо ты помогаешь нам, либо я тебя убиваю, медленно и мучительно, прямо тут.

Олег удивленно хмыкнул – слэш не бравировал, не обманывал, он собирался сделать

то, что говорил. Глазастый осознал это мгновенно. Он сник, помрачнел, растерял весь гонор.

– Ладно, – буркнул альв. – Подчиняюсь грубой силе...

– И вы поедете с нами, – Эрвинг глянул сначала на Олега, потом на Дмитрия. – Кто знает, какие умения могут пригодиться в поисках, и какие ловушки мы встретим в подземельях кремля?

Глава 10

В совещательной комнате, спрятанной на нижнем этаже «Зеркальной пирамиды», было полутемно, несмотря на то, что наверху царил день. А за круглым столом сидели пятеро Наблюдателей, собравшихся третий раз за сутки.

Лица четверых из них отражали разную степень удивления, и лишь пятый, Борис Зорин, старший командор языка «чувствующих», был внешне спокоен, хотя сложенные в замок руки выдавали волнение.

– Я не посмел бы потревожить вас... сородичи, оторвать от дел, – заговорил он, медленно и тяжело роняя слова. – Но произошло нечто из ряда вон выходящее. Сегодня ночью... двое неизвестных проникли в хранилище информации и потревожили данные, относящиеся к нашему замыслу.

– Они похищены?! – воскликнул голубоглазый Наблюдатель с медными браслетами на запястьях.

– Нет. Все накопители на месте... – Борис слегка нахмурился, и перебивший его «бесцветный» испуганно сжался. – Скорее всего, они скопировали то, что хотели. Я сам узнал о незаконном проникновении пятнадцать минут... назад. Его зафиксировали лишь по результатам общего энергетического мониторинга. Более... никаких следов гости не оставили, охрана не подняла тревоги. Вот, смотрите...

И он подвинул к соратникам пару листов распечатки.

– Но кто на такое способен? – задумчиво спросил маленький толстенький Наблюдатель в синем халате.

– Кто-то из наших, – сказал «бесцветный» в темном костюме и с золотым зажимом на галстук, внимательно разглядывая распечатку. – Хотя тут видно, что они прошли через Комнату Стражей?

– Верно, – кивнул Борис. – И это означает... что ночные гости были ловки, хитры и умелы. И, кем бы они ни были, они... поставили под угрозу наш план, – частота появления пауз в его речи возросла, давая понять, что старший командор языка «чувствующих» нервничает. – А угрозу нужно... ликвидировать как можно быстрее.

– Какие данные у нас есть? – спросил очень высокий Наблюдатель с острым носом. – Характеристики колебания энергетического поля по траектории их прохождения? Этого ведь недостаточно, чтобы построить «слепок»?

– Маловато. – «Бесцветный» с золотым зажимом прикусил губу. – Хотя если выяснить, какие модуляции использовал Стекланный Мотылек из Комнаты Стражей, и снять параметры враждебной или нейтральной реакции других обитателей Комнаты... С этими данными я берусь создать рабочий «слепок».

– Юрий, займешься этим, – сказал Борис, и голубоглазый Наблюдатель торопливо кивнул.

– Но ведь мимо внешней охраны они пройти не могли, – заметил «бесцветный» в синем халате. – На каждом входе сидит по дежурному. Не пробивались же гости через стенку здания? Значит, нужно взять охранников ночной смены и устроить им сканирование тела Силы.

– Хорошая... мысль, – на лбу Бориса набухли складки. – Это будет на тебе.

– А я отправлюсь будить Белых Гончих, – сказал высокий Наблюдатель с острым носом. – Учитывая серьезность ситуации, именно их нужно отправить в погоню. Или есть другие мнения?

– Нет, все верно. – Старший командор языка «чувствующих» расцепил руки. – Гончие настигнут наглецов сегодня же и... уничтожат. За дело, сородичи. Собираемся здесь же... через полчаса.

Тридцать минут прошло, и пятеро «бесцветных» оказались на тех же местах.

– Юрий, Владислав, ваши данные, – скомандовал Борис, и на стол одновременно легли два информационных накопителя – черных и круглых, похожих на хоккейные шайбы из металла. Выросли два шара из бледно-красного свечения. Один заполнили переплетения разноцветных линий, сложные трехмерные диаграммы, перетекающие одна в другую. Во втором появились два наложенных друг на друга человекоподобных силуэта – бледных, безликих.

– Они прошли через заднюю дверь, – сказал маленький Наблюдатель в синем халате. – Охранника усыпили ядом из нашего арсенала, погружающим в сон, стирающим память.

– Этого достаточно! Вполне достаточно! – «Бесцветный» с золотым зажимом на галстук нагнулся вперед, подвинул оба накопителя к себе так, чтобы один световой шар проник в другой.

Два изображения наложились друг на друга, размазались и поплыли, но обладателя зажима это не смутило. Он вытащил из внутреннего кармана пиджака большую ложку, вырезанную из хрусталя, и фарфоровую чашку, изрисованную символами удержания и сгущения. Взмах, и в ней загорелось желтое пламя, а ложка погрузилась в бледно-красное свечение.

Когда вынырнула, в ней обнаружилась капля розовой жидкости, похожая на крохотный драгоценный камень.

Наблюдатель с зажимом очень осторожно вылил ее в чашечку, прямо в пламя, и то зашипело, на миг изменило окраску, став густо-синим. А «бесцветный» вновь потянулся ложкой к переплетенным световым шарам, напоминая повара, извлекающего из варева ненужные более горошины черного перца.

Остальные наблюдали за ним в настороженном молчании.

Еще шесть капель, каждая своего цвета, упали в фарфоровую чашку, и после этого пламя погасло. Вместо него поднялось облако серого дыма, распалось на два, и каждое оформилось в небольшую, сантиметров тридцати высотой, фигурку.

У них не было лиц, не имелось каких-либо особенностей, только руки, ноги, голова и туловище. Но все же чувствовалось, что в этих объемных схемах горит искорка жизни, и что в каждой она – разная.

– Один – человек, другой... наш сородич, – сказал Борис. – Блестящая работа, «слепок» максимально четкий.

Наблюдатель с золотым зажимом кивнул, передвинул чашечку так, чтобы фигурки из серого дыма оказались над краем столешницы, после чего вытер пот со лба и устало откинулся на спинку стула.

– Петр? – старший командор языка «чувствующих» посмотрел на высокого.

– Сейчас, – ответил тот и издал горловой щелчок, неожиданно громкий, породивший в углах эхо.

Дверь комнаты открылась, и порог один за другим переступили два существа, более всего похожих на ходячие манекены: гладкая блестящая кожа, отсутствие глаз, волос и признаков пола.

Двигаясь мягко, без малейшего шума, они зашли за спину Петру.

Ауры «манекенов», бледные и маленькие, сказали бы любому, кто разглядел бы их, что перед ним не полноценные живые существа, а оживленные куски мертвой материи, называемые обычно «големами».

– Необходимые операции проделаны, – сказал Петр. – Энергетического ресурса хватит на двое суток. Тестирование боевых схем показало, что все в норме. Гончие легко одолеют любого мага средней силы, с двумя магами им придется постараться, но вероятность успеха – девяносто процентов.

– Нацеливай, – велел Борис, и Петр указал Гончим на «слепок».

Белые манекены задвигались, обходя стол, сидящих за ним «бесцветных». Одновременно нагнулись, чуть ли не уткнувшись безглазыми лицами в фигурки из серого дыма, и постояли так около минуты.

Когда распрямились, «слепок» рассеялся без следа.

– Взяли, – сказал Петр, и Гончие зашагали к двери, по пути изменяясь, трансформируя облик.

На головах возникли волосы, обозначились глаза, на торсе и ногах начало расти некое подобие одежды. К тому моменту, когда они выйдут из резиденции ордена Желтого Ока, отличить големов от людей сможет разве что маг.

– Вот и... все, – сказал Борис. – Нам остается только работать и... ждать. Очередная встреча – строго по плану.

Через пять минут комната для совещаний, скрытая на подвальном этаже «Зеркальной пирамиды», опустела.

При виде красного «Запорожца» завернувшийся в кокон тумана Глазастый недовольно присвистнул.

– И на этом мы поедem? – спросил он тоном аристократа, вынужденного передвигаться на телеге.

– Именно на этом, – кивнул Эрвинг. – Таксист, которого я использовал, удрал.

– А ты не боишься садиться за руль? Со своими приступами? – не пожелал успокаиваться провидец.

– Я – нет, – спокойно ответил Наблюдатель. – Это вам бояться надо, мне страшиться нечего.

Услышав такой ответ, Глазастый возмущенно закашлялся.

Слаш забрался на место рядом с водителем, и Олегу пришлось лезть на заднее сиденье. Машина заупрямилась и завелась только после того, как Дмитрий вылез и покопался в моторе.

– Ну и рыдван, – пробурчал альв, когда «Запорожец» все же сдвинулся с места. – Давно пора разобрать его на металлолом. Рыцарь, когда ты говорил о том, что погибнут многие тысячи, ты был абсолютно уверен в этом. Не просто головой, а сердцем, и я это почувствовал. Почему?

Олег немного поколебался и ответил:

– Я видел сны.

– Давай подробнее. А еще я хочу знать, в чем вынужден участвовать! – Голос Глазастого вновь стал капризным.

Рассказ занял довольно много времени, и в нем помимо Олега приняли участие и Эрвинг, и Дмитрий.

– Вот как, жутко, клянусь лунной радугой, – сказал альв, когда повествование было окончено. – Я чувствовал: что-то не так в городе в последнее время... тень... нечто темное покрывает его... ощущал отголоски безумия на кладбищах, но не мог понять, что это...

Защитный кокон на мгновение поредел, и стала видна маленькая фигурка внутри него: тонкие руки заломлены, синие глаза полны отчаяния, воинственно торчит острый подбородок.

– А откуда взялись эти сны, ты можешь сказать? – спросил Олег. – Или я тоже провидец, как и ты?

– Ну, это вряд ли. – Глазастый рассмеялся. Смех его оказался неожиданно мелодичным и звонким. – После чего ты их увидел? После того, как столкнулся с безумием «черного» на Бугровском кладбище, после того, как ошметки его заклинания, его разорванного в клочья тела Силы осели на твоей ауре и проникли в нее. Это не твои видения, это воспоминания-сны того слаш. Это то, что он получил от одного из дальних предков.

– Похоже на правду, – подтвердил Эрвинг. – Мы рождаемся с куда большим объемом

генетической информации в сознании, чем люди, сатра или альвы. Всегда знаем, кто был нашим родителем, а иногда вспоминаем и конкретные обстоятельства из его жизни или из жизни кого-то из пращуров...

– Долго это не продлится, не бойся, и провидцем тебе не быть, – добавил альв.

Честно говоря, Олег испытал немалое облегчение – кошмарные сны смущали душу, от них оставалось тревожное послевкусие. Если они сгинут без следа, не о чем будет жалеть.

Пока разговаривали, оставили позади Автозавод и помчались через Ленинский район. Когда проезжали мимо остановки на Заречном бульваре, Олег обратил внимание, что из стоящих на ней людей пятеро или шестеро в белых медицинских масках, а один и вовсе в респираторе.

Судя по дрожащим, нервно мерцающим аурам, пытавшиеся защитить себя горожане были напуганы.

На следующей остановке попался Часовщик в маске, а затем Олег увидел за рулем тяжелого грузовика могучего дейвона, вокруг головы которого клубилось сиреневое облачко – защитное заклинание, призванное не пропустить внутрь вирусы.

– Ну и ну, – сказал Глазастый, заметивший то же самое. – Все боятся, все...

Проехали через мост, а когда оказались в «верхней» части, стало ясно, что тут людей и нелюдей, испуганных эпидемией «гриппа», еще больше.

– Зараженных много. Они излучают страх, – пробурчал Эрвинг. – Его чувствуют те, кто находится рядом. Тоже начинают бояться. И так возникает другая пандемия – эмоциональная.

Мелькнула площадь Горького с памятником великому писателю, давшему ей имя, Звездинка и резиденция «Золотой розы», у входа в которую стояли двое парней из «Аргуса». Проскочили Черный пруд, и Олег только вздохнул, глянув на вывеску «Комплайф».

Пока не до того, чтобы идти на работу... коммерческий должен справиться.

Остановился Дмитрий, не доезжая до Минина пятидесяти метров, напротив одного из входов на Мытный рынок.

– Прибыли, – сказал он, отпуская руль. – С какого места начнем?

– А где вы вообще собираетесь искать? – спросил Олег. – Что, в кремле много подземелий?

– Даже общеизвестных предостаточно, хотя они все неглубокие, хе-хе... – ответил Наблюдатель. – А уж те, что лежат ниже уровня грунтовых вод, а они в кремле стоят высоко, всего в трех метрах от поверхности, так обширны, что там полк бомжей можно поселить.

– Ты, – слэш обернулся и в упор посмотрел на Глазастого, – можешь что-нибудь посоветовать?

– Нет... я не знаю. Пойдемте, надо смотреть на месте.

– Тогда начнем с того входа, что в Дмитриевской башне, – предложил Наблюдатель. – Конечно, маловероятно, что нужная нам вещь спрятана там, но не оставлять же эту часть кремля без осмотра?

– Годится, – согласился Эрвинг.

Они выбрались из машины под мелкий холодный дождь, перемешанный с мокрым снегом. Перешли узкую полосу проезжей части и оказались на одной из дорожек небольшого сквера. Олег увидел, что в его центре, у чаши неработающего фонтана, стоят трое молодых сатра.

«Зеленые» располагались треугольником, каждый смотрел в свою сторону, и глаза их шарили по лицам прохожих.

– Не вздумай запаниковать, – сказал Дмитрий вполголоса, не поворачивая головы. – Заметят, обратят внимание.

– Понял, – Олег сжал кулаки, но тут же расслабил руки.

Трое парней из клана Фоон высматривали, несомненно, его, хотя только свихнувшийся беглец сунется на площадь Минина. Аристеас, отправивший своих сюда, похоже, от ярости впал в помрачение рассудка.

Один из сатра, черноволосый и низкорослый, посмотрел Олегу в лицо, нахмурился и глянул на что-то, зажатое в могучей лапище. Разочарованно засопел, и взгляд его побежал дальше – на альва, на шагающих следом двух девиц студенческого возраста...

– Тебя ищут? – спросил Эрвинг, когда фонтан и «зеленые» около него остались позади.

– Ну да, – ответил Олег. – Я вроде бы как в бегах.

Слаш издал насмешливый звук, напоминающий отрыжку, а альв тихонечко рассмеялся.

Одолели два пешеходных перехода и оказались у подножия Дмитриевской башни, у ведущего в Кремль сводчатого прохода.

– Скоро пятьсот лет ей будет, – проговорил Наблюдатель. – Точно, кто-то из наших приложил руку к ее строительству. Пожар, уничтожение предмостного укрепления, засыпка рва, реконструкция под музей – а внутри все так же, как и планировалось с самого начала.

К удивлению Олега, они не пошли внутрь крепости, а остановились у крохотной железной дверки в стене прохода. Эрвинг поднес руку к замочной скважине, его ладонь на мгновение окутало сиреневое пламя, и дверка с негромким щелчком распахнулась. Открылся узкий проход, уходящий вниз, в темноту, высокие каменные ступени.

– Никто фонаря не захватил? – спросил «черный». – А то мне свет без надобности.

Глазастый оскорбленно фыркнул, Дмитрий только головой покачал, а Олег вспомнил про заклинание ночного видения. Одной рукой дотронулся до затылка, другой прикоснулся ко лбу и нарисовал на нем кружок, обведя «третий глаз» – лобную чакру. Зрачки пронзила острая боль, тусклый дневной свет показался болезненно ярким.

Так что когда дверка закрылась за спиной, и вокруг сгустился мрак, он вздохнул с облегчением.

Благодаря заклинанию видел даже крохотные выбоины в ступенях и шагал уверенно, не спотыкаясь. Мимо плыли шершавые, неровные стены, воздух под башней был холодный и сырой.

Метров через пять лестница уперлась в еще одну дверь, на этот раз не запертую. Пройдя ее, оказались в помещении размером со школьный класс, в боковых стенах открылись темные проемы, а в полу обнаружилась дыра шириной метра два, небрежно прикрытая досками.

Прислушавшись, Олег уловил, что из нее доносится плеск воды.

– Такое впечатление, что тут никого не было много месяцев, – заметил присевший на корточки Дмитрий. – Пусто и мертво, даже крыс нет. Ну а ты, Глазастый, что скажешь?

Альв, в подземелье избавившийся от защитного кокона из тумана, ответил не сразу. Он покрутился из стороны в сторону, подошел к одной из стен и лизнул ее, точно пробуя на вкус.

– Никаких следов, – сказал провидец. – Тот предмет, что вы мне показывали... – он вздрогнул, – тут не бывал.

– Тогда идем назад. Нечего зря время терять, – в голосе Эрвинга не прозвучало особого разочарования. – В Алексеевской башне ничего быть не может, там ныне кабак, а вот под Никольскую стоит заглянуть...

Они поднялись на поверхность, и Олегу пришлось снимать заклинание ночного видения, чтобы не болели глаза. Когда прошли внутрь кремля и зашагали мимо выставки военной техники времен Великой Отечественной, Турнов нагнал Дмитрия и тихонько, чтобы никто больше не услышал, спросил:

– А что за Алексеевская башня? Я такой не знаю.

Наблюдатель улыбнулся краем рта:

– Сейчас ее называют Кладовой. Многие башни кремля не раз меняли имена и назначение. Были тут склады, архивы, а в Северной башне, тогда Ильинской, собирался поселиться император Николай Первый.

Прошли мимо входа в занимающий Кладовую башню бар и по узкому проходу между стеной крепости и забором воинской части добрались до Никольской. В ней тоже обнаружилась маленькая железная дверь, только с внутренней стороны, и Эрвинг открыл ее

тем же заклинанием.

– Тут должно быть повеселее, – сказал он, первым ныряя в сырую, полную запаха камня темноту.

Очень крутая лестница привела в крошечную каморку, из которой начинались три прохода. Одинаковые туннели с высоким сводчатым потолком уходили вправо и влево, загибаясь вместе с оставшейся наверху стеной, а круглый и низкий проход, чей пол блестел от влаги, вел вперед и вниз.

– Я чувствую магию... Тут что-то есть... – проговорил Дмитрий.

– Направо смысла идти нет, там тупик... – Глаза альва в темноте горели двумя синими огнями, это было красиво и жутко. – Налево... да, что-то там действительно есть, клянусь лунной радугой.

Наблюдатель вытащил из сумки нечто похожее на двурогую сосульку из желто-зеленого стекла.

– Реагирует на враждебную магию, – пояснил он. – На случай ловушек.

– Всегда удивлялся, насколько вы, «бесцветные», доверяете всей этой требухе, – презрительно заявил Глазастый. – На себя надо полагаться, на собственное тело Силы, а не на...

– Замолкли. Вперед, – убил саму возможность спора Эрвинг.

Первая ниша в стене обнаружилась через десяток шагов, затем попалась вторая, с обрывком ржавой цепи внутри. Третья оказалась столь велика, что в ней убрался бы автомобиль, и Олег с трудом разглядел ее заднюю стенку, а вот при виде четвертой Дмитрий резко остановился.

– Там заклинание. Сторожевое, – сказал он и взмахнул «сосулькой», кончики рогов которой загорелись двумя изумрудными звездочками.

Полыхнуло так, что Олег вынужден был зажмуриться.

Когда под веками перестали плавать лиловые и белые пятна, он открыл глаза.

Над нишей, почти касаясь потолка, висел сотканный из серебристого свечения простой равноконечный крест. А в его центре, там, где пересекались перекладины, виднелся крохотный цветок розы.

– Розенкрейцеры? Их символ? – удивленно воскликнул Глазастый. – Откуда они тут?

– В двадцатые годы в Нижнем Новгороде действовали Орден Рыцарей Духа и Орден Тамплиеров, – сказал Дмитрий. – Так называемые мистики-анархисты. Возглавлял их некто Владимир Бэр, позже арестованный и сосланный в Туркестан. Похоже, тут побывали его последователи...

– А ОГПУ не смогло отыскать их тайник, – добавил Эрвинг. – Пойдем, поглядим, что там.

Ниша оказалась не особенно велика, не больше шкафа для одежды. На задней стенке висело растянутое бордовое знамя с тем же символом – крест, и роза внутри. А под ним стопкой лежали книги – старинные, толстые, покрытые слоем изжелта-черной плесени.

Дмитрий покачал головой.

– Сыро тут, место для хранения неудачное, – сказал он. – А заклинаниями не защитили. В спешке прятали, вот все и сгнило. Ладно, чужие тайны нам ни к чему, пошли дальше.

Ниши исчезли, коридор начал потихоньку сужаться, а на стенах появились потеки сырости. Через пару десятков шагов рога «сосульки» вновь засветились, на этот раз алым огнем.

– Что-то живое... – Наблюдатель остановился. – Гарпии?

– Нет... теневики, – сказал Глазастый. – Ну и гадость!

Мрак впереди задвигался, в нем проявились более темные участки. Олег разглядел вырастающие из пола лоснящиеся тела, похожие на змеиные, огромные пасти, уловил мерцание напоминавших паучьи глаз. Тонкое, на самой грани слуха, шипение поплыло по тоннелю.

Слаш сделал шаг вперед и бросил одно-единственное слово.

Стены выгнулись в стороны, потолок вздыбился, как спина разъяренного кота, пол под ногами качнулся. Нечто тяжелое врезалось в скопление теневигов, и змеиные тела вспыхнули, как промасленная бумага. Шипение перешло в визг, глаза полопались, а затем все исчезло.

Остался только пустой коридор.

– Дорога чиста, – сказал Эрвинг.

По тому месту, где только что торчали из пола странные создания, Олег прошел с опаской. Но не увидел и не почувствовал ничего особенного, разве что неприятный холодок под ложечкой.

А через десяток метров коридор закончился тупиком.

– Ничего, – разочарованно проговорил Глазастый. – Никаких пустот впереди, никаких тайников.

– Определил бы ты это раньше – цены бы тебе не было, – проворчал Дмитрий, и альв обиженно вскинулся, забормотал что-то о «надутых болванах, ничего не понимающих в тонкой сути провидения».

Вернулись в каморку, с которой началось путешествие, и отправились обследовать круглый проход. Тот вскоре стал целиком земляным, под ногами зачавкало, и, приглядевшись, Олег обнаружил на полу, стенах и потолке темно-зеленые нити почти угасшего заклинания.

Кто-то очень давно закрыл этот проход от подземных вод и вложил в это дело немало сил. Но с течением времени защита ослабела и в данный момент готова была рухнуть.

Поэтому Олег ничуть не удивился, когда они уперлись в завал.

– Идем назад, – спокойно проговорил Дмитрий. – Впереди еще много подземелий.

Первым выйдя из башни, Олег наткнулся на парочку топтавшихся рядом с дверцей пацанов лет двенадцати.

– Ух ты! – радостно завопил один из них, щекастый и веснушчатый, толкая приятеля локтем в бок. – А ты говорил – не открывается! Видишь – открывается! Надо ключ подобрать!

– Я вам подберу, – пообещал слэш, выступая из-за спины Олега. – А ну, кыш!

Пацаны выпучили глаза, словно увидели перед собой грозного завуча из собственной школы, и с тонким писком умчались. А поисковая команда побрела дальше, к Коромысловой башне и расположенной за ней Тайницкой, выделявшейся благодаря дозорной вышке.

– Да, тут придется повозиться, – сказал Дмитрий, когда они достигли буро-красной стены Тайницкой башни. – Не зря прижилось нынешнее название, хотя раньше ее именовали Мироносицкой.

И вновь запертая дверь, спуск по лестнице и плутания в темных, сырых и душных коридорах. Олег начал уставать, и восприятие потихоньку поплыло, упуская ненужные детали.

Наскоро осмотрели первый уровень коридоров, пустой и скучный, как келья отшельника. Глазастый отыскал в одной из стен тайную дверцу, а за ней проход вниз, в несколько связанных между собой каменных мешков. Но в них не обнаружилось ничего интересного, кроме многочисленных железных крюков, вбитых в стены на высоте примерно метр.

Пришлось отступать, идти ниже, туда, где проходы соединялись лесенками, а порой обрывались в колодцы, заглянуть на дно которых не помогало даже заклинание ночного зрения.

Вскоре Олег потерял направление и запутался, одежда его покрылась серой каменной пылью, а ботинки – жидкой грязью. Сам не заметил, как погрузился в апатию, навалилась усталость, на ногах словно повисли свинцовые гири, а спина сама собой сгорбилась.

В голове, точно пойманная муха, билась строчка из песни Цоя: «Я ходил по всем дорогам, и туда, и сюда. А вернулся и не смог разглядеть следы...»

Когда в одном из залов третьего, нижнего уровня подземелий их атаковала орда

визжащих существ, похожих на летучих мышей с женскими головами, Олег не испытал ни страха, ни гнева. Он активировал простейший щит, заземлил его и сжег едва не вцепившуюся в лицо тварь.

В следующий момент Эрвинг пустил в ход заклинание, мгновенно умертвившее всех гарпий. Завоняло паленой шерстью, на пол посыпались изуродованные, высохшие трупы, и в зале стало тихо.

– Все целы? Никого не покусали? – спросил слэш, оглядывая спутников. Когда посмотрел на человека, темные глаза мрачно блеснули. – Пора делать перерыв. Еще немного, и наш «коричневый» спутник упадет без сил.

– Чего-то я устал, – с трудом шевеля губами, проговорил Олег и убрал щит.

Вроде бы не делал ничего особенного, ходил по коридорам, поднимался и опускался по лестницам, вглядывался в темные углы. Поддерживал заклинание ночного видения, не требующее особых затрат энергии, но чувствовал себя словно шахтер к концу восьмичасовой смены.

Хотя, может быть, сказалось то, что мало спал ночью?

– Ничего странного, – сказал Эрвинг. – Находясь рядом со мной, ты вынужден бороться со страхом. Пусть даже ты привык ко мне и его не осознаешь, но силы все равно тратишь. Плюс это... – он показал куда-то вверх. – Давит.

– Что именно?

– Почти восемьсот лет истории, – пояснил Дмитрий. – Над нами не просто камни, сложенные в стены и башни, а громадная энергетическая масса. Воздействие ее может почувствовать не только маг, а вот закрыться от него способен лишь очень сильный чародей. Сейчас осмотрим тут все до конца и пойдем к «Жоржу», перекусим слегка, отдохнем. Еще пятнадцать минут выдержишь?

– Думаю, да, – ответил Олег.

Осмотрели три зала, маленьких и грязных, с изъеденными временем и гарпиями стенами. «И тут ничего», – с грустью констатировал Глазастый, и поисковая команда двинулась вверх, обратно к дневному свету и свежему воздуху.

Оказавшись на поверхности, Олег с наслаждением подставил лицо падающим с неба каплям дождя.

– К «Жоржу», значит? – мрачно пробормотал Эрвинг. – Ну что же, пойдем.

Бар «У Жоржа» располагался в Георгиевской башне кремля и был спрятан «за Пеленой».

Пока шагали до Дмитриевской башни, Олег немного пришел в себя. Когда оказались по другую сторону кремлевской стены, на площади Минина, заметил, что встречные смотрят на него с удивлением. Подумал, как выглядит со стороны – весь в грязи и пыли, устало передвигающий ноги и в компании трех откровенно странных типов.

Услышь Олег неделю назад, что окажется в одной команде со слэшем, Наблюдателем и альвом, он бы долго смеялся.

Показалась Георгиевская башня, стоящая на самом краю откоса, на ее боку – очертания заложенных кирпичами ворот. Стала видна низкая и узкая дверь, а над ней – светящаяся вывеска.

Олег видел ее не первый раз и всегда подозревал, что сотворивший «шедевр» маг-художник был в большом подпитии. Могучий юноша, украшенный таракаными усами, козлиными рогами, ушами Чебурашки и плащом, восседал на рогатом красном коне. В руке он держал пику, достойную героев Гомера, и этой пикой тыкал в идиотски ухмыляющегося динозавра неопределенной видовой принадлежности, из спины которого торчали крылья.

Зеленые с красной окантовкой буквы образовывали надпись: «У Жоржа».

Дмитрий толкнул дверь, и по лестнице, точно такой же, как в подземельях других башен, они спустились в бар. У входа гостей встретил вышибала – мускулистый оборотень с острыми ушами и густыми, будто каракуль, пегими волосами.

– Привет, – сказал он. – Выпить?

– Поесть, – ответил Эрвинг из-за плеча Олега, и вышибала нахмурился – вряд ли он когда видел тут слаш.

Уши маах'керу встали торчком, в глазах появился стальной блеск, но голос остался спокойным:

– Тогда вон туда, к дальней стене. Там пара столиков свободна.

Просторный зал с низким сводчатым потолком заполняли длинные столы из черного дерева. Слева виднелся еще один зал, поменьше, отделенный от первого рядом толстых квадратных колонн. Справа тянулась стойка, и всюду на стенах висело холодное оружие – алебарды, копья, топоры.

Посетителей было предостаточно, у стойки, несмотря на не такое уж позднее время, пьянствовала кучка дейвона, в углу сидели двое элохим – мужчина и женщина, но больше всего было Часовщиков.

Олег с запозданием подумал, что в столь оживленном месте его могут запросто опознать. Но этой мысли на смену пришла другая – что искать беглеца в «Жорже» никто не будет. И только потом он вспомнил, что выглядит сейчас совсем не так, как обычно.

Едва уселись, подошла официантка – невысокая, в белом фартуке, с огромным носом на желтом лице.

– Добрый день, – сказала она, положила на стол четыре картонные папки меню и нервно покосилась на Эрвинга. – Что-то закажете сразу?

– Ему, хе-хе, – Дмитрий показал на Олега, – пятьдесят грамм водки. Самой мерзкой, что у вас есть.

– Зачем, ерш твою меть? – возмутился Турнов.

– Тебе надо, поверь, – махнул рукой Наблюдатель. – Несите, девушка, несите.

Официантка кивнула и отошла, а Олег пожал плечами и принялся изучать меню. Но вскоре понял, что сочетания букв не несут для него никакого смысла, а глаза равнодушно скользят по строчкам.

Ненадолго отступившая усталость навалилась с новой силой.

На скатерть перед Олегом встала стопка с водкой, рядом разместилось крохотное блюдечко с бутербродом: черный хлеб и колбаса.

– Пей, – сказал, судя по тонкому голосу, Глазастый. – А мы пока закажем, и за тебя тоже.

Водки не хотелось, но Олег протянул руку и взялся за тонкую ножку. Собрался с силами и выплил водку в рот. Обожгло язык, в горло словно проскользнул растопыривший иглы морской еж. На глаза навернулись слезы, и захотелось немедленно выплюнуть проглоченную гадость.

Водка оказалась не просто мерзкой, а паленой, какую делали в начале девяностых.

– Сво... кхе-кхе... – Олег схватил бутерброд, принялся торопливо жевать, – ло... кхе... чи...

Отвратительный привкус пропал изо рта, и он понял, что вновь может ясно мыслить. Серая пелена, застилавшая взор, ушла, и мир вокруг заиграл новыми, свежими красками.

А еще зверски захотелось есть.

Поэтому когда Олегу принесли большую тарелку харчо, он накинулся на него, словно косатка – на раненого тюленя. Вслед за супом уничтожил порцию жареной свинины с гарниром из баклажанов и уже куда спокойнее потянулся к десерту – мороженому с фруктами.

Но едва не выронил ложку, подняв взгляд и обнаружив за одним из соседних столиков рыжебородого мужчину с большой черной птицей на плече.

Граф, одетый в этот раз как преуспевающий адвокат, осклабился и помахал рукой, а его «союзник» встопорщил перья и выпустил из клюва язык желтоватого пламени длиной полметра. А в следующий момент Игрок исчез, пропал бесследно, и направившаяся к его столику официантка удивленно выпучила и так большие глаза.

А Олегу вспомнились обстоятельства их последней встречи с Графом... схватка с Наблюдателями... «Яйцо Брахмы», наложенное с чудовищной скоростью... и фраза о Девяти Неизвестных...

Тогда Аристарх Сергеевич рассказал все, что известно о них людям, но ведь альвы, слаш или Наблюдатели могут иметь более подробные сведения.

– Кстати, – сказал Олег. – Недавно я услышал о Девяти Неизвестных и хотел бы узнать о них побольше.

– Я встречал упоминания об этом тайном объединении, но всегда считал его вымыслом, – ответил Дмитрий. – По крайней мере, в документах нашего ордена за последние триста лет сведений о нем не имеется.

– Мало ли чего там не имеется? – буркнул Эрвинг. – Девятеро существуют, и предок моего предка полтора тысячелетия назад сталкивался с одним из них. Тогда он едва унес ноги, а ведь был очень сильным магом.

– Он мог столкнуться просто с Игроком, – возразил Наблюдатель. – Или у того было на лбу написано: я Седьмой Неизвестный?

– Ты не понимаешь, – покачал головой слаш. – Мы видим мир не так, как вы или люди... мы имеем возможность воспринимать живое существо... как бы сказать? – он досадливо щелкнул пальцами. – Воспринять его со всеми связями... как клубок нитей, переплетение сил и влияний. Вот за ним, – Эрвинг показал на Олега, – я могу разглядеть «Золотую розу» и какую-то фирму средней руки. А за тем Игроком предок моего предка усмотрел нечто чудовищное, странное, о девяти вершинах, что не встречал ни до ни после.

Судя по виду Дмитрия, эти слова его вовсе не убедили.

– Разное говорят, – вступил в разговор Глазастый. – Что пять тысяч лет назад они собрались и до сих пор активно действуют. Многие знают, что Александр Македонский был магом и победы одерживал с помощью «Слезы Зевса» – могучего артефакта, который позволял дотягиваться до источников через тысячи километров. Но мало кто подозревает, что за спиной царя стоял тайный орден «Дети Тесея». Именно он инициировал войну на уничтожение Персидской империи. Но еще меньше тех, кто слышал о том, что «Дети Тесея» лишь прикрытие, под которым действовали Девятеро Неизвестных.

– Но ведь это не доказано? – спросил Наблюдатель.

– А что может быть с неизбежностью доказано в этом хрупком и изменчивом мире? – патетически возгласил альв. – Лишь то, что все мы рано или поздно умрем. Остальное – вероятно. Могу сказать лишь, что порой на самой грани отведенного мне я чувствую отзвуки невероятно могучих и сложных заклинаний. А кому они принадлежат – не знаю.

– Заболтались мы, – сказал Эрвинг и взмахнул рукой, подзывая официантку. – Пора идти.

Олег с тоской подумал, что придется опять лезть под землю.

Когда они выбрались из «Жоржа», все оказалось даже хуже, чем он предполагал. Слэш повел поисковую команду к Чкаловской лестнице. После того как открылась панорама заваленного снегом откоса, он объявил, что под Георгиевскую башню можно проникнуть только с этой стороны и что придется лезть через сугробы.

– Э... вы что, с ума сошли? – возмущенно осведомился Глазастый, когда стало ясно, какой путь им предстоит.

– У меня ума отродясь не было, так что лезь, – сказал Эрвинг, и альв подчинился.

Для начала все четверо накинули на себя морок. Затем, спотыкаясь и проваливаясь в снег, прошли до середины стены башни. Отсюда двинулись вниз, к горизонтально торчащей из склона бетонной трубе метра полтора диаметром. С закрывавшей вход в нее решеткой слаш расправился так же, как и с дверями – вспышка фиолетового огня, и запертый замок со скрежетом открылся.

– Подождите минутку, – сказал Дмитрий и извлек из сумки двурогую «сосульку».

Олег вновь активировал заклинание ночного зрения, и они нырнули в выцветшую темноту. Труба вывела в высокий коридор с кирпичными стенами и потолком, и стало

возможным шагать не сгибаясь. Здесь жезл Наблюдателя подал сигнал тревоги – на кончиках рогов зажглись сине-зеленые огоньки.

– Стоим, – Дмитрий замер. – Тут что-то серьезное, большое.

– Так вон оно! – воскликнул Глазастый. – Под полом... и в стенах... горит, светится... пылает!

Олег пригляделся, но ничего не увидел.

– Может, ты еще скажешь, что это такое? – недоверчиво спросил Эрвинг.

– Ловушка! – ответил альв, и голос его дрогнул. – Аккуратно настроенная, тонкая... стоит нам пройти еще несколько шагов... и этот коридор станет нашей могилой... и пепел, серый пепел осядет в мокрую грязь...

– Тогда будем работать по правилам. – Дмитрий присел и принялся выкладывать из сумки предметы: знакомые Олегу прозрачные кристаллы, толстую свечу из черного воска и нечто похожее на вырезанный из дерева фонарик.

Слаш сердито засопел, но промолчал.

Свечу Наблюдатель поджег с помощью спичек, и желтое пламя вытянулось на метр в высоту. Кристаллы выложил полукругом перед собой, а затем взял фонарик и сунул его в огонь.

Сухая на вид древесина и не подумала загораться или даже темнеть.

Дмитрий поднял фонарик и щелкнул тумблером:

– Вот теперь хорошо.

Круг бледного голубого света упал на стену, и та сделалась прозрачной. Кирпичи стали выглядеть так, словно они из мутного, грязного стекла, а в их толще проявился жгут из огненных нитей толщиной в руку.

Он дрожал и вибрировал, в стороны от него тянулись, постепенно делаясь тоньше, изогнутые волоски.

– И вправду ловушка... – сказал Эрвинг. – Рассмотрел, Глазастый.

Дмитрий повел круг света вверх, к потолку, затем на другую стену и вниз, к полу. Стало ясно, что жгут из оранжево-желтых нитей замыкается в кольцо и что таких колец как минимум три.

– Сожжет и даже пепла не оставит, – заметил Дмитрий. – Этой штуки хватит выбросов на пять. Чтобы истощить ее, придется изрядно, хе-хе, попотеть.

– А зачем истощать, если можно обмануть? – судя по голосу, Глазастый улыбался внутри своего кокона.

Клочки белого тумана поплыли над полом, начали подниматься, превращаться в облачка и густеть. В подземном коридоре стало очень холодно, затем почти жарко, и дымка цвета свежего снега, образовавшая толстый бурлящий ковер, поползла вверх по стенам.

Вскоре она скрыла за собой потолок и перестала колыхаться, словно отвердела. Кусок прохода длиной метра два стал выглядеть словно труба, изнутри покрытая толстым слоем теплоизоляционной пены.

– По этому можно пройти, – сказал альв. – Только надо поспешить.

Он проскользнул мимо Олега, тот увидел, что кокон Глазастого истончился, стал почти прозрачным. Маленькая нога опустилась на «пену», но не провалилась сквозь нее. Альв в несколько изящных шагов одолел покрытый дымкой участок, спрыгнул на голый пол и оглянулся.

– Вот танцор, чтоб его... – Эрвинг закричал и, ссутулившись, двинулся следом за проводцем.

Олег вступил на белую «пену», и сердце его глухо ухнуло. Ощутил, как туманная поверхность под ногой чуть пружинит, но держит хорошо. Через мгновение он оказался рядом со спутниками.

Дмитрий, задержавшийся, чтобы собрать вещи, шагнул на дымку, когда она начала сереть. На последнем метре чуть провалился и едва не коснулся носком пола. Отчаянным прыжком добрался до безопасного места, и «пена» начала с шорохом таять, расползаться на

куски.

– Отличная работа, – сказал Эрвинг. – Интересно, кто ставил ловушку?

– Мне кажется, я знаю ответ на этот вопрос... – Глазастый дрожал, глаза его горели сапфировым огнем. – Я чувствую впереди... мы пришли... там, впереди... идемте быстрее!

И он побежал по пошедшему под уклон тоннелю. Через десяток метров тот разошелся на два, но альв уверенно свернул направо. Нырнул в узкий, больше похожий на щель боковой коридор, и почти тут же изнутри донесся полный ликования и удивления вопль.

Глава 11

Ярославу в доме главы «Союза Семи» отвели комнату на втором, верхнем этаже.

Она была маленькой, но довольно удобной: диван, телевизор на столе, в углу – раковина, на полу – толстый ковер. Батареи грели хорошо, в окно не дуло, а кормили довольно сносно.

Хозяева не докучали гостю, и более всего его донимали муки совести: ведь наверняка имелась возможность не приводить «Золотую розу» к такому унижению, вывернуться из ситуации другим образом, но он не смог, не сделал этого. Терзали сомнения, правильно ли он поступил, согласившись на протекторат, не нужно ли было начать войну и одновременно попытаться перессорить врагов между собой – орден Белых Вихрей с Симентьевым, клан Фоон с «Союзом Семи»...

Ярослав лежал на диване, закинув руки за голову, и раз за разом обдумывал то, что сделал за последние несколько дней. Всякий раз приходил к выводу – нет, иного варианта не было, он поступил верно. Но затем сомнения наваливались с новой силой, и все начиналось сначала.

Пробовал смотреть телевизор, чтобы отвлечься, но это помогало слабо.

Вечером его сводили погулять на задний двор, под присмотром громадной кавказской овчарки, а утром второго дня «изоляции» – помыться в крохотный душ на первом этаже. А вскоре, после того как Ярослав вернулся в комнату, дверь открылась, и через порог шагнул Иван.

Вампир был мрачен, под алыми глазами виднелись мешки, морщины на лбу обозначились резче.

– Собирайся, – сказал он. – Поехали.

– Куда? – спросил Ярослав.

– На нейтральную территорию, – ответил Иван. – Возник один вопрос, который нам необходимо срочно обсудить с тобой. Я бы привез остальных сюда, но они почему-то против.

Ярослав пожал плечами, быстренько оделся, и они спустились во двор. Взревел мотор скорохода, пристроились за ним две машины с охраной, и кавалькада понеслась по улицам Дубенок. Промелькнул проспект Гагарина, и около университета Лобачевского Иван сбросил скорость. Свернул к автостанции и сдал к обочине, туда, где рядом стояли «Форд Таурус» черного цвета и бежевый «Порше Кайенн».

Автомобили с охраной, как заметил Ярослав, остались на проспекте.

– Вылезай, – сказал вампир.

Захлопали дверцы машин, и на сырой асфальт одновременно выбрались Симентьев и Аристеас. Почти тут же со стороны автостанции подошел крохотный Наблюдатель в пальто до земли.

«Бесцветный» и «фиолетовый» казались озабоченными, а вот «зеленый», и это Ярослав заметил сразу, едва сдерживал гнев.

– Так, слушаю, – проговорил глава «Золотой розы», оказавшись лицом к лицу с врагами.

– Он сбежал! Удрал из-под надзора! – завопил Аристеас, некрасиво разевая рот и брызгая слюной.

– Кто именно, позвольте узнать? – Ярослав знал, что ничто так не бесит возбужденного оппонента, как спокойная вежливость.

– Этот ваш Олег Турнов, которого он нам навязал! – сатра ткнул пальцем в Ивана.

– Триста лет живу, а такого не видел, – с издевкой проговорил вампир. – Уж из моего особняка он бы точно не ушел.

– Да-а? – Лицо Аристеаса покраснело. – А что ты скажешь, узнав, что ему помогли?

– Скажу, что удивлен, очень удивлен. – Иван улыбнулся. – Кому это нужно?

– Тем, кто хочет ослабить и уничтожить наш клан! – прохрипел сатра, вращая налитыми кровью глазами.

– Кончай орать! – вмешался Симентьев. – Может, передеремся, ему на радость?

«Похоже, случилось что-то еще, помимо бегства Турнова, – подумал Ярослав, глядя на ссорящихся союзников. – То ли кладбища по-прежнему бурлят, хотя никто из наших не колдует, то ли между этими парнями за ночь пробежала не одна кошка. Вчера они были куда дружнее...»

– Действительно, к чему лишние эмоции? – сказал он. – Маг пятого ряда, известный как Олег Турнов, не упомянут в соглашении о временном протекторате. Поэтому его поступок не является нарушением соглашения, и никакого обвинения «Золотой розе» предъявлено быть не может.

– Как это не может? – возмущенно запыхтел Аристеас. – Как это...

– Это верно, – Симентьев, похоже, решил не обращать внимания на взбеленившегося сатра. – Буква соглашения не нарушена, но дух его пострадал. Этот маг пятого ряда пошел против воли своего ордена. И поэтому мы требуем, чтобы «Золотая роза» помогла нам поймать его.

– Так-так... – Ярослав несколько опешил. – И как вы себе это представляете?

– Любое оказание Турнову помощи приравнивается к нарушению соглашения, – сказал Наблюдатель. – В случае обнаружения он должен быть немедленно задержан и передан клану Фоон. Причем распоряжение насчет этого должно быть отдано немедленно... Кто у вас остался за старшего?

– Артур, – сказал Ярослав. – Он должен быть в резиденции.

– Вот и замечательно. – Симентьев улыбнулся, широко, нагло, чтобы показать во всей красе острые белые клыки. – Не теряя времени, садимся в машины и отправляемся туда.

Пока ехали от автостанции до Алексеевской улицы, Ярослав пытался придумать, что можно сделать. По всему выходило, что ничего – сбежав из «изоляции», Турнов на самом деле пошел против воли «Золотой розы», и оставалось только гадать, что его к этому вынудило.

И кто мог прийти к нему на помощь?

Двое охранников, стоявших у входа в резиденцию, забеспокоились при виде скорохода, а уж когда из него вылез Ярослав, парни из «Аргуса» вовсе опешили. Один из них вытащил из кармана куртки рацию и принялся что-то торопливо говорить в нее. Дверь открылась, и наружу выскочил Артур.

– Неужели все? – с надеждой спросил он.

– Нет, еще нет, – покачал головой Ярослав. – Сейчас я подпишу небольшое распоряжение, а ты позаботишься о том, чтобы оно было доведено до всех магов нашего ордена.

Процедура заняла чуть меньше пятнадцати минут. Поднявшийся в свой кабинет глава «Золотой розы» под присмотром союзников сочинил и подписал документ. Получив его на руки, Артур удивленно хмыкнул:

– Олег Турнов исключается из ордена? – спросил он. – Запрещается оказывать ему любую помощь, а при обнаружении немедленно задержать и отконвоировать в распоряжение клана Фоон? Так он что, сбежал?

– Именно так, – ответил Ярослав, не обращая внимания на гневный взгляд Аристеаса. – Все прочее – как и ранее. Осталось шесть дней. Терпите. Да, господа, пока мы не

расстались, – он повернулся к союзникам, – не расскажете, что творится на городских кладбищах? Неужели там спокойно?

Симентьев сделал вид, что ничего не услышал, старейшина клана Фоон закашлялся, а Наблюдатель словно стал еще меньше ростом. И только глава «Союза Семи» ответил:

– Нигде не сказано, что мы должны отвечать на такие вопросы. Поехали.

Выходя из кабинета и спускаясь по лестнице, Ярослав улыбался, и не только для того, чтобы вселить бодрость в подчиненных. Нет, в этот момент он впервые за сутки ощущал уверенность в том, что вчера поступил правильно.

Боковой коридор привел в небольшую комнату с куполообразным потолком и гладкими стенами. Едва вступив в нее, Олег понял, что да, они в самом деле достигли цели.

Комната была невозможно чистой для заброшенного подземелья – ни грязи, ни пыли. В трех стенах на высоте примерно метр располагались отстоящие друг от друга на одинаковом расстоянии прямоугольные ниши, и в каждой виднелся небольшой дощатый ящичек.

Ящички походили друг на друга, как чайные ложки из одного набора, и на каждый было наложено одно и то же заклинание, выглядевшее как сеть из толстых золотистых нитей. Испускаемый ими свет резал глаза и напоминал о том сиянии, что исходило от сосудов с желтым песком, примененных во время ритуала на телевышке.

И там и тут проявила себя одна и та же сила.

Всего ниш и ящичков в них было девять.

– Надо же, тайники, – сказал Дмитрий, последним втиснувшийся в комнату. – Но то, что нам нужно, может быть только в одном из них. Не разбили же они то яйцо на куски?

– А в чем проблема? – спросил жутко довольный собой Глазастый. – Вскроем их по очереди, и вся недолга!

– Я не советовал бы этого делать, – покачал головой Эрвинг. – Это не девять разных заклинаний, это одно целое. И если мы дотронемся до него не там, где нужно, выберем не тот ящик, комната мигом превратится в недра доменной печи. И здесь твой туман, выручивший нас в коридоре, не поможет, и в пламени не выживу даже я. А еще меня кое-что беспокоит... – Он помолчал. – Чтобы приготовить тут все, нужна чертова уйма времени. Меж тем те бледные ублюдки были бы замечены, проводи они в городе более чем несколько часов. Выходит, тут работал кто-то другой? У них есть помощники?

– Об этом будем думать потом. Сейчас... – Дмитрий покачнулся, глухо застонал и оперся рукой о стенку. – Да... Сейчас надо выяснить, какой тайник – истинный. Глазастый, это дело для тебя.

– Я попробую. Хотя устал невыносимо... – Альв закричал, туманный кокон вокруг него уплотнился, полностью скрыв фигуру. Остались только глаза, превратившиеся в два синих пятна. – Лейся, золото... крутись, земля... давай, давай... – Голос истончился, перешел в визг. – Давай!

Из углов отозвалось эхо, золотая сеть во всех девяти нишах мигнула и погасла. Глазастого шатнуло, бросило в сторону, и он с трудом удержался на ногах. Из белого тумана проявилась сгорбленная фигура, открылось унылое лицо, слипшиеся от пота волосы.

– Нет, не вышло... – прошептал альв. – Они закрыли это даже от провидцев... Не могу.

– Посмотрим, закрыли ли от таких, как я, – в голосе «черного» прозвучали гневные нотки.

Он потер ладони и присел на корточки, припал к земле, как хищный зверь перед прыжком. Пол вздрогнул, из трещин и ямок забили крохотные фонтанчики черного дыма. Струи его потекли туда, где стоял Эрвинг, окутали его, будто слэш решил уподобиться альву, спрятаться в коконе из тумана.

Олег почувствовал мертвящий холод. Осознал, что «черный» призвал себе на помощь прах – частички мертвого, скрытые в толще земли. Невольно отступил на пару шагов.

– Аккуратнее, – сказал Дмитрий.

– Ничего... все будет хорошо, – прошепел Эрвинг, и холод исчез.

Дым, наоборот, стал гуще, закрутился столбом, создавая впечатление, что слэш стоит в костре. В нем замерцали искорки, похожие на злобные маленькие глаза. Шепчущие, тихие голоса зазвучали где-то рядом, то ли под полом, то ли за стеной, вызывая желание прислушаться.

Олег отогнал его с трудом.

– Нет, ничего... – сказал Эрвинг разочарованно, и столб дыма всосался в землю. – Все девять совершенно одинаковые.

– Настала моя очередь. – Наблюдатель вышел вперед и полез в сумку.

Опять вытащил деревянный «фонарик» и прозрачные кристаллы, повертел и убрал обратно. На мгновение извлек сушеный корешок, при виде которого альв вытащил глаза. Потом вынул длинный тонкий нож с костяной ручкой, а также штуковину, похожую на маленькую штангу с очень длинным грифом.

Дмитрий установил ее в центре комнаты, а нож положил сверху.

– Сейчас он покажет туда, где напряжение магического поля максимально, – сказал он. – При первой, грубой калибровке ничего не должно получиться, и тогда мы пустим в ход вторую, затем третью...

Глазастый презрительно фыркнул, Эрвинг нахмурился.

Нож покачнулся и принялся вращаться, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее.

– Ну что, съел? – спросил альв. – И где у нас напряжение максимально?

– Это первая калибровка. Сейчас попробуем вторую... – Наблюдатель осторожно взял нож и принялся пальцем чертить какие-то знаки на его ручке. – Теперь должно получиться лучше.

Но ни вторая, ни третья попытка успеха не принесли. Просто вращение ножа стало неравномерным – он на несколько секунд замирал, указывая острием на один из ящичков, а затем делал резкий скачок, чтобы уткнуться в следующий, и так описывал полную окружность.

– Можно использовать символическую магию. Начертить магический круг высокой чувствительности, учесть положение планет... – Дмитрий выглядел несколько обескураженным.

– И застрять тут до послезавтра? – поинтересовался слэш.

– Осталось попробовать мне, – сказал Олег.

До сего момента его удерживало странное нежелание пускать в ход свой талант. Одолеvalo подозрение, что попытка распознать фальшь заставит обманные тайники исторгнуть реки испепеляющего пламени. Поэтому Турнов ждал до последнего, надеялся, что хоть у одного из соратников что-то да получится.

– Тебе? – удивился Эрвинг, а Глазастый заулыбался так, словно давно ждал от человека подобных слов.

– Да, мне... Так уж вышло, что я хорошо чувствую обман, – Олег пожал плечами. – Это не магия...

– Попробуй, хе-хе. – Наблюдатель потеребил кончик носа. – От колдовских способов установления истины они тут все перекрыли, от провидцев – тоже, а вот от твоего дара, я думаю, защиты нет в принципе.

Он убрал «штангу» с положенным на нее ножом, и Олег вышел в центр комнаты. Один за другим тщательно осмотрел девять ящичков и вынужден был признать, что подлинными выглядят все.

Кто бы ни ставил маскировочное заклинание, он справился со своей задачей на «отлично».

– Ну что? – осведомился слэш. – Не выходит?

– Сейчас, – упрямо проговорил Олег. – Фальшь не снаружи, а внутри, и поэтому ее не видно сразу...

Он сосредоточился, закрыл глаза и почти тут же поймал знакомое ощущение

дискомфорта. Сдавило грудь, холодок коснулся сердца, неприятная дрожь прошла по загривку.

Олег повернулся, затем еще раз... еще... и остановился, обнаружив, что не чувствует ничего. Открыл глаза и посмотрел на средний тайник в левой от входа стене, на вид ничем не отличавшийся от прочих.

– Похоже, что вот этот, – сказал он.

– Не очень я тебе доверяю. Слишком рискованно, – сказал Эрвинг. – С тем же успехом можно тыкать наугад.

– А я готов попробовать! – заявил Глазастый. – Если боишься, выйди. В случае ошибки сметешь наш прах в уголок и попытаешься еще разок. Устраивает такой вариант?

– Конечно, – слэш развернулся и зашагал к выходу.

– Я, пожалуй, с ним... – после мгновенного колебания объявил Дмитрий и отправился за Эрвингом.

Олег испытал легкое разочарование – после всего, что сделали вместе, он ожидал, что Наблюдатель, пошедший против своего ордена, останется рядом до конца. Но тут же подумал, что и вправду глупо рисковать всем одновременно – погибни все четверо, кто продолжит дело?

– Труссы ушли! – альв, судя по бодрому голосу, был полностью уверен в успехе. – Ты готов?

– Да. Но снимать заклинание придется тебе. Я не могу тратить собственные силы, – Олег вздрогнул, вспомнив боль, пережитую в процессе подзарядки. – Ты видишь, как это можно сделать?

– Сейчас, сейчас... это не так сложно. – Глазастый принялся, точно кот при виде рыбы.

А затем подошел к нише и сунул в нее руки. Золотая сеть, обернутая вокруг ящика, озадаченно мигнула. Олег сжал зубы, ожидая, что сейчас хлынет поток огня, наглый альв обратится в пепел, а затем придет боль – привратник смерти...

Золотая сеть мигнула еще раз и погасла.

– Вот и все! – Глазастый вытащил ящичек из ниши, и в комнате сделалось ощутимо темнее – исчезло свечение в остальных тайниках. Разряженное единственно правильным образом заклинание сгнуло без следа. – Эй, вы, зайцы ушастые, где вы там?

На белом лице вошедшего в комнату Дмитрия отразилась радость, Эрвинг остался бесстрастным.

– Открывай, чего замер? – сказал он.

– А это с легкостью... – Альв поставил ящичек на пол, поднял крышку и заглянул внутрь. – Ага, вот оно... Нет! Нет!! – заорал он и отскочил в сторону. Завертелся на месте и упал, ударившись головой о стену. Синие глаза вспыхнули и погасли, туманный кокон исчез.

– Что это с ним? – спросил Олег. – Еще один уровень защиты?

– Я не почувствовал никакой магии. – Слаш осторожно наклонился, посмотрел в ящичек. – То, что мы ищем, на месте, – в его голосе прозвучало торжество, а темные глаза обратились на Олега. – Бери, ведь это ты снял защиту. А я пока посмотрю, что с нашим «голубым» другом.

Хрустальное яйцо оказалось точно таким, как в видении – большим, идеально гладким, заполненным белым огнем. Взяв его в руки, Олег ощутил, насколько оно тяжелое и холодное, почувствовал сотрясающую этот предмет вибрацию.

– Да, это оно, – с благоговением проговорил Дмитрий. – Осталось понять, что это и как его уничтожить.

– Нельзя, не трогайте... нельзя! – прохрипел с пола пришедший в себя Глазастый. – Эх, нет! Поздно...

– А в чем дело? – спросил Олег.

– Я увидел... что если его коснуться, то придет беда, большая беда... – альва трясло, взгляд его блуждал.

– Коснуться в любом случае пришлось бы, – сказал Эрвинг. – Без уничтожения этой штуки мы не сможем остановить эпидемию. Поднимайся, и пойдём. Нам ещё надо выбраться отсюда.

Олег аккуратно опустил яйцо на место и прикрыл ящик крышкой. В последний момент заметил, что белое сияние на мгновение сменило цвет, сделалось нежно-розовым, как облака на закате. Но все стало прежним очень быстро, и он подумал о том, что сделался жертвой обмана зрения.

Ловушку в коридоре преодолели точно так же, как и в первый раз – с помощью заклинания Глазастого. Чтобы его наложить, провидец отдал все силы и едва доплелся до выхода.

– Надо передохнуть пару минут, – сказал он, когда поисковая команда выбралась из-за решетки на откос.

– Некогда отдыхать, – отрезал Эрвинг.

– Погодите, – Дмитрий поднял руку. – Нужно решить, куда мы сейчас отправимся. Необходимо как можно быстрее изучить нашу добычу и понять, что с ней делать. Для этого требуется укрытое от посторонних глаз место. Я предлагаю поехать на Фруктовую, там у меня временное убежище.

Спорить никто не стал, и они начали подъем к Георгиевской башне. На площадке рядом с памятником Валерию Чкалову пришлось подождать, пока уйдут фотографировавшиеся на фоне заволжских пейзажей новобранцы, и только после этого снять морок.

При взгляде на невесту, рыженькую и остроносую, Олегу вспомнилась Лена, захотелось как можно быстрее увидеть ее, обнять, почувствовать волнующий запах ее волос...

– А, вот он! Стой! – завопил кто-то над самым ухом, и приятные мысли исчезли, словно дым.

Две женщины-сатра решительно шагали от кремлевской стены, и темные глаза их наполнила ярость. Одна, в светлой шубке, была помоложе, с дивными иссиня-зелеными волосами до пояса, другая, в темном – постарше, с короткой прической и неприятным лицом.

В первый момент Олег решил, что его узнали, что это женщины-сатра из клана Фоон. Но почти тут же сообразил, что сердитые взгляды обращены вовсе не на него, а на Эрвинга.

– Стой, «черный»! – взвизгнула та женщина, что помоложе.

– Мы знаем, что ваше проклятое племя во всем виновато! – поддержала ее вторая. – Вы напустили отраву на город! Из-за тебя умер мой брат!! И теперь я убью тебя!!!

– Это недоразумение, все не так... – начал было Дмитрий, но две обезумевшие фурии просто оттолкнули его в сторону. Издавая хриплые вопли и размахивая руками, они бросились на слэш.

– Эй! – воскликнул тот, медленно пятясь. – Осторожнее! Вы мне глаза выцарапаете!

– Не глаза, а сердце! – завопила та женщина, что помоложе.

Эрвинг нахмурился, Олег почувствовал страх и понял, что в следующий момент «черный» пустит в ход магию. Но тут в ситуацию неожиданно вмешался забытый всеми Глазастый.

– Эй, красавицы... – протяжно пропел он, и сатра неожиданно остановились, повернули головы к альву.

А тот сделал быстрое движение руками, изобразил некую вытянутую фигуру. Внутри нее замерцали голубые огоньки, закружилось нечто похожее на сверкающее конфетти. Олегу показалось, что где-то неподалеку заиграла музыка, протяжная, заунывная, привлекающая внимание.

Руки женщин опустились, с лиц исчезла злоба, а глаза сделались пустыми.

– А теперь уходим, быстро! – визгливо произнес Глазастый. – У нас пять минут! Потом они вспомнят, чего хотели!

– Идем, – Эрвинг не заставил себя упрашивать.

Быстрым шагом двинулись прочь – мимо главного корпуса Медицинской академии и одного из зданий Педагогического университета.

– Интересно, эти тетки в самом деле знали, что вы, «черные», причастны к эпидемии? Или догадались? – спросил Олег, когда позади осталась школа номер один и открылся памятник Козьме Минину.

Эрвинг промолчал, но зато ответил Дмитрий:

– Вряд ли. Каждый склонен винить в неприятностях чужаков. Обычный горожанин – евреев, «хачиков» или гастарбайтеров из Средней Азии, чуть более продвинутый – масонов, правительство или инопланетян. И за Пеленой все то же самое. Кто виноват, как не слаш? А ведь могли обвинить и нас, и даже альвов, всех, кто чем-то выделяется из толпы...

– Но если сатра начали паниковать, то дело в городе совсем плохо, – с мрачным вздохом добавил Глазастый. – Вы... то есть мы должны поспешить, клянусь лунной радугой.

Дошли до «Запорожца», втиснулись в его крохотный салон. В этот раз машина завелась сразу, на всем пути от площади Минина до Сенной не встретилось ни единой пробки, и через десять минут они уже были на улице Фруктовой, поднимались в лифте на девятый этаж.

Квартира, которую Дмитрий обозвал «убежищем», встретила запахом плесени и давешнего чая.

– Ну и ароматы... – сказал Глазастый, приняввшись, и на личике его, смутно различимом сквозь кокон, появилось озадаченное выражение.

– Уж какие есть, – ответил Наблюдатель.

Олег глянул в зеркало и обнаружил, что «маска» с его лица отвалилась, и он вновь выглядит как обычно. Вместе с беспокойством испытал и немалое облегчение – чужая личина давила и смущала.

Отнес ящик в большую комнату, где вытащил хрустальное яйцо и осторожно положил его на пол. То вспыхнуло ярче, блики упали на стены, в углу за шкафом сгустилась тень.

В белом сиянии на миг проявилось нечто розовое, но вновь сгнуло с неимоверной быстротой.

Эрвинг опустился прямо на старый, оцарапанный линолеум, альв притащил с кухни табуретку, Дмитрий остался стоять у двери, а Олег сел на матрас, на котором спал ночью.

– Посмотрим, что это за штука! – проговорил Глазастый тоном ребенка, получившего новую игрушку.

Олег слегка расфокусировал глаза и впервые посмотрел на хрустальное яйцо взглядом мага. Ничуть не удивился, обнаружив, что оно обладает аурой, как и любой другой артефакт.

Аура эта была необычайно мощной, и что странно – ее граница все время плыла, дрожала. Переливающийся всеми цветами радуги ореол вокруг лежавшего на полу предмета то сжимался до размеров волейбольного мяча, то поднимался чуть ли не на метр в высоту. В нем угадывались сложные переплетения более плотных, чем остальное сияние, жгутов.

Прорастали и рассеивались тончайшие «капилляры», возникали и исчезали неясные образы.

– Такое ощущение, что перед нами целый мир, находящийся в процессе творения... – В голосе альва дрожало восхищение. – Великолепно... Никогда не видел ничего подобного...

– Одно ясно: простым ударом это не разрушить, – буркнул слаш.

– Только на то, чтобы разобрать схему энергетических потоков, уйдет несколько часов, – заметил Наблюдатель. – Но то, что именно отсюда идет подпитка на телевышку – без сомнений.

Олег не сказал ничего, понимая, что из собравшихся он самый слабый и наименее опытный маг. Наверняка он не разглядел в хрустальном яйце и сотой доли того, что увидели остальные.

– Можно этого не делать. – Эрвинг подпер подбородок кулаком и продолжил с необычной для него неуверенностью: – У каждого существа и предмета есть... в нем запечатлен образ его смерти. Я могу попытаться его вызвать... увидеть. Тогда мы будем

знать, как превратить эту хреновину в пыль. Чародейство это очень сложное, и успех не гарантирован, но зато займет оно пятнадцать-двадцать минут, не больше.

– Действуй, – сказал Дмитрий. – Мы тебе не мешаем?

– Нет.

Слаш поерзал, точно устраиваясь поудобнее, а затем наклонился и прикоснулся к яйцу лбом. Олег напрягся, ожидая, что горящее внутри пламя перекинется на «черного», обратит его в пепел.

Но этого не произошло, зато зашевелилась лежавшая на полу тень Эрвинга.

Забилась, словно от сильной боли, вытянулась в тонкую линию, вновь растолстела, обросла острыми иглами. На несколько мгновений пропала вовсе, а потом вернулась, но не такая, как прежде, а много более темная, такая, что Олегу почудилось – в линолеуме возникла яма.

В ней что-то задвигалось, и зрелище это оказалось настолько мерзким, что он с трудом сдержал рвотный спазм.

– Ну и пакость... – прошептал Глазастый и отвернулся.

Движение продолжалось некоторое время, а затем прекратилось, и сама тень стала прежней, обычной. Эрвинг медленно распрямился, шумно вздохнул и погладил себя по голой макушке.

– Ну, что? – не выдержал альв.

– Как видишь – ничего, – медленно, словно через силу, ответил слаш. – Сама по себе эта штука не содержит семени собственной гибели. Это странно. Такого я не встречал.

– Придется начинать серьезную осаду? – Дмитрий кашлянул. – Распутывать клубок с самого начала?

– Это слишком долго, – поморщился Глазастый. – Я могу провести ритуал распознавания. Он довольно длинный, но зато к его окончанию мы получим четкое представление, с чем имеем дело. Мне понадобится помощь всех троих... и минут сорок на подготовку.

– Считай, что и то, и другое у тебя в кармане, – сказал Эрвинг. – Пойду пока умоюсь...

Он поднялся и, тяжело ступая, ушел в ванную. Оттуда донесся шум воды.

– Плюс еще, – альв поднял руку и принялся загибать пальцы, – кусок мела, острый нож, тонкая веревка или леска или что-то похожее...

– Сейчас найдем, – ответил Дмитрий.

В начавшейся суете Олег почувствовал себя лишним, поэтому встал и отправился на кухню. Наполнил водой чайник, поставил его на плиту и принялся мыть оставшиеся после завтрака чашки.

Едва успел покончить с этим, как на кухню вошел Наблюдатель, а за ним появился слаш.

– Готовится, – сказал он. – Просил не мешать.

– Ну, а мы пока чаю выпьем, – кивнул Дмитрий. – Где-то у меня был особый, с розовыми лепестками.

При слове «розовый» в голове у Олега щелкнуло.

– Пойдите, – проговорил он. – Мы кое о чем забыли. Обвинение с «Золотой розы» не снято!

Эрвинг нахмурился:

– О чем речь?

Пришлось ввести его в курс дела.

– И что вы хотите делать с информацией об эпидемии? – спросил «черный», когда Олег замолчал.

– Можно выложить в открытый доступ в Интернете, – сказал Дмитрий, высыпая в заварочный чайник содержимое пакетика из желтой фольги. – У меня есть подход к новостному portalу «За Пеленой». Чтобы все узнали, кто виноват, – белое лицо его побагровело, – и кто скрывал опасную тайну столько времени.

– Так можно сделать. Но ты понимаешь, что начнется потом? – Эрвинг оставался внешне спокойным, но в черных глазах была тревога. – Все узнают, что происходит, что слаш и в самом деле виноваты в эпидемии. И толпы безумцев ринутся убивать моих сородичей. Сколько тогда прольется крови – страшно представить. Лишить жизни любого из нас, даже безумного и ослабленного – неимоверно трудно.

Олег вспомнил сон про город среди джунглей, безумных женщин-сатра на площади Минина и понял, что так все и случится. Что империя смерти все же придет в Нижний Новгород, пусть немного не так, как представлялось изначально.

– Но как тогда поступить? – спросил он. – Я не могу сидеть сложа руки!

– Отправьте информацию на мейл «Золотой розы», разошлите ее главам орденов, что являются ее врагами, а также тем из лидеров общин, кто способен в ней разобраться и адекватно отреагировать, – слаш говорил тяжело, с характерными интонациями, и мысли Олега обратились чуть ли не к единственному «черному», оставившему значимый след в истории России.

Эрвинг в этот момент напоминал «отца народов», Иосифа Сталина.

– Разумно. – Дмитрий подхватил с плиты зашипевший чайник, плеснул кипятка в заварочный и закрыл его крышкой. По кухне пополз тонкий аромат розы. – Так тоже нет гарантий, что кто-то все же не попытается организовать охоту на слаш, но на осмысление информации потребуется время. Надеюсь, нам его хватит, чтобы справиться с заклинанием на телевышке. Твои сородичи вернут себе рассудок и смогут скрыться, переждать тяжелые времена.

– Примерно так, – кивнул Эрвинг.

– Тогда я несу компьютер.

Наблюдатель удалился, но быстро вернулся, притащил ноутбук и еще какую-то штучковину, похожую на тюльпан из серебристого металла.

– Нормального выхода в Интернет у меня нет, приходится подключаться магическим путем.

Негромко залопотал кулер, шнур, свисавший с ножки «тюльпана», воткнули в USB-разъем, а сам цветок устроили на подоконнике. Промелькнула заставка «Винды», и появился рабочий стол, усеянный значками программ, большей частью Олегу совершенно незнакомых.

Дмитрий сноровисто набрал коротенькое письмо, воспользовавшись обычным «Аутлуком». Затем развернул громадную базу данных с адресами, телефонами и прочими координатами магов Нижнего.

– Версия не самая свежая, – сказал он. – Ей примерно два месяца. Более новой добыть я не мог...

– Так вы что, и вправду собираете досье абсолютно на всех? – спросил Олег, никогда особенно не веривший, что Наблюдатели одержимы тотальной слежкой за тем, что происходит «за Пеленой».

– Ну... не абсолютно, – впервые с момента их знакомства Дмитрий немного смутился. – Но все, кто обладают властью, авторитетом, особой магической силой – тут есть.

В поле «Кому» было вбито двенадцать адресов, Наблюдатель навел курсор на поле «Отправить». «Тюльпан» тоненько свистнул, засветился белым огнем, и по вылетевшему на экран окошку поползла темная полоска.

– Теперь можно и чаю выпить, – сказал Дмитрий. – Если кто-то хочет есть, то в холодильнике лежат консервы.

Никто желания не выказал, так что Наблюдатель расставил чашки и принялся разливать розовый, сладко пахнущий напиток. Олег попробовал и удивленно заморгал – вкус у «чая» оказался невероятно кислый и резкий, словно у гранатового сока.

– Что это такое? – спросил Эрвинг.

– Большой секрет, – ответил Дмитрий, улыбаясь одним уголком рта. – За его разглашение меня, хе-хе, ждет длительная и изощренная казнь. Но розовые лепестки там

есть, это правда.

Олег глянул на экран, обнаружил, что отправка писем завершилась, и неожиданно даже для себя попросил:

– Можно я по Интернету полажу?

– Давай, – разрешил Дмитрий. – Только моими ссылками не пользуйся, там слишком много... разного.

Олег развернул ноутбук к себе, застучал по клавишам. Сначала забрался на сайт «Комплайфа» и с облегчением обнаружил, что там все, как надо – свежий прайс на месте, онлайн-заказ работает, на форуме работник службы технической поддержки вежливо собачится с тупым «юзером».

Давно заметил, что стоит в фирме начаться неприятностям, как это мигом отражается на сайте – страницы перекашивает, возникают «глюки» на форуме или налетают буйные хакеры...

Заглянул в собственный почтовый ящик на одном из халявных серверов, а потом залез на страничку «Золотой розы». Поскольку вошел с незнакомого ай-пи, пришлось забивать пароль, и только затем он увидел заставку, а под ней – недлинный список новостей.

И в верхней, самой свежей, обнаружил свою фамилию:

«Олег Турнов, маг пятого ряда, с сегодняшнего дня исключается из рядов «Золотой розы» и объявляется в ней персоной нон грата. Всем членам ордена, вошедшим с ним в контакт, предписывается немедленно задержать его и доставить в резиденцию для передачи под наблюдение клану Фоон».

Прочитав до середины, Олег почувствовал себя так, словно его из всех сил ударили в живот. В голове появился легкий звон, показалось, что он спит и сейчас вот-вот проснется.

Совершенно автоматически взял чашку с «чаем» и сделал большой глоток.

Как ни удивительно, это немного помогло – мысли прояснились, и он смог прочитать новость еще раз.

– Вот рыба ерш... – прошептал Олег. – Они что, меня вышвырнули? Но почему?

По всему выходило, что так и есть, что «Золотая роза» избавилась от своего Рыцаря.

– Что там у тебя? – спросил из-за спины Дмитрий, но Олег не обернулся.

Он просто не мог оторвать взгляд от экрана: «Турнов... исключается... нон грата... предписывается задержать... передачи Фоон»...

Вчера ночью, когда они шли к «Зеркальной пирамиде», Олег, осознавший, что он лишился привычной поддержки «Золотой розы», ощущал растерянность. Но сейчас тогдашний дискомфорт казался полной ерундой. Чувство было такое, словно его пинком вышвырнули из дружеского дома на мороз, и не подумав при этом отдать теплую одежду.

Олег привык иметь за плечами могущественный магический орден, привык быть частью целого, а теперь вдруг остался один.

– Неприятности, – сказал Эрвинг. – Собратья от него отказались.

– А, такое бывает... – Наблюдатель усмехнулся, и Олег поймал себя на желании вцепиться ему в глотку.

Как можно веселиться в такой момент?

– А если посмотреть на это с другой стороны, – продолжил Дмитрий, – то произошло это наверняка не по инициативе «Золотой розы». Ты бежал, сатра из клана Фоон возмутились, и ваш орден вынужден был подчиниться. А твои собратья сделали все, дабы ты узнал о том, что сейчас тебе лучше с ними дела не иметь. Ведь ты заходишь на этот сайт каждый день?

– Ну... да... – слова с трудом лезли через окостеневшее от обиды горло.

– Тогда все так и есть. Смотри, новость выделили, как могли – цветом, шрифтом, подчеркиванием.

Олег ударил себя сжатым кулаком по ладони, затем еще раз, сильно, до боли.

Дмитрий говорил правду – новость об изгнании Турнова из рядов «Золотой розы» резко выделялась на страничке ордена. Похоже, оставшийся за старшего Артур в самом деле

подавал беглецу знак – сиди тихо, не высовывайся, пока все не уляжется, и не думай о том, чтобы просить нас о помощи.

Стало немножко легче дышать, Олег повел плечами, стряхивая напряжение.

– Ладно, – сказал он, сглотнув. – Ладно. Будем считать, что так оно и есть...

– Эй, вы где там?! – донесся из коридора нетерпеливый голос Глазастого. – У меня все готово.

– Пошли, – Эрвинг одним глотком допил «чай» и резко поднялся.

Олег закрыл браузер, опустил крышку ноутбука и тоже встал. Кухню он покинул последним, а, оказавшись на пороге зала, замер и удивленно вытаращил глаза. С помощью куска мела, ножа, нескольких десятков спичек и пеньковой веревки длиной метров пять альв изуродовал старый линолеум так основательно, что тот стал походить на поверхность мишени для игры в дартс.

Заточенные спички стояли рядками, образуя несколько пересекающихся кругов, а самый большой из них, в центре которого лежало хрустальное яйцо, обозначала еще и веревка. Многочисленные значки, большей частью Олегу неизвестные, были нарисованы на полу или просто вырезаны. И совершенно беспорядочно, на первый взгляд, были разбросаны предметы – старая мыльница, подошва от ботинка, огарок свечи и лопасть от вентилятора.

Ими Глазастый, судя по всему, обозначил стихии.

– Чего встали? – спросил очень гордый собой провидец. – Занимайте места. Ты, Дмитрий, вот сюда...

Наблюдателю досталось место в маленьком круге около телевизора. Слэш встал у двери, на крохотный пятачок, свободный от символов, а Олегу пришлось втиснуться в угол к старому шкафу.

– Так, все готовы? – спросил Глазастый, полностью убравший защитный кокон. – Что делать, поймете по ходу работы, клянусь лунной радугой. Ничего сложного – обычная балансировка.

Он закрыл глаза, скорчился, и принялся бормотать что-то так тихо, что Олег не смог разобрать ни слова.

Бормотание продолжалось довольно долго, и не происходило при этом ничего. Дневной свет за окном потихоньку тускнел, Эрвинг и Дмитрий стояли неподвижно, лучилось белым светом яйцо из хрусталя. Мертвыми оставались изображенные на полу знаки и круги из спичек.

А потом Олег осознал, что все вокруг покачивается, словно дом плывет по волнам. Не успел этому удивиться, как стены и потолок исчезли из виду, их место заняло серо-желтое море. Остался лишь пятачок пола неправильной формы, заключенный в несколько пересекающихся колец.

Альв открыл глаза и замахал руками, и вот тут сверху обрушился такой водопад энергии, что Олег с трудом устоял на ногах.

– Балансируем! – взвизгнул Глазастый.

На то, чтобы спросить «Как?», времени не было, и Олег начал делать то, что казалось ему естественным – попытался удержать поток, не дать ему вырваться из-под контроля.

Сколько это продолжалось, он не смог бы сказать – ощущение времени исчезло вместе с обычным миром. Осталась уверенность в том, что все идет так, как надо, что он играет свою роль правильно и что стоит ему ошибиться, отвлечься на миг – все пойдет кувырком.

Поэтому Олег почти не смотрел на то, что творилось в центральном круге.

Глазастый ходил вокруг хрустального яйца, махал руками, шептал что-то. Его щуплую фигуру окружали фонтаны разноцветного сияния. В воздухе плавали шарики света, кружились вокруг друг друга подобно звездам и планетам. Непонятно откуда накатывали волны запахов – вонь гниющих водорослей, благоухание лаванды, аромат пшеничного поля...

Монотонный рокот сменялся пронзительным свистом, тому на смену приходил рык, достойный тираннозавра.

– Достаточно, – в какой-то момент сказал альв, и голос его прозвучал тихо, но очень четко.

Фонтаны света опали, пропали шарики, растворилось серо-желтое марево, обнажая серый потолок и стены без обоев. Олег вздохнул, ощущая, как тает энергетический поток, как исчезает давившая на плечи тяжесть.

С удивлением обнаружил, что за окном полностью темно – день канул в никуда, пронесся мимо, как метеор.

– Это было впечатляюще, – сказал Эрвинг. – А каков результат?

– Сейчас узнаем. – Глазастый натужно закричал, нагнулся и слегка толкнул хрустальное яйцо.

Оно перекатилось с неожиданно тяжелым звуком, будто весило не один центнер. Белый свет на миг сменился розовым, и в этот раз Олег готов был поклясться, что это не иллюзия.

Но в следующий момент он о ней забыл, поскольку над полом развернулась похожая на цветок картинка. Центр заняла сложная диаграмма из десятков кругов и овалов, серых и белых, связанных многочисленными линиями, а вот лепестки оказались куда более интересными.

Их было всего три: в левом торчала Спасская башня московского Кремля, в правом на фоне густой синевы блестел золотой жезл с обвивающей его змеей, а в верхнем застыло существо, похожее на человека с черной кожей, но с единственным глазом посреди лба и без носа.

– И что это значит? – спросил Олег.

– В середине – схема энергетических потоков, причем достаточно подробная, – ответил Дмитрий. – Ее нужно зафиксировать, чтобы в дальнейшем разобрать и понять, как это работает. А по бокам, скорее всего, символы того, что ритуал не смог вытащить на поверхность. Знаки более глубокого смыслового слоя, не разработанные до конца.

– Верно, – кивнул Эрвинг. – Кремль – все ясно. Эта штука последнее время находилась в Москве. Жезл и змея – древний символ синей сферы. При чем тут он – непонятно. А третье – это... – тут он поморщился, словно при воспоминании о необычайно ярком ночном кошмаре. – Это нечто из прошлого. Существа, подобные этому, обитали на Земле более десяти тысячелетий назад. Откуда взялись и куда делись – неясно. В наших легендах они называются Пастырями Душ...

– Они были разумны? – спросил Олег.

– Да, но не так, как мы или вы.

– Вы отвлеклись, – сказал Наблюдатель. – Это все несущественно. Надо...

Он вздрогнул, альв выпучил глаза, и в следующий момент тяжелый удар сотряс дверь квартиры.

Глава 12

Аристеас, самый влиятельный из старейшин клана Фоон, стоял перед стальной дверью с глазком и нервничал, точно школьник на вступительном экзамене. Переступал с ноги на ногу, чуть слышно постукивая копытами, подергивал себя за бороду, и никак не решался позвонить.

Проблема была в том, что в квартире за дверью обитала одна из сильнейших провидиц Нижнего Новгорода. Принадлежала она к красной сфере и откликалась на имя Татьяна.

А Аристеас, честно говоря, провидцев не любил. Он и к обычным-то магам относился с изрядной настороженностью. А от тех, кто обладал способностью заглядывать в прошлое или будущее, вообще старался держаться подальше. Они вызывали у старейшины клана Фоон не совсем рациональное омерзение и вполне понятный страх.

Если бы не насущная необходимость, он никогда бы не приехал сюда...

Но проклятый Турнов бежал из охраняемого особняка, ушел от погони и тем самым плюнул в лицо всему клану. Можно поймать его обычными методами, но сколько это займет

времени, знает только Праотец. Куда быстрее и надежнее – обратиться к «специалисту» и просто задать вопрос...

Вот и пришлось Аристеасу ехать в Кузнечиху, оставлять охрану внизу, а самому тащиться на седьмой этаж, кляня неработающий лифт.

– Ну ладно, – пробормотал он, ощущая, как мысли о беглеце и о том, какой позор он навлек на клан, смывают нерешительность, заставляют сердце трепетать от ярости, а ноздри – раздуваться. – Пора!

Палец коснулся кнопки звонка, и в квартире прозвучала приглушенная трель. Мгновением позже клацнул замок, дверь открылась, и на пороге возникла маленькая светловолосая женщина, стройная, точно девочка, с красными узкими глазами на бледном лице.

– А, привет, – сказала она лениво. – Заходи.

Аристеас, поеживаясь под пристальным, неподвижным взглядом хозяйки, прошел в прихожую. Витавший в квартире запах борща отчего-то показался неприятным, вспомнилось, что верог имеют обыкновение добавлять в это блюдо кровь.

– Плащ вешай сюда, – распоряжалась Татьяна, – ноги вытирай и пошли за мной.

Они миновали картину на стене: залитый лунным светом пейзаж, развалины замка торчат из густой зелени на вершине холма, и на одной из башен видна тоненькая фигурка, раскинувшая руки в стороны. Прошли мимо сидевшей на сундуке трехцветной кошки, огромной, как оцелот, и оказались в маленькой, забитой безделушками комнате.

Фарфоровые статуэтки покрывали все свободные поверхности: слоники и собачки стояли на столе, пастухи и пастушки громоздились на полках книжного шкафа, утята и лебеди обитали на полу.

– Располагайся, – хозяйка подвинула Аристеасу стул, – и спрашивай.

Он сел, оказавшись лицом к окну, и обнаружил, что подоконник за занавеской оккупировал выводок тошнотворно-розовых поросят.

– Уважаемая, я хотел бы узнать... – собственный голос показался слабым и неуверенным. – Найти одного человека... Его зовут Олег Турнов, он маг пятого ряда «Золотой розы», ты могла слышать о нем...

– Это можно, – сказала Татьяна. – Ты знаешь мои расценки?

– Да. Пятьсот за обычный сеанс, тысяча – усложненный.

Светловолосая вампирша брала дорого, но зато и репутация у нее была безупречной – ни одной ошибки за последние пять лет.

– Тогда плати, – она встала, подошла к шкафу. Подняла худую руку и длинными тонкими пальцами с острыми ногтями обхватила фарфорового слоника с беседкой на белой спине. – И начнем.

Аристеас выложил на стол пять сотенных бумажек, Татьяна поглядела на них, странно улыбнулась и закрыла глаза. На мгновение старейшине показалось, что он видит вокруг ее хрупкой фигуры то, что колдуны называют аурой – повторяющий очертания тела кокон из струй желтого пламени. Но видение мгновенно исчезло, и он решил, что это ему показалось.

– Интересно, – сказала хозяйка квартиры глухим напряженным голосом. – Странно...

Аристеас напрягся, ожидая продолжения, но она замолчала. Сжала руку сильнее, по бокам фарфорового слоника побежали трещины, полетели осколки. Первый коснулся закрывавшего пол бордового ковра и вспыхнул белесым огнем. Загорелся второй, третий, сразу несколько, и ковер остался столь же чистым, как и ранее.

– Странно, – повторила Татьяна, и остатки фигурки в ее ладони обратились в пепел. – Очень странно.

– Что именно? – рискнул спросить Аристеас.

– Почти все. – Вампирша открыла глаза и хлопнула руками друг об друга, точно стряхивая с них пыль. – По делу надо взять с тебя тысячу, но ты и так кипишь от злости, поэтому я этого делать не буду. Провидеть этого Турнова оказалось на редкость сложно, даже больно.

Она говорила спокойно, отстраненно, словно не о себе.

– Ты хотел знать, где он? – уточнила Татьяна, глянув прямо на старейшину.

– Да, уважаемая! Где его можно будет найти в ближайшем будущем! – ответил он со всей возможной твердостью.

– В будущем... – Она взяла с полки еще одного слоника, на этот раз маленького, со смешно задранной хоботом. – Сейчас мы это выясним... – Песок заструился меж пальцев вампириши. – Улицу Короленко знаешь?

– Конечно.

– Тогда смотри... – и Татьяна объяснила, как найти предназначенный к сносу дом в одном из соседних с Короленко переулков.

– Очень хорошо, спасибо. – Аристеас ощутил, как слабеет, отступает страх, а на смену ему приходит злобная радость. – Я заплачу тебе еще пятьсот, если ты скажешь, кто помог Турнову бежать от нас. – Он полез во внутренний карман пиджака, вытащил бумажник. – Это возможно?

– Это очень легко, – бледные губы тронула улыбка. – Наблюдатель из ордена Желтого Ока.

На мгновение Аристеас растерялся – «бесцветные» из «Зеркальной пирамиды»? Но что им нужно в этой ситуации? Что им за дело до обыкновенного мага пятого ряда, каких в «Золотой розе» не один десяток?

– Никогда не доверял этим ублюдкам, – пробормотал он.

– Да ты вообще никому никогда не доверял, – Татьяна смотрела на старейшину клана Фоон чуть насмешливо. – В том числе и себе. Кстати, тот Наблюдатель, о котором ты говорил, в ближайшем будущем окажется там же, где и человек по имени Олег Турнов.

– Вот как? Это здорово... это просто здорово, клянусь копытами Праотца! – Аристеас заулыбался, забыв и о неприязни к провидцам, и о потраченных деньгах: если удастся накрыть обоих паскудников одним ударом, честь клана Фоон окажется спасена! – Спасибо тебе, уважаемая!

Он вскочил на ноги, поспешно зашагал в прихожую, сорвал с вешалки плащ.

Татьяна проводила его, закрыла дверь и только после этого позволила себе улыбнуться.

– Если бы ты, торопливый сатра, знал, кто находится рядом с человеком и Наблюдателем, ты бы никогда не произнес слова «здорово», – прошептала она и пошла обратно в комнату.

– Что... – только и успел сказать Олег, и тут за первым ударом последовал второй.

Затрещали вырванные с корнем петли, хрустнул выломанный замок. Выбитая дверь врезалась в зеркало, осколки посыпались на пол. Мягкие шаги возвестили, что в квартиру кто-то вошел.

– Белые Гончие! – воскликнул Дмитрий, выбрасывая перед собой руки.

Вход в комнату затянула полупрозрачная пленка. Но тут же разбилась, разлетелась на ошметки. Через нее проскочил человек, полыхнули багровым огнем его глаза. Как-то странно присел, раскорячился и прыгнул на Наблюдателя.

Тот увернулся, сделал неуловимо быстрое движение, и чужак со всего размаху врезался в стену.

А в комнате появился второй, приземистый, оскаленный, и бросился на Олега. Тот ударил, целясь в голову. Попал и ощутил, как чужая скула проминается под кулаком, точно пластилин.

Не успел замахнуться повторно, как враг оказался рядом. Две руки схватили его за плечи, приподняли легко, словно Олег ничего не весил. Тело обмякло, будто из него выпустили воздух, из мышц ушла сила, а из сердца – желание сопротивляться. Осталась лишь вялая покорность.

«Вот и все», – подумал Турнов, глядя в блеклые, невыразительные глаза.

Хватка на плечах исчезла, и он грохнулся на пол, так ударившись ладонями и

коленями, что перед глазами потемнело. Но боль помогла избавиться от наваждения. Олег нащупал стену и попытался подняться.

Глазастый исчез, словно его и не было, пропало куда-то хрустальное яйцо. Первый чужак отклеился от стены и, развернувшись, вновь пошел на Дмитрия. Стало видно перекошенное, будто смазанное лицо, впалый рот, в котором не имелось зубов.

Второго врага отвлек Эрвинг.

Он стоял, раскинув руки, и с них били короткие черные молнии. По лицу слэш текли капли пота, он сосредоточенно щурился, а враг дергался, сотрясался всем телом, но не думал падать и не издавал никаких звуков. Похоже было, что он лишен возможности двигаться, но боли не чувствует.

– Падаль! – рывкнул Дмитрий, уклоняясь от выпада противника, рука которого как-то странно удлинилась.

Сам бросился вперед, вонзил в шею чужаку нечто похожее на шило из стекла. Но разорвать дистанцию не успел, получил подножку, и враг навалился сверху, потянулся к горлу Наблюдателя.

– Врешь, сука... – Олег сделал два быстрых шага и с размаху пнул почти квадратную уродливую голову.

Та мотнулась так, словно в шее у чужака не было позвонков. Воткнутое в шею шило лопнуло, из него потекли струи зеленого, резко пахнущего дыма. Поползли по спине, по торсу врага, застывая на глазах, обращаясь в малахитовую, жирно поблескивающую слизь.

– Я его не удержу, – сообщил Эрвинг дрожащим от напряжения голосом. – Еще немного, и...

– Получай! – Голос альва прозвенел сверху, будто Глазастый висел где-то у потолка, и по спине второго чужака хлестнуло нечто похожее на дымящиеся белесые градины. Каждая вонзилась, вмялась в плоть, пустила в стороны напоминавшие корни отростки и выбросила крохотный стебель.

Сражавшийся с Дмитрием враг отпустил его, отпрыгнул к стене и принялся тереться об нее спиной, норовя счистить слизь. Но та успела застыть, превратилась в нечто вроде плесени и теперь пульсировала, на глазах набирала толщину, трансформируясь в мох...

– Так лучше. – Эрвинг не опустил, а уронил руки, черные молнии исчезли.

Но его враг не воспользовался этим. Он упал на колени, потянул руки к спине, покрытой уродливыми язвами. «Градины» исчезли, растаяли серым, безвредным паром, пропали «стебли» и «отростки».

– Добивайте... добивайте... – прохрипел с пола Дмитрий. – Иначе оклемаются.

Слаш кивнул и хлопнул в ладоши. С его рук осыпалось нечто серое, затанцевали вокруг ног вихри, младшие братья тех, что бродили по кладбищам, и рванули к стоявшему на коленях чужаку. Облепили, и изъязвленная плоть начала умирать, отваливаться целыми пластами и ломтями.

По комнате поплыла вонь горелого пластика, обнажилось нечто похожее на человеческий скелет, сделанный из камня.

– Вот так его... так, – прошептал Наблюдатель.

Олег атаковал первого чужака «огнями Архангела Михаила». Шарики бледного пламени врезались в изуродованное лицо, и покрывавший его «мох» вспыхнул неожиданно ярко и мощно. Волна тепла ударила в стороны, полетели искры, и раздалось злобное, мерзкое шипение.

Существо, лишь похожее на человека, все же могло чувствовать боль.

– Что это за красавцы? – спросил Эрвинг, подходя к кучке каменных обломков, оставшейся от второго чужака.

– Белые Гончие... – ответил Дмитрий, массируя пострадавшее горло. – Это наши... мои старшие послали их... нас все же заметили, когда мы были в «Зеркальной пирамиде»... Но как?

Пылающая фигура перестала шипеть и осела, привалившись к стенке.

– Чего теперь гадать? – Глазастый объявился наверху, у самого потолка, с хрустальным яйцом в руках, и медленно, плавно слетел на пол. – Надо убираться отсюда.

– Точно, – кивнул слэш. – Один раз нашли, и второй найдут.

Огонь потух, и на пол с шорохом осыпалось нечто, похожее на модель человеческого скелета из керамики: маленький череп без глазниц, ребра, позвонки, прочие кости.

– Это верно, – Наблюдатель с трудом поднялся на ноги. – Сейчас я все заберу, и пойдем...

Он вышел из комнаты, и Олег осознал, что его трясет, как в лихорадке. Прикосновение того, кого Дмитрий назвал «Белой Гончей», оставило в теле холод, струйку перетекающего с места на место озноба. Накатила слабость, возникло желание прислониться к чему-нибудь горячему, вроде печки.

– А ну-ка, а ну-ка, – торопливо подошел Глазастый. – Экая пакость! Видишь, «черный»?

– Конечно, – отозвался Эрвинг. – Сам уберешь или помочь?

– Сам. – Альв сделал что-то, Олег не сообразил, что именно, и в следующий момент ему стало очень жарко. На лбу выступил пот, взопрела кожа под мышками и в паху, сердце забилося тяжело и мощно. – Вот, так ты выглядишь намного лучше. А то заболел бы, и что нам с тобой делать?

– Спасибо, – сказал Олег, чувствуя, что вновь силен и бодр, словно не было изматывающих последних дней, схваток и поисков, постоянного недосыпа и эмоциональных ударов.

Глазастый заулыбался, потрепал человека по плечу, а затем вручил ему хрустальное яйцо.

– Ты взялся хранить эту штуковину, так храни, – заявил он.

Ящичек, извлеченный из тайника под Кремлем, нашелся в одном из углов. Олег аккуратно опустил артефакт внутрь, приладил крышку на место. Едва успел закончить, как вернулся Дмитрий – сосредоточенный и мрачный, с рюкзаком на спине и сумкой ноутбука на плече.

– Я готов, – проговорил он. – Идем.

– А следы замести не хочешь? – поинтересовался Эрвинг. – Твои сородичи уже знают о гибели Гончих. Скоро они будут здесь. В этой квартире перетряхнут все, заглянут в каждый угол.

– Верно... – Наблюдатель заколебался. – Давай, как раньше, – по очереди...

Олега к «заметанию следов» не привлекли, да он, честно говоря, и не владел заклинаниями из соответствующего арсенала. Ему только и осталось, что стоять в разгромленной прихожей да следить за тем, что творится на лестничной площадке и на лестнице.

Не хватало еще каких-нибудь незваных гостей.

Ну а соратники колдовали хоть и недолго, но со вкусом – радужный огонь облизывал стены квартиры, растекался по ней наспигованный искорками туман, и серые тени бродили по потолку, втягивались в темные углы, заползали в щели между кусками линолеума.

– Это задержит их на какое-то время, – пробурчал Эрвинг, похоже, довольный собственной работой.

– Да, наверняка, – кивнул Дмитрий. – Идем же!

Двинулись вниз по лестнице: слэш впереди, Олег с ящичком под мышкой – за ним, Наблюдатель – следом, и позади всех – Глазастый. Спустились на первый этаж, вышли из подъезда и обнаружили троих магов-людей – среднего возраста и, если судить по тому, что Олег видел их ауры, не особенно сильных.

– Вот так встреча! – воскликнул один из них, остроносый, с черной бородкой. – Вот так компания!

– Это вы там колдовали? – спросил другой, коренастый, с глазами навывкате.

Олег вспомнил, что район улицы Фруктовой входит в домен ложи «Алая звезда»,

небольшой и не особенно сильной. Сам с ее представителями никогда не сталкивался, но от кого-то в «Золотой розе» слышал, что чародеи из этой группы занимаются всякими странными делами, неохотно идут на контакт и вообще недоверчиво относятся к чужакам.

– Мы, и что? – отозвался Эрвинг.

– А то, что на шумели вы, а последствия, если чего, убирать придется нам! – вступил в разговор третий маг, круглолицый, в вязаной шапочке-петушке. – Или спорить будете?

– Нет, не будем, – покачал головой Эрвинг. – Мы просто пойдем дальше, и все.

– Стой, погоди, – вмешался Дмитрий. – Они – хозяева, и они – в своем праве. Мы поступили не очень правильно. И поэтому я готов заплатить отступное. Три тысячи рублей – хватит?

Маги из «Алой звезды» переглянулись и решили, что отказываться от такого предложения не стоит.

– Согласны, – кивнул коренастый.

Три зеленые бумажки переключались в его ладонь из кармана Наблюдателя, и трое людей отошли в сторону, освобождая дорогу. Олег и его спутники зашагали дальше, к стоявшему у обочины «Запорожцу».

– Зря ты так, – буркнул слэш, когда они сели в машину. – Надо было их прибить, и все.

– Чуть что – сразу прибить! – влез Глазастый. – Вот за это вас, «черных», никто и не любит.

– Только за это? – севший на переднее сиденье Эрвинг обернулся, и на его лице обнаружилась ироническая усмешка. – Скорее за то, что все остальные в нашем присутствии начинают пачкать штаны.

– Ладно вам спорить, – вмешался Олег. – Надо думать, куда дальше ехать.

– Это верно. Мы... – Дмитрий замолк, начал клониться вперед. Если бы не слэш, ухвативший Наблюдателя за плечо, тот бы упал лицом на руль. – Проклятая боль... Я подготовил еще... одно убежище. Неподалеку... Оно не очень комфортабельное, но зато там мы сможем продолжить работу.

– Я бы предложил отправиться ко мне, – сказал Глазастый. – Там и охрана, и места много, и никто чужой не сунется. Но это далеко, а сейчас вечер, пробки, часа два на дорогу потратим. А время дорого, так что двигаем в твое убежище.

– Я не против, – пожал плечами Эрвинг, а Олег просто кивнул.

Для того чтобы добраться до цели, пришлось проехать через находившуюся во власти затора Сенную площадь и одолеть большой кусок Белинки. С нее Дмитрий свернул напротив парка Пушкина. Нырнул в район из старых домов, сохранившийся в неприкосновенности чуть ли не с тех времен, когда по этим местам гулял Алеша Пешков.

Широкий и хорошо освещенный переулок сменился узким и темным, «Запорожец» несколько раз подпрыгнул на ухабах, а затем остановился.

– Приехали, – сказал Наблюдатель. – Вот тот, хе-хе, дом – наш.

Окна здания, чей возраст превышал век, были заколочены, над крышей поднималась покосившаяся труба. Одна из бревенчатых стен носила следы того, что в документах стыдливо именуется «самопроизвольным возгоранием». Крыша крылечка, к которому вела протоптанная в сугробе тропка, держалась не столько на столбах, сколько на честном слове.

– Да, это знатно... – протянул Глазастый. – Хотя после твоей машины всего можно было ожидать.

Дмитрий не ответил ничего.

Первым поднявшись на крыльцо, он извлек из кармана длинный ключ и вставил его в большой замок. Открылся тот на удивление бесшумно, и дверь распахнулась без скрипа петель. Изнутри потянуло запахом пыли и запустения, послышался протяжный шорох.

– Крысы, – сказал Эрвинг, во тьме видевший лучше, чем днем. – Ничего, сейчас разбегутся.

В руке Наблюдателя вспыхнул фонарь, луч света побежал по дощатому полу, по приоткрытой двери. Обнаружилась паутина в углу и старинный комод из светлого дерева, на

удивление хорошо сохранившийся.

В старом доме не было грязно, он казался не брошенным, а всего лишь оставленным на время.

– Дверь закрывай, а то дует. – Дмитрий скинул с плеча сумку. – Вон туда, на кухню пойдем, там стол есть...

На кухне пахло не крысиным дерьмом и не пылью, а сухарями, сквозь щели проникали в окно тонкие лучики света. Серебристые нити лежали на полу, на столешнице, на громадной печи, занимавшей один из углов, пылинки танцевали в воздухе, словно крохотные альвы.

Наблюдатель чиркнул спичкой, и все волшебство мигом исчезло. Затрещала извлеченная из рюкзака свеча, черные изогнутые тени легли на стены, доски пола заскрипели под ногами.

– Дом под снос? – осведомился Глазастый, оглядываясь с таким видом, будто собрался приобрести ветхое строение.

– Да, – отозвался Дмитрий. – Должны были снести еще в прошлом году, но почему-то до сих пор медлят. Чего ждешь? Доставай.

Последние слова относились к Олегу.

Он поставил ящичек на стол, отодвинул крышку. Недоуменно нахмурился, обнаружив, что хрустальное яйцо заполнено не белым, и даже не розовым, а ярко-красным огнем. Алые блики упали на потолок, крошечные багровые огоньки отразились в глазах Эрвинга.

– Что с ним такое? – В голосе слэш прозвучало беспокойство.

– Вот уж не знаю. – Наблюдатель помог Олегу уложить яйцо в центр стола. – Глазастый, ты сможешь вернуть диаграмму?

– Легко, – ответил альв.

Провидец наклонился и покатал яйцо по столу. Оно мигнуло, словно огромный глаз, и тревожный багрянец исчез, сменился равнодушной белизной. А в следующий миг над столешницей развернулось то же самое изображение, что висело над полом в квартире на Фруктовой улице.

Хитрое пересечение кругов и овалов – в центре, и три картинки – на «лепестках»: Спасская башня, символ синей сферы, выходцы из которой сгинули две тысячи лет назад, и Пастырь Душ.

– И что дальше? – спросил Эрвинг.

– У нас есть схема энергетических потоков, и мы, соответственно, сможем подобрать под нее разрушительное заклинание, – объяснил Дмитрий. – Работа долгая, нудная, но без нее не обойтись.

– А почему бы просто его не разбить? – вмешался Олег.

– Да, и я о том же, – кивнул слэш. – Ведь ясно же, что все эти потоки держатся вместе только благодаря материальному вместилищу. Если раздолбить его на куски, то конструкция рассыплется. Подкачка энергии на телевышку прекратится, и заклинание исчезнет...

– Попробуйте, – Наблюдатель равнодушно пожал плечами. – Только, боюсь, у вас ничего не выйдет.

– Посмотрим, – буркнул Эрвинг. – Нам нужно что-нибудь тяжелое.

Он ушел, некоторое время бродил по дому, а когда вернулся, то притащил кувалду, старую, ржавую, но вроде бы крепкую. Замахнулся, и Олег невольно сощурился, ожидая грохота или вспышки...

Удар, и кувалда со звоном отскочила от хрустального яйца, не оставив на поверхности даже царапины. Эрвинг с большим трудом удержал инструмент. Матюкнулся и нахмурился.

– Видите? – сказал Дмитрий. – Так что я буду готовить заклинание...

– Готовь. – Слэш отбросил кувалду в угол, потер руки и положил ладони на гладкую поверхность яйца.

– Эй-эй, аккуратнее! – опасливо воскликнул Глазастый.

– Ничего. Последняя попытка... – Эрвинг напрягся, Олег увидел, как по его ауре пошли настоящие волны. Пальцы сжались, черная паутина опутала кусок хрусталя, пытаясь

искрошить его, раздавить, разрезать на куски, и с шипением исчезла. – Нет, ничего не вышло.

И слась, вытирая пот со лба, отошел от стола.

Наблюдатель хмыкнул и принялся доставать из рюкзака разные предметы – черную шайбу информационного накопителя, пачку фломастеров, свернутый в трубку лист белого картона.

– Ты хочешь зафиксировать диаграмму? – спросил Глазастый.

– Да, и работать с ней, а не с самим объектом. Это безопаснее во всех отношениях, – сказал Дмитрий.

Накопитель был положен на стол, рядом с яйцом, и после некоторых манипуляций цветок-диаграмма поплыл в сторону и повис над металлической шайбой. Затем найденный в тайнике под Георгиевской башней предмет вообще убрали со стола, а картинка осталась на месте.

Наблюдатель уложил под нее лист картона и принялся рисовать, то и дело меняя фломастеры.

Линии рисунка вспыхивали под его пальцами, превращались в полосы бледного свечения. Затем тухли, но загорались другие, и вскоре весь лист мерцал, подобно киноэкрану, перечеркнутому десятками елочных гирлянд.

– Теперь запускаем, – сказал Дмитрий, убирая фломастеры в упаковку. – Раз-два-три...

Он хлопнул рукой по листу, по тому месту, где семь кругов разного цвета были вложены друг в друга. Все линии вспыхнули разом, Олег зажмурился, а когда открыл глаза, то обнаружил, что рисунок потух, зато вокруг яйца закрутилась розовато-белая дымка.

– И на сколько это затянется? – осведомился Эрвинг.

– Я думаю, – Дмитрий посмотрел на наручные часы, – минут на триста, то есть до часу ночи.

– Мы тут с тоски помрем и с голоду, – пробормотал Глазастый. – Может, все же ко мне, в Гнилицы?

– Еще рано. Вот попозже – можно. – Наблюдатель потянулся. – А насчет еды – тут рядом есть продуктовый магазин. Можешь сходить. Деньги у тебя есть? А то у меня ничего не осталось.

– Найдутся. – Альв подскочил и вприпрыжку, точно ребенок, убежал из кухни.

– Пойду, осмотрю дом, – сказал Эрвинг и, тяжело ступая, удалился.

Дмитрий вытащил из угла за печкой три табурета, на один уселся сам. Олег опустился на другой, прислонился спиной к стене. Зевнул, думая о том, что неплохо бы поспать.

Но тут хрустальное яйцо вновь побагровело, и сонливость исчезла.

Что-то неправильное было в этой смене окраски, что-то тревожащее, внушающее беспокойство.

– Не догадываешься, что с ним? – спросил Олег. – Розовое появилось после того, как я его взял.

– Трудно сказать, – Дмитрий почесал кончик носа. – Может быть, это реакция на то, что мы ходим вокруг да около, долбим магией. Хотя аура вроде не меняется. Есть еще вариант. Эта... вещь связана с заклинанием на телевышке. Точнее, не связана, а они представляют собой две части единого целого. Если что-то происходит с одной, то это отражается и на другой.

– Заклинание начало работать по-иному? Активизировалось? Так надо взглянуть на него!

– Здравая мысль, – задумчиво кивнул Наблюдатель. – Вот придут остальные, и предложи. Одному идти на вышку рискованно, а я не хочу оставлять его без присмотра, – он показал на яйцо, вокруг которого продолжало кружиться радужное марево. – Мало ли что...

Эрвинг, обошедший заброшенный дом, вернулся довольно быстро.

– Это все, может быть, и так, – сказал он, выслушав Олега. – Но я особого желания тащиться туда еще раз не имею. Нужно уничтожить эту хреновину, – он глянул на артефакт

почти с ненавистью, – как можно быстрее. Остальное – ерунда. Если альв согласится, то можете сходить с ним, я вас снизу подстрахую.

Через пять минут появился Глазастый, приволок два плотно набитых пакета.

– Вот! – гордо объявил он, водружая их на стол. – Спас вас от голодной смерти! Крабовые палочки, при изготовлении которых не пострадал ни один краб! Минералка, печенье, хлеб и колбасная нарезка! Мне предлагали беляши, но такие, что при их виде кто угодно, даже не провидец, напророчит тяжелое отравление.

Желудок болезненно вздрогнул, напоминая о том, что с момента обеда в «Жорже» времени прошло достаточно. Олег решил, что сначала утолит голод, а затем поговорит с альвом.

Взял протянутый Глазастым пластиковый стаканчик с минералкой, ухватил кусок хлеба и кружок колбасы.

– Хорошо... очень хорошо, – Дмитрий очищал крабовые палочки, и обрывки упаковки летели на пол.

Эрвинг вскрыл пакет с печеньем и вдруг насторожился, склонил голову набок, словно прислушиваясь. Глаза альва вспыхнули, как два синих прожектора, закружились вокруг него обрывки белого тумана.

– Опасность... – забормотал провидец. – Она рядом... Рядом!

Затопали на крыльце, открылась дверь. Эрвинг метнулся в коридор, там заорали, грохнул выстрел. Вопль перешел в истошный визг и стих, а у Олега по спине побежал холодок, шевельнулись волосы на затылке.

Судя по всем признакам, слэш убил кого-то с помощью заклинания, и сделал это быстро и безжалостно.

– Тут толпа сатра, – донесся из коридора спокойный голос Эрвинга. – Никто им дорогу не переходил?

– Ерш твою меть... – пробормотал Олег. – Их еще не хватало.

– Ложись! – гаркнул альв, соскакивая с табурета.

Олег кинулся на пол ничком. Рядом упал Дмитрий. Отпрыгнул в сторону, во тьму завернувшийся в защитный кокон Глазастый. На улице раскатилась очередь, что-то, похожее на град, ударило в закрывавшие окно доски, засвистело над головами, застучало по полу.

– Из автомата садят, – пробормотал Олег, узнав хорошо знакомый по Афгану звук. – Клан Фоон?

– Похоже, – отозвался Наблюдатель и повысил голос: – Много их там?

– Десятка полтора, и маги имеются, – ответил вместо слэш Глазастый, совершенно невидимый в темном углу.

– Ты забери яйцо и сохрани его. – Наблюдатель сел на корточки, стащил со стола рюкзак. – А мы попробуем отбиться. Так, где-то у меня тут был... Где, интересно, хе-хе?

«Калаш» загрохотал ближе, на этот раз, похоже, стреляли по двери дома, пули с хрустом заколотили по бревнам. Провидец возник около стола, длинные руки с тонкими пальцами ухватили кусок хрусталя, унесли его в белый туман.

К удивлению Олега, Дмитрий вытащил из рюкзака настоящий австрийский «Глок» какой-то редкой, до сих пор не виданной Турновым модификации. Блеснул ствол, щелкнул передернутый затвор.

– Заряжай, – сказал Наблюдатель, вручая Олегу картонную коробку с патронами. – Разберешься, что тут и как?

– Обязательно.

Пистолет оказался тяжелым, но лежал в руке удобно, и Олег быстренько вставил заправленный магазин на место. Глазастый вновь исчез из виду, скрылся в темноте, а Дмитрий вооружился длинным витым жезлом, похожим на рог архара, только из прозрачного, как стекло, материала.

– Эй, вы! – заорали снаружи. – Мы не хотим лишней крови! Нам нужны только двое! Олег Турнов и тот, кто помог ему бежать! Остальных мы не тронем, клянемся сотней тайных

имен Праотца!

– А ты кто такой? – недружелюбно спросил Эрвинг.

– Аристеас из клана Фоон! – назвал себя кричавший, и только после этого Олег узнал голос. – Турнов, ты изгнан из ордена! Сдайся сам, и мы всего лишь вернем тебя на место!

Последнее утверждение было ложью – старейшина «зеленых» планировал что-то еще сделать с пленником, а не просто заново поместить его под замок в комнату на цокольном этаже.

Но, может быть, и на самом деле сдаться? Пусть сатра набьют Олегу морду, продержат его на хлебе и воде оставшиеся дни «изоляции». Главное, чтобы соратники довели до конца начатое дело.

– Я готов выйти один! – прокричал Олег. – Тот, кто помог мне, останется на свободе!

Если бы он умел врать, он бы обманул, сказал, что бежал в одиночку, а напарник «зеленым» просто померещился.

– Не годится! – рявкнул Аристеас. – Выходите оба! Тот, кто пошел против клана Фоон, должен быть готов к возмездию!

– На эти условия мы пойти не можем, – проговорил Дмитрий достаточно громко, чтобы его слышали на улице. – Предлагаем вам забыть про того, кого вы упустили, и поскорее убратесь отсюда. В этом случае лишней крови не будет. На силу мы ответим силой.

– А если подумать?! – Аристеас с трудом сдерживал ярость. – Мы перебьем вас всех!

– Попробуй, козлоногий, – насмешливо бросил слаш.

Старейшина издал полузадушенный всхлип, и снова затрещал автомат. В окне возникло несколько новых дырок. Одну из досок сорвало с гвоздей, и она упала на пол. Покатилась сбитая пулей свечка, пламя зашипело и погасло, когда фитиль зацепил недоеденный бутерброд.

Завоняло паленым мясом.

Олег торопливо пополз вперед, чтобы занять позицию сбоку от окна, под прикрытием стены.

– Заклинания в ход пошли, – сообщил из угла Глазастый.

За окном полыхнуло, дом зашатался, словно на крышу приземлилось нечто тяжелое. Дмитрий махнул жезлом, с него сорвались несколько голубоватых огоньков, один за другим врезались в потолок и исчезли.

Сатра торжествующе завопили, но их голоса перекрыл тонкий свист, за несколько мгновений усилившийся до такой степени, что в ушах возникла боль. Раздался грохот, точно в землю врезался небольшой метеорит, и из коридора донесся самодовольный голос Эрвинга:

– Рано радуетесь, козлоногие.

Олег локтем вышиб остатки досок из оконного проема и выглянул наружу.

В сугробе чернела воронка, из нее поднимался дымок, а рядом лежали то ли два, то ли три тела. На фоне темных соседних домов перебежками перемещались сатра, укрывшийся за джипом Аристеас выкрикивал приказы.

– Ну, получи... – Олег прицелился и нажал на спусковой крючок.

Необычайно сильная отдача ударила в руки, в плечи. Лобовое стекло разлетелось вдребезги, а старейшина клана Фоон подавился собственным воплем. Загрохотал «калаш», но очередь прошла сильно в стороне.

– Этот Аристеас сейчас в штаны наложит! – хихикнул Глазастый, наблюдавший за боем не при помощи обычного зрения.

– Хотелось бы... – Олег выстрелил еще, судя по воплю, подранил кого-то из врагов и поспешно укрылся за стеной.

И вовремя – в подоконник угодило сразу несколько пуль, с десятков залетело в комнату.

Он дождался, когда пальба затихнет, и спросил:

– Что делать будем? Ждать, пока милиция явится? Фоон словно с ума сошли – затеяли бой в центре города.

– Неплохо бы прорваться, но... – Дмитрий запнулся, словно его одолел очередной приступ боли. – Проклятие, «трясучка»!

Сатра оказались не так глупы, как хотелось. Их маги оценили, насколько враги сильны в чародействе, поняли, что им в открытом бою мало чего светит, и быстренько наложили на дом мощное заклинание объемного действия, лишаящее возможности колдовать всех, кто угодил в область его влияния.

Очертания кухни поплыли перед глазами у Олега, руки с «Глоком» затряслись, словно через них пропустили электрический ток.

– Суки... – прошептал он, пытаясь справиться с непокорными конечностями.

На какой-то момент это удалось, и он выглянул в окно. Аристеас кричать перестал, а его бойцы решительно, хотя и без особой спешки, двинулись к дому. Олег понял, что еще немного – и сатра возьмут их голыми руками.

Глава 13

Кафешка, называвшаяся «Атлант», хотя и располагалась рядом с Большой Покровской, нижегородским Бродвеем, была маленькой и грязной. Выглядела типичной забегаловкой, куда заходят работяги после тяжелого дня, чтобы опрокинуть по стопке водки.

Переступив порог и ощутив запах прокисшего салата, Сергей Жарков брезгливо поморщился.

Будь его воля – он бы ни за что сюда не пришел. Но на встрече именно в этом месте настоял информатор, на которого репортер газеты «Нижегородский городской» вышел после невероятных усилий. Он обзвонил чуть ли не три десятка людей, льстил, обманывал, напоминал о старых долгах и влезал в новые, и все же добился успеха.

Нашел человека, знающего все о Ярославе Шишкине, одном из учредителей фирмы «Аргус».

Оглядевшись, Сергей заметил информатора около окошка, за угловым столиком, и поспешил туда.

– Добрый день, – сказал он, опускаясь на стул и внимательно оглядывая собеседника.

Виктор Семенович Марей, тридцать девять лет, ныне – мелкий чиновник в одном из департаментов городской администрации, в прошлом же – бизнесмен, вел дела вместе с Шишкиным. Выглядит на все пятьдесят: обрюзгшее лицо, лысина, неопрятная щетина, маленькие свинячьи глазки.

И, что самое главное – нуждается в деньгах ради удовлетворения страсти к молодым девчонкам.

– Привет, – буркнул информатор. – Ты, что ли, этот, Жирков?

– Жарков, – поправил Сергей.

– Да мне без разницы, хоть Шариков. – Марей улыбнулся, махнул рукой, на которой не хватало среднего пальца.

Подошла официантка, костлявая и сутулая, с толстым слоем «штукатурки» на лице и пергидрольными волосами. Немного поколебавшись, Сергей заказал двести граммов коньяка, хотя пить не собирался.

Пригодится – информатору язык развязывать.

– Толян сказал, что тебе нужны сведения, – проговорил Марей, и глазки его стали вдруг острыми, колючими, – о Яре Шишкине. Так вот – пятьсот баксов и ни центом меньше.

– Много, – покачал головой Жарков. – Сто.

– Ты знаешь, чем я рискую? – информатор вновь улыбнулся, но на этот раз тяжело, почти угрожающе. – Если собратья по «Золотой розе» узнают, что я нарушил клятву, они меня не просто убьют, а казнят, и казнь растянут на полгода. В назидание, так сказать. Ну?

– Двести сразу, – Сергей не привык сдаваться без боя, – и еще триста потом, если я сочту, что сведения ваши меня заинтересовали.

Марей расхохотался, вытер заслезившиеся глаза и откинулся на спинку стула.

– Ладно, твоя взяла, – пробурчал он. – Сейчас эта мымра крашенная выпить притащит, и начнем... Нет, диктофончик ты убери, я не такой дурак, чтобы свой голос на пленке оставлять.

Жарков поморщился, но спрятал аппарат обратно в сумку, вытащил ручку и блокнот, а также передал собеседнику две бумажки с портретом Франклина.

«Мымра крашенная» принесла графинчик с коньяком, две рюмки и блюдо с кружками лимона, высохшими, словно мумии из египетской гробницы. Марей, не дожидаясь приглашения, налил себе и выпил, точно водку, одним махом. Деловито крякнул и проглотил кружок лимона.

– Слушаю твои вопросы, – сказал он. – Что ты хочешь знать о Яре?

– Все. Чем занимается, что за контора такая «Аргус», и что такое... «Золотая роза», о которой вы упомянули?

– Выскочка он поганый, засранец зазнавшийся... – с первых же слов стало ясно, что информатор завидует бывшему деловому партнеру самой черной из всех возможных видов зависти: как же, преуспел, остался наверху, в то время как он, Владимир Марей, куда более умный и талантливый, вынужден сидеть на нищенской зарплате, перекладывая никому не нужные бумажки.

А затем собеседник понес такое, что Сергей решил – перед ним сумасшедший.

– Но это все детали, – проговорил информатор, выпив вторую рюмку коньяка. – Самое главное что? Яр у нас маг, и не простой, а первого ряда, то есть фактически глава «Золотой розы»... А что такое «Золотая роза»? Тайный орден, один из сильнейших в Нижнем...

– То есть как – маг? – уточнил Жарков. – Это... заклинания, обряды, вуду?

– Не веришь, журналюга? Я бы тоже не поверил... Но ничего, сейчас я тебе кое-что покажу.

Марей положил руку на стол, глубоко вздохнул, и на его ладони заплясал язычок фиолетового пламени.

– Как... что? Вот так номер... – пробормотал Сергей. – Это что, фокус какой?

– Не будь дураком.

Жарков потянулся к огненному лепестку пальцем и ощутил самое настоящее тепло. Потряс головой, несколько раз закрыл и открыл глаза, даже ущипнул себя, но это не помогло.

– Вы меня загипнотизировали? – спросил он.

– Даже и не думал. Могу еще что-нибудь изобразить... Вот, например... – Пламя исчезло, Марей поежился, сделал движение руками, точно оборачивая что-то вокруг себя, и... исчез.

У Сергея возникло подозрение, что он стал жертвой изощренного розыгрыша. Он огляделся, пытаясь отыскать скрытые камеры, направленные на его ошарашенную физиономию. Но не увидел ничего, помимо двух забулдыг за столиком у входа и «мымры крашеной» за стойкой.

– Уф, хватит пока... – Марей вновь появился на том же месте. – Силы нынче пополнить нельзя, приходится экономить. Ну что, убедился, журналюга? – и он потянулся к графину.

– Не знаю, – осторожно ответил Жарков. – То есть вы утверждаете, что это магия и что Шишкин может так же?

– Он может такое, о чем я даже представления не имею. Ведь он маг первого ряда, а я – пятого.

Сергей ощутил сильное желание наполнить собственную рюмку.

Имелась вероятность, что перед ним и вправду сумасшедший. Но тогда как объяснить все эти трюки? Вторая возможность заключалась в том, что Марей – фокусник и гипнотизер. Но почему тогда никто об этом не знает? И какой смысл ему демонстрировать свои умения тут, в мерзкой кафешке? Третий вариант нравился Жаркову меньше всего – информатор говорит правду...

– Хорошо, – Сергей решил действовать так, будто верит каждому слову собеседника. –

Расскажите мне про «Золотую розу» и про то, чем занимается ваш «друг» Яр Шишкин.

Марей прокашлялся и заговорил, а ручка заскользила по бумаге.

Жарков просто записывал, не особенно вдумываясь в смысл слов, отмечал только ключевые моменты. Но по спине бежали мурашки, а сердце сладко замирало – о, из этого можно будет сделать такой материал, что читать будет весь город. Читать и требовать добавки...

Как же – известный бизнесмен возглавляет тайную оккультную организацию, чуть ли не масонскую ложу! И совершенно неважно, обладает он магическими способностями или нет, существует ли колдовство на самом деле или является мечтой обделенных умом неудачников.

Понятное дело, что строить материал на показаниях одного свидетеля, к тому же откровенно пристрастного, сложно. Но ничего, Сергей хорошо умел выжимать информационную «воду» из сухого песка обрывочных недостоверных сведений.

Самое главное – теперь он знал, в каком направлении копать.

– Вот такие дела, – сказал Марей, закончив рассказ, и вылил в рюмку остатки коньяка. – Ну что, триста «зеленых» мои?

– Вне всякого сомнения.

Денег было не жалко, Жарков знал, что заработает на сегодняшнем интервью не одну тысячу.

– Благодарю за помощь, – он взмахом руки подозвал официантку и расплатился по счету. Кивнул информатору, поднялся из-за стола и заторопился к выходу. Злобно-торжествующей гримасы, исказившей лицо Марая, Сергей не увидел. А если бы и увидел, его это ничуть не взволновало бы.

Ведь главное – это дело, а эмоции не в счет.

Двери лифта открылись, и Борис Зорин, старший командор языка «чувствующих», вышел на лестничную площадку. Окинул ее беглым взглядом, сморщил лоб и поинтересовался:

– О соседях... позаботились?

– Да, конечно, – ответил шагавший следом Юрий, один из лейтенантов того же языка. – Дремотный порошок был распылен сразу, едва мы проникли в дом, так что обитатели верхних этажей видят сладкие сны.

Борис кивнул, прошагал к квартире, дверь в которую отсутствовала, а из косяка торчала наполовину выдранная петля. Двое Наблюдателей, сидевших на корточках в прихожей и изучавших стену, торопливо вскочили. Старший командор повел рукой, и они вернулись к своему занятию.

– Эй, Владислав, Петр! – позвал Юрий.

Маленький Наблюдатель, сменивший сиреневый халат на коричневое пальто, появился с кухни, а Петр, лейтенант языка «действующих», выглянул из двери, ведущей в зал.

– Ну... что? – спросил Борис.

– Они заматали следы, – сказал Владислав. – Делали это умело и качественно, да только спешили. Поэтому кое-что осталось. Через пять минут я буду готов предоставить результаты.

– Хорошо. – Старший командор посмотрел на Петра: – Что с Гончими?

– Уничтожены, – высокий Наблюдатель, наводивший боевых големов на цель, выглядел расстроенным и удивленным одновременно. – Один – «зеленой пылью» и огнем, второй – я еще не разобрал чем, но там заклинание не из нашего арсенала и не из человеческого.

– А вообще тут пахнет «черными», – добавил Владислав.

– Слаш? – Борис наморщил лоб. – Это невозможно. Они все сейчас безумны, а чтобы справиться... даже с одной Белой Гончей, нужен здравый рассудок и... полный самоконтроль.

Маленький Наблюдатель, носивший высокий титул младшего командора, развернулся и ушел на кухню.

– Пойдем посмотрим, – сказал Борис.

Комната выглядела нежилой – голые стены, старый шкаф в углу, надувной матрас и спальник. Сильно пахло горелым, и на полу лежали две кучки керамических деталей псевдоскелетов – все, что осталось от Белых Гончих.

И еще имелись признаки того, что недавно здесь проводили магический обряд – большой и сложный.

Причем не только те признаки, что видны обычным взглядом – вроде дырок в исцарапанном линолеуме или подпалин на грязных занавесках, а такие, какие в состоянии заметить только маг.

– Невероятно, – сказал Борис, изо всех сил пытаясь сдержать поднявшуюся в душе ярость. – Ублюдки... Но как? Как им это удалось? Чтоб они сдохли, поганцы! Черт подери!

Юрий и Петр удивленно смотрели на старшего командора, впервые за многие годы потерявшего самообладание.

– Проклятье! – рыкнул он, сжимая кулаки, тяжело дыша и постепенно успокаиваясь. – Докладывайте... по порядку.

– Э... да, хорошо. – Петр прокашлялся. – Сигнал о разрушении Белых Гончих я получил в восемнадцать тридцать пять. В восемнадцать пятьдесят восемь он был локализован, и в девятнадцать тридцать мы с группой захвата оказались тут. В квартире обнаружили трех магов из «Алой звезды». Они попытались оказать сопротивление, но нам удалось перейти к диалогу...

– От них что-то получилось узнать? – спросил Борис.

– Ничего, – буркнул Юрий. – Ни на один вопрос не ответили, талдычили только: вон с нашей территории, вон с нашей территории. Едва уговорил их дать нам время до девяти вечера.

Борис заскрипел зубами. Да, можно было оглушить троицу, допросить каждого с пристрастием, но тогда «Алая звезда» непременно объявила бы войну. А любой конфликт может дорого обойтись, особенно сейчас.

– Ладно, – сказал он. – Владислав, ты готов?

– Иду, – отозвался с кухни маленький Наблюдатель и вернулся в комнату.

Доклад его не занял много времени: в квартире несколько дней обитал один из «бесцветных» Желтого Ока; в последние сутки тут побывало еще трое обладателей магических способностей из разных сфер, в том числе один «коричневый»; ушли они вместе, пытались замести следы, но не преуспели.

– Вот тут все данные, – сказал Владислав в завершение и продемонстрировал информационный накопитель.

– Петр, это на тебе, – распорядился Борис. – Выследите их... и убейте. Действуй немедленно и... не забывай держать меня в курсе. Понял?

– Так точно, – по-военному ответил высокий Наблюдатель, взял накопитель с ладони Владислава и поспешил к выходу.

Затихли его шаги, клацнули сошедшиеся двери, и загудел поползший вниз лифт.

– Теперь ты... – старший командор посмотрел на Юрия. – Забирайте останки... Гончих и везите в лабораторию. Нужно... разобраться, что и как их сломало, чтобы новые модели стали лучше.

– Будет исполнено.

– А нас с тобой, – Борис перевел взгляд на Владислава, – ждет... очень серьезная работа.

Маленький Наблюдатель нахмурился:

– Какая?

– Узнаешь по дороге. Пошли, – старший командор вышел из квартиры.

Полчаса назад информационный отдел языка «чувствующих» перехватил электронное

письмо, отправленное с виртуального ящика и предназначенное лидерам многих орденов и кланов Нижнего Новгорода. В прицепленном к письму файле обнаружилась база данных, предыдущей ночью украденная из информационного хранилища «Зеркальной пирамиды».

Запись обряда, проведенного на телевышке, статистика наблюдения за слаш, выводы относительно того, что с ними творится. И неопровержимые доказательства того, что орден Желтого Ока знал о том, что происходит в городе, в чем причины «эпидемии», но и не думал с ними бороться.

А это означало, что проект использовать вспышку размножения «черных» в интересах Желтого Ока, инициированный лично им, Борисом Зориным, был близок к тому, чтобы не просто развалиться, а еще и погрести под обломками и собственного творца, и весь орден.

И все из-за двух наглецов, передавших в чужие руки не просто секретную, а сверхсекретную информацию.

– Ну, что? – спросил Владислав, когда они вышли из подъезда и зашагали к белому «Мерседесу» старшего командора.

– Дела обстоят... отвратительно, – проговорил Борис. – Слушай.

Рассказ закончил в тот момент, когда автомобиль встал на светофоре у Сенной площади.

– Это ты еще мягко выразился, – круглое лицо Владислава сделалось озабоченным. – Мы станем врагами номер один не только для «Золотой розы», но и для остальных. Сражаться со всем городом – безумие. Что ты предлагаешь?

– Во-первых, настаивать, что эти... данные – фальшивка, – ответил старший командор. – Сфабриковать... еще кое-какие материалы, выбросить в Сеть некоторое количество подделок. И, во-вторых, – он нахмурился, – приложить все усилия... чтобы отомстить тем, кто нас подставил.

Олег поднял «Глок» и попытался прицелиться, но не смог – слишком сильно тряслись руки. До боли, до крови закусил губу, пытаясь смирить дрожь, но это не помогло.

Выстрелил, но пуля ушла много выше, а кто-то из сатра издевательски расхохотался.

– Сейчас, я сейчас... – забормотал Глазастый, проявляясь из мглы.

Что он собрался сделать, осталось непонятным, поскольку дверь дома распахнулась, и на крыльцо выскочил Эрвинг. Заорал Аристеас, застрекотали два автомата, хлопнул пистолет.

Слаш пошатнулся, но остановиться и не подумал. Стремительно бросился к ближайшему «зеленому». Легко ушел от удара ножом и одним движением сломал сатра шею.

Прогревели еще несколько выстрелов, и тут Олег увидел, что по крайней мере один попал в цель – фонтанчик крови выплеснулся из плеча Эрвинга. Но рана не помешала ему швырнуть труп в сторону продолжавшего голосить старейшины и поймать брошенную одним из магов «зеленых» шаровую молнию.

Слаш раздавил ее в кулаке, в стороны полетели длинные шипящие искры. Его фигуру окутала тень, выросла, поднялась до неба, будто тонкая призрачная башня. Пуля с визгом срикошетила от нее, угодила в стену дома, и «башня» рухнула, как показалось Олегу, сразу во все стороны.

Завопили несколько сатра, один упал на четвереньки, второй схватился за горло.

– Что он творит? – прошептал в глубине комнаты Дмитрий.

Земля под ногами Эрвинга просела, снег вокруг него начал таять, с журчанием побежала вода, повалил от нее пар. Но слаш отскочил в сторону, взмахом руки превратил в ничто брошенный одним из сатра «жюкон Артемиды», и тут его силуэт перечеркнула автоматная очередь...

Олег видел такое ранее и знал, что сейчас произойдет – человек рухнет на землю, заливая ее кровью из многочисленных ран. Даже бронежилет не спасет от пуль, выпущенных с расстояния нескольких метров.

Вот только в данном случае пули угодили не в человека.

Эрвинг согнулся, будто получил удар под ложечку, клубы пара затянули его фигуру. Что-то метнулось среди них, стремительное, с раскинутыми руками, и в сторону полетело тело автоматчика. Ударилось о фонарный столб и осталось лежать, так и не выпустив оружия.

– Стой! – заорал Аристеас. – Куда? Стреляйте в не...

Голос старейшины оборвался, смачно чавкнуло, и звуки вновь перекрыл грохот выстрелов. Что-то сверкнуло так ярко, будто в февральском небе начался салют, и пар стал понемногу рассеиваться.

Олег разглядел тела, причем одно из них – на капоте машины, суматошно мечущихся сатра, и меж них – слаш.

В него стреляли в упор, попадали, суетились, бросали смертоносные заклинания. А он не обращал на это внимания. Он убивал, убивал сатра одного за другим, голыми руками, забыв про собственную магию или просто не имея возможности и времени к ней обратиться.

Олег впервые видел, как всерьез сражается уроженец черной сферы, и это было жутко...

– Ох, так куда лучше! – воскликнул Глазастый, и стало ясно, что «трясучка» сгинула.

Скорее всего, потому, что погиб наложивший ее маг.

– Поможем ему? – спросил Олег.

– Чем? – вопросом ответил Дмитрий, подошел к окну и выглянул наружу.

Последний сатра дернул спусковой крючок и с ужасом осознал, что магазин опустел. Потянулся к карману – вытащить новый, заменить, но не успел. Эрвинг оказался рядом, хрустнула сломанная шея, и очередной труп упал в снег.

Слаш постоял немного и рухнул тоже – прямо, как срубленное дерево, лицом вниз.

– Нет, все-таки поможем. – Олег встал, поставил пистолет на предохранитель и попытался засунуть в карман. Но оказалось, что тот слишком велик, и пришлось запихивать «Глок» за пояс.

Пока возился, спутники выскочили на улицу, и он выбежал из дома последним.

Эрвинг нашел силы перевернуться на спину и даже сесть.

Глаза его горели белым огнем, сквозь разорванную щеку виднелось месиво разбитых зубов. Одного уха не было, треть головы занимал бугрящийся ожог, одежда на груди пропиталась кровью, в разрывы на ней проглядывало издырявленное пулями тело.

Слухи о живучести «черных» не врали.

С такими повреждениями положено валяться без сознания, а не пытаться разговаривать.

– Вы... – это слово Эрвинг, отпрыск Скавена, выплюнул вместе с доброй пригоршней крови. – Вы должны... – в глубине порванной щеки что-то трепетало, и слова выходили невнятными. – Долделайтде все дохо конца... – горящий взгляд отыскал Олега, и тот понял, что слаш обращается в первую очередь к нему. – Чтобы все было... не зря... тхы поняхл?

Скрюченные пальцы скребли по земле, аура «черного» дрожала, как пламя свечи на ветру, огненные сгустки отделялись от нее и уплывали в вышину, где постепенно таяли. Он умирал, хотя продолжал отчаянно цепляться за жизнь, и отказывался упасть, встретить смерть лежа.

– Нет, ему ничем не поможешь, – сказал Дмитрий. – Если уж он сам...

Эрвинг, отпрыск Скавена, захрипел, вскинул сжатую в кулак правую руку, точно грозя небу, да так и замер. Глаза его остановились, погас бушевавший в них неистовый свет.

Олег сморгнул, отвел взгляд, захотелось вытащить пистолет и еще по разу убить всех сатра...

– Мертвым – смерть, а живым – жизнь, клянусь лунной радугой, – голос Глазастого прозвучал печально, но твердо. – Надо убираться отсюда, пока милиция не явилась.

– А его оставим? – спросил Олег.

Он понимал, что для того, чтобы устроить погребение, нет ни времени, ни

возможности. Но казалось кощунственным бросить тело соратника, того, кто сражался вместе с тобой, вот так, на снегу, на обочине забытого всеми богами переулка.

– Да, оставим, – ответил Наблюдатель. – Насколько я знаю обычаи «черных», они мертвецов своих съедают и тем самым выражают им уважение. Если кто, хе-хе, желает...

– Нет. Это, пожалуй, слишком, – Олег поежился.

Вернулись в дом, хрустальное яйцо, заполненное багровым огнем, заняло место в ящичке, а тот – под мышкой у Турнова. Дмитрий закинул на спину рюкзак, повесил на плечо сумку с ноутбуком, а Глазастый цапнул со стола один из пакетов с провизией, подумал и схватил второй.

– Не пропадать же добру, – пояснил он.

– Учти, «Запорожец» мы бросаем, – сообщил Наблюдатель, – его наши враги точно «запеленговали».

– Да? – Альв обидчиво засопел и поставил один из пакетов на место.

Под прикрытием наложенного Дмитрием морока вышли на улицу и зашагали прочь от предназначенного на снос дома. Когда вывернули из переулка на улицу Короленко и заторопились в сторону Белинки, издали донеслось приближающееся завывание сирены.

Олег с тоской подумал о том, что неплохо было бы разжиться чем-то вроде «белого плаща» элохим, чтобы исчезнуть для любых, даже самых зорких глаз. Отвод глаз и простейший его вариант, морок, – хорошая штука, но он нестабилен, долго поддерживать его невозможно, и вдобавок – само маскирующее заклинание легко заметит любой колдун.

Ну а «белый плащ»... хотя чего толку о нем мечтать?

Перейдя Белинку, миновали остановку, а когда оказались на одной из аллей парка Пушкина, Наблюдатель снял морок.

– Ну что? Теперь ко мне? – осведомился Глазастый, вопросительно поглядев на соратников. – Если кто туда и заявится, то либо уйдет очень быстро, либо его унесут вперед ногами. Ребята шутить не любят, да и не умеют, – он захихикал, злобно и немзыкально.

– Погоди, – сказал Олег, вспоминая, что о чем-то хотел поговорить с провидцем. – Да, точно!

И он рассказал о догадках насчет того, что изменения в хрустальном яйце связаны с трансформацией заклинания на телевышке. Альв выпучил глазищи, услышав, что неплохо было бы туда слазить, причем немедленно.

– Ты что, с ума сошел? – гневно запыхтел он. – За нами гоняются родичи вот этого красавца, – он указал на Наблюдателя, – а может, и еще какие-нибудь кровожадные уроды! Сейчас не до того, чтобы устраивать познавательные прогулки! Особенно туда! – новый взмах рукой, на этот раз в ту сторону, где сквозь кроны деревьев просвечивала гроздь алых огней, обозначавших вершину телевышки. – Это же сколько вверх тащиться, ты представляешь?

– Представляю, – ответил Олег. – Мы туда лазили. Но если мы не сделаем это сейчас, то не сделаем никогда. А сделать это нужно. Кто знает, – он похлопал по ящичку под мышкой, – что обозначает этот красный свет? Но это не может быть просто так... Наверняка что-то происходит. Я забрался бы туда один, но мне нужен кто-то, кто сможет понять, что творится с заклинанием. Моих знаний для этого не хватит!

Олег понимал, что говорит сумбурно, логики в его словах немного, а убедительности и того меньше. И все же он чувствовал, что багровое сияние внутри куска хрусталя обозначает нечто настолько важное, что с ним нужно разобраться немедленно.

Дмитрий и Глазастый переглянулись, и Наблюдатель махнул рукой.

– Ладно, чего уж там! – бросил он. – Пошли. Все вместе залезем, хотя с вещами и не очень удобно.

– А если спрятать? – осведомился альв и замолчал, уставившись куда-то в глубь парка.

Олег глянул в ту же сторону и едва сдержал желание выругаться – по дорожке парка, лениво переговариваясь, шагали четверо маах'керу; были они пока далеко и троицу магов не видели, но неумолимо приближались.

– Эти еще на нашу голову, – досадливо пробормотал Наблюдатель. – Патруль Симентьева?

– Похоже на то. Попадаться им не стоит, так что давайте спрячемся, – сказал Глазастый. – Опля!

Какое заклинание он пустил в ход, Олег не понял, но то, что не морок – точно. Мир вокруг помутнел, заполнился белыми разводами, словно они оказались внутри невымытой бутылки из-под молока. Звуки стали приглушенными, деревья парка превратились в смутные раскоряченные тени.

– Давай сюда, в сторону, – шепнул альв, и голос его громом отдался в ушах.

Олег послушно шагнул на край дорожки, вплотную к сугробу, из которого торчала молодая березка. Повернувшись, обнаружил, что оборотни подошли ближе и что во тьме загорелся оранжевый огонек сигареты.

Дмитрий скинул рюкзак, в руке его появился витой жезл – на случай, если маскировка будет раскрыта и придется драться.

– Вот тут я ей и говорю – скидай джинсы! – донесся голос одного из оборотней, что-то оживленно рассказывавшего остальным.

– А она что? – поинтересовался второй.

– Чего? Скинула как миленькая. Ну, тут уж я и отомстил за всех! – последняя фраза вызвала взрыв хохота, и в этот момент маах'керу подошли достаточно близко, чтобы их можно было разглядеть.

Все четверо – высокие и мощные, в коротких кожаных куртках, на головах без шапок топорщатся густые волосы. Типичные оборотни – не особенно умные, но агрессивные и сильные.

– Чем это пахнет? – спросил, судя по голосу, тот, что рассказывал байку. – Альвом?

Ноздри его затрепетали, приняхались и остальные. Олег подумал, что они недооценили чутье маах'керу, и что сейчас придется пускать в ход боевые заклинания. Прикинул, что надо будет быстро отдать ящичек Глазастому, а затем шарахнуть чем-нибудь не особенно энергоемким вон того здоровяка с кривым носом...

– Не пахнет, а даже воняет, – сказал басом здоровяк, и оборотни дружно заржали. – Не зря их «голубыми» называют!

– Нет, все же пахнет... и еще чем-то! – не пожелал успокаиваться первый маах'керу.

Он принялся оглядываться, и глаза его задержались на березе, под которой стоял Олег и его соратники.

– Ну и пусть, – вмешался третий, с плутоватой физиономией. – У нас же теперь свобода и демократия. Право на вонь имеет каждый, не то что при СССР, когда смердеть надо было строго по правилам.

Тут уж захохотали все четверо и зашагали дальше, к остановке и расположенному около нее «комку». Подозрительный оборотень пару раз оглянулся, даже приотстал, но потом махнул рукой и заспешил за соратниками.

– Удача нас еще не покинула, – сказал Дмитрий, убирая жезл в рюкзак. – Ну что, пора повторить наш утренний подвиг?

Глазастый снял маскирующее заклинание, мир стал обычным, и они торопливо пошли туда, где за оградой лежала территория телецентра. Отыскивали собственные следы, оставшиеся с утра, и прошли по ним до самого забора.

– Ладно, это я, пожалуй, не понесу, – альв с видимым сожалением вздохнул и отбросил пакет. – А вы так вещи с собой и потащите?

Олег пожал плечами:

– Мой груз без присмотра оставлять нельзя.

– А у меня с собой слишком много ценного, – сообщил Наблюдатель. – Кто знает, что пригодится в следующий момент? А уж если что-то из моего имущества попадет в руки сородичам... – и он сердито покачал головой.

Через забор перебрались тем же образом, что и утром – под прикрытием морока, с

помощью снабженной крюками веревки. Глазастый просто перелетел, медленно поднявшись в воздух, а затем спланировав на другую сторону забора.

У подножия телевышки пришлось подождать, пока Дмитрий справится с очередным приступом боли. Когда он смог нормально дышать и двигаться, полезли вверх по лестнице.

Ступеней через пятьдесят альв слегка запыхался и начал ворчать:

– И зачем только я связался с вами? Вот идиот, сидел бы сейчас у себя, морочил голову очередному придурку... Надо было удрать после кремля, и никто бы меня не удержал... Скажете, нет?

Произносилось все это вполголоса, без особой души, но на нервы действовало.

Когда Глазастый после короткого перерыва начал брюзжать снова, Олегу вспомнился сослуживец – Сашка Мокров по прозвищу Мокрица, любивший ворчать, возведший это малополезное занятие в ранг искусства и порой предававшийся ему даже под обстрелом.

Жаль, что любовь к ворчанию не помогла Мокрице выжить, когда пуля, выпущенная из снайперской винтовки, попала ему в голову. Очередной «черный тюльпан» унес его тело домой, в Союз, а в роте с тех пор повелось: любого начавшего бухтеть новобранца «деды» подкалывали вопросом: «Что, намок?»

Олег отвлекся от воспоминаний, осознал, что поднялись они довольно высоко, и что с темного неба вновь повалил снег – крупные мокрые хлопья.

– Этого еще не хватало... Что за погода? Хозяин собаку из дома не выгонит... – продолжал бормотать Глазастый, но все тише и тише, по мере того как иссякали у него силы.

Падал снег, они шли вверх, дребезжали под ногами железные ступеньки.

Как только добрались до площадки, Олег уселся на холодный и сырой пол, привалившись к ограде, а ящичек с хрустальным яйцом поставил рядом. Вытащил из-за пояса надоевший пистолет и положил сверху. Альв облегченно всхлипнул и просто упал, а Дмитрий с тяжелым кряхтением скинул с плеч груз и принялся размахивать руками.

На то, чтобы отдышаться и прийти себя, им понадобилось минут десять.

– Что... приступим? – спросил Наблюдатель точно так же, как утром.

– Давай, – отозвался Олег.

Он поднялся, сосредоточился и увидел висящую на том же месте энергетическую конструкцию – внешний круг, белесые, чуть подсвеченные внутренние линии, блямба «печати» в центре, торчащая из нее «трубка», что, расширяясь, уходит в темное небо.

Только сейчас все это выглядело не следом, остатком давно сотворенного заклинания, а частью работающей системы. По линиям бегали огоньки, попеременно загорались и гасли магические символы внутри круга, и «трубка» слегка покачивалась, будто ее колыхало ветром.

– Какая вещь... – пропыхтел Глазастый. – Это вот ее наше яичко и подпитывает?

– Так все и обстоит. Сейчас уплотним, дабы понять, что тут изменилось. – Дмитрий вынул из кармана рюкзака большой перстень из черного металла с алым камушком и четыре прозрачных кристалла.

Наблюдатель повторил утреннюю процедуру, и белое свечение рисунка сменилось темным багрянцем. Висевшее в воздухе «колесо» одновременно стало плотнее и в то же время словно растворилось во мраке.

Чтобы смотреть на него, приходилось напрягать глаза.

– Да, теперь тут все совсем по-другому... – сказал Олег, разглядывая длинные жгуты, обвивающие обод колеса, наблюдая за текущими по стенкам трубки струями призрачного огня.

Магический чертеж довольно быстро вращался, от него веяло сухой и жесткой силой. Канал, по которому происходила подпитка заклинания, дрожал от текущей по нему энергии.

– Вытащи-ка его, – попросил Дмитрий. – Посмотрим, что будет.

Олег вновь засунул «Глок» за пояс, сдвинул крышку ящичка, обнаружил, что розовый туман исчез без следа. Прикоснувшись к заполненному алым огнем яйцу, почувствовал, что оно нагрелось. Взятый в руку кусок хрусталя засветился ярко и празднично, точно звезда на

вершине новогодней елки.

– Еще иллюминации нам не хватало, – буркнул Наблюдатель, когда из яйца ударил фонтан розовых искр. – Убирай его. Да, тут все совсем по-иному, чем ранее. Но что это означает? Слэш начнут выбрасывать зародыши в два раза чаще? Внедренные в тела эмбрионы получают возможность полноценно развиваться?

– Не знаю. – Олег посмотрел на «бесцветного» с надеждой. – Но если кто и сможет в этом разобраться, то только ты. Моих знаний точно не хватит, а наш большеглазый друг...

Альв довольно давно стоял неподвижно, молчал и таращился на магический рисунок.

– Эй, провидец! – Олег взял его за плечо, слегка встряхнул, но Глазастый не отреагировал.

– Наш друг впал в ступор. Очень не вовремя, хе-хе, – сказал Дмитрий. – Попробуем обойтись своими силами.

Он вновь распотрошил рюкзак, извлек тот же «фонарик» из дерева, очень большой пинцет и еще несколько предметов непонятного предназначения: сплошь шарики из стекла и металлические стержни. Некоторое время походил по площадке, примеряясь к объекту изучения, едва не обнюхивая его и тыкая пинцетом в отдельные символы, которые в ответ на прикосновение загорались.

Олег ждал, время от времени поглядывая вниз, туда, где прятался город.

– Не уверен я, что это выйдет, – проговорил Наблюдатель с сомнением, – но если активировать зафиксированную нами схему энергетических потоков, то получим полный аналог заклинания такого, каким оно было до трансформации. Поместив же ее рядом с источником, мы можем получить диссонанс, заметить отличия и попытаться понять, что происходит.

– Так давай попробуем. – Олег зевнул, потер лицо, чтобы немного взбодриться. – Где там твой накопитель?

– Они идут! – сказал Глазастый, и голос его прозвучал резко, даже истерично.

Посмотрев на альва, Олег обнаружил, что тот трясется, как в лихорадке, а руками шарит перед собой в воздухе, точно пытается нащупать нечто невидимое. Бросив же взгляд на его тело Силы, не удержался от изумленного возгласа – оно потеряло форму, стало напоминать облако из огня.

А еще тряслось и покачивалось, будто собираясь разорваться на части.

– Они идут... – повторил Глазастый, и, заглянув в его пылающие глаза, Олег понял, что альв не видит ничего вокруг: в затопленных сапфировым огнем провалах метались тени, там плясал страх, плыли наспигованные зарницами облака и вставали исполинские волны из света.

Он вздрогнул, когда ощутил на плече тяжелую холодную руку.

– Не смотри, а то и тебя унесет, – сказал Дмитрий. – Это провидческий транс, очень опасная вещь.

– Они идут! – выкрикнул Глазастый, после чего разразился истерическим хохотом. – Вестники смерти, ее герольды и слуги! Тьма внутри каждого! Не сумевшее вознестись выплеснется наружу!

Он перестал трястись, высоко подпрыгнул, а потом закрутился на месте, точно волчок. Магический круг замигал, заколыхался, как половик, получивший удар выбивалкой.

– Эй, аккуратнее! – воскликнул Наблюдатель. – Сейчас тут все вразнос пойдет!

Он шагнул к альву и попытался схватить его за руку, но промахнулся. Получил от вновь забившегося в корчах провидца удар в живот. Согнулся от боли и отступил к ограде.

– Он еще и дерется? – усмехнулся Олег. – Может, связать его? У тебя веревка в рюкзаке есть?

– Найдем... ой... – сипя через сжатые зубы, Дмитрий обошел Глазастого по широкой дуге.

– Бегите! – завопил тот, падая на колени. – Последний шанс для живых! Иначе – смерть, смерть, смерть! Солнце не успеет взойти, а она рассеется по улицам, понесется с

ветром...

Голос его вибрировал, становился то высоким, то низким, с рычания сбивался на визг. Возникало ощущение, что через провидца пытаются одновременно говорить несколько существ и что за его горло идет настоящая драка.

Наблюдатель вынул из рюкзака моток бельевой веревки и решительно скомандовал:

– Держи его!

Олег схватился за тонкое запястье, ощутил, что алья колотит, и что его плоть горяча, словно вынутый из кузнечной печи слиток металла. Дмитрий взялся за другую руку Глазастого, попытался прижать ее к телу, но не смог. Навалился всем весом, и тоже не преуспел.

– Что за ерунда? – пробормотал Наблюдатель.

Олег увидел, что алья поднимается, и с удивлением обнаружил, что ноги его остаются согнутыми. Провидец взлетел, точно бесшумный вертолет, его повело вбок, к ограде площадки.

Олег крепче уцепился за руку Глазастого, пытаясь удержать его. Но самого Турнова оторвало от пола, что-то ударило по ногам, и он осознал, что висит над пустотой. Алья крикнул, тонко и гортанно, затем рассмеялся, и они рухнули вниз. В ушах зло засвистел воздух.

Глава 14

Толкнув дверцу, Андрей Симентьев выбрался из автомобиля.

Его «Порше Кайенн» стоял в узком неосвещенном переулке, бампером чуть не упираясь в милицейскую «Волгу». Вдоль обочины теснились старые двухэтажные дома, и вид у них был – как у тяжелобольных, которым до смерти осталось не больше года. Серели в полумраке сугробы, торчал фонарный столб, лишенный лампочки, свисал с него обрывок провода.

– Андрей Сергеевич, проходите сюда, пожалуйста, – знакомый голос прилетел с другой стороны переулочка, и Симентьев зашагал туда, где ждал его майор Хвостов, сотрудник отдела по расследованию особо тяжких преступлений, а по крови – маах'керу из племени Белозубов.

Обычно майор был собран, деловит и решал дела в стремительном волчьем стиле – наскок, рывок зубами, и все закончено. Но сейчас он выглядел растерянным, и это шло Хвостову примерно так же, как слону – подгузник.

– Привет, – сказал Симентьев, протягивая руку. – Давай показывай, что тут у тебя?

Майор позвонил ему пятнадцать минут назад и попросил срочно приехать в район улицы Короленко. Фактический глава племени Белозубов тогда сильно удивился, но, не тратя времени на расспросы, сказал, что будет.

Знал, что Хвостов просто так беспокоить не станет.

– У меня нечто очень странное, – отозвался майор. – Пойдемте.

Около следующего дома, что выглядел откровенно нежилым, былолюдно. Рядом со «Скорой» нервно курил высокий усатый врач. Двое экспертов шелкали фотоаппаратами, озадаченно переглядывались стоявшие в оцеплении менты, за годы службы насмотревшиеся всякого.

А еще тут имелась куча трупов, и принадлежали эти трупы не людям.

Мертвые сатра лежали на снегу, один – на капоте черного «Тауруса», показавшегося Симентьеву знакомым. А у обочины сидел оскаленный, жуткий слэш, рука его была задрана вверх, и сжатый кулак грозил непонятно кому.

– Вот это ничего себе, – пробормотал Симентьев. – Давненько я такого не видел... Сколько их тут?

Давно, больше пяти лет, в Нижнем не случалось крупных разборок с «мокрым» финалом. И по ту, и по эту сторону Пелены все предпочитали решать дело переговорами,

запугиванием и обманом, без стрельбы и швыряния смертоносными заклинаниями.

– Пятнадцать «зеленых» и один «черный», – сообщил Хвостов. – Мне показалось это... хм, странным, и я решил позвонить вам. Ведь сатра из клана Фоон с недавнего времени наши союзники?

И тут Симентьев вспомнил, где видел этот «Форд Таурус»: первый раз – на площади Горького, во время переговоров в «Макдоналдсе», второй – на Алексеевской, когда «Золотая роза» подписывала капитуляцию. Он подошел к черной машине, приподнял за шиворот лежавший на ее капоте труп и не удивился, увидев лицо Аристеаса: окровавленная борода, страх в темных выпученных глазах.

– Твою мать, – сказал он с чувством. – Вы поняли, что тут произошло? Кто их убил?

– Разбираемся, – майор помрачнел. – Мага бы надо толкового, чтобы все тут осмотрел, когда эти разъедутся, – он кивнул в сторону «Скорой». – Но и так ясно, что драка была нешуточная.

Тут Хвостов не преувеличивал – всюду валялись гильзы, следы очередей виднелись на стене заброшенного дома. И еще имелись кое-какие признаки того, что здесь обменивались магическими ударами – ожоги на телах, искореженные трупы, лужицы воды в сугробах, воронка в снегу.

– Это я вижу, – сказал Симентьев. – Похоже, «зеленые» пытались взять штурмом этот сарай. Так?

– Так.

– Но сами навалились на... – Симентьев посмотрел на слэш, вызывавшего страх даже сейчас. – Это он их всех?

Кто еще, кроме «черного», сможет уложить полтора десятка противников, в том числе магов?

– Так, – вновь согласился майор. – Но только не сходится что-то. Лишь полный идиот нападет на «черного»! А этот сатра, – он ткнул пальцем в труп Аристеаса, – никогда дураком не был.

– Это верно. В дом ты заходил? – Симентьев оглянулся, ему показалось, что кто-то подошел сзади. Никого не увидел, а на смутную тень за машиной внимания не обратил – мало ли что в полумраке примерещится?

– Конечно. Есть признаки того, что там кто-то побывал, причем провел внутри некоторое время. Недогоревшая свеча, разбросанные продукты, следы. И было визитеров несколько.

– Ну, пойдем посмотрим, – и Симентьев, обходя попадавшиеся на дороге трупы, зашагал к заброшенному дому.

Смутная тень позади «Форда» шевельнувшись, на мгновение превратилась в высокого мужчину в лыжной шапочке, темной куртке и того же цвета штанах. Любой Наблюдатель из ордена Желтого Ока узнал бы в нем Петра, лейтенанта языка «действующих».

След, взятый им в квартире на улице Фруктовой, вел в заброшенный дом.

Чтобы понять, куда он тянется дальше, Петр должен был зайти внутрь, но пока этому кое-что мешало. Поэтому он стоял, прикрытый маскирующим заклинанием, и спокойно ждал.

Владислав не ошибся, когда сказал, что почувствовал «запах» магии слэш. Два наглеца, обокравших орден, непонятным образом излечили от безумия одного из «черных». Договорились с ним о сотрудничестве и вместе сумели отбиться от Белых Гончих.

Но теперь слэш мертв, и ничто не помешает настигнуть беглецов.

Неподалеку, на обочине Белинки, ждет фургон с группой захвата из семи отличных бойцов – вполне достаточно для того, чтобы нейтрализовать ренегата и его «коричневого» помощника.

Вот только что тут забыли сатра? И что здесь делает Симентьев? – эти вопросы беспокоили Петра, заставляли нервничать и ждать того момента, когда удастся связаться с Борисом.

Лейтенант насторожился, когда двое маах'керу вышли из заброшенного дома.

– Все равно ничего не понятно, – сказал Симентьев. – Специалиста я тебе пришлю, ты только проследи, чтобы все было как надо.

Второй оборотень, поджарый и смуглый, кивнул, а Петр с неудовольствием подумал, что только мага «фиолетовых» тут не хватало и что придется ждать несколько дольше, чем хотелось бы.

Симентьев сел в машину и уехал, почти тут же укатила «Скорая».

Никем не замеченный лейтенант отошел немного в сторону, чтобы его не было видно от заброшенного дома. Снял маскирующее заклинание, вытащил из кармана сотовый, набрал номер и поднес аппарат к уху.

– Да? – ответил старший группы захвата.

– Ждем пока, – сказал Петр. – Непредвиденные задержки.

– Понял.

Лейтенант убрал телефон и вернулся на то же место.

В том, что его маскировка позволит обмануть колдуна-оборотня, он не сомневался.

Услышав, как клацнула закрывшаяся дверь квартиры, Алена заулыбалась. Вытерла руки, сняла халат и поспешила с кухни в прихожую. Как же – любимый муж с работы пришел, надо встречать!

– Привет! – сказала она, обнимая Володьку. – Как ты?

Они поженились чуть менее полугода назад, в сентябре, и пока не успели разочароваться друг в друге.

– Устал, – ответил муж.

Работал Володька на Автозаводе, на конвейере по сборке «Газелей», и выматывался порядочно. Но сегодня он выглядел особенно плохо – осунувшееся лицо, ввалившиеся, лихорадочно блестящие глаза.

Виной этому, скорее всего, была простуда, подхваченная Володькой две недели назад после похода с друзьями в кафе.

Тогда он вернулся поздно, расхристанный, пьяный, хотя и адекватный, и с укусом на руке. Где получил укус и при каких обстоятельствах – вспомнить, к собственному удивлению, не смог.

Тот, правда, зарос сам собой без нагноений и осложнений, но зато через пару дней у Володьки поднялась температура и начались приступы слабости. Алена тогда жутко испугалась, решила, что муж подхватил вирус бешенства, и измучила его просьбами обратиться к врачу.

Володька отказался наотрез и даже больничный брать не стал, заявив, что «деньги надо зарабатывать».

Алена тогда немного поплакала, но согласилась.

Болезнь протекала вяло, без особых симптомов, и Алена понемногу начала успокаиваться. Как выяснилось сегодня – зря, таким разбитым мужа она не видела очень давно.

– Устал? Ты проходи, я ужин приготовила. Сейчас чаю попьешь, лежишь... – Алена засуетилась около мужа, как и подобает любящей жене. – Может быть, доктора позовем?

– Нет, – решительно ответил Володька. – Обойдемся без этих уродов.

Врачам он не доверял с детства, после неудачного удаления миндалин.

Алена помогла мужу снять куртку, и тот прошел в комнату. Плюхнулся на диван и включил телевизор. Забормотал что-то ведущий новостей на телеканале «Россия», а она поспешила на кухню – посмотреть, как там котлеты. Успела перевернуть их вовремя, заодно поставила на плиту чайник.

Вернувшись в зал, обнаружила, что Володька дремлет, свесив голову на грудь.

– Дорогой? – позвала она, чувствуя нарастающее беспокойство. – Может, пойдешь в спальню?

– А? Что? – Он вскинулся, захлопал глазами. – Нет, я тут полежу...

И принялся стаскивать свитер.

Минут через десять Володька снова уснул, и к ужину Алене пришлось его по-настоящему будить. Потом она решила, что сделала это зря, поскольку ел муж вяло, больше ковырялся в тарелке.

Когда он встал и, даже не поблагодарив, вышел из кухни, она решила даже обидеться. Но когда поняла, что Володька направился в прихожую, мгновенно забыла о своем намерении.

– Эй, ты куда? – взвизгнула Алена, бросаясь следом.

Двигаясь замедленно, точно с трудом, Володька снял с вешалки пуховик и просунул руки в рукава. Только после этого повернулся, посмотрел на жену дикими, налитыми кровью глазами и прошептал:

– Я должен идти.

– Куда ты собрался? А ну стой! – Алена начала заводится. – Да тебе врача надо, и дол ты глупый! Вечер на дворе, ночь почти! Холодно там, снег валит. Куда ты пойдешь?

– Я должен ид-ти, – раздельно, по слогам повторил Володька и нагнулся за зимними ботинками.

– Объясни?! Куда?! Что происходит? – Алена оттолкнула мужа и загородила дверь. – Не пушу!

Володька всунул ноги в ботинки, но завязывать шнурки не стал. Распрямился, смерил жену непонимающим взглядом, затем протянул руку, взял за плечо и попытался отодвинуть в сторону.

– Эй, да ты что? – воскликнула она. – Да тебе не врача надо, а в психушку!

– Я должен идти... – В третий раз это прозвучало почти умоляюще, и Алена поняла, что ее любимый муж, надежный и верный, некурящий и малопьющий, предмет зависти всех подруг, вот так взял и сошел с ума.

Она заплакала, но он не обратил на это внимания, словно не заметил.

Когда подошел вплотную, Алена почувствовала неприятный запах.

– Ты что? Таблеток каких наглотался? – спросила она, вытирая обильно текущие слезы.

Володька аккуратно взял жену за талию и переставил к стене. А затем открыл первый замок, второй, толкнул дверь, вышел в вонючую темноту подъезда и зашагал вниз по лестнице.

– Стой, дорогой! Замерзнешь, дурак! – Алена торопливо метнулась к вешалке, сорвала с нее пальтецо. Накинула платок, натянула сапоги, обдирая пальцы о застежку «молнии».

Схватила ключ и выскочила из квартиры.

Мужа она нагнала внизу, у двери, и попыталась остановить, схватив за рукав и повиснув на нем. Но из этого ничего не вышло – он продолжил идти, как шел, волоча Алenu за собой.

За дверью подъезда они наткнулись на бабу Клаву, соседку с первого этажа, главную сплетницу дома.

– Что, поругались? – спросила она, возбужденно поблескивая глазками. – Эх, молодежь...

Алена с трудом удержалась, чтобы не ответить какой-нибудь грубостью. Буркнула нечто вроде «не до вас сейчас», но рукав Володьки выпустила. А он повернул направо и зашагал вдоль дома.

Жили они в обычной «хрущевке» на пересечении Южного шоссе и улицы Веденяпина. На другой стороне улицы, напротив торца дома, располагалась остановка. Там останавливались автобусы, идущие к центру Автозавода, и дальше, в «верхнюю» часть города. Алена ждала, что муж пойдет туда.

Но он, выбравшись на тротуар, двинулся налево, мимо остановки, прочь от дома.

– Ну, куда? Куда ты собрался? – причитала она, пытаясь не отстать от мужа и понимая, что «молния» на левом сапоге вот-вот разойдется; давно надо было отдать его в

мастерскую. – Остановись! Давай вернемся домой! Доктора позовем! Все будет хорошо!

Большие мокрые снежинки били ее по лицу, оседали на коже, смешивались со слезами. Володька шагал, не обращая на Алену внимания, и время от времени вздрагивал, точно от сильной боли.

Когда впереди показался Дом культуры Автозавода, она решилась. Вспрыгнула мужу на спину и повисла, вцепившись руками в шею. Остановить, любым способом остановить его!

Володька сделал еще пару шагов и замер.

Но не успела Алена обрадоваться, как он оторвал ее руки от собственной шеи. Резко крутнулся, сбрасывая жену с себя, и она увидела его лицо – перекошенное, чужое, какое-то черное.

Алена упала на колени, не замечая холода и боли, не думая больше о сапогах, и смотрела, как ее муж уходит во тьму.

Олег изо всех сил цеплялся за распрямленную и напряженную руку Глазастого, на другой висел Дмитрий, и они втроем летели через набитый снежинками мрак. Это не было свободным падением в полном смысле слова – альв, даже находясь в состоянии провидческого транса, не потерял способности летать. Но сил на то, чтобы удержать в воздухе себя, человека и Наблюдателя, у него не хватало.

И поэтому они планировали в пределы парка Пушкина, но делали это достаточно быстро.

«Сейчас мы разобьемся», – как-то отстраненно подумал Олег, словно гибель грозила вовсе не ему самому.

Нашел силы удивиться тому, что не чувствует страха, и тут увидел во тьме яркую вспышку.

Нечто белое упало с неба, мощная ручища схватила Олега за шиворот и рванула, едва не отодрав воротник. Он осознал, что падение замедлилось, попытался повернуть голову, но тут что-то темное, спутанное надвинулось снизу, ударило по ногам, принялось хлестать по животу и спине.

Инстинктивно прикрыл руками лицо, чтобы защитить глаза, выпустил запястье альва. Услышал треск сломанных веток, боком ударился о толстый сук и сквозь крону дерева полетел вниз.

Ногами вошел в неглубокий сугроб, точно ныряльщик – в воду, повалился навзничь и остался лежать, судорожно дыша и приходя в себя. Два глухих шлепка отметили тот факт, что соратники Олега тоже приземлились, причем достаточно мягко, и снег хрустнул под чьими-то ногами.

Олег приподнялся на локтях и поднял взгляд.

Перед ним, прекрасно видимый в свете фонарей у аллеи, стоял облаченный в майку и джинсы элохим. Громадные белые крылья казались в полумраке серебряными, их кончики окутывало слабое свечение. Могучие плечи были гордо развернуты, а правильное лицо могло принадлежать античной статуе.

Его глаза полыхали, и Олегу вспомнились слова из песни Виктора Цоя: «В наших глазах – рождение дня и смерть огня...»

– Вот так встреча, – прохрипел Дмитрий. – Сам Ардиэль?

– Да, это я, – спокойно, с достоинством ответил элохим. – Не ждали?

Ардиэль был известен не только в Нижнем Новгороде, но и далеко за его пределами. Во-первых, он являлся одним из немногих одиночек среди «белых» и мало контактировал с сородичами, привыкшими жить группами. Во-вторых, выделялся благодаря магической силе и более полувека в одиночку контролировал источник на Щелоковском хуторе.

– Не ждали... – сказал Олег, пытаясь справиться с дрожью в голосе. – Спасибо.

– Да, вовремя я, – элохим произнес это без рисовки, просто отмечая факт. – Еще немного, и вы разбились бы. «Голубые», – он усмехнулся, – отвратительные летуны. Это им

не танцы под луной выплясывать. Кстати, что с ним?

– Был в трансе, – ответил Дмитрий, – сейчас не знаю.

Олег с трудом перевернулся на бок, а затем сел. Поправил так и не вывалившийся пистолет. Ощупал собственное тело и с облегчением вздохнул – переломов, похоже, удалось избежать, а синяки и царапины не в счет.

Наблюдатель поднялся на ноги, проковылял туда, где на спине лежал Глазастый.

– Он без сознания, – сказал Ардиэль. – Надо привести его в чувство и убраться отсюда.

– Да, нашумели мы... – Олег встал, морщась от боли в ушибленном боку.

Обнаружил, что элохим смотрит куда-то в сторону, и, проследив за направлением его взгляда, увидел мелькающие среди деревьев стремительные тени. Одна пролетела через освещенный участок, сверкнули острые зубы в пасти, блеснул желтый звериный глаз.

Оборотни спешили проверить, что за суматоха творится на их территории.

Олег успел только развернуться, а четверо здоровенных волков оказались рядом. Затормозили, упершись лапами в снег, и начали превращаться. Через мгновение там, где только что были звери, оказались парни, те самые, от которых Олег и остальные не так давно прятались за мороком.

Разве что голые.

Холод им совершенно не мешал, мускулистые тела лоснились, точно от пота.

– Вот так сюрприз! – прорычал тот маах'керу, что рассказывал байку. – Вот так радость!

– Я так не думаю, – сказал Ардиэль и резко махнул рукой.

Запахло озоном, с его ладони сорвалась молния, самая настоящая, с пожарный шланг толщиной. Изогнулась, выбрасывая в стороны отростки, заставила мрак в испуге попрятаться за деревья. Ударила в одного оборотня, другого, третьего, зацепила четвертого и исчезла.

На некоторое время Олег ослеп, а когда способность видеть вернулась, он обнаружил, что маах'керу лежат на снегу.

– Вот рыба ерш, – проговорил он. – Неужели убил?

– Оглушил. – Элохим брезгливо встряхнул ладонью. – Но хорошо, часа на два-три. Полежат, остынут. Это им на пользу пойдет. Как там альв?

Огромная аура, которую «белый» и не думал прятать, потихоньку успокаивалась после мощного энергетического выброса. Перемигивались огоньки чакр, коих было ровно в три раза больше, чем у человека.

– Никак. Он не реагирует, хотя дышит, – уныло отозвался Дмитрий. – Я его и по щекам хлопал, и заклинанием тряс.

– Тогда забирай его и пойдем. Надо уходить отсюда.

– погоди. – Наблюдатель поднялся на ноги, глаза его подозрительно блеснули. – Спасибо, что ты нас выручил, причем дважды. Но скажи – что тебе нужно? Куда ты собираешься отправиться и как ты нас нашел?

– Я получил ваше письмо. – Ардиэль нахмурился. – Оно заставило меня занервничать. Если в Нижнем творится подобное, то опасность грозит всем, даже мне. А тем, кто стремится ее устранить, нужно помочь, и чем быстрее, тем лучше. Отыскать вас было делом магической техники, хотя для большинства колдунов эта техника недоступна. Скажу одно, – углы безупречного рта приподнялись в улыбке, – чтобы замести следы, ты должен был избавиться от ноутбука, с которого отправлял письмо. Где он сейчас, кстати?

– Вон там, – Дмитрий посмотрел вверх, туда, где сияли огни на вершине телевышки, и Олег вздрогнул, осознав, что на площадке осталось хрустальное яйцо, добытое с таким трудом!

Его же может забрать кто угодно – достаточно только забраться по лестнице.

– И еще кое-что ценное, – добавил Наблюдатель. – Так что если взялся нам помогать...

– Намек понял, – на этот раз Ардиэль улыбнулся по-настоящему. – Побуду ангелом на

побегушках.

Он ударил крыльями, заколыхался потревоженный воздух, закачались ветви. Элохим оторвался от земли, пошел вверх, проскользнул между березовыми ветками и исчез в вышине.

– Ты ему веришь? – спросил Олег.

– А что мне еще остается? – Дмитрий устало пожал плечами, обтер лицо. – Ардиэль способен обратить нас с тобой в пыль, не особенно напрягаясь, и как-то управлять им, манипулировать невозможно. Слишком умен. Однако если он по своей воле окажется на нашей стороне...

Элохим вернулся через пять минут, притащил рюкзак, сумку с ноутбуком и ящичек.

– Интересное там заклинание, – сказал он, опустившись на снег. – Я не сразу смог его понять, – судя по виду Ардиэля, случалось подобное нечасто. – Делали большие мастера. Как это ни прискорбно, я должен признать, что мне их работу не повторить. И эта штука занятная...

Олег забрал ящичек с хрустальным яйцом, подумал, что лучше не иметь мага подобной силы во врагах. Сойдешься лицом к лицу – сотрет в порошок за секунду, а любые интриги и хитрости увидит за километр.

– Я понесу его. – Элохим наклонился и легко поднял альва, который в руках крылатого великана казался ребенком. – Да, этот «голубой» весит меньше кошки. Ну что, пошли?

Он повел их прочь от Белинки, мимо детской площадки, рядом с которой поднимался столб источника. Выбрались на улицу Тимирязева, и тут, около первого же дома по противоположной ее стороне, обнаружился «Хаммер», такой агрессивно красный, что цвет его был различим даже во тьме зимнего вечера.

Пикнула сигнализация, Ардиэль открыл заднюю дверцу и положил Глазастого на сиденье.

– Залезайте, – велел элохим, садясь за руль. – Тут недалеко.

Внутри «Хаммера» было тепло, словно под сиденьем имелась печка. Устроив затылок на подголовнике, Олег расслабился, опустил веки и особенно не следил за тем, куда они едут.

Оживился, когда открыл глаза и обнаружил, что позади осталась Советская площадь. Ардиэль проехал мимо районного суда и понесся по узкой улице, с одной стороны которой поднимались обычные пяти- и девятиэтажки, а с другой виднелся большой дачный массив.

Судя по тому, что в окнах многих домов горел свет, тут жили и зимой.

– Вот сюда, – элохим притормозил у открытых ворот и дальше поехал медленно, благо улочка внутри дачного массива была такой узкой, что «Хаммер» уместился на ней с трудом.

Миновали несколько обыкновенных халуп, какие строили на садовых участках во время бума восьмидесятых, и остановились у спрятанного за аккуратным декоративным заборчиком двухэтажного особняка.

Кирпичные стены, окошки с наличниками, огромная терраса с французским окном, причудливо изогнутая черепичная крыша, ажурные ворота – все говорило о том, что хозяин этого дома денег не жалеет и никого не боится.

Дом Аристеаса, где держали Олега, рядом с этим строением показался бы примитивной казармой.

– Добро пожаловать. – Ардиэль вытащил из бардачка небольшой пульт, нажал на кнопку, и створки ворот поползли в стороны.

«Хаммер» проехал еще несколько метров и остановился.

Олег выбрался из машины и вслед за элохим, вновь подхватившим Глазастого, пошел к высокому крыльцу. Открылась дверь, вспыхнул яркий свет, освещающий прихожую размером с комнату стандартной квартиры.

Справа в углу стояла вешалка, левую от входа стену занимал шкаф для одежды с зеркалом во всю переднюю поверхность. А прямо в центре прихожей на растяжках висела боксерская груша.

– Люблю иногда размяться, кулаками помахать, – сказал Ардиэль, заметив удивление во взглядах гостей.

Чувствуя себя нелепо и неуютно в этом роскошном жилище, Олег вслед за хозяином прошел на кухню. Уложив альва на диван, элохим развернулся и смерил взглядом сначала человека, а затем Наблюдателя.

– Намек понял. Сначала восстановительные процедуры, а затем дело, – сказал он.

– Если можно... – сказал Олег. – Я бы хотел принять душ.

После мытарств сегодняшнего дня он ощущал себя невероятно грязным. Казалось, что насквозь пропитался потом и пылью, а мылся, если верить ощущениям, последний раз еще в прошлой жизни.

Хотя по всему выходило, что в понедельник, перед отъездом в Москву.

– Нет проблем. Пошли, – и Ардиэль отвел Олега в ванную, больше похожую на филиал дворца халифа багдадского. Показал, где что находится, и удалился, оставив гостя одного.

Загудел, нагревая воду, необычайно мощный и вместительный бойлер, и Олег начал раздеваться. Выложил пистолет, стащил куртку, снял свитер, а когда остался в одних трусах, критически осмотрел себя в большом зеркале.

Да, вот синяк на боку, оставшийся после падения, вот еще два, поменьше... а это еще что за царапина на щеке?

Осторожно потрогал ее пальцем.

– Да, выглядишь ты усталым, приятель, – сказал Олег собственному отражению, отмечая впалые щеки, тревожный блеск в покрасневших глазах, тени под ними, а затем включил магическое зрение.

Вокруг его тела возник зеленоватый ореол ауры, проявились уплотнения чакр.

Тело Силы было съезжившимся и тусклым, а на его поверхности виднелись многочисленные тонкие длинные «царапины». Откуда они взялись, Олег не знал, хотя мог предполагать, что подобные странные отметины возникли после того, как он побывал в «Зеркальной пирамиде».

– Ну, ничего, – буркнул Турнов и полез под душ, не дожидаясь, пока вода нагреется окончательно.

Несколько мгновений постоял под хлещущими струями, не думая ни о чем, а потом начал с остервенением намыливать и тереть себя жесткой «гостевой» мочалкой. Когда вылез из душевой кабины, кожа его горела, зато тело окутывало приятное ощущение чистоты.

Надевать грязную одежду было противно, но другой все равно не имелось.

Натянув шмотки, Олег вернулся на кухню и обнаружил, что элохим и Наблюдатель пьют чай.

– С легким паром, – сказал Ардиэль, ставя на стол большую чашку с розовощеким херувимом на боку.

– Спасибо. Я бы, честно говоря, тоже от чая не оказался.

– Нет проблем, – хозяин дома поднялся, направился в тот угол, который занимала собственно кухня. Вытащил из навесного шкафа еще одну кружку и принялся наполнять ее кипятком.

– Я ему все рассказал, – сообщил Дмитрий. – Сейчас будем думать, что делать дальше.

– А чего тут думать? – Олег посмотрел на ящичек, внутри которого покоилось хрустальное яйцо, могучий талисман, неизвестно кем изготовленный и непонятно как работающий. – Твое заклинание по перебору вариантов еще действует? Сколько ему осталось?

Наблюдатель посмотрел на висевшие на стене часы.

– Сейчас одиннадцать. Еще примерно два часа, хе-хе, к часу ночи закончит.

– Садись, – Ардиэль вернулся к столу, держа в одной руке кружку, а в другой – тарелку с маленькими круассанами. – Ешь и пей. Иначе ты скоро от слабости свалишься. Мало нам одного лежачего?

Альв оставался все там же, на диване, неподвижный, с закрытыми глазами, и только грудь его еле заметно поднималась и опускалась, давая понять, что провидец просто без сознания.

Олег поблагодарил еще раз, уселся за стол и набросился на круассаны.

– Жаль, что ничего не удалось выяснить на телевышке, – сказал Дмитрий. – Не лезть же туда еще раз?

– Думаю, у вас ничего и не вышло бы, – Ардиэль задумчиво огладил себя по подбородку. – Если уж я не сумел понять, что за существа побывали там, хотя очень внимательно смотрел запись «бесцветных». Кто это такие и зачем они все это затеяли – вот что непонятно! И слэш... да, «повезло» им... могущественные, живучие... и попали в такой переплет!

При упоминании «черных» в памяти Олега всплыл дом в Нижнепрудном переулке и обгорелое тело на полу.

– Слушай, Дмитрий, – сказал он. – А ты ничего не знаешь насчет того, что кто-то вредит лично мне? Когда мы с соратниками по «Золотой розе» пытались разобраться с тем, что творится со слэш...

И он рассказал о том, как кто-то навел милицию на дом в Нижнепрудном переулке.

– Нет, такой информации у меня не имеется, – задумчиво проговорил Наблюдатель. – Хотя это могло быть простым совпадением.

Олег хмыкнул и покачал головой – в совпадения он верил плохо с тех самых пор, как чуть не стал жертвой «Черного солнца».

– Так продолжая мою мысль насчет того, кто за всем этим стоит... – вмешался Ардиэль. – Если мы хотим найти тех бледных ребят, что в ноябре побывали на телевышке, то мы должны постараться сохранить эту штуку, – он указал на стоявший около дивана ящичек. – Если ее уничтожить, то след, скорее всего, будет потерян.

– Посмотрим. Как получится. – Дмитрий забрал с тарелки последний оставшийся круассан и принялся меланхолично его жевать. – Подождем еще два часа, и все станет ясно.

На диване что-то зашуршало, и Олег оглянулся.

Глазастый сидел, глаза его были открыты, а руки шарили в воздухе, словно альв потерял зрение.

– Очнулся, значит? – рокотнул Ардиэль. – А ну...

Глазастый подскочил, точно подброшенный пружиной, подлетел к потолку и на мгновение завис там. А затем принялся опускаться, закутываясь в кокон из белого тумана и размахивая конечностями.

– Ушибется еще! – Олег встал со стула, шагнул к альву, схватил его за лодыжку и... провалился во тьму.

Обнаружил, что стоит на голой, вытоптанной земле посреди квадратного двора.

Двор был окружен дувалом, справа виднелись ворота, и за ними узкая пыльная улица. Слева была стена дома, и из нее выступало толстое, потрескавшееся, с торчащими сучками бревно.

И на нем вверх ногами висел человек.

Он был обнажен, щиколотки перехватывала толстая грязная веревка. Уходила вверх, чтобы петлей захлестнуться на бревне. Другая веревка, потоньше, держалась на изрезанных, покрытых засохшей кровью запястьях.

Кровь покрывала и ноги, в паху виднелся черный уродливый комок, болтались какие-то лохмотья. Из распоротого живота, как из раскрытой сумки, свисали высохшие кишки.

Лицо больше напоминало жуткую маску – пустые глазницы, из которых выпали и засохли, превратились в сморщенные темные катышки глаза, нос был срезан, губы отсечены, блестели белые оскаленные зубы. На лбу выделялась сделанная аккуратными надрезами пятиконечная звезда.

Человек был не просто мертв, он был мертв давно, и беспощадное солнце вывялило его плоть, превратило ее в нечто сухое и жесткое. Земля под телом, пропитанная кровью, мочой

и слюной, потемнела и стала твердой, как бетон.

На шее мертвеца висел медный бубенец, слабо и неравномерно звеневший на ветру.
«Откуда? Где? – подумал Олег. – Я ведь уже видел это! Не хочу больше!»

Он провалился более чем на пятнадцать лет в прошлое, в один из знойных летних дней, когда их рота после долгого боя вошла в кишлак, где до этого стояли «духи». Тогда они и нашли то, что осталось от попавшего к врагу в руки и претерпевшего жуткие пытки советского солдата.

Это висящее тело потом некоторое время снилось Олегу...

Он попытался шевельнуться, оглядеться и... обнаружил себя на кухне Ардиэля, рядом со столом. Сообразил, что больше не держит альва за лодыжку, что сам сидит на полу, а лицо мокрое от слез.

– Что случилось? – спросил Наблюдатель. – Ты так кричал.

– Я видел смерть... – ответил Олег. – Самую жуткую смерть, какую мне довелось встречать...

Повернул голову и обнаружил, что элохим удерживает бьющегося в корчах альва на диване и что сам выглядит жутко – красивое лицо перекошено, в светлых глазах пляшет ужас.

– И с ним то же самое... – просипел Олег.

Провидец перестал трепыхаться, и Ардиэль отпрянул от него, словно от прокаженного. Встряхнул головой, поднял руку, точно собираясь дернуть себя за ухо, и приглушенно выругался.

До сегодняшнего дня Олег не подозревал, что «белые» умеют так изощренно материться.

– Вот проклятье, – элохим сделал два шага к столу, схватил графин с водой и принялся пить прямо из него, шумно и торопливо, словно загнанный зверь. – Уф, нет... не хотел бы я вспоминать это еще раз.

Глазастый выгнулся, как удилище, невероятным образом опираясь только на затылок и пятки. Затрясся, и обрывки тумана закружились вокруг его тощего тела.

– Эй, осторожнее! – Дмитрий шагнул к альву, попытался придержать его и вдруг застонал.

А Олег догадался наконец взглянуть на происходящее глазами мага.

Аура альва пылала неестественно ярко и тряслась, словно попавший в стиральную машину кусок ткани. Вмятины появлялись и исчезали, вспучивались бугры, опоясанные кольцами более яркого свечения. И еще что-то колыхалось вокруг – некая вуаль, похожая на маскирующее заклинание, но много более эфемерная.

Наблюдатель отступил, в ужасе заозирался, лицо его покрылось мелкими капельками пота.

– Что, и ты увидел? – спросил Олег, поднимаясь на ноги.

– Да... да... – Дмитрий постепенно успокаивался. – Он во власти провидческого транса, очень сильного, и транс этот связан со смертью.

Глазастый скатился на пол, расслабился, его тело Силы стало обычным, после чего он прошептал: «Они идут» – и затих.

– Может, по сто грамм? – предложил Ардиэль. – Для успокоения нервов?

– Можно, – сказал Олег, чувствуя желание не только выпить, а еще и покурить чего-нибудь вроде «Примы», чтобы продрало горло.

Наблюдатель отказался. Элохим пожал плечами, но настаивать не стал. Притащил початую бутылку «Хеннесси», большую шоколадку с орехами и два широких коньячных бокала. Забулькала, вытекая из горлышка, густая коричневая жидкость, и Олег уловил знакомый «клопный» запах.

– За мир и дружбу, – проговорил Ардиэль, взяв один из бокалов.

– За них, – согласился Олег.

Коньяк провалился в горло, точно вода, и лишь пошедшее от желудка тепло дало

понять, что туда попала вовсе не минералка.

– Пьянствуете, значит? – поинтересовался слабый голос с дивана. – И без меня?

Глазастый пытался улыбаться, но видно было, что ему не просто плохо, а по-настоящему хреново. Синие глаза пылали сквозь туманный кокон, и подрагивали тонкие руки.

– А тебе наливать опасно, – сказал элохим. – Ты и так нас всех напугал.

– Напугал? – альв усмехнулся, с усилием поднялся и сел на диване. – Идите поближе, и я напугаю вас по-настоящему...

Глава 15

Ярослава потревожили вечером, когда он выключил телевизор и собрался лечь спать: в «изоляции» ты или нет, а отдыхать надо. Послышались за дверью шаги, она распахнулась, и в комнату вошел Иван.

Глава «Союза Семи» был необычайно мрачен, красные глаза смотрели даже с некоторой обидой.

– Одевайся, – буркнул он. – Пойдем.

– Куда? – спросил Ярослав, испытывая четкое ощущение, что все это уже было. Сейчас его повезут на встречу с лидерами союзников, и вновь придется отдуваться за кого-нибудь из ретивых младших магов.

– Ко мне в кабинет, – верог криво улыбнулся. – Я тут получил кое-что... и ситуация резко изменилась. Ну, сам глянешь.

– Ладно, – сказал Ярослав, не пытаясь скрыть удивления.

Он оделся и вслед за Иваном вышел из комнаты. Они спустились по лестнице, миновали полутемный холл и по дороге не встретили ни единого охранника. Вампир толкнул дверь, и они оказались в небольшом, даже тесном помещении с книжными шкафами у стен.

Ярослав знал, что о характере того или иного человека, да и нечеловека тоже, часто можно судить по тому, как он обставляет собственный кабинет. Так вот, глава «Союза Семи», если выносить вердикт по этой комнате, являлся мелочным и занудливым скопидомом.

Книжные шкафы были забиты, причем не только книгами. Могучие фолианты стояли рядами, отдельные полки отводились для подсвечников, пепельниц и чернильниц – сплошь старинных и металлических. Курительные трубки лежали в приоткрытых коробочках – короткие и длинные, прямые и изогнутые, деревянные, глиняные и вовсе непонятно из чего сделанные.

Горела лампа на потолке, единственное окно закрывали тяжелые шторы из синего бархата. Рабочий стол был невелик, а кресло за ним – самым обычным, даже не на колесиках. Сбоку от стола примостился табурет.

– Моя коллекция, – сообщил Иван, заметив взгляд гостя. – Садись.

Ярослав опустился на табурет, верог втиснулся в кресло и, прикоснувшись к «мышке», оживил компьютер. Исчезли с экрана плывущие через черноту рыбки, появилась таблица, причем не привычная экселевская, а созданная в какой-то другой программе.

– Начнем с иного, – глава «Союза Семи» убрал ее и открыл в «Бате» письмо с двумя вложенными файлами. Щелкнул по тому из них, что имел какое-то видеорасширение. – Смотри внимательно, очень внимательно. Тебя это касается в первую очередь.

Ярослав только головой покачал, когда монитор заполнила картинка – трое бледных мужчин в темных костюмах и странный, очень сложный, энергетически мощный ритуал.

– Ну и что все это значит? – спросил он, когда ролик подошел к концу.

– А вот что, – ответил Иван. – Прочитай сначала текст письма, а затем вернемся к таблице.

Письмо выглядело странно – без подписи и без адреса отправителя. Там, где ему полагалось находиться, мерцал размытый набор символов, вопреки всем правилам

завершавшийся «собакой».

Но едва начав читать, Ярослав мигом забыл об этой странности, а вскоре почувствовал, как пальцы его сжимаются в кулаки, а дыхание становится все более и более частым.

– Так-так, – процедил он. – Вот ублюдки! И те, кто это совершил, и «бесцветные», узнавшие обо всем и молчавшие. Так это они нас подставили?

– Судя по всему, так и есть, – верог вздохнул. – Вон, еще в таблицу загляни. Там все данные по слаш – кто, чего, когда и где. Если ей верить, «черные» с декабря совершенно себя не контролируют. Каждый из них безумнее, чем Джек Потрошитель, и заразнее контейнера с бациллами чумы. Триста лет живу на этом свете, а такого безобразия не видел.

– То есть ты не сталкивался со вспышками размножения среди слаш? – удивился Ярослав. – Это за три века?

– Сталкивался, – махнул Иван рукой. – Да только не с такими. Все обычно за месяц заканчивалось, да и мало кто замечал, что у «черных» что-то произошло. Они же всегда сами по себе. Разве что восемьдесят лет назад нечто похожее было, ну, когда эпидемия «испанки» случилась. Тогда они чуть ли не по всему миру начали размножаться. И не просто размножаться, а рожать нежизнеспособных отпрысков. Отчего, почему – неизвестно, да и не разбирался в этом никто...

Ярослав потер лоб и неожиданно спросил:

– Слушай, у тебя курить есть?

– Найду, хотя сигар не обещаю, – глава «Союза Семи» ненавязчиво продемонстрировал осведомленность о пристрастиях врага. – Эй, Журич! Где ты там?

В кабинет заглянул молодой маах'керу, в ответ на просьбу шефа вытащил из кармана начатую пачку «Кэмела».

– Спасибо, – сказал Ярослав, вытаскивая из нее сигарету.

Оборотень щелкнул зажигалкой, дал человеку прикурить и удалился, а верог после недолгих поисков в одном из шкафов поставил на стол пепельницу – медную, простую, с оплавленным краем.

– Вот сюда пепел стряхивай, – проговорил он. – Ее не жалко.

Ярослав кивнул и углубился в изучение таблицы, составленной, судя по всем признакам, в ордене Желтого Ока. Довольно быстро утонул в многочисленных параметрах, подробностях и комментариях, но главное понял – слаш продолжают извергать из себя зародышей, внедрять их в тела других, и процесс этот останавливаться не собирается.

– Да, ну и говнюки... – проговорил он, оторвавшись от экрана компьютера, и раздавил бычок в пепельнице. – Мы им мешали, а вас и остальных они просто использовали, чтобы свалить «Золотую розу» чужими руками. Хитро все задумали, и если бы не это письмо...

– Ну да, ну да, – покивал Иван. – Неясно, правда, кто его послал, мы проследить отправку не смогли.

– Это, я думаю, не так важно, – мысли Ярослава свернули на практический лад. – Кстати, позволь уточнить: я свободен?

– А ты как думаешь? Сейчас сядем в скороход и быстро, очень быстро поедem снимать нашу сигнализацию с вашего источника на Бекетова. Ваша непричастность к случаям на кладбищах доказана, – последние слова дались главе «Союза Семи» с трудом, – обвинения снимаются, и повода для вражды более нет.

– Зато есть общий враг?

– О да, есть... – и тут Иван кровожадно улыбнулся.

Помещение, которое занимал магистр ордена Желтого Ока, располагалось на самой вершине «Зеркальной пирамиды». Несмотря на это, в просторной, лишенной окон комнате всегда царила тьма. Стены, довольно резко сужаясь, наклонно поднимались во мрак.

Направляясь к ведущей сюда тяжелой металлической двери, исчерканной защитными знаками, Борис Зорин, старший командор языка «чувствующих», испытывал двойственные эмоции. Во-первых – томление, какое ведомо любому разумному существу, созерцающему

вожделенную цель, а в данном случае этой целью являлась власть. А во-вторых – страх, постыдный и не до конца объяснимый страх перед обитателем вершины пирамиды.

Магистр вечно прятался во тьме, и мало кто из Наблюдателей даже высокого ранга знал, как он выглядит. Нет, он не был затворником и частенько ходил по резиденции, выбирался в город, но при этом для всех, в том числе и для своих, оставался простым «бесцветным» невысокого ранга.

Это делалось не только ради безопасности, но и во имя создания тайны как источника власти.

Для этой цели досье каждого нового магистра изымалось из архивов Желтого Ока, всякие упоминания о нем стирались из всех документов. Он становился существом без лица, без имени, без прошлого, могущественным и невидимым, почти богом.

Порой Бориса такое положение вещей раздражало, казалось идиотским пережитком древних времен. И тогда он думал, что когда станет магистром ордена, будет вести себя совсем по-иному. А в том, что станет, старший командор языка «чувствующих» не сомневался, хотя признавал, что для этого придется немало потрудиться.

Сегодня он пришел к магистру по собственной инициативе, причем не один, а в компании Владислава.

Тяжелая дверь открылась бесшумно, из-за нее пахло лавандой, и двое «бесцветных» переступили порог.

– Вы явились, – прошепестел из мрака бесплотный голос. – Я слушаю вас...

«Наверняка все знает, старый хрыч, – с неприязнью подумал Борис, – но хочет поиздеваться».

Нынешний магистр правил более полувека и редко вмешивался в повседневную жизнь ордена. Рутиной он предоставлял заниматься совету старших командоров, а власть употреблял, только когда происходило нечто неординарное.

– Дело обстоит... следующим образом, – сказал Борис, чувствуя себя не выучившим урока школьником. – Наш план, обозначенный в документах... как Альфа-двадцать шесть, находится на грани краха.

И он коротко поведал о том, что произошло за последние сутки.

– Кража из наших архивов? – там, откуда доносился голос, в темноте обозначилось движение. – Придется подумать, как изменить систему безопасности... Может, мы зря пренебрегали техникой и слишком полагались на магию?

Магистр помолчал, а затем продолжил совсем иным тоном, жестко и даже сурово:

– Надеюсь, ты понимаешь, что крушение этой интриги может привести к гибели нашего ордена? Да, мы найдем прибежища в других городах, братья примут нас. Но кем мы станем там? Бесправными изгоями, почти рабами, лишенными права на потомство...

Старший командор заскрипел зубами – лидер Желтого Ока не преувеличивал, все могло обернуться и так.

– Ладно, – магистр вновь сделал паузу. – Я вызвал сюда «действующих», «молчащих» и «разговаривающих». А пока они поднимаются, расскажи, что ты предпринял ради блага ордена.

И вновь у Бориса сложилось впечатление, что собеседник знает все о его поступках.

– Да, конечно, – сказал он. – Мы... с младшим командором, посвященным в проект Альфа-двадцать шесть, произвели... следующие действия.

Честно говоря, особенно много они сделать не успели – сфабриковали и разослали по тем же адресам еще пару писем с фальшивыми тайнами Желтого Ока да подали по своему языку сигнал «красной» тревоги.

Получившие его должны быть готовы к тому, что им придется защищаться от нападения.

Кроме того, отправил группу по следу наглецов, осмелившихся раскрыть тайну ордена. Недавний звонок Петра дал понять, что те пока не настигнуты, и породил массу вопросов. Откуда взялся избавленный от безумия слэш? Почему в это дело вмешался клан Фоон, и для

чего Аристеас со своими бойцами полез в драку? Или он знал что-то, неведомое Желтому Оку?

Зорин не любил вопросов, на которые не мог добыть ответы, они его раздражали.

– Ладно, – проговорил магистр, когда Борис замолчал. – Это все неплохо.

Дверь его обиталища раскрылась, и через нее один за другим прошли трое старших командоров.

– Теперь можно поговорить серьезно, – продолжил глава ордена. – Василий, каковы наши боевые возможности? Ситуация – война с «Золотой розой», «Союзом Семи», Белыми Вихрями и оборотнями Симентьева.

Высокий и очень худой лидер языка «действующих» нахмурился, пошевелил кустистыми бровями:

– В этом случае нам надлежит сосредоточиться на обороне резиденции, а также наших источников. Но даже если мы изберем такую стратегию, я не могу гарантировать, что...

Ответ не занял много времени, и из него стало ясно, что в схватке с такой коалицией Желтое Око не имеет шансов. Возможно, удастся удержать «Зеркальную пирамиду» и колодец внутри нее, но только ценой тяжелейших, почти невосполнимых потерь.

– Все ясно, – сказал магистр. – Если даже нас не разобьют, мы потеряем силу и влияние, и восстанавливать их придется очень долго. Но это если будем сражаться в одиночку. Что у нас насчет союзников?

Встрепенулся глава языка «разговаривающих», пухлый и большеголовый.

– Ситуация в городе крайне сложная, – затараторил он. – Панические настроения вызывают реакцию отторжения, каждый видит врага в соседе, коммуникации затруднены...

Его доклад тоже не оказался обнадеживающим – союзников сейчас найти невозможно, разве что Изумрудные Крылья могут прийти на помощь, да и то, узнав, с кем придется сражаться, наверняка отступят.

– Можно обратиться к братьям в соседних городах, – сказал старший командор «разговаривающих» в завершение. – Во Владимире, Иванове, Казани, даже в Москве. Они не откажут нам в помощи.

– Это верно, – и вновь заколыхался мрак там, где находился магистр, – но пока помощь придет, пока мы настроим новых бойцов на наши источники... Будет слишком поздно. Враги не станут ждать, а нанесут удар нынче же ночью. Ведь это так, Альберт?

Старший командор языка «молчащих», узкоплечий и сутулый, склонил голову.

Этого типа Борис недолюбливал, причем большей частью из-за того, что занимались они примерно одним делом. И тот и другой языки собирали информацию, вели наблюдение за магическим пространством Нижнего Новгорода, вот только использовали для этого разные методы.

«Чувствующие» полагались на мощные следящие заклинания, на магическую и обычную технику. «Молчащие» опирались на использование шпионов, на тонкие и странные, не всем понятные методы чародейства.

Порой интересы двух языков пересекались, и тогда они с удовольствием пихались локтями.

– Мы наблюдаем, – сказал Альберт тихо. – Из объектов проекта Альфа-двадцать шесть можно не опасаться лишь клана Фоон. Они только что лишились одного из старейшин и будут заново делить власть. «Союз Семи» выпустил заложников из «Золотой розы» и снял контроль с источника. В данный момент и те, и другие собирают силы. Насчет маах'керу не совсем ясно...

Борис слушал и думал, что «пешки», которые он с таким увлечением переставлял туда-сюда, надеясь с их помощью уничтожить ту, что мешает больше всех, и ослабить прочие, восстали против игрока. Все, и Белые Вихри, и «Союз Семи», и остальные, поверили содержащимся в первом письме сведениям и не обратили внимания на попытки Желтого Ока представить его фальшивкой.

Эх, если бы только не было этого письма... если бы не было тех двух похитителей!..

Борис на мгновение ощутил такую злость, что перестал слышать голос Альберта. Сжал кулаки и пообещал себе, что приложит все силы, чтобы отомстить ублюдкам, приведшим план Альфа-26 к краху.

Когда вернулся к реальности, обнаружил, что старший командор языка «молчащих» закончил.

– Я выслушал всех и понял вас, – сказал магистр. – Что бы ни происходило, как бы ни оборачивались дела – орден должен жить. Вы все знаете это. И я, чтобы спасти его, вижу только один выход...

По спине Бориса побежал холодок.

– Напугаешь по-настоящему? – спросил Олег. – Это еще зачем?

– А чтобы вы поняли, клянусь лунной радугой, – мрачно ответил Глазастый, потирая руки. – Идите сюда. Ты, человек, встань так, чтобы я мог положить тебе на лоб одну руку, ты, крылатый, под другую, а с тобой, Наблюдатель, мы соприкоснемся лбами. И тогда, – он вздрогнул, словно по кухне пронесся порыв холодного ветра, – вы увидите...

Больше вопросов никто задавать не стал.

Олег занял указанное место, Ардиэль расположился с другой стороны от альва, а Дмитрий подошел к нему вплотную. Провидец глубоко вздохнул, Турнов почувствовал холодное прикосновение ко лбу...

И обнаружил, что смотрит на площадь Лядова.

Олег знал ее хорошо, как и всякий студент Нижегородского политеха, – тут размещались его общаги. Сейчас он мог видеть одну из них, первую, островок деревьев посреди площади, а также тротуары и проезжую часть, неестественно пустынные, погруженные в полутьму и безмолвие.

Затем на площадь со всех сторон начали выходить люди, да и нелюди тоже.

Среди механически, неспешно ковыляющих фигур были уроженцы десяти сфер, представленных в Нижнем. Часовщики, дейвона, Наблюдатели, сатра, оборотни, верог, элохим и даже слаш выходили с улиц и переулков, точно возникали из мрака, и шагали к центру площади.

Достигнув его, они останавливались и замирали, тупо глядя перед собой.

Никто не пытался разговаривать, не смотрел на соседей, будто не видел их. Слышно было только шарканье ног по асфальту, цокот копыт и каблучков и отдаленный, приглушенный рокот.

Толпа росла, ее составляли уже многие тысячи существ, стоявших плотно, плечом к плечу.

Приглядевшись, Олег обнаружил, что у всех собравшихся на площади черные, мертвые глаза. Это непонятно почему показалось жутким, и он задержался, попытался вырваться из видения.

Мало-помалу потоки разумных существ, текущие со всех сторон, иссякли. Наступила тишина, и по рядам собравшихся прошла короткая судорога, за ней вторая, третья...

С ужасом Олег увидел, как у высокой красивой женщины лопнули глаза, как темный пар ударил из глазниц, а тело, истончившееся, будто сдувшееся, упало на асфальт. То же самое произошло с расположившимся по соседству с ней альвом, с пожилым сатра... с тремя Часовщиками...

Те, кто только что стоял, валились, подобно колосьям под серпом, а черное облако над площадью густело, становилось больше. Бока его выпячивались комьями и спазматически дергались, словно облако получало удовольствие, впитывая чужие жизни.

Рухнул последний, приземистый и могучий маах'керу, и облако потекло сразу во все стороны.

Оно залило первое общежитие политеха, изнутри донеслись истошные вопли, и Олег понял, что там умирают люди. Поползло далее, к жилым домам, и криков стало больше.

Картинка сменилась, Турнова подняло, он увидел город с высоты, пересекающую его

Оку, ныне спрятанную подо льдом, площадь Лядова – крохотное пятнышко, и черную кляксу, неспешно увеличивающуюся, поглощающую квартал за кварталом, убивающую тысячу за тысячей.

Перед Олегом предстало невообразимой мощи самоподдерживающееся заклинание, основанное на смерти и питающееся энергией тех, кого оно убивало. Там, внизу, в залитой мраком области, не осталось ничего живого – лишь страшные, высушенные трупы.

Он не мог этого видеть, он просто знал.

Чернота растеклась до самых границ Нижнего и только на них остановилась. Небо на востоке начало светлеть – там всходило солнце. Утренние лучи упали на город, осветили его пустынные улицы. И Олегу показалось, что где-то в районе Московского вокзала он видит силуэт пирамиды из жуткого сна и что перед ним – империя смерти из далекого прошлого.

Империя смерти, которой стал Нижний Новгород.

Сердце бешено забилося, он закричал и обнаружил себя на кухне в особняке Ардиэля.

– Вот мать твою за ногу... – сказал элохим, ссутулившийся, дрожащий, вроде бы даже ставший меньше ростом, и после этого выдал матерную фразу, достойную бодмана с пиратского корабля.

– О нет... нет... – прошептал Дмитрий. – Это будет?

На этот раз все трое увидели одно и то же.

– Да, – ответил провидец, чьи глаза были полны боли. – Я заглянул в него... там, на вышке, и увидел это. И видение это... я ненавижу подобные вещи! Когда мой дар берет власть надо мной... Это мерзко! Оно набило мою душу горькой трухой... превратило меня в пену на гребне волны... Я чуть не сдох... Но это будет, это будет, – и он обхватил голову руками.

– Давайте разберемся, – сказал Олег, сжимая кулаки и едва сдерживаясь, чтобы с размаху не врезать по ближайшей стене – до крови в разбитых костяшках. – Надо успокоиться... Заклинание на телевизшке начало работать по-иному, и виной тому то, что мы тронули яйцо. Так?

– Да, это верно. – Наблюдатель почесал кончик носа.

– Заклинание начало собирать на площади Лядова... кого оно начало собирать?

– Всех, кто находится под его контролем. Тех, кто заражен недоразвитыми эмбрионами слаш, и самих «черных», – ответил Глазастый, оглядываясь. – Кстати, а где это мы?

Ужас и страх ушли из взгляда альва, он стал выглядеть более-менее нормально.

– У меня, – отозвался Ардиэль и горделиво выпрямился. – Думаю, что ты узнал, кто я такой.

– Погоди, не до похвальбы сейчас, – голос Дмитрия прозвучал напряженно. – Так что, по всему выходит, что и меня потащит на Лядова? Ведь во мне сидит этот... это, – он сбился. – Но я пока ничего не чувствую.

– Думаю, что и не почувствуешь, – элохим прищурился, светлые глаза его полыхнули белым пламенем, Олег уловил невероятно быстро брошенное заклинание. На миг показалось, что Наблюдатель очутился в коконе из огненных нитей. – Ваши старшие ведь пытались воздействовать на эмбрион? Убить его они не смогли, но способности размножаться лишили, а заодно и разорвали связь с той хреновиной, что на вышке крутится.

– Да? Вот уж удружили, хе-хе, – Дмитрий поднял руку, вытер выступивший на лбу пот. – Да, кстати, – он посмотрел на альва, – когда это будет? Ну, то, что ты нам показал сейчас?

– В три ночи, – Глазастый пошатнулся. – Я видел точное время...

Олег посмотрел на настенные часы – большая и малая стрелка готовились сойтись в верхней точке циферблата. Невыносимо долгое десятое февраля почти завершилось.

– Намек понял. У нас почти три часа, – тусклым голосом сказал Ардиэль, подошел к столу и налил коньяк в бокал. Затем оценивающе глянул на альва и набулькал «Хеннесси» в другой.

Дмитрий покачал головой:

– И за это время мы должны, во-первых, не допустить, чтобы зараженные и слэш собрались на площади Лядова, а во-вторых, разрушить заклинание на телевышке, а точнее – подпитывающий его источник энергии.

Все взгляды скрестились на ящичке с хрустальным яйцом.

– И тем самым лишиться возможности узнать, кто оставил его в Нижнем, – добавил Олег. Сглотнул, проталкивая внутрь вставший в горле комок. – Ну что же, лучше спасти родной город и остаться в неведении насчет того, кто твой враг, чем выяснить это и допустить всеобщую гибель... Ведь так, ерш твою медь?!

Последнюю фразу он почти прокричал.

– Не ори. – Элохим вручил бокал с коньяком Глазастому, а из второго отхлебнул сам. – Пей, доходяга. Все ты, «коричневый», верно говоришь. Да только мы вчетвером вряд ли с этим справимся...

– «Золотая роза» изгнала меня из своих рядов, – сказал Олег, чувствуя, как внутри вспыхнула, запульсировала погасшая было обида. – Мне обратиться не к кому, в данный момент я один.

– Мне тоже, – Наблюдатель-ренегат усмехнулся. – Желтое Око убьет меня, только узнав, что я натворил.

– С ним мы разберемся потом, – пообещал Ардиэль. – Я обладаю определенным авторитетом среди сородичей. Я мог бы убедить их выступить, но на это понадобится время.

– А наши мне и не поверят, – грустно сообщил прикончивший «Хеннесси» Глазастый. – Это вам не провидеть за деньги... и не нариков кормить магическими иллюзиями... это бабла в кармане не прибавит...

– Тогда поступим так... – Элохим осекся, бросил быстрый взгляд на расположенное между столом и раковиной окошко. – Проклятье, «длинное ухо»! Нас подслушивают!

Стекло разлетелось вдребезги, внутрь метнулось нечто маленькое, черное, разбилось на куски, поднялось облако серого дыма. Грохнуло в прихожей, причем так, что сомнений не осталось – вынесли дверь. Еще какой-то шум донесся сверху, то ли с крыши, то ли со второго этажа.

Олег совершенно автоматически выставил щит, отпрыгнул в сторону и задержал дыхание. Краем глаза увидел, как вознесся к потолку окутавшийся белым туманом Глазастый, как Дмитрий метнулся к своему рюкзаку.

Ардиэль махнул рукой, мощный порыв ветра выдул наполненный отравой дым в окно, едва не перевернул стол. Показавшаяся в двери кухни фигура в черном получила коньячным бокалом в лоб и рухнула на пол.

Вторая ухитрилась отвести в сторону выпущенную элохим молнию и ударила «призрачным клинком». Электрический разряд ушел в прихожую, там что-то вспыхнуло и зашипело. Полупрозрачное лезвие резануло Ардиэля по боку, он пошатнулся и зарычал от боли.

– Получи! – выкрикнул Наблюдатель, и витой жезл в его руке вспыхнул белым огнем.

Пламенная спираль пронеслась через кухню. Раздался визг и вой, щит Олега задрожал, прикрывая хозяина. А сам Турнов метнулся к табурету, схватил лежавший на нем «Глок» и выстрелил в окно, в которое лез еще один тип в черной одежде. Одной пули на то, чтобы остановить его, оказалось мало, пришлось дергать спусковой крючок еще дважды.

Отдача ударила в запястье, и убитый или тяжело раненный враг вывалился наружу.

– Кто это, черт возьми? – рявкнул Ардиэль.

– Мои... сородичи, – отозвался Дмитрий, продолжая держать визжащего противника в пламенной спирали. – Сейчас я... прибью... этого... занимайтесь другими... ах, скотина...

Стена рядом с холодильником вспучилась горбом. Обои лопнули, полетели куски штукатурки и кирпича. Один ударил Олега по руке так, что он выронил пистолет. В дыру коlobком вкатился очередной Наблюдатель, другой показался в двери, третий запрыгнул в окно.

На кухне стало очень тесно и жарко...

Из воздуха материализовался альв, и из ладоней его скользнуло нечто похожее на сотканную из голубого дыма змею. Обвилось вокруг шеи того «бесцветного», что прошел в дверь.

Элохим, не мудрствуя, прибег к любимому оружию своего народа – молнии. Разряд оказался такой силы, что пробившего дыру в стене Наблюдателя превратило в пепел. Но зато и сам Ардиэль пошатнулся, отступил к стене. «Огни Архангела Михаила», вылетевшие из отверстия, он встретил слабеньким щитом, в стороны брызнули радужные искры.

Забравшийся в окно враг выбил жезл у Дмитрия и прокричал, занося руку с кинжалом:

– Умри, предатель!

– На, сука! – рявкнул Олег и пустил в ход то оружие, что всегда было при нем и не требовало магической энергии – собственное тело.

Прыгнул на «бесцветного», отшвыривая его прочь, прикрывая соратника собой. Ударил кулаком, целясь в печень, и попал, а вот ребром ладони по шее добавить не успел.

Получил по колену, от боли помутилось перед глазами, и если бы не опыт, то Олегу пришлось бы нелегко. Инстинктивно отклонился, почувствовал движение воздуха у самого лица.

Ушел в сторону, пригибаясь и прикрывая голову. Встряхнулся, приходя в себя.

Увидел злые глаза в прорезях колпака из темной ткани. Отметил, что лезвие кинжала в руке врага необычное – черное, волнистое, как язык пламени. И едва не получил этим самым лезвием в живот. Увернулся в последний момент, насилуя собственные мышцы.

Над плечом прошла струя янтарного огня, и «бесцветный» с кинжалом задержался, заплескал, пытаясь сбить с одежды побежавшие по ней желтые язычки.

– Умри сам! – крикнул Дмитрий.

Перед глазами у Олега вспыхнуло, он на мгновение ослеп.

Моргнув пару раз, обнаружил, что на полу валяется горелый труп с кинжалом в черной лапе.

Один из врагов лежал около стенки и дергался в агонии, а призрачная змея продолжала сжимать его горло. Альв парил вверху, из туманного кокона выступало его лицо, перекошенное от ярости и напряжения. Второй враг дрался с Ардиэлем, тот рычал и яростно молотил огромными кулачищами, не оставляя сомнений в том, кому достанется победа.

Очередной удар отшвырнул «бесцветного» на холодильник. Тот качнулся, задрезжало что-то внутри. Наблюдатель на миг потерял равновесие, раскрылся, и элохим оказался рядом, врезал с такой силой, что череп лопнул, словно арбуз, в стороны полетели ошметки.

– Намек понял?! Понял?! – прорычал Ардиэль, содрогаясь от возбуждения.

Тот враг, которого душил Глазастый, перестал дергаться и затих, призрачная змея исчезла. Сам провидец опустился на пол, закутался в туман, словно в одеяло, и повалился на диван.

– Неужели все? – спросил Олег, ожидая, что еще кто-нибудь влезет в окно, пробьет потолок или ворвется в кухню через дверь.

– Все, – ответил Дмитрий. – Был еще один, но он оставался на улице и сейчас удирает. Понес информацию обо мне в орден. Теперь там будут знать, кто пошел против Желтого Ока. А это значит, что скоро я умру. Либо после энвольтации на смерть, либо когда меня убьют лицом к лицу.

Говорил он спокойно, словно не его ждала неминуемая смерть, а дышал тяжело, со свистом в груди.

– Прикроем! Не бойся! – пообещал элохим.

– Рано или поздно они все равно до меня доберутся, хе-хе, – покачал головой Наблюдатель. – Желтое Око не прощает предательства. И это, по большому счету, справедливо. Тот, кто пошел против интересов ордена, должен погибнуть. Так что я не ропщу. Хотелось бы только довести дело до конца...

– Доведем, – Ардиэль нагнулся и поднял того «бесцветного», которого Дмитрий начал

жечь огнем из собственного жезла, но так и не дожег. – Но сначала допросим этого молодца. И кто-нибудь, посмотрите, что там с входной дверью. А то дует что-то...

Из двери в прихожую и из дыры в стене, ведущей туда же, и в самом деле тянуло холодом.

Олег выглянул с кухни, обнаружил, что дверь никуда не делась и даже висит на обеих петлях, вот только на месте замка красуется отверстие с неровными краями. Прикрыв ее и прижав вешалкой, он огляделся, разыскивая, чем заткнуть дырку, но ничего не нашел и вернулся обратно.

Уцелевшего врага усадили на стул, и элохим пару раз хлопнул его ладонью по щекам. Открылись светлые глаза, и в них вспыхнула ненависть. «Бесцветный» дернулся, но парализующее заклятие сжало его словно тисками, и он смог только мотнуть головой.

– Не суетись, – сказал Ардиэль гневно. – Как вы, уроды, осмелились напасть на мой дом?

– Долг прежде всего! – прошипел «бесцветный». – Повиновение ордену!

– Кто послал тебя сюда? Какое было задание? Как вы вышли на мой особняк? – Элохим подошел к врагу вплотную, показал измазанный в крови кулак с налипшими волосами. – Отвечай! А не то разнесу тебе башку, как вон тому! – и он повернул стул так, чтобы сидевший на нем Наблюдатель увидел сородича с разmozженным черепом. – Ну?

– И учти, если совершь, я это почувствую, – добавил Олег, мрачно усмехаясь.

«Бесцветный» недоверчиво покосился на него, несколько секунд подумал, а затем сказал:

– Хорошо, я буду говорить.

Допрос не занял много времени, но мало чего дал. Выживший Наблюдатель оказался рядовым бойцом и просто исполнял приказы, не особо вдумываясь в их смысл. Некоторое время назад их группу посадили в машину и велели выдвигаться, сообщив, что нужно уничтожить предателя.

Возглавлял их старший (вон он, лежит на полу с разбитой башкой), а распоряжения отдавал Петр Сирейко, лейтенант их языка (вон он, тоже на полу, убитый «живым огнем»).

– Ну что? – спросил Ардиэль, глянув на Олега.

– Правду сказал. Он и в самом деле ничего больше не знает, – сказал тот.

– За то, что не пытался врать – наградим. Убивать не станем. – Элохим врезал пленнику кулаком по голове, но не сильно, чтобы только оглушить. – Сейчас свяжем да в кладовке запрем. Пусть пока сидит, а потом я с Желтого Ока компенсацию стрелую за ущерб.

И он выразительно огляделся.

Ущерб и в самом деле был немалый – выбитое окно, выломанная дверь, дыра в стене, пятна копоти, брызги крови.

– Но мы так и не решили, что будем делать дальше, – голос Дмитрия прозвучал необычайно тихо, и стало ясно, что он борется с очередным приступом боли. – Как предотвратим... это...

Облако тумана на диване поредело, стало видно озабоченное личико Глазастого, а Ардиэль, зачем-то открывший один из навесных шкафов, повернул голову и нахмурился.

– Намек понял... – буркнул он. – Я попробую поднять своих, все же у меня есть кое-какой авторитет. И мы постараемся разогнать толпу на Лядова, если она там уже собирается... Припугнем, применим силу, что-нибудь придумаем... Ведь надо, чтобы туда сошлись все зараженные?

– Все не все, но их должно собраться много, – проговорил альв. – Должна быть достигнута «критическая масса». А когда она наберется, произойдет цепная реакция, и тогда наш город ничего не спасет.

– Это точно, – кивнул элохим. – Так что вот. А вы пока тоже не дремлите. Ваше заклинание перебора вариантов, – он бросил косой взгляд на ящик с хрустальным яйцом, – скоро закончит работу. Надеюсь, оно найдет способ уничтожения этой хреновины. Оставайтесь тут, я вызову парня, что следит за домом. Он уберет трупы, займется ремонтом

и если надо, то поможет отбиться. Так, что еще?

– Как будем держать связь? – спросил Дмитрий.

– Очень просто. Я дам тебе визитку с номером моего сотового, а ты на него позвонишь.

План выглядел неплохо, хотя и имел некоторые слабые стороны. Что, если «белые» откажутся помочь Ардиэлю? Или сюда через полчаса заявится массированная карательная экспедиция ордена Желтого Ока? Но времени на то, чтобы придумывать что-то иное, попросту не было.

Связанного бельевой веревкой пленника элохим уволок в кладовку и там запер. После обмена телефонными номерами он вышел из дома и поднялся в темное небо прямо с крыльца.

– Ты как, в состоянии двигаться? – спросил Дмитрий у продолжавшего лежать на диване альва.

– Вроде да.

– Тогда вставай и отправляйся наружу – будешь за окрестностями следить, чтобы никто незаметно не подкрался. А мы пока немного приберемся, а то неудобно как-то среди трупов...

Олег нагнулся и поднял «Глок». Ушибленное колено отозвалось на это движение вспышкой боли.

Глава 16

Наблюдатели из ордена Белых Вихрей вывезли Лену и ее товарищей по несчастью на окраину города, в совершенно деревенский на вид райончик под названием Копосово. Высадили около входа в магазин «Продукты» и, как выяснилось через полчаса, поместили в одно из складских помещений этого самого магазина.

Оно не было особенно холодным, через крохотные окошки у потолка проникал свет, но для жилья все равно подходило мало.

В планы «бесцветных» не входили издевательства над людьми – они принесли матрасы и одеяла, поставили у двери здоровенный баллон с минеральной водой, а рядом стопку пластиковых стаканчиков. В туалет выводили по первому требованию, кормили довольно однообразно и скудно, но голодом не морили.

И все же это была «изоляция», заключение, лишение свободы, и к вечеру первого дня Лена готова была с кулаками наброситься на охранника-«бесцветного», принесшего им ужин.

Ночью спала плохо, то и дело просыпалась, лежала, вглядываясь в темноту...

Утром им выдали колоду карт, и второй день «изоляции» маги из «Золотой розы» провели за игрой в «дурака». Около полудня явился тот Наблюдатель, что вел переговоры от имени ордена Белых Вихрей, поинтересовался, нет ли каких пожеланий и жалоб. Услышав, что неплохо бы дать им размяться, да и вообще отпустить, он вежливо улыбнулся, заявил, что это невозможно, и ушел.

Заклученным только и осталось, что коротать время за разговорами и игрой.

Припорошенное скукой, точно пылью, время тянулось невыносимо медленно.

Что самое паршивое, именно тут, лишившись возможности общаться с Олегом, Лена осознала, что скучает по нему. Что хочет его увидеть, готова забыть про обиды, лишь бы этот порой резкий, беспощадно правдивый, но все же такой родной мужчина был рядом.

И желательно не в «изоляции».

Она устыдилась собственных мыслей, попыталась с ними бороться, вызвать в себе гнев и раздражение, напомнить себе о том, что готова была уйти от Турнова, вернуться к родителям...

Но потерпела неудачу.

Принесли ужин, в одиннадцать часов вечера всех по очереди вывели в туалет и после этого погасили на складе свет. Лена устроилась на своем матрасе, лежавшем у дальней

стенки, закрыла глаза, но почти тут же лампочка под потолком загорелась вновь.

– Это еще что? – пробормотала девушка, открыв глаза.

Лязгнул замок, дверь распахнулась, и в помещение вошли двое Наблюдателей, исполнявших обязанности охранников.

– Собирайтесь, быстро, – сказал один из них, широкоплечий и мрачный, с угревой сыпью на щеках.

– Куда, позвольте узнать? – вскинулась Мария Аркадьевна, маг второго ряда.

Другой «бесцветный», маленький и тощий, посмотрел на нее с вялым презрением и выдал:

– Нам приказано доставить вас в иное место.

Ворча и бросая на охранников неприязненные взгляды, маги «Золотой розы» принялись выползать из-под одеял. Лена торопливо оделась, натянула на ноги зимние сапожки.

Их вывели из склада, загрузили в ожидавший у дверей магазина старый «пазик» и повезли куда-то во тьму.

– Что-то у них не так, – прошептала сидевшая позади Лены Мария Аркадьевна. – Нечто пошло не по плану.

Мысли самой девушки текли в схожем направлении, и ей хотелось точно знать, что именно случилось у ордена Белых Вихрей. Хотелось верить, что их поразили неприятности, причем достаточно серьезные, и лучше такие, что затронут не только Наблюдателей, а еще и всех их союзников...

Автобус тащился сквозь закутанный во мрак город. Снег, смешанный с дождем, бил в окна, придорожные фонари светили тускло, вокруг каждого виднелся желтый ореол. Мрачный охранник, расположившийся у двери, рядом с водителем, казалось, дремал, второй, занявший одно из задних сидений, время от времени позевывал.

Все это выглядело очень и очень странно...

Они выехали к центру Сормово, прокатили по Сормовскому шоссе. Забрались на виадук над железнодорожными путями, и тут Лена бросила взгляд в сторону Мещер, где прожила много лет и где до сих пор жили родители. Вскоре стало ясно, что направляется «пазик» к Канавинскому мосту, а значит – в «верхнюю» часть города.

Это казалось еще более удивительным, ведь домен ордена Белых Вихрей целиком расположен в «нижней».

Или «бесцветные» хотят избавиться от пленников? Передать их сатра из клана Фоон, оборотням Симентьева или «Союзу Семи»? Или они придумали какое-то новое унижение для «Золотой розы»?

От этой мысли сердце Лены забило чаще, и она яростно сжала кулачки.

Вот бы шарахнуть «заморозкой» по тому засоне, что сидит впереди...

Когда автобус миновал Похвалинский съезд и по Малой Покровке двинулся в сторону площади Горького, стало очевидно, что пленников, скорее всего, везут на Алексеевскую, к резиденции «Золотой розы».

Но зачем?

«Пазик» одолел Звездинку, свернул и остановился прямо напротив офиса «Аргуса». Неприятно клацнула открывшаяся дверь, и ожил охранник на переднем сиденье.

– Выходите, – велел он, сам не делая попытки выйти наружу. – Давай-давай!

Лена выбралась из автобуса первой, за ней на тротуар спустились остальные. Дверь закрылась с тем же мерзким звуком, и «пазик» уехал, обдав магов «Золотой розы» вонючим выхлопом.

– Это что? Это как? – растерянно спросил один из магов третьего ряда.

– Похоже, нас отпустили... – сказала Мария Аркадьевна.

Дверь резиденции открылась, и наружу выступил Артур, блеснули в свете фонаря его русые волосы.

– Чего замерли! – крикнул он и взмахнул рукой. – Идите сюда!

– Да, выпустили! – радостно воскликнула Лена и побежала через улицу. – Мы

свободны!

Артур подмигнул ей и отступил в сторону, впуская девушку внутрь. Она ворвалась в вестибюль и с удивлением увидела, как из дверей большого зала выходит Ярослав в сопровождении Ольги и Федора.

– Так, Белые Вихри своих привезли. Очень хорошо, – бросил маг первого ряда. – Мария Аркадьевна, прошу ко мне в кабинет. Остальным резиденцию пока не покидать.

И глава «Золотой розы» зашагал вверх по лестнице. За ним устремились трое магов второго ряда. А Лена повернулась к прикрывшему дверь Артуру и требовательно спросила:

– Скажи, дружок, что происходит?

Глава «Аргуса» пожал широкими плечами:

– Сам точно еще не знаю. Полчаса назад «Союз Семи» снял наблюдение с того источника, что им достался, и почти тут же их главный вампир привез Ярослава. Затем маг «бесцветных» ликвидировал сторожевые заклинания на втором источнике. Похоже, что обвинения с нас сняли, и этому дурацкому протекторату конец пришел. Еще приказали готовиться к бою, поэтому всем сидеть тут и...

– А что с Олегом? Где он? – перебила его Лена.

– Ну, Аристеас, старейшина клана Фоон, убит, связи с ними нет, – глаза Артура плутовато забегали. – Поэтому они... хм, тех, кто у них, еще не вернули из «изоляции»... Видишь, еще много кого нет...

И тут Лена почувствовала, что собеседник ей не то чтобы врет, а скорее недоговаривает.

– А ну, скажи все! – потребовала она, наступая на Артура.

– Его изгнали из ордена.

В первый момент Лена не поверила своим ушам – Олега, ее Рыцаря, выкинули из «Золотой розы»?

– Только под давлением союзников... он ушел из-под стражи, – голос Артура звучал так, словно он оправдывался. – Сатра были в ярости... мы ничего не могли сделать... Ты успокойся... не надо...

– К бою, значит, готовятся? – произнесла Лена, сузив глаза и раздувая ноздри. – Так я им устрою бой! Прямо сейчас!

И она решительно направилась к лестнице, ведущей на второй этаж, к кабинету Ярослава. Артур посмотрел ей в спину, открыл рот, чтобы окликнуть, а потом махнул рукой и решил не связываться.

Он знал Лену давно и понимал, что сейчас вставать у нее на пути просто опасно.

Старший сержант Петровский крайне отрицательно относился к ночным дежурствам. И не из каких-то идеологических или нравственных соображений, а просто потому, что был «жаворонком». Где-то в девять вечера мозг старшего сержанта начинал потихоньку отключаться, и его хозяина неумолимо тянуло спать.

В те дни, когда он попадал в «ночник», приходилось совершать жесточайшее насилие над собственным организмом и поддерживать себя в рабочем тонусе, стаканами глотая крепкий черный кофе. Петровский знал, что это вредно для сердца, но деваться было некуда.

Такова судьба сотрудника милиции – выполнять приказы, работать не тогда, когда хочешь, а тогда, когда надо.

Развод ночной смены в четверг, десятого февраля, прошел в штатном режиме. Выслушав «ценные» указания начальства и получив оружие, старший сержант и прапорщик-водитель Нигматуллин забрались в патрульную «Волгу» и отправились на объезд своего участка.

Почти сразу пришлось заехать в кафешку на автостанции, где что-то не поделили два пьяных посетителя. «Обезвредить» буянов удалось без труда, после чего их отвезли в «обезьянник».

– Ну и погода мэрзкая, – как всегда, меняя букву «е» на «э», сказал Нигматуллин, когда

они вышли на улицу.

– Ага, – согласился Петровский, не любивший долгих разговоров.

На город с темного неба валилось нечто непонятное, не то замерзший не до конца дождь, не то начавший таять снег. Гнусная сырость высасывала из тела тепло сильнее, чем тридцатиградусный мороз. Под ногами чавкала грязная жижа, и ноги промокали в одно мгновение.

Оказавшись в машине, старший сержант потянулся к заветному термосу и сделал добрый глоток. Сонливость немножко отступила, сердце забилося сильнее, и вроде бы даже стало теплее.

– Поехали, – сказал Нигматуллин и завел мотор.

Прокатили по проспекту Гагарина, на тротуарах которого было пусто, мрачно и темно, и добрались до площади Лядова. Только когда сделали по ней круг, Петровский обратил внимание, что за остановкой рядом с общагой политеха имеется скопление народа человек в тридцать.

– Ты видел? – спросил он.

– А то, – отозвался Нигматуллин. – Что, посмотрим, чэго там?

Старший сержант хотел ответить «да», но тут затрещала рация, и голос диспетчера забубнил:

– Тридцать третий! Тридцать третий!

Через пять минут Петровский забыл о людях за остановкой, поскольку пришлось мчаться к Дворцу спорта, где безумные «абреки» с рынка устроили «бизнес-дискуссию» в горском стиле, то бишь с применением ножей, бейсбольных бит и прочих членовредительных аргументов.

Тут пришлось попрыгать и повозиться, причем не только их экипажу, а еще и трем другим, и вызванному ОМОНу. «Абреков» разоружили, повязали, покидали в «воронок», после чего старший сержант решил, что пора дать себе отдых.

– Пэрэкурим? – спросил Нигматуллин, за три года совместной работы хорошо научившийся чувствовать желания командира.

– Можно. Только прокатимся еще раз.

На проспекте вновь не встретили ничего интересного, а вот на Лядова Петровский мигом вспомнил про странную толпу, и в первую очередь потому, что она увеличилась раза в четыре.

Теперь здесь находилось куда больше ста человек.

– Тормози. Посмотрим, что тут за митинг, – велел он.

«Волга» остановилась прямо на остановке, под фонарем, чтобы ее было хорошо видно, но толпа на появление милицейской машины не отреагировала никак. Никто не шевельнулся, ничего не сказал соседу, не сделал попытку отступить в сторону и незаметно исчезнуть.

– Странно, – буркнул Петровский и выбрался из автомобиля.

Он знал, что выглядит солидно – сто десять килограммов веса, метр девяносто рост, да еще и в зимней форме. Шагал неспешно, вразвалку, давая любителям ночных сборищ понять, кто к ним приближается.

Но это тоже не вызвало никакой реакции, ни агрессивной, ни трусливой.

– Так, граждане! – сказал старший сержант властно. – Объясните, по какому поводу сбор?

Несколько пар пустых, каких-то мертвых глаз равнодушно посмотрели на него, но этим все и ограничилось.

– Эй, вы! – Петровский повысил голос, почувствовал, что начинает заводится. – Вы что, не поняли, что я спросил? Или совсем обдолбались, наркоманы чертовы? А ну, документы!

Он шагнул вперед, взял за плечо сутулого молодого человека с непокрытой головой и длинными волосами. Встряхнул его чуток, чтобы лохматый осознал, что происходит.

Молодой человек недоуменно заозирался, взгляд его стал осмысленным.

– Нет документов, гражданин начальник, – сказал он. – Дома они.

– В кутузку хочешь? – загремел старший сержант, пригнувшись и пытаясь понять, откуда так сильно разит гнильем. – Кто старший? Немедленно сообщить, что тут происходит!

Толпа выглядела странно и меньше всего напоминала настоящую толпу. Та всегда бурлит, шумит, воняет страхом, злобой или радостью. Тут же скорее было собрание незнакомых людей, случайно оказавшихся в одном месте и теперь чего-то ожидающих.

На наркоманов они походили разве что пустыми взглядами. Никто не дергался, не смеялся, не двигался. Все молчали. Воняющие тленом манекены, механические куклы, ожидающие, когда их включат.

От этой мысли старшему сержанту стало не по себе, и он поспешил сменить тактику.

– Вот скажи, отец, – обратился Петровский к пожилому мужчине, – что ты тут делаешь?

– Я? – старик заморгал, огляделся, будто только что осознал, где находится. – Я... жду...

И вновь замер, уставившись куда-то мимо старшего сержанта, а тому показалось, что он чувствует еще и запах серы.

– Проблемы? – спросил высунувшийся из «Волги» Нигматуллин.

– Сам не знаю, – мрачно ответил Петровский, думая, что ему делать.

Возни с такой толпой прорва, чтобы просто проверить документы у каждого, нужно с десяток машин подождать и час потратить. Увезти всех в участок тоже проблема – столько места в камерах нет. Оставить просто так, сделать вид, что все нормально – против совести и долга, но, с другой стороны, пьяных тут нет, никто не дерется, не употребляет наркотики и даже не шумит...

А значит – нет повода для жалоб.

– Твою мать, – старший сержант в сердцах сплюнул под ноги старику и пошел обратно к машине.

– Что там? – спросил Нигматуллин, когда Петровский занял свое место. – Будем подмогу вызывать?

«Э» в его речи сменилось нормальным «е», а это означало, что прапорщик встревожен.

– Ничего не будем делать, – тяжело ответил старший сержант. – Замнем. Сделаем вид, что ничего не было. Понял?

И он сурово глянул на подчиненного.

– Как не понять? – ответил тот. – Никто нас не вызывал, значит, и не было ничего...

Едва отъехали от остановки, рация ожила вновь, и Петровский почти с облегчением услышал, что им предстоит ехать на очередной вызов, на этот раз к ночному клубу «Пикассо», где резвится «золотая молодежь».

Куда угодно, лишь бы подальше от площади Лядова.

«Парень», о котором упоминал хозяин особняка, оказался дейвона.

Глазастый заметил его издали, но «серый» знал, что его ждет, и поэтому шагал нарочито шумно и неспешно, показывая пустые ладони.

– Я свой! – объявил он, пройдя через калитку рядом с воротами. – От Ардиэля!

Альв проявился из воздуха рядом с «Хаммером», замерший в дверном проеме Олег опустил пистолет, а находившийся за его спиной Дмитрий сказал:

– Ну, заходи, коли пришел, хе-хе.

При виде брызг крови, пятен гари, дыры в стене и аккуратно сложенных тел дейвона выпучил желтые глаза.

– Ну и намусорили, – сказал он, с неодобрением покосившись на гостей. – Ай-яй-яй.

Скинув шапку и пуховик, он принялся за дело. Добыл в кладовке инструменты, быстренько починил дверь и взялся за окно на кухне. Вскоре оно было забито фанеркой, а «серый», почесав в затылке, принялся перетаскивать мертвых, но еще не начавших

разлагаться Наблюдателей куда-то на задний двор.

Судя по его равнодушному виду, дело с трупами он имел регулярно.

Дмитрий меж тем вытащил из ящика хрустальное яйцо, вновь окутавшееся розовым туманом. Положил его на кухонный стол и принялся аккуратно устанавливать вокруг давешние прозрачные кристаллы.

Глядя на это, Олег почувствовал, как давно возникшее, но плохо осознаваемое подозрение оформляется в четкую мысль.

– Послушай, – проговорил он. – Ты, когда мы знакомились, сказал, что являешься «младшей рукой», и не соврал. Иначе я бы почувствовал. Но заклинания, которые ты знаешь, сила, какую ты пускаешь в ход... это куда больше, чем возможности обычных «бесцветных»...

Дмитрий поставил на стол очередной кристалл, подвинул его немного в сторону и только после этого повернулся, чтобы посмотреть на собеседника.

– Я не соврал, – подтвердил он. – Только вспомни точно мою фразу. «Ныне я являюсь младшей рукой».

– То есть ты не всегда был ей?

– Когда-то все было иначе, – голубые глаза Наблюдателя затуманились, он почесал кончик носа. – Я занимал... скажем так, стоял довольно высоко. Но я совершил ошибку, и меня наказали. Переводя на понятный всем язык – сослали в другой город с понижением в должности. Желтое Око поступило милосердно, меня могли и лишить жизни... Случилось это давно, почти два десятилетия назад, но я все помню так, словно изгнание произошло вчера... Подобное унижение трудно забыть.

И в этих словах Олег не почувствовал ни грамма лжи.

– Опять тайны. Всюду у вас тайны, – сказал он.

– Да, это так, – Дмитрий усмехнулся. – Но не будь их, мы просто не выжили бы, сгинули бы тысячелетия назад.

И он вернулся к расстановке кристаллов.

К тому моменту, когда часовая стрелка подползла к единичке, а минутная достигла одиннадцати, на столе вокруг яйца возникло настоящее сооружение из разноцветных камушков, пирамидок из металла, странных деревянных загогулин и черной металлической шайбы – информационного накопителя.

Проверив все в последний раз, Наблюдатель одобрительно кивнул и опустился на диван. Олег было сел рядом с ним, но понял, что слишком сильно волнуется, и торопливо поднялся.

Почти тут же на кухню заглянул Глазастый.

– А про меня забыли? – спросил он довольно сварливо. – Я «серого» оставил на страже. Он хоть и не маг, но глаза у него не на затылке, а уши слышат хорошо. Так что вы не дума...

– Тихо! – Дмитрий приложил палец к губам.

Альв замолк, и Олег уловил тонкое, еле слышное шуршание, похожее на отдаленный шум метели. Розовое свечение вокруг хрустального яйца сделалось белым, потекло струями. На мгновение обнажился сам артефакт, заполненный багровым огнем, похожий на сгусток кипящей крови.

Вновь скрылся из виду, шуршание стало громче, перешло в скрежет, и стол закачался.

– Дисбаланс энергии, – сказал Наблюдатель. – Сейчас...

Розовый туман исчез, сгинул без следа, зато белые огни побежали по предметам, расставленным вокруг яйца. Шесть пирамидок из металла извергли по столбу желтых искр, поднимавшемуся до самого потолка, вихрь из разноцветного пламени возник над накопителем.

Деревянные загогулины вспыхнули самым обычным огнем, начала плавиться клеенка на столе, вонь горелого пластика ударила в ноздри.

– Эй? – негромко воскликнул Глазастый. – Как бы пожара не случилось.

– Не должно, – Дмитрий поднялся. – Это сброс лишнего напряжения, оно не может быть слишком большим.

Деревяшки сгорели, превратились в полоски из пепла, вихрь засосало в металлическую «шайбу», искры перестали извергаться из пирамидок. Красный цвет в яйце сменился чисто белым, но тот продержался всего несколько мгновений и вновь уступил багрянцу.

– Все? – спросил Олег, облизывая пересохшие от волнения губы.

– Похоже, да. – Наблюдатель подошел к столу и очень осторожно убрал артефакт из кольца предметов. Пара искр соскользнула с одной из пирамидок, мигнул один из кристаллов. – Да, точно. Заклинание завершило работу, нам осталось навести порядок и посмотреть результаты.

Со сводящей с ума дотошностью он освободил стол от всего ненужного. Под аккомпанемент нетерпеливого бурчания Глазастого смел в мусорное ведро пепел и снял дырявую клеенку. И только после этого принялся водить руками над покрытой тонкой резьбой «шайбой» накопителя.

Поднялся столб света, в нем возникло изображение – переплетение разноцветных линий.

– И что это значит? – спросил Олег, в который раз за последние дни чувствуя себя неучем в компании отличников.

Тому, кто узнал о магии всего полгода назад, невозможно соревноваться в колдовстве с теми, кто использует ее много десятилетий.

– То, что способ разрушить яйцо существует, – ответил Дмитрий ровным голосом. – Это довольно сложный обряд, и подробности насчет него сейчас нужно будет расшифровать...

– Я помогу! – вызвался Глазастый.

Для расшифровки им понадобилась ручка да еще пара листов бумаги, нашедшихся в бездонном рюкзаке Наблюдателя. Листы покрылись цифрами, рисунками и непонятными значками, а «бесцветный» и «голубой» принялись яростно спорить, тыча пальцами в одно из мест в схеме над накопителем.

Затем они все же пришли к согласию, и через пять минут работа была закончена.

– Все, – сказал Дмитрий.

– Ну, и что? – спросил Олег, нетерпеливо постукивая себя кулаком по ладони.

– Давай я отвечу, – сказал альв. – Обряд и в самом деле сложный, но проблема даже не в этом, а в том, что он должен быть кровавым, с пролитием крови живого... э... разумного существа.

– Уж если говорить, то все, – голос Наблюдателя звучал ровно, даже безжизненно. – Чтобы яйцо было уничтожено, необходима добровольная смерть одного из проводящих ритуал магов. Он должен совершить самоубийство и залить артефакт собственной кровью.

Олег нахмурился, пробормотал:

– Может, как-то иначе можно?

– Нет, – Дмитрий вздохнул, – иного пути нет.

На кухне повисло тягостное, унылое молчание, стало слышно, как оставленный на посту у ворот дейвона мурлычет какую-то песню.

– Может, и недобровольная смерть сгодится? – с надеждой спросил Глазастый. – Зарежем того типа, что в кладовке валяется, и вся недолга? Он тоже маг, и кровь у него имеется...

– Смотри сюда, – Наблюдатель ткнул пальцем в один из листов, в то место, где красовалась трехэтажная и длинная формула. – Еще раз проверь все компоненты и не задавай недостойных тебя вопросов.

Кокон вокруг альва загустел, стал плотным, как дерюга.

– Но тогда... – Олег прокашлялся. – Что делать? Как мы поступим?

– Я возьму это на себя, – сказал Дмитрий. – Мои кровь и жизнь хорошо подойдут.

– Но... не... – заблеял что-то невнятное Глазастый. – Ты... не...

– В конечном итоге Желтое Око частично виновато в том, что проблема достигла таких масштабов. – Наблюдатель говорил ровно, спокойно, и только по пристальному взгляду

можно было понять, насколько он напряжен. – Так что будет справедливым, если один из его детей принесет себя в жертву ради искупления вины. Может быть, тогда гнев пострадавших не с такой силой обрушится на моих сородичей. Во-вторых, мне все равно скоро умирать. Меня убьет либо сидящий в теле зародыш slash, либо погубят бойцы языка «действующих»...

– Они собираются тебя прибить, а ты их спасаешь?! – воскликнул Олег.

– Как бы мой орден ни обошелся со мной, я остаюсь его частью и живу под сенью долга по отношению к ордену, – эта фраза прозвучала жестко и четко, как некая ритуальная формула. – Кроме того, убив себя, я искуплю и вину перед Желтым Оком. Ведь как ни крути, я его предал.

Голос Дмитрия не дрожал, в нем звучала решимость, совсем немного сдобренная печалью.

– Ну что же, клянусь лунной радугой, раз так, то так, – пробормотал Глазастый и вздохнул столь сильно, что кокон вокруг него заколыхался.

А Олег со стыдом признался себе, что испытывает облегчение. Когда Наблюдатель сказал о необходимости жертвы, Турнов подумал, что сейчас предложат убить его как самого слабого и неумелого мага из троих.

На первый взгляд это был наиболее логичный ход, а умирать не хотелось, хотелось вернуться домой, обнять Лену, и завтра, в субботу, позвонить сыну, услышать в трубке его веселый голос...

– Мне жаль, что так вышло, – сказал Олег, понимая, что говорит не то, но не представляя, в каких словах заключается «то». – За эти сутки... я успел к тебе привязаться. Никогда не думал, что у меня появится друг среди «бесцветных», но сейчас я думаю, что он у меня есть.

Дмитрий ответил слабой улыбкой и кивком.

– Не будем терять времени, – сказал он. – Нужно готовить ритуал, хе-хе. А для этого нам понадобится свободное пространство три на три метра. Поэтому стол лучше вынести в коридор...

Олег кивнул – это дело точно для него.

За пятнадцать минут кухня разительно изменилась: исчез стол, стулья сгрудились около стены, а на тщательно подметенном и вымытом полу возник нанесенный мелом рисунок. В большой круг оказалась вписана звезда с пятнадцатью лучами, прочерченная небрежно, местами кривовато, а в центр ее легло хрустальное яйцо. Три малых круга окружили звезду, один с севера, и два – с юго-запада и юго-востока, и в каждом появился свой набор символов.

Олег ранее слышал о том, что у Наблюдателей есть тайный алфавит, обладающий магической силой, но видел его буквы впервые.

– Вот так неплохо, – сказал Дмитрий, критическим взглядом осмотрев чертеж. – Вы встанете тут... и тут... а я там. Для главного деяния, – последнее слово он выделил, – хорошо подойдет этот нож.

В руке у Наблюдателя возник черный клинок с волнистым лезвием, которым Олег сегодня чуть не получил в живот.

– Начинаем? – уныло спросил Глазастый.

– Сначала надо позвонить Ардиэлю, узнать, как у него дела.

И Дмитрий вытащил из кармана сотовый телефон.

Золотистый гонг, похожий на крохотное солнышко, отозвался на удар била тонким, еле слышным звоном. Звон покатился в стороны, взлетел вверх, под крышу святилища, по зданию пошли гулять его отголоски.

Ардиэль знал, что в унисон повешенному в храме гонгу зазвенели его меньшие собратья, находящиеся в квартирах старейших, наиболее уважаемых элохим, а также сильнейших магов. Сейчас они просыпаются, торопливо натягивают одежду и думают, кто

посмел в столь поздний час подать сигнал общего сбора. А потом, ругаясь и проклиная мерзкую погоду, летят сюда, к цилиндрическому зданию на острове посреди Оки.

С набережной Федоровского, из Верхних Печер, с Автозавода, отовсюду, где находятся колонии «белых».

Изнутри лишенный наземных входов, храм напоминал обыкновенную трубу с гладкими каменными стенами. Около них через равные промежутки стояли закрытые покрывалами статуи – изображения Забытых Богов, то ли погибших вместе с потерянной двенадцать тысячелетий назад родиной, то ли лишившихся силы в той катастрофе.

Элохим поклонялись им, но больше по привычке, и искренних последователей древней веры было очень мало. Однако святилище со статуями обязательно имелось в каждом городе, где жили «белые».

Положив било на место, Ардиэль прошел в центр зала, где надлежит стоять тому, кто послал вызов. Мысли почему-то обратились к далекому прошлому, к тем дням сорок пятого года, когда случилось самое важное в его жизни событие.

Тогда только что вернувшемуся с войны молодому и очень сильному магу невероятно повезло. Он первым обнаружил, что в Щелоковском хуторе появился новый источник, сумел захватить его, сделать только своим и отстоять от посягательств всех остальных.

В первую очередь негодовали колдуны-сородичи, полагавшие, что колодец должен принадлежать стае. Делали попытки атаковать Наблюдатели из ордена Изумрудных Крыльев и даже какие-то сбрендившие сатра.

Но по большому счету город Горький равнодушно воспринял тот факт, что в его пределах появился чародей-одиночка: слишком много жертв собрала война, логи, кланы и ордена зализывали раны и приходили в себя; кроме того, новый источник был расположен на отшибе, в неудобном месте, и не особенно глубок.

А когда город спохватился, стало поздно, Ардиэль набрал силу, защитил колодец мощными заклинаниями. За полвека он отразил десять попыток нападения, и ни разу сам серьезно не пострадал. Последняя атака случилась в начале девяностых, когда один ретивый маах'керу решил попробовать зубы на одиночке-элохим. Тогда агрессор едва ушел с подпалинами на шкуре, а позже погиб в борьбе за власть с Симентьевым, доказав, что магическая сила порой пасует перед наглостью и хитростью.

Услышав наверху шорох, Ардиэль поспешно вынырнул из собственных мыслей.

Хлопнули крылья, и на пол святилища опустился морщинистый элохим, откликавшийся на имя Ливизель и возглавлявший ту колонию, что располагалась на набережной Федоровского.

– Ты? – прохрипел он без особого удивления. – Понятно. Кто же еще отважится на такую наглость?

И Ливизель, до сих пор не простивший двоюродному племяннику «предательства», развернулся и отошел к стене. А Ардиэль посмотрел на двоюродного дядюшку с улыбкой – что еще ждать от разбуженного посреди ночи старика?

Вслед за первым старейшиной стали появляться другие, мрачные, в сырой одежде и с каплями влаги на крыльях. Пославшему вызов достался не один взгляд, полный злости и удивления.

– Ну что, мы слушаем тебя, – проворчал Ливизель, когда стало ясно, что прибыли элохим из всех колоний. – Надеюсь, у тебя имеется достаточно серьезный повод, чтобы потревожить нас.

Ардиэль глубоко вздохнул, расправил крылья и начал говорить.

Речь он приготовил заранее и, зная об упрямстве и узколобости собственных сородичей, упирал на то, что опасность грозит и им тоже. Упомянул про неведомых чужаков, сотворивших заклинание на городской телевышке, рассказал о том, что сделало это заклинание со слаш. Поведал, что если прямо сейчас не принять срочных мер, то Нижний Новгород к утру превратится в кладбище.

Сумеют выжить разве что Игроки, да и то насчет них уверенности нет.

Замолчав, Ардиэль обвел собравшихся взглядом и увидел на лицах сородичей разные чувства – удивление, сомнение, тревогу, досаду, раздражение и даже откровенный гнев.

– Слишком невероятно это звучит, – буркнул приземистый Варизэль, один из сильнейших магов Автозавода. – Зараженные неспособными развиваться эмбрионами слаш собираются на площади Лядова? А когда соберутся там, произойдет нечто вроде магического ядерного взрыва?

– Хорошая аналогия, – кивнул Ардиэль.

– Все это сказки, – прокряхтел Урицэль, старейший из элохим Нижнего Новгорода, недавно разменявший четвертую сотню лет. – Видал я, как эти «черные» размножаются. Ничего подобного никогда не было. Ты, мальчик, со стимуляторами в последнее время не перебарщивал?

Названный «мальчиком» Ардиэль с трудом удержался от гнева.

– Если ты, старший, считаешь, что это сказки, то разомни крылья, слетай на Лядова и погляди сам, – сказал он, гневно раздувая ноздри. – Или загляни на площадку, что на телевышке...

– А вечером двое наших ушли, – негромко заметил Парадэль, глава колонии в Верхних Печерах, выделявшийся ростом и статью даже меж сородичей. – Утопали в снегопад, бормоча нечто невразумительное. Жены ко мне примчались, а что я сделаю? Сказал: вернутся – вразумлю как следует. А они вон как... И болели оба перед этим, точно.

– А у меня один из младших магов задание не выполнил, – пожаловался Варизэль. – Пропал, как в воду канул. И сотовый у него не отвечает. Я уж подумал, не проклясть ли его, а дело вон в чем...

– Совпадения! – упрямо буркнул Урицэль, и старики поддержали его кивками.

– Да? – спросил Ардиэль. – А почему я тогда не вижу твоего второго внука, старший?

Удар был точный – всякий элохим, достигший определенного уровня в иерархии, обычной или магической, получал право созывать сородичей в святилище, и вместе с тем – обязанность самому прибывать туда по первому зову и маленький «зеркальный» гонг.

– Он последнюю неделю чувствовал себя неважно... – тут старик осекся, глаза его стали белыми, а крылья затряслись. – О нет, неужели он сейчас там, неужели тоже подчинился зову?

– У тебя будет возможность спасти его самому, старший, – тут Ардиэль позволил себе усмехнуться.

– Короче, что ты предлагаешь? – судя по деловому тону Варизэля, одного сторонника Ардиэль обрел.

– Немедленно отправиться туда и попытаться разогнать толпу или хотя бы уменьшить ее. Пока не наберется «критическая масса», реакция не начнется. Мои союзники попытаются уничтожить источник энергии, подпитывающий заклинание на телевышке, но неизвестно, получится ли это у них, и если получится, то насколько быстро. Поэтому действовать нужно прямо сейчас! – он рубанул воздух ребром ладони. – Немедленно!

– Я с тобой, – решительно сказал Парадэль. – Пусть остальные как хотят.

– Да, нужно, нужно лететь! – воскликнул старый Урицэль, и Ардиэль понял, что эту битву он выиграл.

– Мы подчиняемся тебе, – прохрипел Ливизэль ритуальную фразу.

– За мной. – Ардиэль взмахнул крыльями, оторвался от пола и полетел вверх, к выходу из башни.

Когда оказался снаружи, над заросшим деревьями островом, в сырой и холодной тьме, в кармане у него зазвонил телефон.

Глава 17

Борис вошел в кабинет, который занимал последние семь лет как старший командор языка «чувствующих». Пройдя к столу, он рухнул в кресло и в ярости ударил кулаками по

столешнице.

Та затрещала, стол качнулся, подпрыгнул монитор.

Борис рванул себя за ворот рубашки, не обращая внимания на то, что отлетела пуговица, содрал и отшвырнул в сторону галстук.

– Проклятие! – прорычал он. – Ублюдки! Как они... посмели?

Того, что пятнадцать минут назад произошло в комнате на вершине «Зеркальной пирамиды», просто не могло случиться! Когда высказались все, глава Желтого Ока объявил, что благо ордена в целом много выше блага отдельных его частей. И посему, чтобы избежать разгрома, он решил сообщить врагам, что план Альфа-26 – инициатива небольшой группы, действовавшей вне ведома магистра и помимо его воли. Борис Зорин и все его помощники объявляются преступниками и изгоняются из Желтого Ока.

«Лучше бы схватить вас и сдать врагам, – прошелестел тогда из мрака бестелесный голос, – чтобы они выместили на вас злобу и успокоились. Но я помню о ваших заслугах и дам вам всем шанс скрыться. Немедленно уезжайте, бегите, пока «Зеркальная пирамида» не попала в блокаду. Наши братья в Москве, Казани или Екатеринбурге наверняка примут вас, и вы получите шанс еще послужить Желтому Оку. Но поспешите. Если нападение последует быстро, я буду вынужден выдать всех с головой».

В тот момент Борис едва сдержался, чтобы не броситься на главу ордена с кулаками.

В один миг он обратился из облеченного властью, значимого Наблюдателя в ничто, в преследуемого беглеца. И виной тому – двое уродов, похитивших информацию из тайного архива.

Сейчас нужно как можно быстрее собраться, рвануть на вокзал и на первом же поезде – прочь отсюда...

Борис поднялся, подошел к шкафу, вытащил из него бутылку виски и стакан. Стакан полетел на пол, и бывший старший командор начал пить прямо из горлышка. Вытер губы, поставил бутылку на стол и принялся один за другим выдвигать ящики стола.

Что нужно взять, а что оставить? Что пригодится на чужбине, а без чего можно обойтись?

Дверь кабинета бесшумно открылась, и внутрь проскользнул Владислав – в пальто, в малахае, со спортивной сумкой через плечо.

– Я готов, – просто сказал он.

– И я сейчас... буду, – ответил Борис.

Логичнее всего спастись поодиночке, чтобы ринувшимся в погоню чужакам сложнее было настигнуть беглецов. Но Зорин не мог так просто бросить тех, кто в последние месяцы работал с ним.

Младший командор сразу заявил, что начальство в беде не покинет. Остальным магистр обещал дать сигнал немедленно скрыться, и как они себя поведут – совершенно непонятно.

Бывший старший командор просматривал документы, сортировал накопители информации. Ненужные откидывал, то, что могло пригодиться, складывал в «дипломат». А в голове у него крутились откровенно крамольные мысли – поднять «чувствующих», объявить, что глава Желтого Ока сошел с ума...

Понятно, что поверят в такое не все, некоторые испугаются, но найдутся те, кто пойдет следом. А отряда в полторы дюжины решительных Наблюдателей хватит, чтобы скинуть старого хрыча и занять его место. Правда, остаются лидеры других языков, и справиться с ними будет не так легко, но поскольку мятеж для «бесцветных» – дело неслыханное, то они растеряются, упустят время. И тогда будет шанс захватить «Зеркальную пирамиду», установить контроль над источником, скрытым внутри здания, и вот тогда...

Борис одернул себя: в одном магистр абсолютно прав – благо ордена прежде всего. А затеять междоусобицу при угрозе войны – крамольнейшее из преступлений.

Когда захлопнул крышку «дипломата» и шагнул к шкафу для одежды, в кабинет вошел Юрий – сгорбленный, подавленный, с застывшей в голубых глазах болью и с трясущимися

руками.

Для Наблюдателей изгнание из ордена – величайшее наказание, более тяжелое, чем даже смертная казнь. Лишиться жизни – ничто по сравнению с потерей коллективного бытия, только в котором и может существовать индивидуум.

– Я... что делать? Куда? – спросил Юрий, растерянно осматривая соратников.

– На вокзал... и прочь отсюда, – ответил Борис. – Ты с нами?

– Да, – Юрий сглотнул. – С вами.

Дверь открылась еще раз, и вошел запыхавшийся Наблюдатель из языка «действующих» в одежде для спецопераций – черный колпак с прорезями, темная куртка и штаны, на руках – перчатки.

– Что еще? Меня торопят? – взревел Борис, ощущая, как ярость вздымается в душе обжигающей волной.

Нет, он уйдет из резиденции Желтого Ока сам, по своей воле, а не вытолкнутый пинком под зад, как негодная шавка! Даже если после этого окажется в руках готовых линчевать его врагов!

– Чего? – Наблюдатель сорвал колпак, открылось потное лицо, удивленные глаза. – Я от Петра... мы попытались взять их, но все полегли, кроме меня. Эти чертовы ублюдки...

– Стоп! Рассказывай четко! – потребовал Борис.

Через пять минут стало ясно, что незваного гостя зовут Сергей, и что он – единственный выживший из группы захвата, отправленной по следам похитителей информации. Он был оставлен снаружи с четким приказом – не вмешиваться, что бы ни случилось, наблюдать, а в случае неудачи доставить информацию старшему командору «чувствующих».

Сергей видел, как его соратники атаковали особняк в садовом массиве на улице Юбилейной. Видел, как они погибли, столкнувшись с необычайно мощным отпором, и после этого спешно вернулся в «Зеркальную пирамиду».

– Петра... убили, – сказал Борис, сжимая кулаки и тяжело дыша. – Но кто? Кто эти сволочи?

– Один человек, и еще элохим, а из наших – Дмитрий, младшая рука «действующих», – сообщил Сергей. – Был еще кто-то, но он в бою участия не принимал, и я не разглядел, кто это.

– Вчетвером положили семерых? – Владислав покачал головой. – А до этого отбились от Белых Гончих... Нет, что-то тут не так. Это должны быть очень сильные маги.

– А ты вспомни, кто таков... этот Дмитрий, – прорычал Борис, глядя на младшего командора в упор. – Единожды ренегат... стал отступником вторично и подставил нас... с тобой!

Мысли о бегстве ушли, сменившись жадой мести – необходимо покарать тех, кто стал причиной того, что он, Борис Зорин, лишился власти и возможности получить еще большую власть! Уничтожить обоих, убить собственными руками, и после этого можно со спокойной совестью отправляться в изгнание.

– Я помню, – кивнул Владислав. – И именно поэтому не хочу с ним связываться. В архиве есть все параметры ауры Дмитрия. Может быть, проще сотворить энвольтацию на смерть?

– А я... хочу! И хочу убить его... собственными руками! – бывший старший командор снял с вешалки кожаную куртку. – Кроме того, на энвольтацию... нет времени. Сейчас мы... с тобой, – он повернулся к Сергею, – отправимся туда, где остались эти типы, и отомстим.

– Я с вами, – сказал Юрий.

– И мне деваться некуда, – кивнул Владислав. – Хотя сама идея мне очень не нравится.

– Главное... чтобы понравилось ее исполнение. – Борис забрал со стола «дипломат» и вышел из кабинета.

Посланец Симентьева – молодой маах'керу громадного роста – мялся и отводил глаза

под сердитым взглядом Ярослава. А в ответ на прямые вопросы только пожимал плечами и бормотал: «Ну, этого я не знаю».

– Стоп, хватит! – рявкнул, наконец, глава «Золотой розы» и ударил ладонью по рабочему столу. – Так-так. Выйди в коридор, позвони своему боссу и возвращайся с четким ответом! Вопросы следующие: когда он снимет свои заклинания с нашего источника, когда отпустит находящихся у него наших магов, и что он намерен предпринять по поводу интриги ордена Желтого Ока. Ты меня понял?

– Ну... – затащил ту же песню оборотень, но вовремя осекся. – Да, хорошо, сейчас узнаю.

Он вышел из кабинета, а Ярослав откинулся в кресле и потер лоб.

Несколько часов, что прошли с момента его возвращения в орден, выдались тяжелыми. Пришлось решить кучу дел, отдать сотню распоряжений, да еще и заняться совершенно неожиданными вещами – например, пообщаться с разъяренной Леной Соболенко.

При воспоминании о том разговоре Ярослав поморщился и покрутил головой: да, задала она им жару, пришлось забыть обо всем и срочно вернуть Олега Турнова в «Золотую розу»...

Но ничего, этот эпизод остался позади, впереди – война с орденом Желтого Ока, осмелившимся подставить «Золотую розу». Но интересно все же, кто сумел украсть у них информацию и разослать письмо? Чтобы сотворить подобное, нужно проникнуть в «Зеркальную пирамиду», пролезть в секретные архивы, а затем выбраться обратно живым и в здравом рассудке.

До сегодняшнего дня Ярослав думал, что подобное невозможно в принципе.

Дверь открылась, и через порог шагнул гороподобный маах'керу с мрачным выражением на физиономии.

– Босс велел передать, что ответит через час. Ему надо подумать, – сообщил оборотень.

– Очень хорошо, пусть думает, – кивнул глава «Золотой розы». – Артур тебя проводит, подождешь в машине.

Нечего этому громиле торчать в резиденции, особенно сейчас.

– Да, я понял, – маах'керу вышел в коридор.

Ярослав поднялся из-за стола и прошел к большому шкафу во всю стену. Из секции с посудой взял стакан и направился к холодильнику. Булькнула извлеченная из него бутылка минеральной воды.

Кабинетом в резиденции ордена Ярослав пользовался нечасто, только при необходимости. Обычные, рядовые дела решали заместители по «Аргусу» или маги второго ряда. Сам предпочитал работать в своем старом офисе на улице Рождественской, где начинал почти десять лет назад с крохотной фирмочки, занимавшей всего одну комнату.

Ярослав выпил стакан минералки и вернулся в кресло. Собрался нажать на клавишу селектора, чтобы вызвать Антона Григорьевича, но тут мягко запиликал лежавший на столе сотовый.

– Так, кто это еще? – пробормотал глава «Золотой розы», разглядывая незнакомый номер. – Да?

– Доброй ночи, – произнес в трубке шелестящий голос. – Я разговариваю с Ярославом Шишкиным, магом первого ряда?

– Да.

– Говорит магистр ордена Желтого Ока.

Услышав подобное заявление, Ярослав насторожился – маловероятно, что звонит самозванец, присвоить такой ранг и использовать его ради розыгрыша рискнет только самоубийца; но чего хочет лидер одной трети «бесцветных» Нижнего? Что затеяла эта хитрая лиса? Он пронюхал, что их интрига раскрыта? Или желает сообщить, что попавшая в Сеть информация – фальшивка?

– Очень внимательно слушаю, – пробормотал глава «Золотой розы».

– Надеюсь. Я должен заявить, что...

И дальше Ярослав с удивлением узнал, что задумка с подставой «Золотой розы» на самом деле принадлежит небольшой группе Наблюдателей, действовавших вне ведома и без приказа магистра. Их преступный замысел в данный момент раскрыт, все они изгнаны из рядов Желтого Ока и лишены его поддержки. Сам орден готов предоставить всю информацию об ударившихся в бега негодях, а также выплатить пострадавшим компенсацию.

– И в какой форме? – спросил Ярослав, чувствуя одновременно облегчение и разочарование.

Первое – из-за того, что войны, скорее всего, не будет, и все ограничится переговорами. Второе – по причине того, что месть, еще недавно рисовавшаяся столь масштабной и сладостной, окажется куда менее впечатляющей.

– Мне кажется, что в денежной, – ответил магистр. – Хотя мы можем поделиться с вами информацией. Но в любом случае конкретные формы компенсации будут определены в результате переговоров, и мы готовы начать их хоть завтра. А сведения, необходимые для поимки преступников, опорочивших доброе имя нашего ордена, можем предоставить прямо сейчас.

«Как же, преступников, – подумал Ярослав. – Наверняка они действовали по твоей указке, а теперь ты выбрал их на роль козлов отпущения. И ведь не подкопаешься – выражает раскаяние, готов помощь оказать. Эх, Олега бы сюда, он бы твою ложь мигом учуял».

– «Зеркальная пирамида» будет открыта для представителей «Золотой розы», – продолжал шуршать магистр, – а мы, в свою очередь, надеемся, что не произойдет никаких инцидентов...

– Так-так, это означает, что мы должны остановить приготовления к атаке? И придерживаться «Союз Семи»?

– Это было бы разумно.

– Очень хорошо. – Ярослав несколько секунд подумал. – Ждите, наша делегация будет у вас в течение часа. С Иваном я свяжусь, сообщу о вашем звонке, но боюсь, что «Союз Семи» тоже захочет компенсации. Как и клан Фоон, и Симентьев с Милиновичем. И ваши сородичи из Белых Вихрей.

– Я понимаю это и думаю, что мы решим все вопросы, – в голосе магистра прозвучало что-то вроде удовлетворения. – Да, еще важная информация. В данный момент все, зараженные эмбрионами слаш, и сами «черные» собираются на площади Лядова. Зачем – нам неизвестно, но мы готовы отправить туда наших лучших магов-целителей. Другого такого случая может не представиться, а остановить эпидемию необходимо.

– Да? Ладно, мы тоже кого-нибудь пошлем, – сказал Ярослав. – Кстати, не сумел ли орден Желтого Ока выяснить, кто сотворил то заклинание на телевышке? Кто были те трое?

– Увы, нет. Вся информация по проблеме, что есть в нашем распоряжении, будет передана вам.

– Тогда ждите нашу делегацию. Если что, я перезвоню, – и, не прощаясь, Ярослав разорвал связь.

Один-единственный звонок перевернул ситуацию с ног на голову! Придется связаться с Иваном, отменить договор насчет совместной атаки «Зеркальной пирамиды» и других объектов Желтого Ока. Но первым делом – отправить кого-нибудь на площадь Свободы, дабы убедиться, что магистр не соврал.

Ярослав нажал на клавишу селектора, и когда секретарша ответила, попросил:

– Антона Григорьевича ко мне.

В ожидании мага второго ряда откинулся на спинку кресла, потянулся к ящику стола, где хранил сигары. Вытащил одну, разорвал обертку и с помощью гильотинки обрезал кончик.

«А на Лядова мы отправим эту скандалистку Соболенко, и нескольких бойцов из «Аргуса» на всякий случай, – подумал Ярослав, щелкнув зажигалкой. – Пусть разведает, что

там творится».

Он затаился, и по кабинету поплыла струя ароматного дыма.

Общался Дмитрий с Ардиэлем всего пять минут, да и то в основном слушал.

– Понятно, – сказал он в завершение и убрал трубку от уха. – Все в порядке, он уговорил сородичей. Они вылетают на Лядова.

– Начинаем? – повторно спросил Глазастый, и Наблюдатель кивнул.

Олег, повинаясь его жесту, расположился в юго-западном малом круге, алев прошел в юго-восточный.

– Задача довольно простая, – сказал Дмитрий, заняв место в северном малом круге, – но решается она во множество этапов. Поэтому ритуал займет не менее тридцати минут, и поработать придется всем. Если что, я буду подсказывать. Главное – не действовать торопливо.

Он махнул рукой с зажатым в ней черным ножом, и тело Силы «бесцветного» заколыхалось, выбрасывая энергию. Запахло озоном, по линиям магического круга побежали сиреневые искры.

– Первый этап, – объявил Наблюдатель, – зарядка контура. Тут я справлюсь сам, ваша задача – следить, чтобы нигде не случилось пробоев или затыков. А если таковые обнаружатся, то немедленно исправить.

Он закрыл глаза и принялся монотонно бормотать себе под нос, покачиваясь вперед-назад, точно монах при молитве. Искры забегали быстрее, их стало больше, аромат грозы усилился.

На одном из лучей вписанной в большой круг звезды вспыхнул белый огонь. Олег, находившийся к ней ближе всего, поднял руку, выбросил немного энергии, чтобы устранить пробой. Огонь погас, на том месте, где он горел, осталось крохотное черное пятнышко.

Олег шагнул к нему, стараясь не наступать на символы, и мелом восстановил линию.

– Неплохая работа, – буркнул Глазастый, и тут ему самому пришлось вступать в дело: на внешнем круге обнаружилось место, через которое искры проскакивали с негромким шипением.

А это значит – сопротивление слишком мало, нужно его увеличить.

Дмитрий бормотал, а они вдвоем исправляли возникавшие то здесь, то там недочеты. Хрустальное яйцо спокойно лежало в центре звезды, время от времени меняя цвет с алого на белый и обратно. Очень тихо гудел холодильник, да доносились через забитое фанеркой окно шаги караульщика-деймона.

Наконец наступил момент, когда бегавшие по рисунку искры перестали встречать препятствия и линии чертежа засияли лиловым огнем. Наблюдатель перестал бубнить и открыл глаза.

– Второй этап, хе-хе, – сказал он. – Поляризация напряжений по всем шести направлениям. Мы...

Тут Дмитрий осекся, сбился посреди фразы, и Олег с ужасом подумал, что случится, если очередной приступ боли окажется слишком сильным и Наблюдатель не сможет продолжать.

Но «бесцветный» оправился, облизал бледные губы.

– Поляризация, – повторил он. – Шесть направлений. Я показываю векторы, вы их держите...

Наступила пора для сложной, высшей магии, в которой Олег в силу недостатка знаний и опыта мало чего понимал. Кусок пространства, заключенный внутри большого круга, словно выпал из обычного мира, в его пределах начали действовать свои, особенные законы.

Глухо звучал голос Дмитрия, плыли волны разноцветного сияния. Накатывала непонятно откуда исходившая вибрация, то теплая, то холодная, и центром мира, пупом мироздания сияло в центре пятнадцатилучевой звезды хрустальное яйцо.

Олег мог только реагировать на подсказки и выполнять свою часть работы – скромную,

если признаться честно. По всем признакам – слабости, холоду в руках и ногах – свободной энергии в его ауре оставалось очень немного, и ее приходилось экономить.

– Третий этап – раскрытие обликов, – сказал Дмитрий. – Теперь я сам!

Пассы, которые он делал, были завораживающе плавными и в то же время сложными. Руки порхали, описывая кривые, и вспышки света срывались с растопыренных пальцев.

Олег чувствовал толчки, говорящие о том, что нечто происходит, но что именно, не мог даже увидеть.

– Давай-давай! – подбодрил Глазастый, полностью убравший защитный кокон. – Смотри только, не вывернись сам наизнанку раньше времени, клянусь лунной радугой...

И он захихикал, сотрясаясь всем телом и вытирая лоб узкой ладонью.

Дмитрий ничем не показал, что услышал, резко выбросил руки вперед и вверх, и на месте хрустального яйца распустился дивный цветок, существующий как будто в четырех или пяти измерениях.

Меняющие цвет «лепестки» проникали друг через друга, причудливо изгибались. Края их дрожали, туманились, и невозможно было понять, где кончается один и начинается другой. Лишь в самом центре оставался клубок багрового сияния, казавшийся теперь плотным, словно камень или слиток железа.

– Что это? – спросил Олег, будучи не в силах оторвать взгляд от «цветка».

– Чтобы поразить то, что неуязвимо, сначала сделай его уязвимым, – наставительно сказал альв. – Мы сумели раскрыть яичко, расколоть его, и мягкая сердцевина перед нами, осталось ее только уничтожить! – Бледное лицо его исказилось, а руки сжались в кулаки.

– Четвертый этап – создание активной зоны, – неумолимо проговорил Дмитрий. – Давай!

Ярче засветилась звезда о пятнадцати лучах, заполнилась блеском, заколыхалась и словно поднялась над полом. И в этот момент Олега кольнуло в сердце, как всегда бывало, когда он сталкивался с фальшью или обманом. Он вздрогнул и торопливо огляделся.

Наблюдатель стоял, воздев руки, и от его пальцев словно тянулись сверкающие нити. Бушующее внутри звезды сияние понемногу двигалось вверх, становилось ярче и как-то плотнее.

Взгляд Олега упал на тот малый круг, внутри которого находился Глазастый, на набор символов под ногами альва.

Что-то там было не так – сами знаки тайного алфавита «бесцветных» казались не яркими и четкими, как везде, а смазанными; круг светился не ровно и уверенно, а время от времени мигал; и ближайшие к нему лучи звезды выглядели короче остальных и словно тоньше.

На миг подумалось – может быть, так все и нужно?

Сияние собралось вокруг рук Дмитрия, сконцентрировалось в облако. Затем поплыло дальше, вверх, и над головой «бесцветного» принялось сжиматься в шар, а из того полезли острые выступы.

Формировалось оружие, создавалось навершие гигантского энергетического моргенштерна, способного сокрушить хрустальное яйцо. И что-то при этом шло не так – лицо Наблюдателя было обеспокоенным, руки подрагивали, а в светлых глазах нарастало раздражение.

Шар начал пульсировать, выступы растаяли, на смену им выросли новые, но на этот раз тупые.

– Что такое? – воскликнул Глазастый, тоже заметивший непорядок. – Помощь нужна?

– Сам... справлюсь, – раздельно проговорил Дмитрий, скривившись от напряжения.

По фигуре его прошла судорога, он резко выдохнул, словно тяжелоатлет, поднимающий над головой рекордный вес. Пульсация шара унялась, выступы заострились, но зато начали куриться, словно барханы под ветром, и переползать с места на место.

– Нет... не выходит, – в голосе Наблюдателя прозвучало отчаяние. – Что-то не так...

– Может быть, здесь?! – крикнул Олег, указывая на малый круг под ногами альва. –

Вон, та надпись! Ради всех ершей, проверьте, что с ней такое! Наверняка какая-то ошибка!

В этот момент Турнову как никогда хотелось, чтобы ему и его чутью на фальшь поверили.

– Да все вроде в порядке, – заявил Глазастый, таращась себе под ноги и почесывая голову. – Может быть, ударить тем, что есть? Выглядит внушительно, все должно получиться.

– Нет... мы не имеем права рисковать, – проговорил Дмитрий, впившись взглядом в ту надпись, на которую указал Олег. – Сам понимаешь, убить себя я смогу только один раз.

– А если не рисковать, то что делать? Все начинать заново? Переделывать? – Судя по голосу, альв был близок к истерике. – Вы с ума сошли! Это же прорва работы! И время!

– Я тебя понимаю, но ничего не поделаешь. Я нашел ошибку. – Наблюдатель резко свел ладони, и шар света над его головой лопнул, точно взорвавшаяся звезда, в стороны полетели лоскуты огня.

Горячая волна ударила Олега в лицо, он инстинктивно прикрылся рукой. Ощутил, как его подняло, потащило куда-то, боль пронзила тело от пяток до макушки. На мгновение накатила паника, что выброс энергии окажется слишком сильным, что они погибнут, а дом Ардиэля превратится в развалины. Но тут же улетучилась, растворилась, когда осознал, что стоит на том же месте.

– Проклятие! – взвизгнул Глазастый, падая на колени. – Еще раз? Все еще раз? Из-за ничтожной ошибки?! Ты, идиот! Как можно было не заметить? Как, провалиться мне в черную шахту!

– Встань, – ответил Дмитрий, скрипнув зубами. – Не порти рисунок, он нам еще пригодится.

Магический чертеж был точно таким же, как до начала обряда – начерченные мелом круги, звезда, ряды символов. Самодовольно лучилось алым хрустальное яйцо, в этот момент донельзя похожее на заполненный кровавой злобой глаз.

Олег ощущал себя измотанным, словно после многодневной операции в афганских горах, когда мечтаешь только об одном – выспаться. Руки подрагивали, и немалого труда стоило сдерживать рвущееся наружу тупое раздражение.

– Проклятие... – повторил Глазастый, поднимаясь. – Исправляй, что ли, и попробуем еще раз.

Дмитрий шагнул назад, выходя за пределы большого круга, и неожиданно замер, к чему-то прислушиваясь. Альв окутался туманом, его фигура исчезла из виду, стала призраком, фантомом.

– Вниз! – выкрикнул Наблюдатель.

Олег упал на пол мгновенно – сработали инстинкты армейских времен. Секундой позже в стене образовалась дыра, и в нее с ревом вырвалось пламя. Огненный сгусток ударил в холодильник, и тот взорвался, точно бомба. В стороны полетели куски железа, осколки стекла, ошметки продуктов. Все вокруг затянуло струями серого дыма и белого пара.

Что-то ударило Олега по виску с такой силой, что в голове загудело, царапнуло по лбу. Горячее потекло по переносице, соленое капнуло на губу, и он осознал, что получил рану.

Откатился в сторону, к дивану, и схватил лежавший на нем «Глок».

Дом качнулся, словно его пнул великан, с потолка посыпалась побелка, что-то задребезжало под полом. Клубы дыма, затянувшие кухню, начали развеиваться, и Олег увидел, что хрустальное яйцо лежит на том же месте, а пол завален всякой дрянью. Глазастый исчез из виду, а Дмитрий обнаружился под столом, где пытался встать, опираясь на дрожащие руки.

Из коридора, ведущего к входной двери, слышались шаги, и на кухню ворвался Наблюдатель. Взмахнул рукой с зажатым в ней длинным жезлом и отлетел назад, когда пистолетная пуля пробила ему грудь.

– Получи! – прохрипел Олег, поднимаясь на колени.

Жезл выпал из разжавшейся ладони, покатился по полу. В дверном проеме показался

еще кто-то, но второй раз выстрелить Олег не успел. Точно невидимая кисть сжала ему запястье, отвела оружие в сторону.

Сил на то, чтобы отбить «длинную руку», у Турнова не было.

Переступив через дымящийся мотор холодильника, на кухню прошел широкоплечий мощный мужчина с тяжелыми надбровными дугами над темными глазами и шишками на голом сером черепе.

В дом Ардиэля явился Борис Зорин, старший командор языка «чувствующих».

Глаза его пылали злобой, а кулаки были сжаты, будто плечистый Наблюдатель собирался драться.

– Вот и встретились, – сказал он, не отпуская Олега и меряя Дмитрия презрительным взглядом. – Ты сделал так, чтобы... я рухнул. Я сделаю так, чтобы... ты умер...

«Бесцветный»-ренегат приподнял голову, и «призрачный клинок» прянул от его лба с такой скоростью, что Олег не увидел движения. Заметил лишь голубоватый блик и то, как дернулся Борис. Взметнулась его рука, отражая удар, и от ладони полетели белые искры, точно от бенгальского огня.

– Зря стараешься, – проговорил Борис. – Не знаю, чем... ты занимался, но ты истощен. Сейчас ты только... жертва. И что это за штуковина валяется? – Взгляд его обратился на хрустальное яйцо. – Удивительно. Эй, Владислав, иди сюда! Тут... есть на что поглядеть!

Зазвучали осторожные, мягкие шаги, и на кухне появился еще один Наблюдатель – маленький, полный, в длинном пальто. Этот спрятал ауру, но Олег почувствовал в толстячке скрытую силу.

– На что глядеть? – спросил тот, кого называли Владиславом, и подозрительно осмотрелся. – Ты уверен, что у них больше нет козыря в рукаве? Мы и так разменяли двоих на одного...

Олег понял, что дейвона погиб, но захватил с собой и кого-то из нападавших.

– Какие... козыри? – хмыкнул Борис. – Вот они. Было трое, как Сергей и говорил. Одного мы... убили. Двое перед тобой. Слабые и беспомощные, точно кутята. И сейчас... они тоже сдохнут!

Последнюю фразу старший командор прорычал, его лицо перекошилось от бешенства.

– Тогда поспешим, – сказал Владислав. – Не стоит тратить время на болтовню.

– Само... собой. Умри, предатель! – Борис медленно поднял правую руку, улыбнулся.

Прямо за его спиной из воздуха проявился нечеткий силуэт Глазастого. Альв повел кистью, и тонкая ледяная игла вошла старшему командору в затылок. Глаза того налились кровью, он покачнулся и принялся разворачиваться.

Олег почувствовал, как ослаб незримый захват на его руке, и навел пистолет на ошеломленно моргавшего Владислава. Нажал на спусковой крючок. Громыкнуло, багровая дыра возникла во лбу толстячка, и он рухнул на мотор от холодильника, разбрызгивая вокруг себя кровь.

– Ты-ы? – с ненавистью просипел Борис, глядя на альва.

Он шатался, но упрямо стоял и не спешил умирать, хотя кончик ледяной иглы торчал у него из горла, а основание выпирало из затылка. Кровь стекала в ложбинку между ключиц, в груди старшего командора kloкотало.

– И я! – Дмитрий поднялся с колен и вновь атаковал «призрачным клинком», но на этот раз – успешно.

Возникшее из ничего голубоватое лезвие воткнулось Борису в спину, пробило тело насквозь. Старший командор языка «чувствующих» ордена Желтого Ока захрипел и упал вперед.

Альв едва успел отскочить в сторону.

– Последний, – тупо сказал Олег, глядя на тела.

– Кто? – спросил Дмитрий.

– Патрон последний. – Олег дернул спусковой крючок, давая понять, что обойма опустела.

– А, вот что... – Наблюдатель вздохнул, покачал головой. – Я о другом подумал... Хотя что там кричал этот здоровяк насчет собственного падения? Кажется мне, что в ордене кое-что изменилось...

– Не до ордена сейчас! – воскликнул Глазастый. – У нас очень мало времени!

Неведомо как уцелевшие во всей этой кутерьме настенные часы показывали два ноль пять. До того момента, как на площади Лядова начнется «цепная реакция», оставалось менее часа.

– Да... – Дмитрий осекся, потому что у него в кармане зазвонил телефон. Пospешно вытащил трубку. – Да. Еще не сделали. Нам помешали, хе-хе. Мои сородичи. Да, я понимаю, и мы поспешим. А у вас там что? Не получается? Хорошо, хорошо, немедленно.

Звонил, судя по всему, Ардиэль, и дела у элохим шли не самым лучшим образом.

– За дело, – сказал Дмитрий, убрав сотовый. – Крылатые не справляются, но это понятно – чтобы сладить с толпой зомби, нужен «черный», а не толпа «белых». Так что на нас вся надежда.

Олег положил разряженный пистолет на диван, схватил за руку труп Бориса, чтобы утащить на задний двор, где мертвые Наблюдатели из первой «партии» наверняка превратились в серую вонючую слизь. Дмитрий поволок следом тело толстячка, а Глазастый принялся откидывать мусор с магического чертежа.

Труп в коридоре решили пока не трогать – не мешает, и ладно.

На то, чтобы смести в сторону начавшие таять пельмени, убрать сладко пахнущие ляпушки, недавно бывшие кусками торта, и избавиться от бурого месива, в которое превратилось лечо, понадобилось десять минут. Затем восстановили стершиеся линии, и еще пять Дмитрий потратил на исправление ошибочной надписи и проверку остальных.

Глазастый нервно ежился и поглядывал на часы, а Олег просто ждал.

Он слишком устал и вымотался, для того чтобы переживать или бояться – все просто, либо они преуспеют, и тогда все будет хорошо, либо нет, и тогда вскоре погибнут вместе с остальным городом.

– Ну вот, – сказал Наблюдатель, поднимаясь с колен. – Самое время попробовать еще раз.

На настенных часах было два двадцать пять.

Глава 18

Вернувшись домой, Сергей Жарков сел за компьютер и принялся за дело.

Собранный за последние дни материал просился «на бумагу», мысли теснились в голове, и репортер газеты «Нижегородский городской» работал истово, не отвлекаясь и не глядя по сторонам.

Он «переформатировал» интервью, описал собственную попытку проникнуть в офис «Аргуса». Изложил биографию Ярослава Шишкина и всюду натыкал вопросов: неужели в нашем городе действует тайная масонская ложа? Насколько велика ее сила? Что планируют предпринять власти?

Материал выходил знатный, солидный, и Сергей улыбался, предвкушая, какое впечатление он произведет на читателей, как газету будут разметать из киосков, а его собственные карманы значительно потяжелеют...

Удастся или нет вывести на чистую воду Шишкина, Жаркова интересовало мало.

– Замечательно, – промурлыкал он, закончив черновик статьи, и принялся просматривать фотографии.

Отобрал с пяток наиболее удачных, на его взгляд, и только после этого обратил внимание на время: цифры в правом нижнем углу экрана сообщали, что дело подходит к двум ночи.

– Заработался, – сказал Сергей и потянулся так, что в спине хрустнуло. – Спать?

Осталось выпить чаю, сжевать что-нибудь, чтобы заглушить голодное бульканье в

желудке, и отправиться на боковую. А завтра с утра позвонить в редакцию и сообщить, что у него есть сенсационный материал, и пусть готовят место на первой полосе вторичного номера...

Жарков выключил комп, собрался потянуться еще раз, и тут затрезвонил его сотовый.

– Кто еще? – пробормотал Сергей, взяв трубку со шпеньком антенны. – Ого!

Определитель номера сообщил, что на ночной звонок решился осведомитель, проходящий в «картотеке» Жаркова под кличкой «Темный».

Его услугами репортер пользовался редко, ни разу не встречался лично, а расплачивался какими-то мизерными, символическими суммами, отправляя их почтовыми переводами. И терпел такое положение вещей лишь потому, что Темный был невероятно осведомлен в разных темных делах.

Порой без него было просто не обойтись.

Как-то раз Сергей попытался выяснить, кто таков его информатор, предпринял определенные шаги... и в тот же день с его машины сняли покрышки, а сам он получил по морде от уличных хулиганов.

Вечером Темный позвонил и очень вежливо объяснил, что «любопытство для журналиста – профессионально необходимое качество, но в отношении меня – грех, и будет наказываться». Жарков тогда сказал, что все понял и больше не будет, и впервые задумался, кто же кого использует на самом деле.

И сейчас трубочку лучше взять – информатор наверняка знает, что Сергей не спит.

– Да? – сказал он.

– Доброй ночи, – произнес Темный хриплым старческим голосом. – Не разбудил?

– Нет. Я еще работаю.

– Ну и славно. Советую продолжить работу на вольном воздухе. А именно – на площади Лядова. Там творится нечто крайне любопытное. Я полагаю, что вам стоит туда съездить.

Несмотря на мягкость тона, «я полагаю» прозвучало как «ты должен».

– Вы уверены? – Жарков с тоской глянул в окно, где в свете фонаря видно было, как падает смешанный с дождем снег.

– Конечно. Разве я когда вас подводил?

Вопрос был риторическим – то, что сообщал Темный, всегда оказывалось правдой, причем правдой полезной.

– Хорошо, я еду, – сказал Сергей.

– Вот и славно. До встречи, – и информатор разорвал связь.

Жарков выругался, помянув «полуночных звонильщиков», и отправился на кухню. Торопливо проглотил два бутерброда с колбасой и принялся собираться. Захватил «рабочую» сумку, накинул куртку и выскочил в подъезд.

Через пять минут белый «Фиат Пунто» катил мимо Нижегородской ярмарки в сторону Канавинского моста.

До Лядова Сергей добрался быстро, а едва выехав на площадь, резко ударил по тормозам. Переключился на заднюю передачу и сдал в ближайший переулок, где и остановил машину.

Чутье подсказало ему, что сейчас лучше не высовываться.

Выбравшись из «Фиата», Жарков дошагал до крайнего со стороны площади дома и осторожно выглянул из-за угла.

– Вот так номер... – пробормотал он, думая, что Темный ничуть не преувеличил.

На Лядова и вправду творилось нечто любопытное: между второй общагой политеха и центром площади колыхалась толпа, огромная, из нескольких тысяч человек, и для такого размера крайне молчаливая. Люди стояли на тротуаре и на проезжей части плотными рядами и словно чего-то ждали.

С краю толпы наблюдалось движение, но что именно там происходит, Сергею видно не было. А у торца здания преспокойно стояла патрульная машина, и на ее крыше помаргивала

синим и алым включенная мигалка.

«Что за бред? – подумал Жарков. – Митинг? Но в два часа ночи? Или у нас государственный переворот?»

Сам посмеялся над дурацким предположением и осторожно зашагал вперед, обходя площадь по периметру. Перешел Белинку и оказался рядом с милицейской «Волгой».

Полез во внутренний карман, ожидая, что дверцы распахнутся, стражи порядка вылезут наружу, и придется предъявить удостоверение. Но этого не случилось, и Сергей подошел к машине вплотную.

Увидел, что внутри находятся двое патрульных, и что оба, судя по свесившимся на грудь головам, крепко спят.

– Наша служба и опасна, и трудна, – буркнул Жарков.

Тот из патрульных, что сидел справа, неожиданно поднял голову, поднес ко рту микрофон рации и принялся что-то оживленно говорить в него, при этом не открывая глаз!

– Я сплю? – Сергей на всякий случай ущипнул себя, но это ничуть не помогло.

Уронив руку и голову, патрульный вновь задремал, и Жарков торопливо пошел прочь. Где-то в глубине души заворочалось подозрение, что он влез в такую историю, которая ему не по зубам и приведет к неприятным последствиям.

Сергей помотал головой и послал дурные предчувствия по известному всякому русскому адресу из трех букв.

Через двадцать шагов он подошел к толпе вплотную. Замедлил шаг, ожидая любопытных и недоброжелательных взглядов. Но никто не обратил на него внимания, даже головы не повернул.

Тут были разные люди – молодые и старые, мужчины и женщины, бомжи в рванье и дамочки из высшего света, студентки и пенсионеры. Но все они стояли неподвижно, вроде даже не моргали и походили на восковые куклы. Многие выглядели так, словно одевались поспешно – без шапок, в расстегнутых пальто и куртках. Но ни холод, ни снег с дождем никого не беспокоили.

И еще витал тут мерзкий запах, наводивший на мысли то ли о помойке, то ли о могиле.

– Вот так номер... – повторил Жарков. – Что здесь, психотронное оружие испытывают?

Отсюда он смог разглядеть, что творится у того края толпы, который находился на проезжей части.

Там суетились здоровенные высокорослые мужики, хватали людей и тащили прочь. Никто не сопротивлялся, не протестовал, но что-то, вероятно, мешало громилам. Сергей видел, как вырванные из скопления люди шагали обратно, и заметил еще какие-то странные вспышки – словно за остановкой, у торгующего кассетами и дисками ларька, работал сварочный аппарат.

– Все чудесатее и чудесатее, все страньше и страньше, – буркнул он и подергал за рукав пуховика безобидно выглядевшего работягу средних лет. – Эй, мужик, что тут творится?

Работяга медленно повернул голову, посмотрел на Жаркова, и тому стало не по себе – на него глядели мертвые, совершенно пустые глаза, лишённые какого-либо осмысленного выражения.

– Э... ладно, я сам... не надо... – забормотал он, медленно пятясь.

Сейчас главное – сделать снимки, причем побольше, с разных ракурсов, дабы в кадр угодила и общага, и площадь Лядова, и милицейская «Волга» со спящими патрульными. Чтобы потом никто не посмел завопить – подделка! Но при этом не попасться на глаза вон тем крепким парням, вряд ли они будут рады тому, что их мощные фигуры очутились в объективе.

Сергей улыбнулся и полез в сумку за фотоаппаратом.

– Ты все поняла? – спросил Ярослав, глядя на Лену одновременно раздраженно и решительно.

– Само собой, – ответила она. – Отправиться на площадь Лядова, проверить, что там творится, и доложить. Машина ваша, водитель предупрежден, Артур выделил нескольких парней для сопровождения. Так?

– Очень хорошо. Иди, – сказал Ярослав, после чего добавил: – Только без приказа ни во что не вмешивайся, ладно?

Лена гордо промолчала, встряхнула волосами и пошла к двери.

«Парни» и сам глава «Аргуса» ждали ее внизу, в вестибюле, причем вид у Артура был слегка пришибленный.

– Вот, – сказал он. – Они отправятся с тобой.

Троица крепких молодцев дружно заулыбалась, но ухмылки исчезли с лиц, стоило Лене нахмуриться. Слухи о том, что она, один из магов третьего ряда, каких в ордене не один десяток, устроила настоящую головомойку самому Ярославу, успели разойтись и произвели впечатление.

– За мной, – скомандовала Лена и пошла к дверям.

Серебристая «Витара» ждала у крыльца, за рулем скучал крепыш Виталик, личный шофер Ярослава, пришедший на смену Василию, погибшему летом, во время покушения.

– Куда ехать, а? – лениво поинтересовался он, когда бойцы разместились на заднем сиденье, а Лена села рядом с водителем.

– На Лядова, – ответила девушка.

Когда выехали на площадь Горького, Лена сказала:

– Чуть придержки, я морок сделаю.

Виталик посмотрел на нее удивленно, но скорость сбросил. А девушка глубоко вздохнула, закрыла глаза и принялась водить перед собой руками, накладывая на машину заклинание. Прикрытую им «Витару» в течение пятнадцати минут никто не увидит, и не услышит шума ее мотора.

Днем такой поступок был равносител самоубийству – в пустое место, каким стала машина, обязательно кто-нибудь врежется. Но сейчас глухая ночь, улицы безлюдны, и Лена надеялась, что все обойдется.

«Витару» окутала серебристая дымка, и в следующий момент исчезла. Виталик нажал на газ. Но едва они выскочили на Лядова, он резко ударил по тормозам и матюкнулся шепотом.

– Это еще что такое? – растерянно спросил один из бойцов «Аргуса», тот, что сидел прямо за Леной, с длинными светлыми волосами и носом картошкой, откликнувшийся на имя Степан.

Площадь была забита народом, плотная толпа занимала чуть ли не треть ее. По соседству стояли люди, Часовщики, дейвона, сатра, маах'керу и уроженцы других сфер. Все они выглядели странно неподвижными, ауры казались блеклыми, словно у тяжелобольных.

Напротив того места, где находилась скрытая толпой остановка, наблюдалось движение. Примерно два десятка элохим, используя и заклинания, и физическую силу, пытались разгонять собравшихся.

Схваченный мощными руками человек, сатра или верог шел туда, куда его вели, но стоило «белому» ослабить хватку, как его жертва пыталась развернуться и пойти обратно. Обездвиживающее заклинание лишало ее возможности вернуться в толпу, и безвольно обвисшее тело оттаскивали в автобус, видневшийся у подземного перехода.

Слева от общаги, уже на Белинке, у обочины, напротив магазина автозапчастей стояла милицейская «Волга» с включенной мигалкой.

– Если бы я точно знала, дружок, я бы тебе сказала... – растерянно проговорила Лена. – Эти все – вроде зараженные, покусанные слаш, да и сами «черные» где-то там в толпе. Наверняка затеяли какую-то пакость. Что тут надо элохим и чего они так торопятся, я не понимаю. С ментами все пока неясно... похоже, что их приглушили заклинанием.

– А вот тот хлыщ чего делает? – спросил расположившийся по центру жилистый и узкоглазый боец «Аргуса».

Невысокий мужчина с сумкой на боку, в кожаной куртке и такой же бейсболке торопливо щелкал фотоаппаратом, снимая толпу от торца политеховской общаги. При этом он постоянно озирался, точно понимал, что творит нечто не очень хорошее, и боялся, что его за этим застигнут.

– А я его знаю, – сказал Степан. – Это журналюга, что в офис «Аргуса» вчера приходил. Или позавчера? Ну, сразу после капитуляции. Хотел с самым большим боссом встретиться.

– Журналист? Подозрительно это, – насторожилась Лена. – Так, Виталик, кати к этому хлыщу. Как окажемся рядом, ты, Степан, выскакивай и хватай его. Сознания лиши и свяжи. Потом допросим, разберемся, как он сюда попал, и что ему нужно было от Ярослава.

Водитель кивнул и принялся крутить руль. «Витара» выехала на встречную полосу и подкатила к тротуару. Когда притормозила в нескольких метрах от мужчины с фотоаппаратом, Степан резко распахнул дверь и выскочил наружу.

«Хлыщ» оглянулся, стало видно его лицо, довольно молодое, испуганное, и глаза, полные удивления.

– Нет! – успел воскликнуть он, но тут Степан приступил к делу.

Обманный замах, тычок под ложечку, и любитель ночных снимков сгибается. Удар по затылку, он теряет сознание, и Степан придерживает его за шиворот, чтобы «хлыщ» не упал лицом вниз.

Подхватывает и тащит к машине.

– Чистая работа, дружок, – сказала Лена, вылезая из «Витары». – Виталик, проедь чуть дальше, вон к семейной общаге, чтобы вас никто случайно не протаранил. Остальные двое – за мной. Надо проверить, что там с ментами, а затем по душам побеседовать с «белыми».

В компании двух бойцов «Аргуса» направилась к милицейской «Волге». Подойдя вплотную, заглянула внутрь и постучала в окошко, но ни один из мирно спавших внутри патрульных не отреагировал. Девушка приоткрыла дверцу, и понимающе кивнула, заметив над головой у каждого лазоревый «нимб».

– Все ясно. «Живой сон», – пробормотала она. – Эти парни уверены, что бодрствуют.

– Все под контролем, гражданка, – сказал тот из милиционеров, что сидел за рулем. Он даже приподнял голову, но глаза его остались закрытыми. – Покиньте охраняемую территорию.

– Да, конечно, – Лена прикрыла дверь машины и зашагала обратно, а затем и к центру площади, чтобы обойти толпу.

Бойцы «Аргуса», позевывая и поеживаясь, потащились следом.

По дороге девушка вглядывалась в тех, кто продолжал стоять, тупо пялясь перед собой. Больше всего тут было, конечно, людей, но попадались выходцы из всех сфер, представленных в Нижнем Новгороде.

Заметила слаш, дрожащего, согнутого, изо рта у него текла черная слюна, обнаружила женщину-элохим, чьи крылья блестели червонным золотом, нескольких верог. Что могло собрать вместе столь разных существ, подчинить и ликвидировать их волю?

– Жутко, елы-палы, – буркнул молчавший до сих пор боец. – Словно трупы, честное слово.

Лена вздрогнула – настолько точно оказались выражены ее мысли.

Здесь были не люди, маах'керу или Часовщики, а только их оболочки, лишенные разума, но не жизни. Вблизи ауры выглядели еще хуже, чем издали – съезжившиеся, тусклые, с неровными, будто обгрызенными краями. И царил надо всем мощный «аромат» падали.

Чтобы обогнуть скопление народа, пришлось сделать крюк до середины площади. И вот тут, около небольшого «островка», заросшего деревьями, Лена наткнулась на элохим, находящегося в здравом рассудке.

– Привет, – сказала она крылатому гиганту, вытащившему из толпы девушку, почти ребенка.

Закутанный в серебристый «плащ» какого-то защитного заклинания элохим обернулся,

глаза его блеснули удивлением.

– Люди? – спросил он. – А вы что тут делаете?

– Мы, дружок, пытаемся узнать, что здесь происходит.

– А мы пытаемся предотвратить катастрофу! – Крылья за спиной «белого» развернулись, голос зазвучал громче, в нем появились истерические, пафосные нотки: – Помогайте или немедленно бегите как можно дальше, прочь из города! Иначе вы рискуете погибнуть! И не подходите к этим, – он указал на толпу, – они все заражны!

– Это я знаю. – Лене очень хотелось рывкнуть на элохим, но она понимала, что делать этого не стоит. – Но что за катастрофа, и почему надо бежать, ты можешь объяснить?

– Нет. Мне некогда. – «Белый» легко закинул девушку на плечо и зашагал к автобусу. – Вон Ардиэль! – Рука поднялась, указывая на крылатого, избравшего этот момент, чтобы воспарить над площадью. – Он все знает!

– Сам Ардиэль? – Девушка хмыкнула, покачала головой. – Ладно, побеседуем и с ним...

Пришлось пройти с пару десятков метров и крикнуть, приложив ко рту ладони. После этого паривший в вышине элохим обратил внимание на представителей «Золотой розы» и спустился.

– Чего вы хотите? – спросил он.

– Мы... – Лена осеклась, повернула голову на донесшийся со стороны Покровки рык мотора.

На Лядова выехал старый раздолбанный оранжевый «Икарус», остановился на противоположном краю площади. Со скрипом открылись двери, и наружу начали выбираться Наблюдатели.

– Этим что тут надо? – недружелюбно пробурчал Ардиэль.

– Я полагаю, что они хотят помочь, – сказала Лена. – Исправить то, чему стали причиной.

– Да по хрену мне их желания! – неожиданно взорвался элохим. – Это все потом! Сейчас нужно разогнать эту толпу, как можно быстрее убрать из нее побольше народу! Иначе в три часа начнется то, от чего не смогу уберечься даже я! Все погибнут! Все! Город станет кладбищем!

И столько чувств – ярости, отчаяния, боли – прозвучало в его словах, что Лена поверила, сразу и безоговорочно.

– Вы слышали? – повернулась она к бойцам. – Помогайте им! Ардиэль, закройте этих парней какой-нибудь защитой от заразы, а я пока позвоню Ярославу, он пришлет помощь...

Набирая номер на телефоне, она глянула на часы: два сорок пять.

До апокалипсиса на площади Лядова оставалось пятнадцать минут.

Олегу очень хотелось сделать три шага в сторону, упасть на диван и заснуть. Но он стоял, и не просто стоял, а еще следил за происходящим и принимал в нем участие. Он понимал, что без него ритуал не будет доведен до конца, и тогда все – Нижний Новгород станет империей смерти.

Все шло так же, как и в первый раз.

Пахло озоном, по линиям магического чертежа бегали искры, Дмитрий бормотал себе под нос. Олег и Глазастый поправляли те места рисунка, где возникали пробой или застои энергии.

Контур заряжался.

Хрустальное яйцо пульсировало, красное свечение в его глубинах бурлило, точно кипящая лава. Казалось, что вот-вот оно прорвет тонкие прозрачные стенки, хлынет наружу, затопит разгромленную кухню, превратит в пепел весь дом и зальет ближайшие окрестности.

Первый этап закончился, Дмитрий принялся за поляризацию напряжений. Заструились потоки розового, желтого и лилового сияния, переплетаясь и смешиваясь, мир вокруг начал подрагивать. У Олега все поплыло перед глазами – не столько от бьющих по ауре мощных

энергетических потоков, сколько от слабости.

Пришлось жестоко, до боли потерять уши.

Наблюдатель перешел к «раскрытию обликов», и руки его вновь задвигались, как две танцующие в воздухе птицы. Вспышки на кончиках пальцев дали понять, что происходит выброс энергии.

В какой-то момент Дмитрий пошатнулся, едва не потерял равновесие, и Олег сжал кулаки – неужели «бесцветный» не выдержит? – но тот выпрямился и простер перед собой руку. Сияние хрустального яйца ослабело, частично растворилось в свечении многомерного, многокрасочного цветка, сделалось уродливым багровым пятном на радужном фоне.

– Еще немного, еще чуть-чуть, последний бой – он того... – просипел альв, и Олег, скосив на него глаза, увидел, что по подбородку «голубого» течет кровь. – Не спи, клянусь лунной радугой...

Четвертый этап, создание активной зоны, на этот раз дался много тяжелее. Наблюдатель лишь со второй попытки оторвал от пола сияние, скопившееся в пятнадцатилучевой звезде. Оно поползло вверх, формируя шар, усеянный острыми выступами.

Олег напрягся, ожидая, что и сейчас все пойдет не так, что обнаружится новая ошибка...

– Есть, – сказал Дмитрий, и рот его задергался, словно Наблюдатель пытался улыбнуться, но не мог.

– Вот рыба ерш... – Олег почувствовал невероятное облегчение. – Что дальше?

– Пятый этап. – Дмитрий наконец справился с непокорными губами, и они сложились в ироничную усмешку. – Рассеивание объекта или... – голос его дрогнул, – смерть.

Он вытащил из-за пояса тот самый черный нож с волнистым лезвием, поднял его над головой. Олег зарычал, стиснул зубы, облегчение сгинуло, как тишина при появлении ватаги детей.

«Бесцветный»-ренегат, осмелившийся пойти против ордена, соратник, с которым вместе ходили в «Зеркальную пирамиду», обыскивали подземелья под кремлем, сражались с Белыми Гончими, собирався принести себя в жертву, чтобы спасти целый город.

Это было правильно, но это было мерзко, и противно, и больно...

Рука с ножом пошла вниз, и следом двинулся с места огненный шар, качнулся вперед, описывая дугу, набирая разбег. Глазастый всхлипнул, что-то забормотал, мелко вздрагивая.

Дмитрий сделал шаг к центру чертежа, к тому месту, где внутри сплетения мерцающих, меняющих очертания лепестков билось «сердце» из алого огня. Улыбнулся, на этот раз во весь рот, торжествуя и вместе с тем горько, и вонзил антрацитовое лезвие себе в грудь.

Пошатнулся, но устоял, хлынула кровь, на фоне сияния показавшаяся черной.

Когда первые капли упали на хрустальное яйцо, то оно вновь стало белым. Темные потеки заструились вниз по гладким бокам, поползли необычайно медленно. А через мгновение в артефакт, оставленный в Нижнем тремя чужаками, врезался описавший дугу шар пламени.

Олег успел еще разглядеть, как Дмитрий падает вперед, и после этого ослеп...

Яркий свет хлестнул по глазам, дикая боль затопила череп, хлынула вниз по позвоночнику. По ушам ударил громогласный треск, пол под ногами зашатался, Турнов взмахнул руками, пытаясь сохранить равновесие.

Треск превратился в гром, в живот ударило нечто тяжелое, вышибло дыхание.

– Аааааа! – пробившийся через грохот катаклизма дикий вопль мог принадлежать только Глазастому.

Олег отступил на шаг, запнулся обо что-то и шлепнулся на задницу. Заморгал и понял, что все исчезло – и сверканье, и грохот, и даже терзавшая тело боль. Остался только запах гари и негромкое поскуливание, да еще холодное, мокрое прикосновение ко лбу.

Подняв глаза, Олег увидел, что крыши над головой больше нет, чтоверху черное небо. Огрызки стен сохранились, и на одном из них продолжали безмятежно тикать круглые

часы.

Они показывали два пятьдесят семь.

Поскуливание исходило из-за покрытого пылью и грязью дивана, где что-то шевелилось.

– Глазастый, ты? – спросил Олег.

– А кто же еще? – выглянул из-за спинки альв, сквозь белый туман сверкнули его синие глаза.

– У нас получилось?

В голове царила гулкая пустота. Чтобы вызвать из небытия какую-нибудь мысль, приходилось напрягаться. Шевелить языком тоже удавалось с трудом, но в остальном Олег чувствовал себя сносно. Понятно, что ныли и болели полученные за последние дни синяки, порезы и ожоги, но на них можно было пока не обращать внимания.

– Смотря что. – Глазастый поднялся, кокон его стал чуть менее густым. – Если мы ставили целью разгромить дом того зазнайки элохим, то да...

Альв не преувеличивал: в крыше образовалась дыра размером с кухню, от находившегося над кухней помещения не осталось и следа; от нескольких стен сохранились только воспоминания, другие тоже пострадали; с того места, где стоял Олег, можно было видеть входную дверь и даже задний двор.

Снежинки залетали на кухню, несмело кружились и опускались на груды обломков. Олегу вспомнилась строка из песни группы «Кино»: «Мы заходили в дома, а в домах шел снег».

– ...если мы решили раздолбать то яичко, то тоже да, – продолжил Глазастый, выбираясь из-за дивана. – От него мало что сохранилось... хотя нет... вон та блестящая пыль.

В центре кухни лежал Дмитрий, почему-то лицом вверх, и на лице его стыла та же улыбка, голубые глаза блестели. В руке принесший себя в жертву Наблюдатель держал черный нож, на груди темнела рана, кровь из нее больше не текла. Пол вокруг был усыпан поблескивавшей в темноте пылью, напоминавшей мелко истолченное стекло или алмазную крошку.

– А если насчет главного, – альв отряхнул с дивана пыль и уселся на него, – то это мы скоро узнаем. Заклинание лишилось подпитки энергии, это факт. Но что с ним произошло потом...

Олег сел рядом с Глазастым, ощутил, что зверски, до судороги в животе, хочет курить. Недавно казавшаяся неодолимой усталость отступила, затаилась, но он знал, что скоро она вернется, чтобы взять реванш.

Минутная стрелка переползла через верхнюю точку циферблата и двинулась дальше.

– Надо глянуть, – сказал альв. – Взлечу повыше, посмотрю, что на Лядова творится.

Они прошли мимо уцелевшей во всех передрягах боксерской груши и через выбитую второй раз за ночь дверь выбрались на крыльцо. Глазастый поежился, кокон вокруг него загустел, и облачко белого тумана поплыло вверх, в темное небо, продолжавшее сеять снег с дождем.

Через несколько секунд Олег потерял его из виду.

Невольно вздрогнул, когда альв появился рядом, на высоте буквально метр.

– Чего там? – спросил Турнов.

– Ничего, – отозвался Глазастый. – Чисто. Похоже, мы и вправду победили... А еще сюда едет машина.

Олег и сам уловил приближающийся рев мотора.

– Милиция? – спросил он, думая, что сил нет даже на простейший морок.

– Нет, думаю, что это кое-кто другой, – ухмыльнулся проявившийся из тумана альв. – Мне с ними встречаться не стоит. Полечу потихоньку домой, к утру доберусь. До встречи, Рыцарь, – он помахал тонкой белой рукой. – Заходи, если чего. Я скажу своим, чтобы тебя ко мне всегда пускали.

– До встречи, – проговорил Олег, глядя, как уплывает вверх и в сторону белесое облачко.

Рев мотора стал громче, свет фар упал на ворота, и через мгновение по другую сторону от них остановился микроавтобус «Фольксваген». Захлопали дверцы, послышались голоса, и через калитку к дому ринулись люди в камуфляже, в шапочках-масках, с пистолетами в руках.

Олег на всякий случай поднял руки.

– Рыцарь? – спросил один из людей в камуфляже и опустил оружие. – Ты что тут делаешь?

– Курить хочу, – честно ответил Олег.

– Вот ничего себе... – заговоривший закатал шапочку-маску, стало видно круглое простецкое лицо Володьки, одного из взводных «Аргуса». – Куревом мы тебя обеспечим. Наблюдателей не видел?

– Сколько угодно. – Олег взял сигарету из протянутой пачки, благодарно кивнул. – Оптом и в розницу. Даже целого старшего командора.

– И где он? – спросил прошедший через калитку Антон Григорьевич.

– Догнивает на заднем дворе. А в кладовке есть один живой...

Маг второго ряда нахмурился, дернул шеей. Махнул рукой, и несколько бойцов в камуфляже двинулись в обход дома. Через пару минут один вернулся, доложил с разочарованием в голосе:

– Да там слизь одна.

– Ясно, – сказал Антон Григорьевич. – Знаю, ты не врешь. Как это вышло?

– Долгая история, – ответил Олег. – И я ее обязательно расскажу, только если можно, чуть попозже.

Маг второго ряда дернул шеей еще раз, немного подумал и кивнул.

Лена выскочила из автобуса, куда элохим сносили зараженных, отступила в сторону, давая дорогу одному из «белых», и вытерла пот со лба. С неудовольствием глянула в ту сторону, где Ардиэль уже добрых пять минут в чем-то убеждал старшего из явившихся на Лядова Наблюдателей.

Чего тут болтать? Действовать надо!

Немного переведя дух, поспешила обратно к толпе, все еще слишком большой, слишком многочисленной.

Пока усилия элохим и присоединившихся к ним магов «Золотой розы» не давали особого результата. Обездвиживающие заклинания действовали плохо, приходилось силком тащить норовивших вернуться зараженных к автобусу.

Но все равно надо бороться, ведь каждый выдернутый из скопления человек или слэш увеличивает шансы, что катастрофы не будет...

Лена взяла за руку здорового, на голову выше ее, сатра и повела за собой. Тот послушно сделал несколько шагов, но потом внезапно остановился, и по телу его прошла волна дрожи.

– Ты что, дружок? – спросила девушка, глядя на безвольно расслабленное лицо «зеленого», в его мертвые глаза. Заметила, что в каждом появилось по крохотной искорке. – Или... или началось?

Она быстро взглянула на часы – два пятьдесят пять.

– Уводи автобус, быстро! – рявкнул Ардиэль, тоже, похоже, что-то почувствовавший.

Высунувшийся в окно водитель кивнул и исчез. Заревел мотор, дверцы захлопнулись, и автобус покатило прочь. Но не успел набрать скорость, как с глухим хлопком остановился и осел набок.

– Покрышка лопнула... надо менять, – сказала Лена.

– Поздно, – севшим голосом проговорил Ардиэль. – Не успели.

Сатра вырвал запястье из руки девушки и побрел обратно, но она не стала его догонять.

Ее внимание привлекло начавшее сгущаться над толпой темное облако, призрачное, почти невидимое, но в то же время осязаемо плотное.

По толпе прошла судорога, затем еще одна, кто-то заорал, верог с выпученными глазами и открытым ртом поднялся на пару метров, а затем опустился обратно. Кое-кто из стоявших с краю рухнул на колени и принялся биться в корчах, наземь потекли слюни и слезы.

– Не успели, – повторил Ардиэль. – Можно попробовать уйти в вышину, но я не уверен, что это поможет.

Он подошел и встал рядом с девушкой.

Приблизился беседовавший с элохим Наблюдатель, лицо его было бледным, но глаза смотрели спокойно.

– Кто же знал, что все так обернется? – сказал он, кусая губы. – Мы виноваты, да, и теперь погибнем вместе с остальными...

Лена ощутила желание вцепиться когтями в мерзкую рожу «бесцветного».

Чтобы удержаться, перевела взгляд в сторону. Посмотрела на бьющуюся в корчах толпу, на стены общаги, в серо-черное небо, на смутно различимый через снегопад силуэт телевышки с огоньками на верхушке. И с удивлением обнаружила, что один из огоньков сияет как-то особенно ярко.

– Эй, что это там? – воскликнула девушка.

– После первых двух-трех смертей реакцию не остано... – Ардиэль осекся. – Что?

Он поднял голову, посмотрел, куда указывала Лена, и на лице его появилось озадаченное выражение, а крылья с шумом ударили по воздуху.

– Там было оставлено базовое заклинание, – сказал Наблюдатель, и бесцветный голос его дрогнул. – Ну, то, что повлияло на слаш... и оттуда сейчас идет воздействие на всех этих...

Огонек на верхушке телевышки увеличился, превратился в облако красного пламени. В стороны полетели искорки, каждая из которых была, наверное, размером с человеческую голову.

– У них получилось... – прошептал Ардиэль, и заорал во весь голос: – У них получилось!!

Огненный цветок расцвел в небесах, развернул мерцающие лепестки в добрый десяток метров каждый. Лене почудились очертания громадного колеса из пламени, словно катившегося над городом, силуэт занесенной секиры размером с Автозавод, некая тварь с тысячами щупалец и алчной пастью, еще что-то непонятное, но жуткое.

А потом видение исчезло, небеса опустели.

Порыв теплого ветра, примчавшегося со стороны телевышки, ударил в лицо, расшвырял прочь снег с дождем, напомнил о таком далеком лете. Лена невольно отступила, прикрыла ладонью глаза.

Ветер стих, а в сплошном облачном покрове над городом образовалось круглое, словно циркулем начерченное отверстие. И через него на Нижний Новгород впервые за много месяцев глянули звезды.

Толпа больше не билась в корчах и не кричала, составлявшие ее люди и нелюди шатались, словно пьяные, или скорее как марионетки, привыкшие ходить на ниточках и неожиданно их лишившиеся.

Первым рухнул на асфальт Часовщик с огромным носом, следом начали падать другие. Вскоре площадь Лядова стала напоминать поле только что закончившегося жестокого боя – сотни лежащих без движения тел и немногие оставшиеся на ногах.

– Неужели пронесло? – прошептал Наблюдатель.

– Пока еще нет, – холодно посмотрел на него Ардиэль. – Когда опасность эпидемии ликвидируем окончательно, тогда и пронесет. Кто-то сулил заняться лечением зараженных. Ну и?

– Да... да, сейчас. Целители готовы. Спасти можно не всех, но мы сделаем все... –

«Бесцветный» развернулся к своему автобусу, стоявшему на другой стороне площади, и отчаянно замахал руками.

– Ярослав обещал, что еще наши подъедут, – сказала Лена. – С дюжину человек.

– И они пригодятся, – кивнул элохим.

Из скопища лежащих поднялась тощая сгорбленная фигура в рванье, принялась озираться.

– А эти пригодятся особенно. – Ардиэль улыбнулся, и улыбка у него вышла очень нехорошей. – Кому, как не слаш, знать, как уничтожать собственных пащенков? – Он повысил голос: – Варизэль! Где вы там?! За дело!

А Лена в этот момент подумала, что спать ей сегодня вряд ли придется.

Глава 19

После занявших несколько часов разборок в ночном клубе «Пикассо» старший сержант Петровский чувствовал себя лимоном не просто выжатым, а еще и обсосанным, пожеванным и выкинутым на помойку.

С одетыми в дорогие шмотки мажорами иметь дело во многом труднее, чем с гопниками, вооруженными бейсбольными битами и велосипедными цепями. От тех хотя бы ясно, чего ждать, а золотая молодежь вполне способна выкинуть такой фортель, что о-го-го.

Например, позвонить папочке – большой шишке из прокуратуры и наябедничать, что «эти злые и глупые менты меня обижают». А утром ты сам окажешься виноватым, получишь «строгача» или чего похуже, но самое поганое – будешь чувствовать себя оплеванным.

Поэтому приходилось действовать осторожно, соблюдая все, даже самые мелкие, формальности, чтобы потом, если что, прикрыться ими, как щитом.

Когда буяны были погружены, наконец, в машину с решетками на окнах и та увезла их в ночь, Петровский с облегчением вытер со лба честный трудовой пот. Вернувшись в патрульную «Волгу», он допил остатки кофе из термоса и несколько минут посидел, приходя в себя.

– Ну, как? – с сочувствием спросил прапорщик-водитель Нигматуллин.

– Хрэново, – подражая напарнику, ответил старший сержант. – Поехали, что ли?

Спать хотелось неимоверно, но он знал, что этого удовольствия будет лишен не то что до конца дежурства, а до самого вечера. Его организм «жаворонка» требовал отдыха в ночное время, но не позволял дрыхнуть днем.

– Поехали, – отозвался Нигматуллин.

Они неспешно покатали по Белинке, оставили позади Оперный театр, на остановке у Ашхабадской улицы задержались, чтобы проверить подозрительного гражданина. Тот оказался совершенно трезв, да еще и с документами в кармане, так что надежды на маленький «гешефт» развеялись, точно дым.

Петровский сел в «Волгу», когда мимо на бешеной скорости пролетели несколько автомобилей.

– Они охрэнэли, что ли? – воскликнул Нигматуллин одновременно восхищенно и завистливо.

– Заводи мотор, – мрачно отозвался Петровский.

Они проехали всего с сотню метров, и тут прапорщик ударил по тормозам. Не пристегнувшегося старшего сержанта бросило вперед. Только в последний момент он уперся рукой в лобовое стекло.

– С ума сошел? – рявкнул Петровский.

– Э... вон... – Нигматуллин поднял дрожащую руку и указал куда-то вперед, влево и вверх.

Петровский посмотрел в указанном направлении и обомлел – примерно там, где над домами торчала телевышка, расплзлось нечто похожее на облако разрыва; огненные струи плавно текли в разные стороны.

– О... – сказал старший сержант, чувствуя, что больше не хочет спать. – Теракт?

Сверкание в небе исчезло, сгнуло без следа, и Петровский сжался в ожидании грохота, ударной волны, без которой не может обойтись взрыв такой мощности. Вдоль Белинки промчался сильный порыв ветра, согнулись деревья на обочинах, бешено закружились снежинки, капли дождя размазало по лобовому стеклу.

Но на этом все и закончилось, а когда Нигматуллин включил «дворники», стало ясно, что телевышка высится на том же месте, целая и невредимая.

– Глюк? – высказал новое предположение старший сержант.

– Не знаю, – буркнул водитель без обычного упора на «э». – Надо поближе посмотреть.

Они поехали дальше, и вскоре стало видно, что телевышка не пострадала от взрыва, если этот взрыв в самом деле был. Еще обнаружилось, что на площади Лядова творится какая-то масштабная суеда, а у торца второй политеховской общаги стоит патрульная «Волга» с номером тринадцать на боку, и что у нее включена мигалка на крыше.

– Экипаж Семенова, – сказал Петровский. – Тормозни. Пойду гляну.

Нигматуллин остановил машину, старший сержант выбрался наружу и вразвалку зашагал через улицу. Подойдя вплотную к «тринадцатой», он потянулся, чтобы постучать в стекло, и вздрогнул, когда из-за спины прозвучал властный мужской голос:

– На вашем месте я бы этого не делал.

– Это почему? – Петровский развернулся.

В нескольких шагах от старшего сержанта стоял высоченный дядька с непокрытой головой. Лицо его выглядело идеально правильным, словно у киногероя, светлые глаза смотрели холодно, белый плащ свисал до земли. Петровский нечасто встречал людей откровенно габаритнее себя, но тут был именно такой случай.

И как этот кабан подошел бесшумно? С неба свалился?

– А потому, что в данный момент на этой территории проходит операция под нашей юрисдикцией, – скучным голосом сообщил дядька и вытащил из кармана плаща удостоверение с аббревиатурой «ФСБ» на корочках.

Петровский присмотрелся к документу, прочел: «Краузе Виктор Генрихович, майор», и подумал, что эфэсбэшник похож на эсэсовца из фильма про войну: ледяной взгляд, внешность истинного арийца, да еще и фамилия...

– Вас понял, – буркнул он. – Помощь не нужна?

– Спасибо, но мы справимся сами, – отрезал майор. – Да, до шести утра вам лучше объезжать площадь Лядова стороной. Насколько я знаю окрестные улицы, это вполне возможно.

– Постараемся, – ответил старший сержант, кивнул эфэсбэшнику и зашагал обратно к машине.

В голове теснились мысли: что за операция ФСБ посреди ночи в центре большого города? Для чего им экипаж «тринадцатой»? Что за хрень взорвалась на телевышке, и почему тут не было никаких майоров в тот момент, когда он пытался разобраться с толпой?

Ситуация выглядела очень странно.

– Ну, что? – спросил ежившийся от нетерпения Нигматуллин, когда Петровский залез в «Волгу».

Старший сержант ввел напарника в курс дела.

– Муть какая-то, – сделал вывод прапорщик. – Что делать будем? Начальству доложим?

– Оно должно знать. – Петровский еще раз посмотрел на «тринадцатую», из которой так никто и не выбрался, хотя не видеть коллег экипаж Семенова не мог. – А если нет, то лучше ему и не знать. Если что – мы ничего не видели и не слышали. Разворачивай, двинем в объезд.

Для старшего сержанта это была очень длинная речь, и очень убедительная. Кроме того, командир всегда прав, поэтому Нигматуллин принялся делать то, что умел лучше всего – крутить руль. До самого утра они катались по участку, больше всего на свете боясь того, что последует вызов на площадь Лядова, а затем неминуемый разбор – «почему

прошляпили?».

Вызовы были, но по другим поводам: муж бросился на жену с топором, шум у шинка на Малой Ямской...

Когда часы показали шесть тридцать, Петровский прокашлялся и заявил:

– Поехали туда. Посмотрим.

Куда «туда», объяснять не потребовалось.

Толпа около общаги значительно уменьшилась, но не разошлась до конца, а вот «тринадцатая» исчезла. Зато появились несколько автобусов, вокруг которых снова озабоченные люди.

– И гдэ только таких амбалов набрали? – пробурчал Нигматуллин, глядя на стоящих кучкой великанов.

– Гдэ-гдэ... в энкавэдэ, – ответил старший сержант. – Дави на газ.

В следующий их проезд через Лядова, около восьми, площадь выглядела как обычно, и ничто не напоминало о творившихся тут ночью странных событиях. Мчались автомобили, торопились пешеходы, мигали светофоры, и усилившийся ветер нес мелкую снежную крупу.

Петровский облегченно вздохнул и решил, что обошлось.

Позже, перед утренним разводом, он осторожно спросил у лейтенанта Семенова, что делал их экипаж на Лядова в четыре часа. Тот посмотрел на коллегу как на идиота и ответил, что площадь они проехали без остановки и ничего интересного не заметили.

Старший сержант кивнул и отошел, а после развода отвел Нигматуллина в сторону.

Разговор напарников был краток, но крайне эмоционально насыщен, и после него ни тот, ни другой никогда не говорили о том, что видели во время ночного дежурства с десятого на одиннадцатое февраля двухтысячного года.

Проснувшись, Володька зевнул и собрался было перекатиться на бок, чтобы обнять любимую супругу. Но неожиданно обнаружил, что не лежит в собственной кровати, а сидит в кресле, в салоне большого автобуса. Место рядом пустовало, зато через проход храпел толстяк с багровым носом пропойцы, буйной шевелюрой и седоватой бородой. За окном виднелся смутно знакомый городской пейзаж, а время, если судить по тусклому зареву на небосклоне, было утреннее.

– Мать ети... – сказал Володька, судорожно пытаясь понять, где он и что происходит.

Из одежды на нем имелся пуховик поверх рубашки, брюки, на ногах – зимние ботинки, а ведь когда с работы уходил, был еще и свитер, и шапка.

«Это что, я вчера нажрался? – подумал он. – Нет, не может быть...»

Он прекрасно помнил, как после смены отклонил предложение коллег «вмазать», сослался на то, что приболел, и пошел домой. Но после этого воспоминания становились расплывчатыми, туманными, словно после пьянки.

Вроде бы дошел до дома... или не дошел?

Голова не болела, тошноты тоже не было, и иных признаков похмелья не наблюдалось. Чувствовалась слабость, как после болезни, несильная ломота в конечностях и ноющая боль в груди.

– Что за бред? – пробормотал Володька.

– А, очнулся! – громыхнул басовитый голос от двери автобуса, и в салон поднялся высокий старик. – Жив?

– Жив, – осторожно ответил Володька, рассматривая собеседника: гордая осанка, широкие плечи, белая морщинистая кожа, голубые глаза, короткие седые волосы. – А вы кто? И что происходит?

– Приступ с тобой был, – пояснил старик. – Этот новый вирус гриппа... он на мозг влияет, вот и одолело тебя безумие. Под его воздействием ты ушел из дома и оказался тут, на площади Лядова.

– Ни фиги себе... – буркнул Володька. – Это же сколько я топал?

– Немало, – кивнул старик. – Но теперь нашими усилиями ты здоров и можешь

отправляться домой.

– Здоров? – Володька прислушался к себе: да, ощущения напоминали те, что бывают после избавления от простуды или гриппа, а боль в груди была совсем не такой, как вчера.

– Давай, не задерживайся. Тебе ведь на работу надо... – и старик махнул рукой.

Володька поднялся, пошел по проходу между рядами сидений, заглядывая в лица спавшим в них людям. Оказался рядом с собеседником и осознал, насколько тот на самом деле высок – за два метра.

Выбравшись на улицу, обнаружил, что около автобуса топчется странная компания – несколько гладколицых типов, похожих на врачей, и рядом с ними – тощий доходяга в рванье. Заглянув в его черные глаза, Володька испытал внезапный приступ страха, забыл о вопросах, что толклись на языке, и торопливо зашагал к подземному переходу.

Было холодно, поднималась метель, так что пришлось запахнуть пуховик.

И только на остановке, ожидая маршрутку в сторону Автозавода, Володька осознал, что высокий старик так и не ответил на вопрос, кто он такой.

К бодрствованию Сергей Жарков перешел резко, рывком. Несколько минут лежал, вглядываясь в оклеенный белыми обоями потолок квартиры и думая о том, какой странный сон ему привиделся.

Про поездку на площадь Лядова, про....

В следующее мгновение репортер газеты «Нижегородский городской» осознал, что лежит на кровати одетым. Сердце заколотилось, он резко сел и огляделся: рабочая сумка, куртка и шапка лежали на диване.

Так что, это был не сон?

«Ничего себе номер... – Сергей сполз с кровати и, преодолев приступ головокружения, отправился в прихожую, чтобы посмотреть, закрыта ли дверь. – У меня бред?»

Дверь оказалась закрытой на замок, но не запертой на щеколду, которую Жарков, находясь дома, всегда задвигал. Он исправил это недоразумение, вернулся в комнату и замер у стола, потирая лоб.

Чем же все закончилось ночью?

Он приехал на площадь Лядова, стал делать снимки... Услышал за спиной шаги... обернулся, увидел длинноволосого амбала... тычок под дых, боль заставила согнуться... удар по затылку, и все провалилось в темноту...

Дальше память отказывала, не могла выстроить связной картины, хотя крылись в ней какие-то обрывки: просторная комната, несколько людей с пристальными взглядами, их горящие синим огнем ладони и визгливый, бьющий по ушам, срывающийся от торопливости голос...

Его собственный голос?

«Нет, ну это точно бред, – подумал Сергей. – Они меня оглушили, а затем привезли сюда... Машина! Что с ней?»

Его «Фиат», такой же рабочий инструмент, как компьютер, мозг или фотоаппарат!

Да, кстати, что со сделанными ночью снимками?

Жарков метнулся к сумке, принялся один за другим вытаскивать предметы – блокнот, диктофон, несколько ручек, брелок автомобильной сигнализации с ключами... Ага, вот и фотоаппарат...

Включив его, Сергей защелкал кнопками и быстро обнаружил, что последние фотографии стерты.

– Вот суки, – сказал он, сдерживая желание отшвырнуть фотоаппарат в угол. – Кто это сделал?

Тут взгляд его упал на рабочий стол, и Жарков замер, выпучив глаза.

На клавиатуре лежала желтая роза, только бутон, без стебля, и капли воды блестели на упругих лепестках.

Мысли Сергея рванули в галоп, точно перепуганные лошади, помчались в разные

стороны: цветок еще сырой, и это значит, чужаки были в квартире недавно? Почему они оставили розу?

И тут в памяти всплыло взятое вчера интервью...

Ярослав Шишкин, один из владельцев фирмы «Аргус», а заодно и глава тайной организации магов «Золотая роза»! Объект статьи, над которой Жарков работал до поздней ночи!

Сергей вздрогнул от накатившего страха – они что, узнали? Колдуны из подопечных Шишкина выяснили, чем он занимается, и решили предотвратить раскрытие тайны?

«Нет, не может быть, – подумал Жарков, пытаясь успокоить себя. – Нет, откуда?»

Он подошел к столу и обнаружил, что рядом с розой на клавиатуре лежит липучий квадратик желтой бумаги, выданный из пачки, расположившейся тут же, рядом с монитором.

На нем крупными буквами были написаны четыре слова: «Следующая попытка станет последней».

Вот тут Сергей испугался по-настоящему. Сомнений не осталось – «Золотая роза» узнала о розысканиях Жаркова и решила устранить опасность. Его припугнули, стерли снимки с фотоаппарата... а статья и те фотки, что он делал на Алексеевской, они были на компе!

Сергей торопливо утопил кнопку включения питания – вдруг не догадались, не заглянули, да и пароль у него стоит...

Комп включаться отказался. Точнее, он заработал, но только чтобы выдать на экран сообщение об отсутствии диска С. Похолодев, Жарков снял крышку с системного блока и заглянул внутрь.

Винчестера на месте не было.

Незванные гости не стали мелочиться, возиться с паролем, они просто забрали винт со всей информацией на нем. А сделать резервную копию последних данных Сергей не успел.

Несколько минут он сидел, тупо пялясь внутрь системного блока, а потом ощутил приступ ярости.

– Ну, я вам еще устрою... – прошипел Жарков, поднимаясь на ноги.

Он не являлся особенным храбрецом и знал это. Но в то же время мог похвастаться тем упорством, что порой способно заменить смелость, и умел им пользоваться. Ну а кроме того, он был журналистом, и это означало, что он обладал способностью добывать информацию в любых условиях.

Сергей мог работать даже в состоянии панического ужаса.

Поднявшись на ноги, он прошел к буфету и достал бутылку коньяка. Снял крышку и отхлебнул прямо из горлышка. Терпкая жидкость обожгла горло, ухнула в желудок.

– Не сразу, – прошептал он, ненавидяще глядя в пространство. – Я выжду, пока вы успокоитесь. А затем отомщу. Все получают свое – и Ярослав Шишкин, и его «Золотая роза»...

В малом зале «Снежинки», предназначавшемся исключительно для «своих», ярко горели лампы. Негромко шуршал кондиционер, в динамиках под потолком группа «Чингисхан» выпевала «Ra-Ra-Rasputin, lover of the Russian queen...».

Олег в компании Антона Григорьевича сидел за дальним от входа столом и неспешно пил кофе. Напиток был без сахара и настолько крепкий, что от каждого глотка сводило скулы.

Но он хотя бы как-то помогал бороться с сонливостью.

Лег сегодня в шесть, а в девять пришлось вставать и отправляться выполнять «задания партии и правительства».

– Опаздывают, – сказал Антон Григорьевич, глянув на часы, и недовольно скривился.

Ярослав назначил им встречу на три часа дня, но сам же не пришел вовремя.

– Начальство задерживается, – пожал плечами Олег и отодвинул опустевшую чашку. –

Скоро этот кофе у меня из ушей потечет.

Антон Григорьевич дернул углом рта, изображая улыбку, и тут дверь зала открылась. Вошли Ярослав и Аристарх Сергеевич, оба мрачные, озабоченные, а за ними впорхнула официантка.

– Так. Поесть чего-нибудь, – бросил на ходу глава «Золотой розы». – Посытнее, побольше. Суп обязательно. Мясо – тоже, остальное сами смотрите. Алкоголя сегодня не надо.

Официантка кивнула и исчезла за дверью.

– Рад встрече, – сказал Аристарх Сергеевич, глядя на Олега. – Слышал, ты в очередную передрыгу попал?

– Да в такую, что полгорода на уши поставил. – Ярослав отодвинул стул, сел, посмотрел на Турнова пристально, отвел глаза. – За то, что вчера случилось – извини... Иначе я не мог поступить. Сам понимаешь, в какой ситуации мы были. Четыре ножа у горла. Разве тут откажешь?

– Не откажешь, – вздохнул Олег.

Остатки обиды за то, что его, пусть и временно, но все же выкинули из ордена, тлели где-то в глубине души. Рассудком он понимал, что иного выхода у главы «Золотой розы» не было, но забыть о случившемся пока не мог.

– Ладно, эмоции на потом, – Ярослав хлопнул ладонями по столу. – Так-так, рассказывайте, что в «Зеркальной пирамиде».

Вошла официантка с подносом – от мисок с борщом поднимался пар, – и пришлось прерваться. Только когда девушка разложила приборы, поставила корзинку с хлебом и, пожелав приятного аппетита, ушла, Антон Григорьевич прокашлялся и сказал:

– Информацию взяли. Проект соглашения о компенсации – тоже. Условия неплохие.

– Интересненько, – заметил Аристарх Сергеевич, длинными пальцами поглаживая подбородок. – А ты что скажешь, Олег? Не пытались «бесцветные» паразиты обмануть нас и на этот раз?

– Лжи я не почувствовал... Желтое Око отдало все, что у них есть на тех бледных типов, которые орудовали на телевышке. Но там, помимо той видеозаписи, почти ничего и нет.

– Очень хорошо, – Ярослав потер руки, взялся за ложку. – Проект соглашения я потом посмотрю, а сейчас давайте поедим.

Борщ в «Снежинке» готовили отменный, наваристый, густой, не жалели мяса и приправ. Ложка в нем, конечно, не стояла, но в глубину погружалась неохотно, приходилось на нее давить.

Покончили с первым, официантка забрала миски и принесла тарелки с паэльей. Вслед за ней наступила пора фруктового чизкейка, а вот на очередную чашку кофе Олег посмотрел с отвращением.

Выпил залпом, точно паленую водку.

– Замечательно, – сказал глава «Золотой розы», откидываясь на спинку стула. Вытащил из кармана сигару, с хрустом разорвал обертку. – Теперь можно покурить и послушать.

– Да, Олег, мне тоже очень интересно узнать, что именно с тобой произошло, – улыбнулся Аристарх Сергеевич. – После того как тебя забрали сатра из клана Фоон. До сегодняшнего утра, как ты знаешь, я находился «в гостях» у Симентьева, и новостями нас «фиолетовые» не баловали.

– Ладно хоть отпустили, – буркнул Антон Григорьевич.

– И то пришлось на них нажать как следует. – Ярослав прикурил, глянул на наручные часы. – Сейчас Федор их заклинание с источника на Звездинке снимает. Должен отзвониться.

– В общем, мы слушаем, – подытожил Аристарх Сергеевич.

Олег неловко поерзал, преодолевая нежелание вспоминать события последних дней – слишком мало было в них приятного или веселого. Понятно, что старшие маги ордена захотели узнать о его похождениях немедленно, но он сам предпочел бы денек отдохнуть,

отлежаться, собраться с мыслями.

– Ерш твою меть... – сказал Турнов. – Привезли меня в дом Аристеаса, это рядом с Ванеева...

Поначалу его слушали спокойно, но когда упомянул о Наблюдателе-ренегате, явившемся выручать человека из плена у сатра, все трое изобразили недоумение: Ярослав прищурился, Антон Григорьевич хмыкнул, а Аристарх Сергеевич пробурчал: «Быть не может».

О том, что видел внутри «Зеркальной пирамиды», пришлось рассказать с малейшими подробностями, два раза. И когда начал повторять, глава «Золотой розы» выложил на стол диктофон.

– Сам понимаешь, информация уникальная, – проговорил он, нажимая на кнопку. – Давай.

Олег описал попытку разрушить заклинание, обнаруженное на телевышке, поездку к Глазастому. Упоминание Эрвинга, отпрыска Скавена, заставило Ярослава покачать головой.

– Откуда же он взялся? – сказал Аристарх Сергеевич. – Мы же видели его, и он был безумен, как мартовский заяц...

– Он сказал, что сородичи вернули ему здравый рассудок, – припомнил Олег. – Кто их знает, этих слаш и всю их черную магию?

– Это верно, – кивнул Ярослав. – Но ты продолжай. Что дальше?

Олег не стал подробно описывать спуск в подземелья под кремлем, перешел сразу к тому, как они отыскивали хрустальное яйцо.

– Так-так. Если ты позволишь, я бы хотел провести «открытие памяти», – медленно сказал глава «Золотой розы», когда Турнов сделал паузу. – Это все слишком важно и интересно, чтобы можно было обойтись словами. Сам знаю, что процедура малоприятная и нудная, но тут без нее не обойтись. Но это чуть позже, когда ты отдохнешь и восстановишь силы. Да, Григорыч, вы ведь проверили тот коридор?

Ночью, когда его забрали из разгромленного дома Ардиэля, Олег вкратце рассказал свою историю Антону Григорьевичу. Тот выслушал спокойно, кивнул, а как выяснилось теперь, предпринял кое-какие действия.

– Проверили, – похожий на школьного учителя маг дернул головой. – Все срисовали, почистили.

В кармане у Ярослава зазвонил сотовый телефон, и ему пришлось ненадолго отвлечься.

– Это звучит невероятно, – тихо сказал Аристарх Сергеевич, наклонившись к Олегу. – Но я знаю, что ты не придумываешь. И мне кажется... – он сделал паузу, покачал головой. – Мы дотронулись до одной из нитей очень большой и крайне сложной паутины, и плетет ее некто исключительно могущественный...

– Так, на чем мы остановились? – перебил его глава «Золотой розы». – Федор звонил, все в порядке.

– На подземелье под Георгиевской башней, – ответил Олег.

– Очень хорошо, продолжай.

«Чингисхан» запел «Moscau», а Турнов начал рассказывать, как они пытались с помощью заклинания выяснить, что за вещь попала им в руки. И вновь повествование было прервано комментариями.

– Синяя сфера? – задумчиво проговорил Аристарх Сергеевич. – Интересненько. Время от времени, конечно, появляются сообщения, что их тайна раскрыта, что они обнаружены, но всегда это оказывалось «уткой». А Пастырь Душ – о нем я вообще ничего не знаю...

– А вы не пытались выяснить, что знают в Москве о хрустальном яйце и о бледной троице? – спросил Олег.

– Я отправил запрос нашим собратям в столице, – ответил Ярослав. – Да только не верится, что они преуспеют. Тут действовал некто несусветно хитрый и удивительно скрытный... И у них, это почти точно, имелись помощники в нашем городе. Такой схрон, как тот под кремлем, за один день не подготовишь и случайно не отыщешь. Если бы как-то

удалось сохранить то яичко или хотя бы осколок от него, то у нас в руках была бы не то что ниточка, а толстая веревка, тянущаяся к инициаторам всего этого безобразия.

Олег поежился, подумал, что ему высказали пусть сильно завуалированный, но все же упрек. Еще раз вспомнил события вчерашнего дня и ночи, и решил, что нет, другого выхода не было. Лучше потерять след, ведущий к неведомым злодеям, чем впустить в Нижний Новгород империю смерти.

И когда заговорил вновь, то голос его звучал твердо и уверенно.

Рассказ о схватке с Белыми Гончими и с Аристеасом особого интереса не вызвал. Зато упоминание о том, что на телевышке альв впал в провидческий транс, заставило старших магов занервничать.

– Опасный этот дар, – проворчал Аристарх Сергеевич. – Опасный, как любая вещь, которую нельзя объяснить и контролировать. Но тут нам, стоит признать, очень здорово повезло.

– Удачный ход – подключить Глазастого, – подтвердил Ярослав, а Антон Григорьевич просто кивнул.

– Ну а дальше ничего особенно интересного, – сказал Олег. – Отправились к Ардиэлю, там отбились от «бесцветных» любителей хитрых интриг, а потом все же разбили эту «Кощееву смерть».

– Да, тот Наблюдатель был сильным магом, и очень решительным. – Глава «Золотой розы» вынул еще одну сигару, подумал и убрал обратно. – Полагаю, что все сведения о финальном ритуале мы добудем во время «открытия памяти», так что мучить тебя вопросами нет смысла.

– С эпидемией удалось справиться? – поинтересовался Олег.

– Пришедшие в себя слаш утром работали как одержимые, – с усмешкой ответил Ярослав. – Еще бы, они понимали, кого линчуют, если распространение заразы не удастся остановить. Убивали собственных отпрысков направо и налево. И Наблюдатели из Желтого Ока сил не жалели – эти тоже вину чувствуют. Элохим неплохо себя показали, ну и мы немножко помогли, и «Союз Семи». Всех, кого можно – избавили от паразитов сразу, ну а эмбрионы внутри остальных сделали хотя бы не заразными. Смерти еще будут, и не один десяток, но новых заболевших – точно нет.

– Это хорошо, – сказал Олег, и подумал, что жертва Дмитрия была не напрасной. Кольнуло сердце – Наблюдатель-ренегат ушел туда, откуда нет возврата даже сильнейшим магам, и в этом мире никогда больше не прозвучит его глуховатый, спокойный голос, его «хе-хе». – А что в городе? Кто-нибудь заметил ночной бардак на Лядова?

– Как ни странно – нет. – Глава «Золотой розы» махнул рукой, и заглянувшая в зал официантка исчезла за дверью. – Того журналюгу, что осмелился копать под меня, мы припугнули как следует, внимание милиции удалось совместными силами отвести, а остальные проворонили. Слухи, конечно, поползут, с этим ничего не поделаешь, но и черт с ними.

И только после этих слов Олег почувствовал, что все и в самом деле сделано: заклинание на телевышке разрушено; слаш избавились от безумия, город – от опасности эпидемии; «Золотой розе» более не угрожает гибель, а ему самому – идущие по следу киллеры...

И завтра, в субботу, можно будет спать хоть до двенадцати, затем навестить сына, сводить его в зоопарк или в кино.

– А как у вас с Леной? – наклонившись к Турнову, очень тихо спросил Аристарх Сергеевич, воспользовавшись тем, что Антон Григорьевич и Ярослав увлеклись разговором.

– Порядок, – сказал Олег.

Домой он приехал в четыре тридцать, Лена появилась в пять, и последующий час был потрачен на то, что обычно называют «выяснением отношений», а если по-умному – «терапевтическим скандалом». Пострадали несколько тарелок, две чайные чашки, а также соседи, вынужденно проснувшиеся намного раньше обычного, но закончилось все хорошо.

Она пообещала не уходить, а он... он тоже кое-что пообещал.

– Кстати, – Олег глянул на часы, – через двадцать минут мы с ней встречаемся на Минина и идем гулять. Так что, если нет никаких вопросов и срочных дел, то мне, в общем, пора...

– Иди уж, – Ярослав улыбнулся. – Но «открытие памяти» за тобой.

Олег кивнул и поднялся. Когда вышел из «Снежинки», с наслаждением вдохнул холодного, лишенного надоевшей волглости воздуха и подставил лицо теплым солнечным лучам.

Солнце было ярким, по-настоящему весенним, и еще оно светило над Нижним Новгородом впервые почти за два месяца.

Пятнадцатого февраля скорый поезд «Нижегородец» прибыл в Нижний Новгород точно по расписанию, в семь утра.

Состав с тяжким лязгом замер, открылись двери вагонов, и на платформу начали выбираться пассажиры. Зевая и поеживаясь, зашагали к выходам в город вернувшиеся из командировок нижегородцы, приехавшие по служебным делам москвичи, а также немногочисленные граждане, выбравшие середину февраля для путешествий по личной надобности.

Поток схлынул, расхватили клиентов оборотистые таксисты, и в центральном зале Московского вокзала стало свободнее. И тут через двери, ведущие на первую платформу, прошел мужчина в длинном, до пола, темном плаще и с черным «дипломатом» в руке.

Он был высок, бледнокож и настолько худ, что казался изможденным, а двигался неспешно, плавно и в то же время неловко.

Мужчина вышел в город, на окутанную предрассветным сумраком площадь Революции. Он проигнорировал стоянку такси, остановки наземного транспорта и спуск в метро и неспешно зашагал в сторону автостанции.

Через площадь Ленина, Канавинский мост и Похвалинский съезд он пешком добрался до телевизионного центра на улице Белинского и непонятным образом проник на его территорию. Никто не заметил ничего странного, не подала голос сигнализация, а обладатель черного «дипломата» поднялся на телевышку.

Осмотрев площадку и проведя некие манипуляции, бледнокожий мужчина сощурил и так узкие глаза, после чего заговорил впервые с момента прибытия в Нижний Новгород:

– Да, неудача. Ничего, есть другие варианты. Цель будет достигнута так или иначе.

Он улыбнулся и облизал бледные губы черным змеиным языком.